

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

КИТАЙ В МИРОВОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Выпуск XVII
Ежегодное издание

Москва
ИДВ РАН
2012

УДК [327+339.5](510)
ББК 66.5(5Кит)+66.59(5Кит)
К45

*Рекомендовано к публикации
Ученым советом ИДВ РАН*

Рецензенты:

д. и. н. *Н.Л. Мамаева*, к. и. н. *В.Н. Павлятенко*, к. э. н. *И.В. Ушаков*

Редколлегия:

к. э. н. *Е.И. Сафронова* (отв. редактор-составитель), *О.У. Муфаззалова*

К45 Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVII: ежегодное издание / отв. редактор-составитель Е.И. Сафронова. — М.: ИДВ РАН, 2012. — 352 с.

ISBN 978-5-8381-0225-6

XVII выпуск ежегодного издания включает работы сотрудников и аспирантов Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений и Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН, а также приглашенных специалистов. Сборник посвящен анализу ряда наиболее актуальных проблем внешней политики и внешнеэкономических связей Китая по различным их направлениям. Особенностью выпуска стало пристальное рассмотрение вопросов китайско-американских отношений, а также участия КНР в ряде международных кооперационных структур (РИК, БРИКС, ШОС) и ее активности на международно-региональном уровне. Сборник также содержит статью на политико-историческую тему — история ранних российско-китайских отношений (20-е годы XX века).

Статьи отражают авторскую точку зрения, не обязательно совпадающую с мнением издателя.

УДК [327+339.5](510)
ББК 66.5(5Кит)+66.59(5Кит)

ISBN 978-5-8381-0225-6

© Сафронова Е.И., составление, 2012
© ИДВ РАН, 2012

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР

Лузянин С.Г.

Измерения российско-китайских отношений в АТЭС.
Региональные факторы влияния и взаимодействий 6

Уянаев С.В.

Сотрудничество РФ и КНР по международным вопросам:
содержание и акценты его «нового этапа» 18

Трифонов В.И.

Ситуация в Азиатско-Тихоокеанском регионе:
столкновение линий на сотрудничество
и на противоборство 29

Портяков В.Я.

Российские оценки «возвращения» США
в Азиатско-Тихоокеанский регион 45

Клименко А.Ф.

Новая военная стратегия США и эволюция
американо-китайско-индийских отношений в АТР
в сфере проблем безопасности 58

Болятко А.В.

Эволюция американской военной стратегии
в Восточной Азии 73

<i>Васильев Л.Е.</i> Юго-Восточная Азия: США и Китай от соперничества к противостоянию	87
<i>Уянаев С.В.</i> Структура РИК: перспективы и некоторые аспекты ее роли на современной международной арене	100
<i>Лунев С.И.</i> Значение форматов РИК, БРИК и БРИКС для Индии	112
<i>Васильев Л.Е.</i> Некоторые особенности политики мировых держав в Центральной Азии	140
<i>Мокрецкий А.Ч.</i> Отношения КНР и СНГ: новые горизонты развития	164
<i>Алимов Р.К.</i> Таджикско-китайское культурное сотрудничество как важный аспект двустороннего стратегического партнерства	190
<i>Антипов К.В.</i> Ближневосточная политика Китая в контексте сирийского кризиса	204
<i>Балакин В.И.</i> Стратегия Китая в Арктике и Антарктике	227

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР

<i>Гордиенко Д.В.</i> Оценка уровня экономической безопасности Китая и США в период мирового финансово-экономического кризиса	242
<i>Сафронова Е.И.</i> К вопросу об оптимизации экономических отношений по линии «ШОС—Афганистан»	280

<i>Александрова М.В.</i> Торгово-экономические отношения пров. Цзилинь с Россией и план Чанцзиту	294
<i>Кашин В.Б.</i> Структурная реформа китайского авиапрома в 2008—2012 гг. и его выход на мировой рынок	322

ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

<i>Мировицкая Р.А.</i> Очерк истории ранних российско-китайских отношений (20-е годы XX века)	336
Summary	346

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР

С.Г. Лузянин*

ИЗМЕРЕНИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В АТЭС. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются направления и особенности российско-китайских отношений в АТЭС, а также их возможные перспективы в контексте деятельности АСЕАН. Анализируется влияние американского фактора на позиции КНР в АТР, на активность Китая в АТЭС и на процессы китайско-российского взаимодействия в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Автор приходит к выводу, что Китай, используя свои огромные ресурсы, и впредь будет стремиться к созданию системы экономических зон и союзов на пространстве АТЭС с целью «поворота» политико-экономических предпочтений стран региона в сторону Китая.

Ключевые слова: АТР, АТЭС-2012, российско-китайские отношения, экономические связи, США, АСЕАН, российский Дальний Восток.

* Лузянин Сергей Геннадьевич, д.и.н., проф., заместитель директора ИДВ РАН, руководитель Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН.

Сегодня участие КНР в АТЭС многими экспертами рассматривается не только как свидетельство усиления региональной и глобальной экономической роли страны, но и как некий внутренний вызов для самого Китая. Углубление внешней интеграции через проект АТЭС автоматически подстегивает либерально-экономические настроения в стране, что усиливает политическое давление на руководство как «справа» (со стороны частного бизнеса и части интеллигенции), так и «слева» (из лагеря сторонников сворачивания «буржуазных реформ»). Кроме того, развитие формата АТЭС до крайности обостряет «традиционные» геополитические и торгово-экономические противоречия Китая с США, Японией и их союзниками — партнерами по АТЭС.

Последний саммит АТЭС в Гонолулу (США, 2011 г.) стал для Пекина неприятным сюрпризом. Американский президент открыто обвинил КНР в традиционных «грехах» — сдерживании курса юаня и нарушении прав интеллектуальной собственности. Б.Обама, в частности, заявил, что в Китае существует группа производителей товаров для экспорта, которую устраивает сложившаяся система ВЭД Китая, и из-за этого изменить что-либо политически сложно.

Наряду с этим, США приветствовали канадскую инициативу присоединения КНР к переговорам о создании нового проекта в структуре АТЭС — Транстихоокеанского партнерства (ТПП) на основе углубления региональной системы свободной торговли в АТР.

Решения американского саммита АТЭС абсолютно не совпали с приоритетами и особенностями китайской внешнеэкономической стратегии. Как известно, в Гонолулу были определены следующие приоритеты Форума: укрепление региональной интеграции путем создания Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли и устранения новых нетарифных барьеров; поддержка процессов «зеленого роста» при торговле экологическими товарами, устранение субсидий, связанных с использованием ископаемого топлива и др.

Блок «зеленых» приоритетов, несомненно, имеет явный антикитайский подтекст. Он дает некие официальные полномо-

чия США и их союзникам для развертывания критики экологической политики КНР в АТЭС. К слову, окружающая среда в Китае, действительно, подвергается мощному технологическому давлению и разрушению. Другое дело, что американцев вряд ли заботит экологическая среда Поднебесной. Речь идет, скорее, о попытке использования Вашингтоном данного вопроса в сугубо политических целях, о получении американцами неких дополнительных (экологических) рычагов давления на Пекин.

В Гонолулу Председатель КНР Ху Цзиньтао призвал участников проекта к «выработке концепции инновационного развития». Очевидно, что в этой инициативе, кроме внутрикитайских задач перехода на новую (инновационную) экономику, скрывается ряд региональных приоритетов. Прежде всего, усиление морского доминирования Китая в АТР и лидерство Шанхайского международного финансового центра в регионе; необходимость для КНР урегулирования территориальных (островных) споров с Японией, Филиппинами, Вьетнамом и др., желательность на китайских условиях (но в отдельных случаях возможен и компромисс); решение «тайваньского вопроса», но исключительно путем мирного объединения «двух Китаев»; сохранение близких отношений с АСЕАН, включая развитие открывшейся 1 января 2011 г. зоны свободной торговли (ЗСТ) АСЕАН—КНР.

Похоже, что Китай делает особую ставку на свои инициативы, видя в них основной противовес американской концепции ТТП. Многие китайские эксперты открыто говорят, что «в настоящее время уже невозможно избежать конкуренции ЗСТ «Китай—АСЕАН» с моделью Транстихоокеанского партнерства, которую всемерно предлагают США». Более того, в Китае считают, что одна из целей США — торговая изоляция КНР и создание «удушающих» условий для китайских отечественных предприятий.

Данные о темпах развития ЗСТ КНР—АСЕАН подтверждают серьезность политических намерений Китая. Только в январе—октябре 2011 г. общая сумма прямых инвестиций китайской стороны в нефинансовый сектор экономики стран-участниц АСЕАН достигла 2,336 млрд долл. Сингапур, Мьянма и Камбоджа заняли первые три места по объему привлеченных китайских

инвестиций. В целом, за последние 3 года китайские предприятия инвестировали в страны АСЕАН капиталы в размере 12,426 млрд долл. По действующим правилам, китайские предприятия могут осуществлять капиталовложения в любую из 10 стран-участниц АСЕАН, а выпущенные в этой стране товары смогут выйти на рынок остальных 9 участников Ассоциации при нулевой импортной пошлине. Более того, эти товары могут поступать на еще более широкий рынок на основе соглашений о свободной торговле, заключенных между АСЕАН и Японией, Республикой Корея и др.

На Владивостокском саммите АТЭС китайско-американские разногласия теоретически могут получить продолжение. В какой форме проявится напряженность между двумя мировыми лидерами, и какого уровня она достигнет — покажет уже ближайшее время. Важно, чтобы Россия и тактически, и стратегически заняла точную (промежуточную) позицию, несмотря на все стратегические симпатии или антипатии к тому или иному партнеру. При попытке извлечь какую-либо выгоду из противостояния двух гигантов всегда есть опасность серьезно испортить отношения с любым из них.

Российское влияние в делах безопасности в АТР в целом и в проекте АТЭС в частности, объективно велико. Статус РФ как постоянного члена СБ ООН, наличие военно-стратегического потенциала, размещенного в том числе и на сибирско-дальневосточных просторах, налаженное российско-китайское стратегическое партнерство, включая совместную инициативу 2010 г. о создании открытой азиатско-тихоокеанской системы безопасности и стабильности и пр., выдвигают Россию на ведущие позиции при формировании тех или иных повесток безопасности. Причем российский авторитет сохраняется как в «классической» (нераспространение ОМП и ОЯП, сдерживание военных угроз и пр.), так и «прикладной» сфере безопасности — предупреждение и ликвидация последствий природно-техногенных катастроф, продовольственная и энергетическая безопасность, экологические вызовы и пр.

Слабое место России — наличие внутренних рисков на сибирско-дальневосточном направлении, связанных с серьезными

социально-экономическими и демографическими проблемами. К слову, избрание российским руководством местом проведения саммита АТЭС-2012 г. Владивосток все-таки побудило Москву начать болезненный процесс очищения (декриминализации) и структурного возрождения Дальневосточного региона РФ. В этом решении был определенный риск. Но сегодня, особенно после известий о стыковке главного пролета гигантского моста, соединившего город с островом Русский (где пройдет саммит), и снятии с должности губернатора С. Дарькина, можно сказать, что «процесс пошел», и пошел в позитивном ключе.

Сегодня российские эксперты и политики активно обсуждают допустимые границы «открытия и интернационализации» Сибири и Дальнего Востока. Масла в огонь подлила информация российских СМИ о том, что на саммите якобы будет официально озвучено российское предложение о сдаче некоторым странам АТЭС сотен тысяч гектаров Приморского края и других дальневосточных регионов в сельскохозяйственную аренду. Часть ученых и политиков расценивают это как факт готовящегося «предательства и унижения России». Другие не видят в этом ничего негативного, отмечая, что от освоения бесхозных, брошенных земель Россия может получить только выгоду — дополнительные налоги в казну, стимул для развития своими силами агропромышленного комплекса.

Подобная информация, несомненно, нуждается в подтверждении, но поднятый сюжет автоматически затрагивает более глубокий пласт проблем, в частности, проблему национальной продовольственной безопасности, которая приобретает реальные очертания и в связи с готовящимся саммитом, где планируется заявить о российском вкладе в решение проблемы продовольственной безопасности АТЭС, и в связи с вступлением РФ в ВТО.

Очевидно, что советская аграрная модель, существовавшая до 1991 г., не смогла выполнить поставленные перед ней задачи. Только продовольственное снабжение столицы нашей Родины и небольших закрытых городов было относительно удовлетворительным. Нынешняя структура снабжения также не полностью отвечает всем критериям национальной продовольствен-

ной безопасности. Большая часть продуктов (на сумму 41 млрд долл. ежегодно) — импортного происхождения. Исключение составляют лишь зерно и ряд продуктов второй очереди спроса.

С другой стороны, в Восточноазиатском регионе стремительно увеличивается потребность во всех видах продовольствия. У большинства наших соседей темпы роста стоимости продуктов питания опережают этот показатель для нефтепродуктов, а земли, пригодные для дальнейшего развития сельского хозяйства, стремительно сокращаются и/или истощаются. У России же нераспаханных и заброшенных земель хватит на отдельное большое государство аграрного типа производства. Теоретически, для России продовольственный вызов может одновременно стать и стимулом, и вариантом выгодной внешней кооперации, а при определенном раскладе — долговременным и доходным бизнесом. Но на сегодняшний день наша страна, обладая всеми видами ресурсов для производства сельхозпродукции, пока их не использует. Мы пока рассуждаем «сдавать или нет иностранцам свои земли». Похоже, водружать российский флаг на «продовольственной башне» АТЭС пока еще рано.

Поскольку стратегическая обстановка в АТЭС не несет непосредственных угроз для России, в Концепции участия России в форуме АТЭС-2012 безопасность трактуется не как баланс сил, а как безопасность через совместное развитие. Документ не определяет конкретные «вехи» и степень интеграции России в регион, но констатирует одну принципиальную вещь. В условиях недостаточной вовлеченности Сибири, Дальнего Востока и крайнего Северо-Востока в процессы общего развития страны форсирование сотрудничества с АТЭС несет угрозу превращения этих районов, скорее, во внешние рынки сопредельных с Россией государств, чем составную часть отечественного рынка. Другими словами, внутренняя неразвитость окраинных российских территорий автоматически задерживает интеграционные перспективы России в АТР. Вариант же бездумной политики «открытых дверей» может вообще превратить РФ из партнера в объект жесткой неокOLONиалистской политики.

Россия, как большая евразийская страна, в силу своего географического положения автоматически должна была стать

главным транспортным коридором между Востоком и Западом. Транспортировка грузов из Азии по одной территории с единой системой законов и тарифов, по определению, делает транзитный бизнес любой страны АТЭС беспроектным. Однако не все так просто в российском государстве.

В 2009 г. представители Министерства транспорта, а также российских экспертных структур признали, что Россия по индексу развития логистики занимает 94-е, а по уровню развития таможен — 115-е место в мире (из 155). По оценкам Делового консультативного совета при АТЭС, сегодня подготовка транспортных документов на экспорт или импорт товаров занимает в России 25 дней (в Сингапуре — 1 день); на прохождение таможенного контроля в РФ требуется 3—4 дня, причем стоимость этой процедуры выше, чем в любой стране АТЭС (500 долл.) (в Сингапуре — 31 долл.). По оценке гонконгского логистического исследовательского центра (Logistic Research Center), по итогам проведенного в начале 2012 г. исследования, «Россия по оформлению [процедур] экспорта и импорта ставит антирекорды». Так, для оформления экспорта в Канаде или Южной Корее требуется 3 документа, в России — 8, а для оформления импорта в большинстве стран АТЭС необходимы всего 3 документа, в России — целых 13. Вывод экспертов неутешителен: РФ занимает одно из последних мест среди стран АТЭС по развитию транспорта и таможенных услуг.

Российской бюрократией и некомпетентностью управленцев уничтожается главный и беспроектный российский козырь — преимущество в скорости сухопутной доставки грузов по Транссибу по сравнению с продолжительностью окружающих морских путей. В ходе соответствующих слушаний в Совете Федерации было отмечено, что заявленные сроки доставки контейнеров по Транссибу 12—15 дней очень часто превращаются в 40—50. Примерно 60 % грузов, которые следуют сегодня на Запад, доходят с этими скоростями.

Одна из острейших проблем, с которой может столкнуться Россия, — растущая транспортная конкуренция со стороны Китая. КНР активно развивает альтернативные проекты формирования транспортных коридоров в обход РФ. Дружба дружбой (точнее стратегическим партнерством), а денежки — врозь.

Причем, кроме бизнес-интересов у Поднебесной имеются и геостратегические мотивы.

Создание КНР трансконтинентальной железнодорожной магистрали «Азия—Европа» через свою территорию южнее Транссиба — это, фактически, новый «Шелковый путь». Первая транспортная версия современного трансазиатского коридора была заложена Китаем еще в 1992 г., когда он открыл движение по маршруту порт Ляньюньган (пров. Цзянсу) — Роттердам (Нидерланды) общей протяженностью 10,8 тыс. км.

Ветка соединила крупнейший китайский порт Тихого океана и Европу, что не только экономически, но и геополитически вывело Китай в Старый Свет. Одновременно КНР развивает сеть железных дорог, соединяющую страну с государствами Юго-Восточной Азии — проект «Большой Меконг», в рамках которого создается 6 веток, связанных с Китаем.

Очевидно, что КНР превращается в транспортную супердержаву АТР. Этот факт уже нельзя ни отрицать, ни игнорировать. Тем более странам — соседям азиатского гиганта. В связи с этим Россия может частично компенсировать свое общее отставание, развивая на китайском участке транспортную кооперацию районов Сибири, Дальнего Востока и Северо-Востока Китая. Речь идет о строительстве железнодорожного и автомобильного моста через Амур «Благовещенск — Хэйхэ» (о котором говорят уже 10 лет) и о создании на российском и китайском берегах крупных транспортно-логистических центров.

Это даст возможность соединить Транссиб с Китайско-Чаньчуньской железной дорогой, которая исторически, еще в период Российской империи, была частью Транссиба и называлась тогда Китайско-Восточной железной дорогой — КВЖД. Стыковка даст новые возможности для взаимодействия приграничных китайских провинций с Россией.

Развитие и модернизация российской Дальневосточной железной дороги (ДВЖД) обеспечивают доступ к крупным российским морским портам (Ванино, Находка и др.) и, одновременно — к трем пограничным железнодорожным пунктам на границах с КНР и КНДР: Хасан—Туманган, Гродеково—Суйфэньхэ, Махалино—Хуньчунь.

В контексте общей транспортной проблематики АТЭС развитие российско-китайской кооперации объективно усилит позиции РФ (в том числе за счет китайского ресурса), выводя ее через Китай в активную транспортно-интеграционную зону проекта.

Россия сформировала мощный «пакет энергетических услуг» для стран АТР. В его основе разнообразные предложения от нефтегазовых, угольных, электрогенерирующих и горнодобывающих российских компаний. Этот пакет содержит весь спектр энергетических возможностей страны — от гибких цен, удобных маршрутов до долевого участия в разработке и разведке месторождений для наиболее перспективных партнеров.

Другой особенностью предстоящего саммита АТЭС-2012 может стать объединение «внешней» энергетической повестки с внутренними российскими потребностями. Открытие газопровода Сахалин—Хабаровск—Владивосток, газ которого предназначен и для российского (дальневосточного) потребителя, а в будущем и для миллионов северных и южных корейцев, — подтверждение данной тенденции.

В Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России открыто 140 крупных месторождений нефти и газа и планируется открытие еще 220 месторождений. К 2020 г. только эти регионы России будут давать ежегодно по 70—75 млн нефти и 140 млрд куб. м газа. Среди стран АТЭС не очень много государств-производителей и поставщиков углеводородов. Это Россия, Вьетнам, Индонезия. За РФ в данной тройке сохраняется безусловное лидерство. Круг стран, остро нуждающихся в энергоносителях, значительно шире. Это и огромный Китай, и две Кореи, и Япония, и страны латиноамериканского континента, а также большая часть государств Юго-Восточной Азии.

В условиях, когда сфера возобновляемой энергетики еще не набрала нужного потенциала, углеводородная энергетика на ближайшую и среднесрочную перспективу останется стержневой. Исходя из сложившихся политических реалий (российско-китайского стратегического партнерства), российские углеводородные «козыри», казалось бы, проще всего использовать на китайском направлении. В пользу этого говорит и емкость китайского рынка, способного поглотить любое количество уг-

леводородов. На это работает и открывшаяся первая очередь нефтепровода Восточная Сибирь—Тихий Океан (ВСТО) с отводом ветки на китайский Дацин, и ряд других проектов.

Но односторонняя экспортная ориентация (особенно в газовой сфере) сужает маневр для России. Российские компании могут спокойно и с выгодой для себя развивать и другие маршруты, включая японский, корейский, американский и пр.

Последние 3 года между Москвой и Пекином идут безуспешные переговоры о возможности реализации российских газовых проектов в Сибири, ориентированных исключительно на китайского потребителя. Основная проблема — неуступчивость КНР по вопросам закупочных цен на сибирский газ. Предлагаемые китайские варианты делают российские предложения нерентабельными.

Китайские переговорщики не уступают, ссылаясь на возможность закупок относительно дешевого туркменского газа. Да и сама сложившаяся структура энергопотребления в КНР не способствует компромиссам на данных переговорах. Дело в том, что природный газ в китайской структуре внутреннего энергопотребления занимает пока второстепенные позиции. Основным энергоисточником является уголь, на который приходится 71 % энергообеспечения страны. Страна потребляет 1370 млн т угля ежегодно, что составляет 27,7 % мирового потребления. Все это порождает проблемы на пути российско-китайской газовой сделки.

Российско-японские газовые проекты по сжижению природного газа и его транспортировке — некая компенсация российско-китайских газовых нестыковок. Успешная модель сотрудничества в рамках проекта «Сахалин — 2» в этом плане является примером. Несмотря на наличие серьезных политических разногласий и территориальных споров, Россия может спокойно развивать энергетический бизнес с Японией. Еще более перспективно это направление в отношениях с теми странами АТР, с которыми у РФ нет территориальных или иных проблем. Таких в АТЭС наберется много. Они все — потенциальные заказчики и инвесторы в российский топливно-энергетический комплекс.

Японский сегмент рынка выглядит для России неплохо и на нефтяном направлении. Объем поставок нефти за 5 последних

лет увеличился в 5 раз и составил в 2011 г. 13,1 млн т. Если подобная динамика сохранится, то российские поставки на японский рынок могут теоретически догнать экспорт нефти России в КНР.

Таким образом, и РФ, и потенциальные страны—потребители энергоресурсов, прежде всего — Китай, заинтересованы в радикальном обновлении российской энергетики. Речь идет о создании единой системы добычи, транспортировки, переработки нефти, газа и газоснабжения. Потребность в модернизации — не только российская задача, но и стратегия большинства экономик АТЭС. В решении двуединой задачи — модернизации и создании надежной системы энергоснабжения в регионе — видится один из главных интересов стран-участниц АТЭС.

КНР выполняет все пункты и правила Форума в отношении, как малых, так и больших стран. Она укрепляет открытость торгово-экономических отношений, создает условия для инвестиций и обмена услугами, избегает и политизации вопросов ВЭД, и жесткого администрирования.

Как известно, решения Форума принимаются на основе консенсуса, что особенно важно для слабых и незащищенных экономик. Однако некоторые эксперты считают, что именно консенсус 21 государства — теоретически возможная, но практически недостижимая вещь — тормозит развитие проекта и в перспективе даже может стать его «могильщиком».

Часть малых стран Юго-Восточной Азии не без оснований рассчитывает на китайскую помощь, поддерживая те или иные инициативы Пекина на Форуме. Малые и некоторые государства среднего уровня развития не против расширения китайского влияния в регионе. Усиление Китая в Юго-Восточной Азии, наряду с углублением сырьевой зависимости малых стран, принесет им и серьезные выгоды: даст инвестиции, рабочие места, оживит торговлю.

Ради этого местные элиты готовы пожертвовать и состоянием окружающей среды, например, экологией долины реки Меконг и других сопредельных районов. Например, один из ведущих российских экспертов по Юго-Восточной Азии Д.Мосяков, который однозначно характеризует китайскую политику в ре-

гионе как исключительно экспансионистскую, все же признает, что КНР реализует ряд важных для региона проектов. Речь идет о строительстве сети газо- и нефтепроводов, железных дорог (Лаос, Мьянма), о китайских инвестициях в проекты порта на Андаманском море и в газовые месторождения на шельфе.

Эти инвестиции усиливают зависимость ряда стран от Китая. Но ощущения, что местные правящие элиты противятся этому, все же не создается. Более того, риску предположить, что эти страны бьются за симпатии и расположение Поднебесной для получения дополнительного миллиарда долларов или нового выгодного контракта.

Пекин в отношениях с малыми государствами АТЭС использует разные методы. В одних случаях он действует достаточно жестко и наступательно, как плугом «вспахивая» аграрную периферию Восточно-Азиатского региона; в других, он подобно хирургу использует тонкий «экономический скальпель», делая небольшие «надрезы», через которые получает столь необходимую ему живительную «технологическую кровь» индустриальных доноров (Сингапур и др.).

Китай, используя свои огромные ресурсы, будет стремиться к созданию системы торгово-экономических зон и союзов (что он уже делает), которая опутала бы пространство АТЭС сотнями финансовых, коммерческих и иных нитей. На определенном этапе это может повернуть регион в сторону Китая.

США, которые пытаются вернуться в АТР, будут стремиться реализовать в регионе свой, американский, проект общего рынка (по типу NAFTA, объединяющего США, Канаду и Мексику). Первые шаги к этому уже сделаны.

С.В. Уянаев*

СОТРУДНИЧЕСТВО РФ И КНР ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ВОПРОСАМ: СОДЕРЖАНИЕ И АКЦЕНТЫ ЕГО «НОВОГО ЭТАПА»

Аннотация. Автор анализирует текущее состояние, направления и конкретные темы российско-китайского партнерства по целому ряду важных внешнеполитических вопросов регионального и международного значения, включая сотрудничество в формате таких международных структур, как ООН, ШОС и БРИКС. Он приходит к выводу, что дальнейшее развитие российско-китайского взаимодействия на мировой арене способно внести весомый вклад в дело мира на планете, дав хороший импульс выходу стратегического партнерства РФ и КНР на новый качественный уровень.

Ключевые слова: РФ, КНР, ООН, РИК, БРИКС, ШОС, стратегическое партнерство.

На встрече президента РФ и председателя КНР 28 марта 2012 г., прошедшей в столице Индии на полях 4-го саммита БРИКС, руководители двух стран выразили намерение «прилагать совместные усилия для вывода китайско-российских всеобъемлющих отношений стратегического взаимодействия и

* Уянаев Сергей Владимирович, к.и.н., заместитель руководителя и в.н.с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

партнерства на новый, более высокий уровень»¹. Это дает повод лишний раз оценить положение дел в сотрудничестве двух стран. С учетом того, что важную сферу 20-летних отношений новой России и КНР составляет *взаимодействие по международным вопросам*, причем на долю последних приходится, как правило, значительная часть пунктов совместных документов, представляется актуальным сделать беглый анализ сегодняшней повестки дня *партнерства двух стран на международной арене*.

Ныне такое партнерство масштабно по форме и глубоко по содержанию. И, если оперировать не только «долями и пунктами», но и качественными параметрами, то можно с полным основанием сказать, что характеристика, которую ныне в обеих странах часто дают всему комплексу двусторонних связей как наилучшим отношениям за всю почти 400-летнюю их историю, более чем применима к российско-китайскому внешнеполитическому сотрудничеству. Действительно, сегодня оно не только отражает позитивный характер собственно двусторонних отношений, но и стало весомым фактором международной жизни, способствующим формированию нового, справедливого и рационального миропорядка, многополярного мира и демократизации международных отношений.

Поэтому своего рода периодическая «инвентаризация дел» в этой сфере всегда актуальна.

К числу наиболее важных достижений международного взаимодействия РФ и КНР сегодня по праву относится создание прочного *механизма сотрудничества*. В его рамках идет интенсивный диалог между министрами иностранных дел (официальные визиты, многочисленные контакты на полях международных форумов), работает система постоянных консультаций на уровне их заместителей, глав профильных департаментов МИД.

Понятно, что крупные, системообразующие решения по вопросам международного взаимодействия принимаются и документально фиксируются в ходе встреч на высшем уровне. Можно подсчитать, что с декабря 2002 г. по март 2012 г. президенты РФ и председатель КНР провели (с учетом переговоров на полях тех или иных форумов) порядка 40 личных встреч — в среднем 4 встречи в год.

Напомним, что взаимодействие на внешней арене строится на базе Договора от 16 июля 2001 г. Его положения были подтверждены и развиты в последующих совместных документах, включая Декларации по внешнеполитическим вопросам от 1 июня 2005 г., 23 мая 2008 г., 16 июня 2011 г.² Нельзя также умалить значение принятой еще в 1997 г. Декларации о многополярном мире. В этих документах содержится идейная и методологическая основа взаимодействия — *совпадение или сходство* взглядов на глобальные и региональные проблемы.

На *глобальном уровне* стороны подчеркивают обоюдную приверженность укреплению тенденции, направленной на построение многополярной международной архитектуры и формирование миропорядка, базирующегося на общепризнанных нормах и принципах международного права, на обеспечение демократизации международных отношений. При этом стороны солидарно отстаивают принцип лидирующей роли ООН в разрешении международных проблем, придерживаются близких подходов по основным параметрам задачи реформирования ООН и ее Совета Безопасности, считая нужным избегать форсирования этого процесса, но добиваться взаимоприемлемого учета интересов максимального числа его участников. В сфере повышения действенности ООН у России и Китая уже имеются конкретные достижения: при их активном содействии создана Комиссия по миростроительству (КМС), учрежден Совет по правам человека, одобрена Глобальная контртеррористическая стратегия, приняты решения по активизации работы Генассамблеи ООН. Среди совместно отстаиваемых базовых принципов международного поведения — уважение суверенитета и территориальной целостности, невмешательство во внутренние дела, включая уважение свободы выбора путей развития, равенство и равноправие, мирный, переговорный способ решения конфликтов и проблем.

Направления и конкретные темы международного взаимодействия двух стран — это практически все значимые вопросы мировой и региональной повестки дня, включая урегулирование в «горячих точках», разоружение, нераспространение ядерного и других ОМУ, проблемы терроризма и размещение ПРО, реформирование международных финансово-экономических

институтов, противодействие последствиям экономических кризисов, охрану среды и т. д.

В этом контексте предпринимаются не только параллельные однонаправленные действия, но и совместные инициативы. Например, стороны, считая, что использование космоса в военных целях может создать серьезные проблемы, в феврале 2008 г. внесли на рассмотрение Конференции по разоружению проект Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силы в отношении космических объектов³. Важно, что китайская сторона также выразила поддержку линии России на заключение Договора о европейской безопасности⁴.

Другой пример — взаимодействие по вопросам *международного терроризма*, незаконного оборота наркотиков и трансграничной организованной преступности. В сентябре 2010 г. в Пекине было подписано соглашение между РФ и КНР о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, в соответствии с которым стороны взяли на себя обязательство о конкретных совместных мерах. Кроме того, ранее (в 2005 г.) был запущен механизм межгосударственных консультаций по вопросам стратегической безопасности, которые проводятся раз в год поочередно в России и Китае⁵. Механизмы для совместного противодействия террористической угрозе прорабатываются также и по линии оборонных ведомств. В августе 2005 г. на территории России и восточнокитайской пров. Шаньдун прошли первые двусторонние антитеррористические учения, а в сентябре 2010 г. на территории Казахстана были проведены совместные антитеррористические учения ШОС «Мирная миссия-2010»⁶.

Среди *региональных тем* последнее время выделяется проблематика Ближнего Востока и Северной Африки. РФ и КНР стремятся согласовывать действия в целях скорейшей стабилизации в неспокойных точках (Тунис, Ливия и др.). Обе страны выступают за прекращение силовых акций всех участников конфликтов и недопущение их опасного продолжения. В основе совместной позиции лежит принцип, согласно которому каждый народ должен сам, без вмешательства извне, определять свою судьбу.

Особое значение приобрела твердая *совместная позиция по Сирии*, подтвержденная в начале 2012 г. в Совбезе ООН; согласно этой позиции, стороны не приемлют иностранное вмешательство и настаивают на уважении самостоятельного выбора самих сирийцев, при этом призывая к мирному диалогу не только официальные власти, но и оппозицию. О достигнутой сторонами степени партнерства свидетельствует декларированная ими взаимная готовность «укреплять обмен и координацию, ...совместно друг с другом и с международным сообществом играть конструктивную роль в надлежащем разрешении сирийской проблемы»⁷.

РФ и КНР стремятся содействовать разрешению застарелого израильско-палестинского конфликта.

По *ядерной проблеме Ирана* стороны, выступая за строгое соблюдение ИРИ принципов нераспространения ядерного оружия, признают за Тегераном право на мирное использование энергии атома при соблюдении необходимых регламентаций МАГАТЭ, призывают к строго диалоговой форме решения вопроса, к осторожному подходу к вопросу об международных санкциях против Ирана.

Важнейшим региональным направлением взаимодействия является *АТР*. Осенью 2010 г. в ходе визита российского президента в Китай лидеры двух стран выступили с совместной инициативой укрепления безопасности и развития сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В подписанном 27 сентября Совместном заявлении РФ и КНР пригласили региональных партнеров к обсуждению и практическому осуществлению мер «по созданию в АТР открытой, транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества, основанной на правовых внеблоковых началах»⁸.

Составная часть такого подхода — задействование *механизмов ВАС*. В Совместном заявлении по итогам июньского (2011 г.) визита Ху Цзиньтао в Россию стороны указали, что они «придают особое значение механизму Восточноазиатских саммитов как важному форуму, объединяющему государства АТР». Стороны продолжают «укреплять роль Восточноазиатских саммитов как основной площадки стратегического диалога с участием

лидеров государств АТР в интересах развития региона и поддержания в нем безопасности»⁹.

РФ и КНР рассматривают механизм шестисторонних переговоров по Корее через призму создания системы безопасности в Северо-Восточной Азии и в АТР в целом, видя в нем перспективный элемент формирования архитектуры региональной стабильности. При этом шестисторонний механизм признается сторонами также и оптимальным инструментом в рамках его изначальной миссии — в решении *ядерной проблемы Корейского полуострова*. Совпадение позиций сторон, основу которого составляют принципы безъядерного статуса Кореи и учета легитимных интересов мирного развития КНДР, вновь подтвержден на встрече президента РФ и председателя КНР в марте 2012 г.

Значимым моментом является также декларация поддержки Китаем нашей страны *в деле подготовки саммита АТЭС во Владивостоке*.

Не менее важным является российско-китайское сотрудничество по проблемам *Центральной Азии* и прилегающих к ней районов. На двусторонней и многосторонней основе стороны прилагают усилия для обеспечения безопасности, по недопущению проявлений экстремизма, сепаратизма, религиозного фундаментализма, для создания условий, обеспечивающих оптимальное социально-экономическое развитие стран региона и взаимовыгодное с ними сотрудничество. РФ и КНР выступают за всемерное урегулирование положения в *Афганистане* и вокруг него, указывают на необходимость строгого соблюдения действующими здесь иностранными силами соответствующих мандатов ООН. Обе страны декларируют задачу стимулирования внутриафганского диалога, помощи афганским властям в ходе постепенной передачи им функций по урегулированию ситуации и обеспечения условий для становления независимого, мирного, процветающего Афганистана.

Что касается линий взаимодействия, то РФ и КНР достигли высокого уровня сотрудничества и в двустороннем, и многостороннем форматах. Наиболее представительной площадкой логично является *ООН* и ее Совет Безопасности, где осуществляется двусторонняя координация и выдвигаются инициативы по

многим, в том числе уже упомянутым, вопросам (разоружение, обстановка в Сирии, реформирование Совбеза и т. д.). Растущее значение приобрело сотрудничество в *формате «Группы 20»* — важной структуре для решения актуальных проблем упорядочения мировой экономики.

Велико значение взаимодействия в форматах РИК и БРИКС. Формат *БРИКС* (Бразилия—Россия—Индия—Китай—ЮАР) — сравнительно новый, набирающий вес неформальный диалоговый механизм согласования позиций и координации действий крупнейших стран с формирующимися рынками. Широка повестка дня БРИКС — от политически важных глобальных и региональных проблем (новый международный порядок) до вопросов глобальной экономической архитектуры (глубокая реформа МВФ). Это позволяет «пятерке» отстаивать усиленную совместную позицию на саммитах «Группы 20» и на других крупных форумах, продвигая таким образом общие интересы. Российско-китайское взаимодействие в БРИКС — это «работающая» реальность. Оно проявляется в скоординированных действиях (в частности, в связи с ежегодными саммитами) по подготовке общих для «пятерки» документов и направлено на продвижение таких решений, которые, будучи приемлемыми для БРИКС в целом, наиболее полно отражали бы российско-китайские интересы. Наряду с глобально-региональными вопросами КНР и РФ поддерживают и то направление БРИКС, которое связано с развитием практического сотрудничества между членами объединения.

4-й саммит БРИКС, в канун которого, заметим, состоялась российско-китайская встреча на высшем уровне, подтвердил намерение участников развивать пятисторонний формат. Столь же очевидно, что будет продолжен курс на дальнейшее развитие в его рамках российско-китайского взаимодействия¹⁰.

Внешне ушедший в тень БРИКС *формат РИК (Россия—Индия—Китай)*, согласно декларациям Москвы и Пекина (в том числе последнего времени), остается, тем не менее, важным механизмом международного сотрудничества.

13 апреля 2012 г. в Москве успешно прошла 11-я встреча министров иностранных дел трех стран. Она констатировала

продвижение РИК по внешнеполитическому и ряду практических (секторальных) направлений, стала свидетельством намерения активно продолжать развитие трехстороннего формата¹¹.

Структура «Россия—Индия—Китай», возникшая, напомним, в 2001—2002 гг. и объективно ставшая по многим параметрам предвестником и «прародителем» БРИК/БРИКС, сохраняет свое значение по ряду важных причин. Являясь, как показывает уже имеющаяся практика, своего рода «идейно-организационным стержнем» БРИКС, РИК дает возможность предварительного согласования позиций в трехстороннем формате. Кроме прочего, это «облегчает» достижение наиболее оптимальных для РФ, КНР (и Индии) решений, и в том же БРИКС (весьма неоднородном по составу), и в других более широких форматах («Группа 20», ШОС и т. д.). Кроме этого, РИК остается важнейшим форумом обсуждения региональных (Центральная Азия, Афганистан) проблем, многие из которых не актуальны для других форматов.

Намеченное на 2012 г. проведение в КНР очередного саммита ШОС — напоминание и об этой важнейшей форме взаимодействия двух стран. Значение данного направления видно на примере озвученной в преддверие саммита позиции Пекина, согласно которой Китай «желает совместно с российской стороной осуществлять контакты и сотрудничество, способствовать тому, чтобы на данном саммите было достигнуто больше новых результатов по планированию будущего развития ШОС и практическому сотрудничеству в ее рамках»¹². Основные цели взаимодействия РФ и КНР в ШОС — это обеспечение интересов мира, развития и сотрудничества в ЦАР и прилегающих к нему районах. Само создание ШОС, означавшее в свое время дружественное пограничное размежевание между КНР и республиками бывшего СССР и оздоровление обстановки в ЦАР, отразившее намерение сторон строить взаимные отношения на принципах мира и добрососедства, стало несомненным достижением в том числе и российско-китайских отношений. Ныне Москва и Пекин продолжают курс на взаимодействие по всей широкой повестке дня ШОС, центральное место в которой занимают два главных направления — безопасность и экономическое развитие.

В сфере безопасности показательными примерами сотрудничества являются, в частности, проводимые с 2002 г. контртеррористические учения; в 2010—2011 гг. приняты Соглашение по борьбе с преступностью и Антинаркотическая стратегия государств-членов ШОС. В экономической области надежды возлагаются, в частности, на Деловой совет и Межбанковское объединение ШОС, подписаны соглашения о сотрудничестве в области сельского хозяйства (Ташкент, июнь 2010 г.), в здравоохранении (Астана, лето 2011 г.); блок экономических вопросов присутствует и в подписанном в Бишкеке в августе 2007 г. Договоре о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве — документе, который создает предпосылки для вывода разностороннего взаимодействия на качественно новый уровень¹³.

Являясь, таким образом, важной частью стратегического партнерства между РФ и КНР, российско-китайское взаимодействие по международным вопросам вышло на весьма заметный уровень достижений и успехов.

Это, однако, не означает, что это взаимодействие свободно от нерешенных, причем, порой, весьма деликатных вопросов и что оно абсолютно безоблачно. Стороны, к примеру, внимательно наблюдают за действиями друг друга в отношении США и Запада, а также стран Центральной и Южной Азии.

Не все, несмотря на действие формата РИК, безоблачно и в треугольнике РФ—КНР—Индия. Так, замечено, что на этапах периодического охлаждения китайско-индийских отношений (по тибетской, территориальной и другим проблемам) китайские партнеры чаще обычного обращаются к тезису, согласно которому по некоторым «чувствительным вопросам» РФ якобы отдает большее предпочтение Индии. Например, продавая ей более совершенные, чем Китаю, виды вооружений.

Добавилась и новая непростая для РФ тема — проблематика территориального спора Китая с его соседями в Южно-Китайском море. Кроме того, есть основания полагать, что на «международную» сферу оказывают влияние и общие проблемы двусторонних отношений. Например, речь идет о том, что во взглядах российской элиты, несмотря на отраженные в программной статье В.В. Путина существенные подвижки¹⁴, все еще имеет

место определенная недооценка значимости восточного (а, значит, и китайского) вектора политики РФ. А в Китае порой наблюдается недоучет роли и значения России в мировой политике в целом и для интересов КНР в частности.

Тем не менее, очевиден высокий уровень российско-китайского международного взаимодействия. Дальнейшее развитие этого сотрудничества способно внести весомый вклад в дело мира на планете и дать хороший импульс выходу всеобъемлющего стратегического партнерства РФ и КНР на новый, еще более высокий уровень, о котором говорят сегодня руководители двух стран.

Примечания

¹ Председатель КНР Ху Цзиньтао и президент России Дмитрий Медведев встретились в Нью-Дели. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7772805.html>.

² Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке. Подписана в Москве 1 июля 2005 г. президентом России Владимиром Путиным и председателем КНР Ху Цзиньтао. URL: <http://archive.kremlin.ru/events/articles/2005/06/90767/153816.shtml>; Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики по основным международным вопросам от 23 мая 2008 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/240.

³ Взаимодействие России и Китая на международной арене // ИТАР-ТАСС от 14.06.2011.

⁴ См.: Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2010 г. URL: http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/2a660d5e4f620f40c32576b20036eb06/5837bbe2727d8c3dc32576e9003ad888!OpenDocument.

⁵ Взаимодействие России и Китая на международной арене // ИТАР-ТАСС. 14.06.2011.

⁶ Там же.

⁷ Председатель КНР Ху Цзиньтао и президент России Дмитрий Медведев встретились в Нью-Дели. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7772805.html>.

⁸ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о всестороннем углублении российско-китайских отношений

партнерства и стратегического взаимодействия от 27 сентября 2010 г. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/719.

⁹ Совместное заявление РФ и КНР от 16 июня 2011 г. по текущей ситуации в мире и основным международным вопросам. URL: www.kremlin.ru/ref_notes/967.

¹⁰ См.: Делийская Декларация БРИКС. Принята по итогам 4-го саммита URL: <http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBdocBric/1DB82FF3745BA8FE442579D5004778E6>; а также другие материалы саммита.

¹¹ Совместное коммюнике 11-й встречи министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индии и Китайской Народной Республики. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/3a0108443c964002432569e7004199c0/c32577ca00174586442579e2003144fe!OpenDocument>.

¹² URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7772805.html>.

¹³ Справочные материалы МИД РФ. Шанхайская организация сотрудничества. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/3a0108443c964002432569e7004199c0/432569d80021985fc325711d003b9e9d!OpenDocument>.

¹⁴ *Путин Владимир*. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 27.02.2012. URL: http://mn.ru/politics/20120227/3123067_49.html.

*В.И. Трифонов**

СИТУАЦИЯ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ: СТОЛКНОВЕНИЕ ЛИНИЙ НА СОТРУДНИЧЕСТВО И НА ПРОТИВОБОРСТВО

Аннотация. В статье рассматривается современное политико-экономическое значение АТР и дается авторское объяснение беспрецедентного роста веса этого региона в международных делах. Автор подчеркивает, что важными факторами нынешней расстановки сил в АТР является как феномен стремительного «возвышения» Китая, так и стремление Вашингтона реализовать курс на «возвращение США в АТР». В статье отмечается, что развитие событий в АТР напрямую затрагивает интересы Российской Федерации. США и их западные партнеры не прочь привлечь Россию к своей стратегии сдерживания Китая. Данные обстоятельства и обуславливают столкновение линий на сотрудничество и противоборство в регионе.

Ключевые слова: АТР, Китай, РФ, США, внешняя политика, сотрудничество, РИК, БРИКС, ШОС, Северо-Восточная Азия, региональные организации.

* *Трифонов Виктор Иванович*, Чрезвычайный и Полномочный Посол, с.н.с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

I

В последние десятилетия — в рамках происходящих в мире глубоких изменений — значительно возросли роль и значение *Азиатско-Тихоокеанского региона*. Являясь мощным сосредоточием мировых политических, экономических и людских ресурсов (свыше половины мирового ВВП и населения, более 40 % мировой торговли), АТР становится одним из главных полюсов формирующегося нового многополярного миропорядка. Это уверенно развивающийся и перспективный регион мира, показавший свою устойчивость в условиях последнего, сильнейшего финансово-экономического кризиса и ставший одним из главных локомотивов по выводу из кризиса мировой экономики. Быстрый рост глобальных и региональных центров силы сопровождается в АТР интенсивным развитием экономической интеграции. Активно формируются зоны свободной торговли, которые в ближайшие годы могут охватить практически все страны региона.

Необходимо также учитывать, что в АТР, в непосредственной близости от российских границ, *сосредоточены мощные вооруженные силы ряда крупнейших государств*, наблюдаются опасные локальные конфликты, идет практически неконтролируемое наращивание и совершенствование вооружений.

В АТР расположена наиболее сильная военная группировка Соединенных Штатов (US PACOM), под эгидой США сформирована разветвленная сеть военных союзов, создана и постоянно совершенствуется мощная стратегическая и тактическая система ПРО, размещаемая на западном побережье США, Аляске, американских островных владениях, на кораблях ВМС США, на территории Японии, Южной Кореи, Австралии, Тайваня. Растет военный потенциал Китая. Серьезными военными возможностями обладает Япония, пытающаяся окончательно сбросить наложенные на нее ограничения в развитии вооруженных сил. Существенные риски исходят из Корейского полуострова, вызванные общей неурегулированностью корейских дел, напряженностью в отношениях КНДР и Республикой Корея.

Не следует также сбрасывать со счетов имеющиеся в АТР террористические угрозы, иные вызовы, затрагивающие не

только Россию, но и другие страны региона и требующие совместных усилий для противодействия им.

В последние десятилетия в АТР *сформировались и действуют крупные региональные форумы и механизмы*: АТЭС, АСЕАН, АРФ, Восточноазиатский саммит (ВАС), Диалог по сотрудничеству в Азии (ДСА), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), которые в немалой степени способствовали экономическому подъему, укреплению партнерства между странами АТР, общему оздоровлению ситуации в регионе.

В то же время в АТР *отсутствует универсальная система безопасности*, в задачу которой входило бы комплексное рассмотрение политических, экономических проблем, проблем безопасности региона, и которая была бы наделена соответствующим мандатом для их решения.

Указанная ситуация вызывает растущее беспокойство в странах региона, выдвинут ряд идей *создания в АТР всеобъемлющей модели сотрудничества*, охватывающей все заинтересованные страны региона (австралийский план образования так называемого Азиатско-Тихоокеанского сообщества, предложение бывшего японского премьера Ю.Хатоямы о создании Восточноазиатского сообщества и др.). Все более широкую поддержку находит идея использовать — в качестве общерегиональной площадки для нахождения путей обеспечения безопасности в АТР коллективными усилиями — механизм Восточноазиатских саммитов (ВАС), к которому в октябре 2010 г. присоединились США и Россия (ранее ВАС действовал в формате АСЕАН+6 — Китай, Япония, Южная Корея, Индия, Австралия, Новая Зеландия).

В целом утверждающийся в регионе полицентризм дает уникальный шанс для того, чтобы впервые со времен «холодной войны» в АТР сложилась устойчивая, более сбалансированная комбинация центров экономического роста и политического влияния с участием всех без исключения ведущих региональных игроков.

В то же время ситуация в регионе не стоит на месте. Возникают новые моменты, заслуживающие тщательного анализа со стороны политологического и научного сообщества.

Важным фактором нынешней расстановки сил в АТР является феномен стремительного «возвышения» Китая. Начав с глубоких экономических преобразований, которые вывели страну на позиции одной из главных мировых держав, Китай оказывает сейчас все более осязаемое воздействие и на ход политических процессов в мире. В огромной степени возросли его вес и влияние в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где Пекин существенно потеснил Соединенные Штаты, Японию. По итогам 2010 г. КНР, по объему ВВП (6,48 трлн долл., по официальным китайским данным), вышла на 2-е место в мире¹. Китай — мировой лидер по объему экспорта (1,578 трлн долл. в 2010 г.) и величине золотовалютных запасов (примерно 3,3 трлн долл.). В целом же доля Китая в мировом ВВП выросла, по данным Статистического управления КНР, с 5 % в 2005 г. до 9,5 % в 2010 г.² Укрепились позиции Пекина в ключевых региональных организациях — АТЭС, АСЕАН, АРФ, ВАС. Образовались мини-группировки с сильным китайским влиянием: АСЕАН+1 (Китай), АСЕАН+3 (Китай, Япония, Южная Корея), треугольник на высшем уровне в Северо-Восточной Азии (Китай, Япония, Южная Корея). КНР заняла место США, став главным торговым партнером Японии, Южной Кореи, многих стран АСЕАН, Тайваня, Индии. С 1 января 2010 г. начала действовать зона свободной торговли КНР—АСЕАН, совокупные параметры которой составляют 1,9 млрд населения, около 7 трлн долл. ВВП, свыше 4,5 трлн долл. внешнеторгового оборота. Поступательно развиваются вооруженные силы Китая, ядерный компонент этих сил, ставятся задачи выхода китайских ВМС в мировой океан.

Во всем этом Соединенные Штаты, судя по американской реакции, видят растущую угрозу своим интересам. После многих лет проведения политики «кнута и пряника» в отношении Китая, попыток привлечь Пекин на свою сторону, сделать его своим партнером в решении мировых дел (на правах «ведомого», следующего в фарватере американской политики) Вашингтон переходит сейчас в решительное наступление на позиции КНР, берет курс на сдерживание Китая, на противодействие его дальнейшему усилению.

В выступлении 12 января 2010 г. в Гонолулу госсекретарь Х. Клинтон изложила стратегию США на «возвращение в Азию», главный смысл которой заключается в том, что Соединенные Штаты твердо намерены вернуть себе лидирующую роль в АТР³. Было указано, что краеугольным камнем этой политики остается союз с Японией и другими традиционными друзьями и союзниками США в АТР, опора на сильное американское военное присутствие в АТР — мощную группировку ВМС и ВВС на Тихом океане, силы передового базирования, глобальную и региональную системы ПРО.

Подчеркнуто намерение США существенно активизировать роль Вашингтона в региональных организациях АТР, присоединиться к тем из них, в которых США до последнего времени не участвовали.

Задачи подкрепления позиций США в ряде ключевых стран региона преследовали ноябрьский (2010 г.) визит в Индию, Индонезию, Южную Корею и Японию президента Б.Обамы (по оценкам как американских, так и китайских экспертов, во всех этих поездках незримо присутствовала «тень Китая»), заявления президента Б.Обамы в рамках последних (ноябрь 2011 г.) саммитов АТЭС, АСЕАН, Восточноазиатского саммита на Бали, визитов президента в Индонезию и Австралию, а госсекретаря США на Филиппины.

Линия на сохранение и упрочение лидирующего положения США в мировых делах и в Азии получила дальнейшее развитие в послании Б.Обамы конгрессу «О положении страны» от 24 января 2012 г. и в докладе президента в Пентагоне в январе 2012 г. «Сохранение глобального лидерства. Приоритеты обороны в XXI веке». В качестве главного направления американского наступления определен Азиатско-Тихоокеанский регион, заявлено, что XXI век будет тихоокеанским веком в политике США. «Восстановление американского лидерства ощущается по всей планете», подчеркнул Б.Обама в своем послании. «Тот, кто говорит вам об обратном, кто говорит об упадке Америки, что ее влияние померкло, не знают, о чем они вообще говорят. Это не то, что мы слышим от лидеров по всему миру, и все они хотят работать с нами»⁴.

Американские намерения развила Х. Клинтон в ноябрьской (2011 г.) статье в журнале *Foreign Policy*, указав, что наступило время для осуществления шагов в АТР, подобных тем, которые США предприняли в послевоенной Европе, создав трансатлантическую сеть институтов и отношений, что «многократно окупилось и продолжает приносить плоды»⁵. Все это, подчеркнула госсекретарь, «поможет выстроить архитектуру и принесет дивиденды для сохранения американского лидерства на протяжении всего нынешнего столетия».

Политические декларации сопровождаются предпринятыми Соединенными Штатами в последнее время масштабными шагами по дальнейшему укреплению своего военного присутствия в АТР. Объявив о свертывании американских военных операций в ряде районов мира и о сокращении военных расходов США, Б.Обама в январском выступлении в Пентагоне указал, что эти меры никак не затронут АТР⁶. В частности, предусматривается дальнейшее усиление американской военной группировки на Тихом океане с упором на военно-морские и военно-воздушные компоненты; применение в военной сфере современных достижений информатики и электроники; дальнейшее развертывание широкомасштабной глобальной и нацеленной на Восточную Азию региональной системы ПРО (в добавление к уже имеющимся средствам предполагается разместить на территории Австралии, Японии и Южной Кореи ракеты-перехватчики SM-3, подобные тем, которые США продвигают в Европу); укрепление военных баз на о. Гуам и на Окинаве с выделением для этого крупных денежных средств; увеличение военной помощи американским союзникам в АТР. Создается, по сути, новый мощный военный комплекс в юго-западной части Тихого океана — размещение 2500 морских пехотинцев в Дарвине (Австралия) с определенным количеством флотских и авиационных соединений (называются, в частности, истребители F-22 и транспортные самолеты C-17, а в будущем, возможно, и стратегические бомбардировщики), создаются либо укрепляются опорные пункты на Филиппинах, в Сингапуре и в Новой Зеландии⁷. По однозначным оценкам многих специалистов, вся эта деятельность осуществляется с явным прицелом на Китай и на регион Южно-Ки-

тайского моря, где США берут курс на открытое противостояние с КНР. США, фактически, заняли сторону Японии и стран ЮВА в их споре с Пекином из-за островов в акватории Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, пытаются мобилизовать эти страны на более решительное отстаивание — при поддержке Вашингтона — своих позиций. В середине апреля 2012 г. начались совместные американо-филиппинские военные маневры вблизи спорных островов в Южно-Китайском море, в которых принимали также участие военные Австралии, Японии и Южной Кореи⁸.

Противовесом имеющимся в АТР региональным организациям многие, в том числе и китайские, аналитики считают активно продвигаемую в последнее время Соединенными Штатами идею *Транстихоокеанского партнерства*⁹. При этом, как отмечают китайские наблюдатели, Вашингтон явно не заинтересован в присоединении к ТТП Китая.

Не вызывает сомнений, что указанные действия Соединенных Штатов с тревогой воспринимаются в КНР, что видно по реакции китайских политологов и средств массовой информации, оценивающих американские шаги как серьезный вызов Китаю, требующий адекватного ответа со стороны КНР. Китайский официоз — газета «Глобал таймс» — указывает в апрельских статьях за 2012 г., что развертываемые Вашингтоном системы ПРО главным образом нацелены на Китай и Россию. «Если Япония, Южная Корея и Австралия присоединятся к американской системе, то в Азии начнется гонка вооружений», — говорится в статье. «Это не тот сценарий, который хотел бы видеть Китай, но ему неизбежно придется реагировать, если развитие событий пойдет таким образом»¹⁰.

В то же время Пекин предпочитает пока проявлять сдержанность и осторожность, отводя американские обвинения в «несоразмерном» наращивании Китаем своей военной мощи, указывая на отсутствие у КНР экспансионистских устремлений и подчеркивая заинтересованность КНР в дальнейшем укреплении и развитии отношений с США, «урегулировании разногласий надлежащим образом». Эта линия, в частности, проявилась в ходе визита в США (13—17 февраля 2012 г.) заместителя предсе-

дателя КНР Си Цзиньпина. При встрече с президентом Б.Обамой Си Цзиньпин выразил надежду, что его нынешняя поездка «окажет содействие непрерывному продвижению китайско-американских отношений сотрудничества и партнерства в правильном направлении», а в интервью газете Washington Post от 12 февраля 2012 г. подчеркнул, что «китайско-американские отношения стали одними из самых важных, самых жизнеспособных и самых потенциально значимых двусторонних связей в мире»¹¹. Он также отметил стабилизирующую роль США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Б.Обама со своей стороны заявил, что «США приветствуют сильный, процветающий и успешный Китай, который будет играть все более важную роль в международных делах». Китайский гость был принят в США на самом высоком уровне: встречи с ним провели президент, вице-президент, госсекретарь, руководители Пентагона и Конгресса, широкий круг ведущих американских политических деятелей. Усилия сторон по стабилизации американско-китайских отношений были продолжены в ходе состоявшегося 3—4 мая 2012 г. в Пекине 4-го раунда американско-китайского стратегического и экономического диалога, для участия в котором в КНР прибыла представительная американская делегация во главе с госсекретарем Х. Клинтон и министром финансов Т.Гайтнером.

Кроме того, Пекин предпринял активные шаги, направленные на дальнейшее укрепление отношений со странами Восточной и Юго-Восточной Азии, урегулирование имеющихся с ними проблем путем конструктивного диалога, «без вмешательства извне». Заметно активизировался обмен визитами со странами АТР.

Указанное развитие событий начинает сказываться на общей обстановке в регионе, осложняя осуществление задач по налаживанию продуктивного сотрудничества между странами АТР. С откровенной заявкой на лидирующую роль в АТР выступили США на состоявшихся в 2011 г. саммитах АТЭС, АСЕАН, Восточноазиатском саммите (ВАС). Попытка американской делегации вынести на общее обсуждение саммита ВАС (19 ноября 2011 г., о. Бали) проблему территориального разграничения в Южно-Китайском море затруднила осуществление связанных с

этим саммитом и в целом с ВАС надежд. Как заявил 8 января 2012 г. помощник министра иностранных дел КНР Лю Чжэньминь, «в краткосрочной перспективе будет трудно сформировать в данном регионе паназиатско-тихоокеанский механизм сотрудничества в области безопасности, который бы превосходил все существующие в регионе механизмы»¹².

В целом можно отметить, что *к настоящему времени в АТР складывается принципиально новая обстановка*. С одной стороны, сохраняется тенденция к расширению сотрудничества между странами региона, созданию *универсальной системы, обеспечивающей стабильность и безопасность региона*, а с другой, — *нарастает опасность усиления противоборства* между странами региона за преобладающее влияние в АТР, что может привести к открытой конфронтации, сорвать объединительные процессы в регионе.

В этой ситуации значительно возрастает ответственность стран АТР за то, чтобы не допустить развитие опасных тенденций в регионе, предотвратить превращение АТР в еще один эпицентр противоречий и конфликтов, продолжить усилия по строительству новой архитектуры, основанной на сотрудничестве, взаимном доверии, равной безопасности всех стран региона.

II

Развитие событий в АТР напрямую затрагивает интересы Российской Федерации, выступающей за обеспечение стабильности и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, конструктивное сотрудничество расположенных здесь стран. Заслуживает внимания и то, что США и их западные партнеры явно не прочь привлечь Россию к своей стратегии сдерживания Китая.

В соответствии с Концепцией внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом РФ 12 июля 2008 г.), *Россия придает огромное и все более возрастающее значение Азиатско-Тихоокеанскому региону*. Это обусловлено принадлежностью нашей страны как евроазиатской державы к этому динамично развивающемуся району мира. Здесь расположе-

ны 3/4 территории нашей страны, проживает 30 млн человек, сосредоточено от 60 до 80 % запасов стратегически важных ресурсов мирового значения. Обстановка в Азии имеет ключевое значение с точки зрения обеспечения национальной безопасности нашей страны.

Важнейшее значение имеет *геостратегическое положение России* — в центре евразийского континента. Новые горизонты и возможности открывают выдвинутая российским руководством концепция создания Евразийского союза, уже осуществляемые в этом направлении конкретные шаги.

В последние годы российское правительство значительно усилило внимание к задачам *ускоренного подъема экономики Восточной Сибири и российского Дальнего Востока* как к главному направлению интеграции России в Азиатско-Тихоокеанский регион. Обладая огромным ресурсным, энергетическим и иным потенциалом, указанные регионы могут дать мощный импульс дальнейшему развитию как нашей страны, так и азиатских государств. Разработана и в конце декабря 2009 г. утверждена Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г. В начале июля 2010 г. в Хабаровске состоялось совещание под руководством президента РФ, на котором были определены дальнейшие задачи по укреплению позиций России в АТР. О серьезности российских намерений говорит учреждение Российской государственной компании по развитию Дальнего Востока и Сибири, наделенной весьма широкими полномочиями. В новом правительстве РФ появилась должность министра по развитию Дальнего Востока, которую занял видный российский деятель, хорошо знающий дальневосточные проблемы, бывший губернатор Хабаровского края академик РАН В.И. Ишаев.

В сложившейся ситуации Россия могла бы сыграть важную стабилизирующую роль в АТР, продолжая наращивать усилия по формированию всеобъемлющей системы безопасности в регионе, расширению продуктивного диалога между странами региона, укреплению между ними доверия и сотрудничества. Этому способствуют крепнущие позиции нашей страны в АТР, активно развивающиеся связи практически со всеми странами региона.

Особое значение имеет *дальнейшее расширение взаимодействия между Россией и Китаем*, чему во многом способствует совпадение или близость позиций двух стран в вопросах обеспечения безопасности в АТР. Наши две страны связывает общая граница, жизненная заинтересованность в экономическом подъеме сопредельных территорий. Курс на преимущественное развитие отношений с Китаем был предельно ясно сформулирован в программной статье от 27 февраля 2012 г. Председателя Правительства РФ В.В. Путина «*Меняющийся мир*». По словам российского премьера, «своим поведением на мировой арене Китай не дает повода говорить о его претензиях на доминирование». В свою очередь, поздравив в телефонном разговоре 6 марта В.В. Путина с избранием на пост президента РФ, Председатель КНР Ху Цзиньтао подчеркнул: «Китайское правительство и народ окажут решительную поддержку России в выборе пути развития, который отвечает ее реалиям, а также поддержку усилиям, прилагаемым Россией для обеспечения государственного суверенитета, безопасности и продвижения экономического роста»¹³.

Между руководством наших двух стран достигнут беспрецедентно высокий уровень доверия, закрыты все крупные политические вопросы, стороны будут и дальше действовать в духе настоящего партнерства, оказывать друг другу поддержку на международной арене¹⁴. С российской стороны неоднократно подчеркивалось, что для России неприемлемо участие в каких-либо коалициях и схемах, направленных на «сдерживание» КНР¹⁵.

Сейчас на первый план в наших отношениях с Китаем выходят *задачи наращивания экономического сотрудничества*, что приобретает поистине стратегическое значение для укрепления основы отношений двух стран. Хотя за последние годы и в этой области достигнуты неплохие результаты (59,3 млрд долл. составил товарооборот в 2010 г. и свыше 80 млрд долл. в 2011 г.), в целом российско-китайская торговля существенно отстает от уровня торговых связей КНР с другими ее ведущими партнерами. Низки объемы взаимных инвестиций (примерно 2,6 млрд долл. китайских инвестиций на конец 2010 г. и около 1 млрд долл. — инвестиций России в КНР)¹⁶.

Особое место следует отвести осуществлению разработанной сторонами «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009—2018 гг.», что будет иметь огромное значение для ускоренного подъема восточных российских регионов, а также северо-востока и запада Китая.

Заложена необходимая база и для взаимодействия двух стран в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Во время сентябрьского (2010 г.) визита в КНР президента РФ стороны договорились *совместно выступить с инициативой по укреплению безопасности в АТР* «в духе взаимного доверия, взаимной выгоды, равноправия и взаимодействия»¹⁷. Руководители двух стран, в частности, подчеркнули, что они выступают за создание в АТР открытой, транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества, основанной на принципах международного права, внеблоковых началах и учете законных интересов всех сторон. Прделана большая работа по претворению в жизнь указанной договоренности сторон, разработана «дорожная карта» по координации российско-китайских действий в АТР, создан специальный переговорный механизм на уровне заместителей министров иностранных дел двух стран по выработке дальнейших шагов, направленных на стабилизацию обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В Совместном заявлении по итогам июньского (2011 г.) визита председателя КНР Ху Цзиньтао в Россию стороны указали, что они «придают особое значение механизму Восточноазиатских саммитов как важному форуму, объединяющему государства АТР» и «продолжат укреплять роль Восточноазиатских саммитов как основной площадки стратегического диалога с участием лидеров государств АТР в интересах развития региона и поддержания в нем безопасности». Было также подчеркнуто намерение «продолжать прилагать усилия в целях создания в Северо-Восточной Азии многостороннего механизма обеспечения мира и безопасности»¹⁸.

Разрабатывая практическую линию в отношениях со странами региона, Россия придерживается *многовекторного курса*, стремится развивать взаимодействие и сотрудничество со всеми

странами, которые проявляют к этому готовность. Важнейшее значение придает наша страна налаживанию продуктивного диалога по проблемам АТР с Соединенными Штатами, учитывая ту роль, которую играет в регионе эта страна.

Ключевое значение в определении обстановки в АТР имеют такие региональные организации, как *АТЭС, АСЕАН, АРФ, Диалог по сотрудничеству в Азии (ДСА)* и др. Естественным форумом для выработки целостной концепции инклюзивной безопасности для Восточной Азии является Восточноазиатский саммит, в повестку дня которого, как подчеркнул в опубликованной в апреле 2012 г. в индонезийском журнале *Strategic Review* статье министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, должны включаться по-настоящему крупные, стратегические проблемы взаимодействия в регионе. С.В. Лавров указал, что российское видение региональной архитектуры «плотно сопрягается с концепцией “динамичного равновесия”, выдвинутой министром иностранных дел Индонезии М. Наталегавой, где главный мотив — сложение усилий государств АТР по поддержанию безопасности, стабильности, процветания»¹⁹.

Необходимо и дальше повышать роль в решении мировых и азиатских дел таких новых механизмов, как *БРИКС, ШОС, РИК*.

В последние годы *БРИКС* все более уверенно выходит на авансцену международной жизни. Данный механизм объединяет 5 стран с 43 % населения планеты, с крупнейшими, быстро развивающимися экономиками, огромными природными ресурсами и внутренними рынками. Если на конец 2010 г. совокупный ВВП стран БРИКС составлял 15 % мирового ВВП (25 % — по паритету покупательной способности), то, по последнему прогнозу Всемирного банка, к 2025 г. уже более 50 % мирового ВВП будет приходиться на Россию, Индию, Индонезию, Бразилию и Китай, а ежегодные усредненные темпы роста стран БРИКС составят 4,7 % против 2,3 % в развитых странах²⁰.

Исключительное значение имеет *Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)*. За короткий срок своего существования ШОС стала заметным фактором региональной и мировой политики, важным звеном формирующегося нового полицентричного миропорядка. Крупнейшая заслуга ШОС — оздоровление об-

становки в Центральной Азии, налаживание сотрудничества и укрепление доверия между странами региона. Значительные усилия прилагает ШОС в борьбе с террористической, сепаратистской, наркотической угрозой.

В то же время необходимо принимать срочные меры *по повышению результативности ШОС в социально-экономической области*, что особенно важно на фоне ширящихся в развивающихся странах протестных настроений, захватывающих и страны Центральной Азии. На повестке дня стоит решение таких острых задач, как регулирование водопользования, разрешение транспортной проблемы, создание рынка сельскохозяйственной продукции. Пока не оправдали связанных с ними надежд Деловой совет и Межбанковское объединение ШОС.

Нужен более четкий механизм реагирования на чрезвычайные ситуации в странах региона, на события, угрожающие их национальной безопасности.

Очевидно, следует также *переосмыслить политику ШОС* в отношении Афганистана, поскольку угрозы, исходящие с территории этой страны, непосредственно затрагивают интересы центральноазиатских стран, России и Китая. Это особенно важно в условиях предстоящего вывода из Афганистана сил международной коалиции при том, что обстановка в Афганистане пока еще далека от стабильности.

Очевидно, значительную пользу мог бы принести формат *трехстороннего взаимодействия России, Индии и Китая (РИК)*. Опираясь на мощный совокупный потенциал трех стран, близость их подходов к фундаментальным проблемам современности, сотрудничество в структуре РИК может стать важным фактором формирования комплексных механизмов обеспечения безопасности в Азии и АТР. Одна из важнейших задач РИК — создание обстановки стабильности и процветания в так называемой большой Центральной Азии. Регион имеет все шансы стать одним из наиболее развитых районов мира. Ключом к повышению эффективности РИК является дальнейшее укрепление отношений взаимопонимания и доверия между Китаем и Индией, в которых в последнее время произошли заметные позитивные сдвиги.

Особого внимания требует регион *Северо-Восточной Азии* (СВА). По своему геополитическому значению СВА — один из наиболее важных и перспективных регионов мира. Здесь непосредственно соприкасаются интересы четырех крупнейших держав — США, Китая, России, Японии. Имеются все необходимые предпосылки для превращения СВА в высокоразвитый индустриально-промышленный и финансово-экономический центр, сопоставимый с другими важнейшими центрами мира. Быстрыми темпами развивается северо-восток Китая, где появились мощные промышленные кластеры, нуждающиеся в расширении своих транспортных и инфраструктурных возможностей. Огромных успехов добилась Республика Корея. Как уже отмечалось, масштабные задачи по ускоренному подъему Дальнего Востока и Байкальского региона выдвинуты Россией. Эффективные шаги по разработке сырьевой, промышленной и сельскохозяйственной базы предпринимает Монголия. Первостепенный интерес СВА представляет для Японии и Южной Кореи с их крупным потенциалом, большими инвестиционными возможностями. Активные связи с регионом развивают Соединенные Штаты. На повестке дня осуществление в СВА масштабных ресурсных, энергетических, инфраструктурных проектов с участием России, Китая, Монголии, других заинтересованных стран. В то же время одним из ключевых условий реализации указанных задач является скорейшая стабилизация обстановки на Корейском полуострове, решение вопросов, связанных с напряженностью вокруг КНДР.

Значительные усилия прилагает Россия для успешного проведения намеченного на осень 2012 г. *саммита АТЭС во Владивостоке*. Как подчеркнул Президент РФ Д.А. Медведев, наша страна будет придерживаться линии на обеспечение преемственности в решении задач, которые ставит перед собой АТЭС на данном этапе: дальнейшая либерализация торгово-инвестиционной деятельности и углубление экономической интеграции; сотрудничество в целях инновационного роста; совершенствование транспортно-логистических систем; обеспечение продовольственной безопасности и др.²¹ Вместе с тем предоставляется благоприятный шанс для использования этого мероприятия в собственных рос-

сийских интересах для дальнейшей интеграции нашей страны в систему экономических связей в АТР, придания серьезного импульса развитию российских дальневосточных регионов.

Примечания

- ¹ Данные ГСУ КНР //Жэньминь жибао он-лайн. 06.04.2011.
- ² Жэньминь жибао он-лайн. 25.03.2011.
- ³ URL: www.state.gov/secretary/rm/2010/01/135090.htm.
- ⁴ URL: http://www.huffingtonpost.com/2012/01/24/state-of-the-union-speech-text_n_122939.
- ⁵ URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/10/11/americas_pacific_century.
- ⁶ URL: http://russian.news.cn/world/2012-01/06c_131347060.htm.
- ⁷ URL: http://www.rusphbc.ru/2011/11/blog-post_29.html.
- ⁸ Коммерсантъ. 17.04.2012.
- ⁹ URL: www.russian.china.org.cn/09-04-2012 www.russian.china.org.cn/19-01-2012.
- ¹⁰ URL: www.rg.ru/2012/04/06/pro-site-anons.html.
- ¹¹ Приводится по: URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2012-02/15/nw.D110000renmrb_20120215_4-01.htm?div=-1, URL: http://russian.news.cn/china/2012-02/13/c_131407644.htm.
- ¹² Синьхуа. 10.01.2012.
- ¹³ Russian.china.org.cn 07-03-2012.
- ¹⁴ Московские новости. 27.02.2012.
- ¹⁵ См. выступление С.В. Лаврова 4 февраля 2012 г. в Мюнхене на конференции по вопросам безопасности. URL: <http://www.mid.ru/04.02.2012>.
- ¹⁶ URL: www.kremlin.ru/transcripts/10911.
- ¹⁷ URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/719.
- ¹⁸ Совместное заявление РФ и КНР от 16 июня 2011 г. по текущей ситуации в мире и основным международным вопросам. URL: www.kremlin.ru/ref_notes/967.
- ¹⁹ Статья С.В. Лаврова в индонезийском журнале Strategic Review. URL: www.mid.ru/brp_4.nsf/newline/98765029ECAB810B442579D70051A1ED.
- ²⁰ Российская газета. 19.05.2011.
- ²¹ URL: www.vostokmedia.com/n127359.html.

В.Я. Портяков*

РОССИЙСКИЕ ОЦЕНКИ «ВОЗВРАЩЕНИЯ» США В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКИЙ РЕГИОН**

Аннотация. В статье подробно рассматриваются направления курса Вашингтона на «возвращение США в АТР», усилия России по консолидации политико-экономических позиций нашей страны в этой части Света, реакция Китая на стремление США расширить их присутствие в указанном регионе. Автор уделяет особое внимание характеристике отношений Москвы с Вашингтоном и Пекином в контексте возрастания мирового значения АТР и изменений в расстановке сил в регионе, анализируя эволюцию взглядов по данному вопросу ведущих российских политиков, дипломатов, ученых и экспертов.

Ключевые слова: РФ, «возвращение США в Азию», Китай, АТР.

Объявленное администрацией Б.Обамы «возвращение» США в Азию (или, точнее, в Азиатско-Тихоокеанский регион) поначалу — в середине 2009 г. — не вызвало большого интереса в России. Для Москвы существенно большее значение

* Портяков Владимир Яковлевич, д.э.н., проф., заместитель директора ИДВ РАН.

** Подготовлено при содействии РГНФ, проект 12-03-00376а «Современный внешнеполитический курс Китайской Народной Республики и заветы Дэн Сяопина».

имели другие аспекты внешней политики Вашингтона, непосредственно связанные с российско-американскими отношениями. Надежды на их «перезагрузку» (reset), т. е. общее улучшение, связывались в первую очередь с продвижением нового раунда переговоров об ограничении стратегических наступательных вооружений, с отказом США от планов размещения элементов системы противоракетной обороны (ПРО) в Чехии и Польше, которые вынашивала предыдущая администрация во главе с президентом Дж.Бушем-мл. и, наконец, с отказом Вашингтона от бесцеремонного «затаскивания» в НАТО постсоветских государств, прежде всего, Грузии и Украины. Нетрудно заметить, что географически эти приоритетные для России направления двусторонних российско-американских отношений относились к европейскому и, шире, евро-атлантическому сегменту мировой геополитики.

Обострение в 2010 г. ситуации вокруг Корейского полуострова, связанное с гибелью южнокорейского судна «Чхонан» и обстрелом северянами контролируемого Сеулом острова Енпхэндо, стало, по-видимому, основным побудительным мотивом повышения внимания Москвы к Восточной и Юго-Восточной Азии. Кроме того, начавшаяся подготовка к проведению во Владивостоке в сентябре 2012 г. саммита Организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС, АРЕС) способствовала актуализации планов ускоренного экономического развития дальневосточных территорий России и более активного включения страны в целом в экономическую жизнь и в интеграционные процессы в АТР.

В 2011 г. — начале 2012 г. внимание в России к событиям и процессам в АТР еще более усилилось. «Возвращение» США в регион начало обретать черты открытого противодействия возвышению Китая, вышедшего на 2-е место в мире по годовому объему ВВП. Политика реанимации Вашингтоном старых союзнических отношений в АТР и создания новых в целях «сдерживания» Китая в той или иной мере затрагивает интересы России. Вместе с тем часть жителей России настороженно отнеслась к характерной для последних трех лет напористой политике Китая в отношении соседей. В условиях предвыборного

периода в Российской Федерации высокопоставленные российские политики сочли необходимым сделать достаточно развернутые и четкие заявления по проблеме позиционирования страны в мире, включая оценку современной геополитической ситуации в АТР.

Наибольший интерес в этом плане представляют программные статьи В.В. Путина, избранного 4 марта 2012 г. президентом России на последующие 6 лет. В статье «Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России»¹ он отметил необходимость «решительных шагов по укреплению единой системы воздушно-космической обороны страны», пояснив, что «к этим действиям нас подталкивает политика США и НАТО в вопросе развертывания ПРО». Как известно, российское предложение по созданию совместной с европейскими странами системы противоракетной обороны было отвергнуто, а США отказываются письменно подтвердить ненаправленность против России создаваемого европейского сегмента ПРО. В этих условиях Москва расценивает планы размещения в Европе (на сей раз в Польше и Румынии) элементов ПРО США как нарушающие принцип равной безопасности. Как отметил заместитель министра обороны России Анатолий Антонов в интервью газете «Коммерсантъ», «компоненты глобальной системы ПРО США в других регионах также имеют антироссийский потенциал. Ранее об этом говорили меньше, так как основное внимание было сосредоточено на Европе... Интеграция европейского сегмента с противоракетными средствами на Аляске и в Азиатско-Тихоокеанском регионе повышает совокупные возможности ПРО США»².

В целом, констатировал В.В. Путин, перед нашей страной стоит задача «развития военного потенциала в рамках стратегии сдерживания и на уровне оборонной достаточности». Одним из важных направлений здесь премьер-министр назвал возрождение в полном смысле «океанского» военно-морского флота, прежде всего на Севере и на Дальнем Востоке³.

Поясняя сохраняющуюся актуальность доктрины ядерного сдерживания, Анатолий Антонов отметил: «Разумеется, жизнь без ядерного оружия — это прекрасно. Но двигаться к безъядерному миру надо постепенно, создавая для этого условия»⁴.

В статье «Россия и меняющийся мир»⁵, посвященной современному этапу и перспективам внешней политики РФ, В.В. Путин особо выделил повышение роли Азиатско-Тихоокеанского региона в мировых делах и обрисовал свое видение российско-китайских отношений. По его мнению, «своим поведением на мировой арене Китай не дает повода говорить о его претензиях на доминирование. Китайский голос действительно звучит в мире все увереннее, и мы приветствуем это, поскольку Пекин разделяет наше видение формирующегося равноправного миропорядка». В.В. Путин охарактеризовал созданную модель российско-китайских отношений как перспективную, констатируя при этом наличие в двусторонних связях «тех или иных шероховатостей». Главной же была названа мысль о том, что «процветающий и стабильный Китай нужен России», а Китаю нужна сильная и успешная Россия.

Отметив «неустойчивость» партнерства России и США и фактически возложив ответственность за это на американскую сторону, В.В. Путин заявил, тем не менее, о готовности «совершить качественный прорыв» в отношениях с Вашингтоном «при условии, что американцы на деле будут руководствоваться принципами равноправного и взаимоуважительного партнерства»⁶.

Комментируя предвыборную статью В.В. Путина о внешней политике Москвы, один из ведущих российских политологов, главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Ф. Лукьянов выделил следующие основные моменты: а) Россия выглядит страной, разочарованной в Западе, а Путин сохраняет мощный заряд недоверия к США; б) Россия стала значительно пристальнее смотреть на Китай и Азию в целом, в том числе сквозь призму развития Сибири и Дальнего Востока⁷.

Тезис о повышении внимания России к Азии несколько ранее озвучил и развернуто обосновал министр иностранных дел РФ С. Лавров в интервью газете «Известия»⁸. Рост этого внимания, по словам министра, не дань текущей политической конъюнктуре, а последовательная реализация «стратегической линии на продвижение позиций нашей страны в АТР», включая эффективное подключение России, прежде всего районов Восточной Сибири и Дальнего Востока, к азиатско-тихоокеанской интеграции.

Разъясняя позицию Москвы в ситуации идущей в АТР «борьбы между Китаем и США за контроль над Тихим океаном», Сергей Лавров призвал не допустить, чтобы закономерный процесс усиления внимания мирового сообщества к этому региону «пошел по негативному пути острого соперничества и тем более конфронтации».

При этом было подчеркнуто, что важным концептуальным вкладом в поддержание стабильности и безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе является совместная российско-китайская инициатива по созданию здесь «открытой, транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества», сформулированная в Совместном заявлении РФ и КНР о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия (27 сентября 2010 г.). В этом документе Россия и Китай призвали государства АТР выстраивать свое двустороннее и многостороннее сотрудничество, придерживаясь общепризнанных международно-правовых принципов, в том числе — «уважать суверенитет, независимость и территориальную целостность, не вмешиваться во внутренние дела друг друга; подтвердить приверженность принципу равной и неделимой безопасности; подтвердить оборонительный характер своей военной политики; не применять военную силу и не угрожать ее применением»⁹.

Хотя данное российско-китайское заявление отражало, прежде всего, внутреннюю логику развития двусторонних отношений стратегического партнерства и намерение Москвы и Пекина углублять взаимодействие на международной арене, тем не менее, подчеркнутая в сентябре 2010 г. озабоченность двух стран проблемами безопасности именно в АТР может рассматриваться как косвенный ответ на заявление о «возвращении США» в этот регион. По сути дела, Россия и Китай призвали США не дестабилизировать обстановку в регионе, воздерживаясь от демонстрации силы. То, что официальная Москва позиционирует себя в АТР ближе к Пекину, чем к Вашингтону, подтвердил и С.Лавров. Выступая 4 февраля 2012 г. в Мюнхене на конференции по проблемам безопасности, он заявил: «Мы не будем участвовать в конструкциях, имеющих целью сдержива-

ние Китая, который является нашим добрым соседом и стратегическим партнером»¹⁰.

По сравнению с достаточно последовательной официальной позицией России суждения в экспертном сообществе отличаются существенно большей вариативностью. К настоящему времени накопился значительный массив публикаций в ведущих политологических и востоковедных журналах России («Россия в глобальной политике», «Международная жизнь», «Проблемы Дальнего Востока», «Азия и Африка сегодня» и т. д.) и на специализированных Интернет-сайтах (Modern Politics Russia, «Новое Восточное обозрение»), позволяющих как вычленивать главные направления анализа, так и в первоначальном виде классифицировать основные подходы российских политологов и востоковедов к проблеме возвращения США в АТР.

Российские эксперты практически единодушно признают сам факт такого «возвращения» и объясняют его в первую очередь стремлением Вашингтона укрепить пошатнувшиеся международные позиции и престиж. Ставки делаются на воссоздание системы традиционных союзнических отношений в регионе с подключением к ним, по возможности, новых членов. Объединяющим началом здесь выступает противодействие быстро усиливающемуся Китаю. Вашингтон принимает во внимание и возросший вес азиатских государств в мировой экономике, стремясь превратить азиатско-тихоокеанский вектор своей политики в эффективный стратегический инструмент оживления экономики США. Вместе с тем в позиции конкретных экспертов имеются свои нюансы. С. Михневич склонен считать активизацию США в Азии превентивной мерой. По его мнению, страны Азии со временем могут сплотиться под эгидой Китая, который «выступает с альтернативной концепцией развития и ставит своей целью реформирование нынешней международной системы». Для США, полагает политолог, неприемлемо столь значимое усиление какой бы то ни было страны, готовой отодвинуть Америку с занимаемых ею ведущих позиций в мире. «Исходя из этого, Штаты приложат максимальные усилия, чтобы предотвратить подобный ход событий»¹¹.

Ф. Лукьянов подчеркивает реальное стремление части государств региона застраховаться с помощью США от тех или иных рисков, связанных с усилением Китая, которое и было использовано Вашингтоном в своих интересах. В интервью радиостанции «Голос России» он отметил, что главным направлением дипломатического поиска США в АТР становится «укрепление или перевод в новое, союзническое качество отношений с теми странами, которые по историческим или географическим причинам могут желать балансировать Китай». Это часть традиционных союзников — Австралия, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Япония. Есть и новые страны, прежде всего Вьетнам. Пытаются подтянуть к этому и колеблющуюся Индию. По мнению Ф. Лукьянова, присутствует «ощущение некоего замыкания кольца вокруг Китая»¹².

Главный редактор журнала МИД России «Международная жизнь» А. Оганесян солидаризируется с той точкой зрения, что «скоро мы должны увидеть укрепление прежних и, возможно, формирование новых военно-политических блоков». По его мнению, основу «мини-НАТО» для АТР могли бы составить США, Япония, Индия и Австралия, причем эта организация «может вырасти до размеров полноценной азиатской НАТО, в которую могли бы также войти Южная Корея, Филиппины и Таиланд». В то же время А. Оганесян считает, что до публикации в журнале Foreign Policy статьи госсекретаря США Х.Клинтон «Тихоокеанское столетие Америки»¹³ в Вашингтоне «не существовало плана действий по достижению стратегических целей в АТР»¹⁴.

Российские политологи рассматривают практически весь спектр проблем и возможных последствий, связанных с «возвращением США в Азию». Пожалуй, наибольшее внимание уделяется современному состоянию и возможной эволюции китайско-американских отношений, ситуации в Южно-Китайском море, китайско-японским спорам о принадлежности островов Дяоюйдао (Сенкаку) и положению на Корейском полуострове. В дискуссиях по этому кругу вопросов наиболее активны специалисты по тем или иным конкретным проблемам, а не политологи общего профиля.

Как отметил научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН В. Трифонов, «возвращение США в Азию» было дополнено дальнейшим укреплением их военного присутствия в регионе. 6 января 2012 г. президент Б.Обама изложил в Пентагоне новую военную стратегию США, центром тяжести которой станет Азиатско-Тихоокеанский регион — при определенном развертывании американской военной активности в других районах мира. В целом предусматривается усиление военно-морской и военно-воздушной составляющей американской политики на Тихом океане; дальнейшее развертывание нацеленной на Восточную Азию региональной системы ПРО; укрепление военных баз на о. Гуам и на Окинаве; увеличение военной помощи американским союзникам в АТР. Создается, по сути, новый мощный военный комплекс в юго-западной части Тихого океана — размещение 2500 морских пехотинцев в Дарвине (Австралия) с приданными флотскими и авиационными соединениями. Вся эта деятельность осуществляется с явным прицелом на Китай и на регион Южно-Китайского моря, где США берут курс на открытое противостояние с КНР¹⁵.

Российская печать активно откликнулась на новость о расширении американского военного присутствия в Австралии. Статьи на эту тему опубликовали одна из ведущих российских газет «Известия» и ряд интернет-изданий. При этом отмечалось, что в российском внешнеполитическом ведомстве «фиксируют попытки накалить обстановку в АТР»¹⁶.

Заслуживает внимание существенное различие в оценках российскими экспертами роли «тайваньского фактора». В. Трифонов полагает, что «Вашингтон не собирается отказываться от своей линии, в столь чувствительном для КНР тайваньском вопросе», о чем свидетельствуют крупные продажи администрации Обамы новейших американских вооружений Тайваню. В то же время доцент факультета международных отношений Санкт-Петербургского университета Я.Лексютина отмечает процесс глубокой эрозии американо-тайваньских отношений вследствие сближения острова с материком, в условиях которого «военное сотрудничество между Вашингтоном и Тайбэем стало сводиться к продаже вооружений». По ее мнению, в на-

стоящее время «ограничения на реализацию тайваньской политики Белого дома обусловлены сдержанностью властей самого острова»¹⁷.

В целом, отмечает сотрудник Института Дальнего Востока РАН А. Давыдов, в отношениях между КНР и США на первые роли выходит не экономический, а военно-стратегический фактор. Стороны вступили в длительный период формирования модели глобального партнерства с элементами соперничества¹⁸. Вероятно, это обстоятельство делает современные китайско-американские отношения глубоко противоречивыми. Явная двойственность наблюдается и в самом Китае: положительное отношение к США у населения страны падает (по данным Pew Research Center, с 58 % опрошенных в 2010 г. до 44 % в середине 2011 г.)¹⁹, в экспертном сообществе доминируют негативные оценки политики США в Азии, однако официальный Пекин всячески пытается затушевать расхождения с Вашингтоном, пропагандируя тезис о «в целом хороших двусторонних отношениях».

Российские эксперты обращают внимание на важную роль Японии и Южной Кореи в активизации военных союзов в тихоокеанской Азии под эгидой США. Политолог-японист из Института Дальнего Востока РАН А. Сёмин отметил первое в истории японо-южнокорейских отношений подписание в январе 2011 г. военных соглашений (General Security of Military Information Agreement и An Acquisition and Cross Servicing Agreement), свидетельствующее об усилиях США по созданию трехстороннего альянса, ориентированного на противодействие Китаю²⁰. Что касается Японии, то её А. Сёмин характеризует как «Британию Дальнего Востока», проявляющую готовность стать связующим звеном в формируемой Вашингтоном новой системе военного сотрудничества в регионе²¹.

Руководитель Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН А. Жебин фактически всецело возложил на США ответственность за резкое обострение напряженности на Корейском полуострове в 2010 г. По его мнению, оно оказалось на руку тем кругам в Вашингтоне и Сеуле, которые надеялись «ускорить крах северокорейского режима и установить контроль над всем Корейским полуостровом с тем, чтобы выйти

со своей военной машиной прямо на сухопутные границы России и Китая»²². Однако примерно к середине 2011 г. администрация Б.Обамы осознала, что тактика прямого силового давления на КНДР бесперспективна. Были назначены новый спецпредставитель госсекретаря по политике в отношении Северной Кореи и новый глава делегации США на шестисторонних переговорах по проблеме денуклеаризации Корейского полуострова, возобновились американо-северокорейские контакты²³.

Ряд российских экспертов достаточно детально анализирует территориальные споры между Китаем и группой стран-участниц АСЕАН в Южно-Китайском море. Эти споры, полагает Я. Лексютина, создают благоприятную среду для реализации Вашингтоном политики «возвращения в Азию» США, с одной стороны, расширяют взаимодействие с АСЕАН, а с другой — сдерживают возрастающее региональное влияние Китая²⁴.

По мнению заместителя директора Института Дальнего Востока РАН В.Портякова, отсутствие достаточной поддержки в международном сообществе позиции Китая по территориальным спорам в Южно-Китайском море побудило Пекин начать поиск компромиссных вариантов. Один из них состоит в том, чтобы сосредоточиться на отстаивании суверенитета над островами Сиша и Наньша, сделав уступку по вопросу о контроле над самим морем²⁵. 29 февраля 2012 г. представитель МИД КНР подтвердил именно такую позицию, заявив, что ни Китай, ни какая-либо другая страна не требуют установления своего суверенитета над всем Южно-Китайским морем²⁶.

«Возвращение США в Азию», наращивание американской военной мощи в регионе, спровоцированное Вашингтоном осложнение американо-китайских отношений в Восточной и Юго-Восточной Азии, несомненно, затрагивают интересы России. Руководство страны высказало свою принципиальную позицию. Москва исходит из необходимости сохранять и совершенствовать стратегическое партнерство и взаимодействие с Китаем, не отказываясь при этом и от намерения одновременно наладить конструктивные отношения с США и Западом в целом.

Определенная часть экспертного сообщества видит для России в ситуации, складывающейся в западной части Азиат-

ско-Тихоокеанского региона, «как риски быть втянутой в конфликт сверхдержав», так и возможности, следуя китайской мудрости, «наблюдать с холма за схваткой двух тигров»²⁷.

Директор Московского Центра Карнеги Д. Тренин считает, что Москве следует избегать односторонней ориентации на Пекин, для чего необходимо углублять связи с соседями КНР, особенно с Индией как «второй сверхдержавой Азии в плане создания противовеса Китаю». Он полагает, что «Москва скорее всего будет придерживаться нейтралитета по ряду территориальных проблем на восточной и южной периферии КНР — от спора об архипелаге Дяоюйдао/Сенкаку до вопроса о Южно-Китайском море»²⁸.

Однако гораздо чаще высказывается иная точка зрения — о необходимости сохранения и углубления курса на всестороннее развитие тесных отношений России с Китаем. Как полагает проректор Дипломатической академии МИД России А.Лукин, «благодаря связям с Китаем и другими азиатскими партнерами Россия может оказаться в центре мирового влияния». Китай также нуждается в России как геополитическом и экономическом партнере. «Пекин хотел бы видеть Россию противовесом в его сложных отношениях партнерства — соперничества с США и Европой и как гаранта независимости его внешней политики»²⁹.

А директор Института Дальнего Востока РАН академик М.Л. Титаренко неизменно отстаивает точку зрения, что Россия и Китай «нужны друг другу как партнеры, и их взаимодействие и добрососедство являются взаимной гарантией территориальной целостности и суверенитета каждой из стран»³⁰.

Примечания

¹ Российская газета. 20.02.2012.

² Вокруг нашей страны непростая обстановка. Заместитель министра обороны об угрозах безопасности РФ // Коммерсантъ. 06.02.2012.

³ Российская газета. 20.02.2012.

⁴ Коммерсантъ. 06.02.2012.

⁵ Московские новости. 27.02.2012.

- ⁶ Там же.
- ⁷ Лукьянов Ф. Россия в мире: 2012—2018 // Московские новости. 28.02.2012.
- ⁸ Полная версия интервью министра иностранных дел России С.В. Лаврова «Россия будет стабилизирующим фактором в АТР», опубликованного 27 января 2012 г. в газете «Известия». URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/65BFD5087E327B44257992001F0CAD
- ⁹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 6. С. 3—10, здесь — с. 9.
- ¹⁰ URL: <http://www.mid.ru>. 04.02.2012.
- ¹¹ Михневич С. США в Азиатско-Тихоокеанском регионе: лидерство любой ценой. URL: <http://modernpolitics.ru/2012/01/sha-v-aziatsko-tikhookeanskom-regione-liderstvo-lyubojj-cenojj/>.
- ¹² США окружают Китай вниманием. Беседа П.Журавлева с Ф. Лукьяновым. Радио «Голос России». 11.02.2012. URL: http://rus.ruvr.ru/radio_broadcast/55813581/65596075.html.
- ¹³ Clinton H. America's Pacific Century. URL: <http://foreignpolicy.com/articles/2010/10/11/americas-pacific-century>.
- ¹⁴ Оганесян А. Тихоокеанский вектор США — «я приду и тебя обойму» // Международная жизнь, Москва, 2011, декабрь. С. 43. В кавычки взяты слова из популярной советской песни. «Обойму» — искаженное «обниму», вызывает звуковую ассоциацию с фамилией президента США Обамы (замечание автора).
- ¹⁵ Трифонов В. Выступление на заочном Круглом столе «Фактор Китая во взаимоотношениях РФ с США» // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 2. С. 101—102.
- ¹⁶ Являнский И. Австралия получит защиту от Китая. Новая база для 2,5 тысяч морских пехотинцев вызывает раздражение в Пекине и вопросы в Москве // Известия. 01.02.2012.
- ¹⁷ Трифонов В. Указ. выступление. Войтенко Эдуард, Лексютина Яна. Тайвань между Китаем и Америкой // Россия в глобальной политике. 2011. № 1. С. 118—120.
- ¹⁸ Давыдов А. Китайско-американские отношения на новом этапе: что впереди? // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 4. С. 100.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Сёмин А. США—Япония—Южная Корея: трехсторонний альянс может стать реальностью? // Интернет-сайт «Новое восточное обозрение». URL: <http://journal-neo.com/?q=ru/print/4430> от 18.02.2011.

- ²¹ Сёмин А. Азиатско-Тихоокеанский регион: США уходить не собираются. URL: <http://journal-neo.com/?q=ru/print/11296> от 02.03.2012.
- ²² Жебин А. Корейский полуостров: у опасной черты (The Korean Peninsula: The Dangerous Threshold) // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 1. С. 133.
- ²³ Жебин А. КНДР: каким курсом? // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 2. С. 18.
- ²⁴ Лексютина Я. Обострение напряженности в Южно-Китайском море: взгляд из ЮВА, КНР и США // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 5. С. 30—41. Здесь — с. 39.
- ²⁵ Портяков В. О некоторых особенностях внешней политики Китая в 2009—2011 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2012, № 2. С. 25.
- ²⁶ URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7744555.html>.
- ²⁷ Габуев А, Беянинов К. США меняют Ближний Восток на Дальний. Америка подходит к границам России со стороны Азии // Коммерсантъ. 13.03.2012.
- ²⁸ Тренин Д. Верные друзья? Как Россия и Китай воспринимают друг друга. М., 2012. С. 64—65; (Trenin, Dmitri. True partners? How Russia and China see each other. — London, Centre for European Reform, 2012. P. 46—47).
- ²⁹ Lukin A. Solid Basic for partnership — Russia Beyond the Headlines // Distributed with “South China Morning Post”, Hong Kong, 29.02. 2012.
- ³⁰ Титаренко М.Л. Выступление. Круглый стол в журнале «Проблемы Дальнего Востока» «Меняющийся Китай в меняющемся мире» // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 1. С. 121.

А.Ф. Клименко*

НОВАЯ ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ США И ЭВОЛЮЦИЯ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКО-ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В АТР В СФЕРЕ ПРОБЛЕМ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Автор подробно анализирует новую оборонную стратегию США, представленную в документе «Обзор оборонной стратегии США» (US Defence Strategic Review), опубликованном Вашингтоном в начале 2012 г. Особое внимание в статье уделяется тому обстоятельству, что сегодня США начинают рассматривать Китай как своего стратегического соперника, а динамичное развитие КНР — как вызов американскому влиянию в АТР. Автор рассматривает реакцию Пекина на соответствующую деятельность США, а также характеризует роль Индии в американской стратегии по сдерживанию Китая. Один из основных выводов автора заключается в том, что для России новая стратегия США, несмотря на ее достаточно агрессивный характер, несет в себе и позитивные моменты: интерес Вашингтона к российскому Дальнему Востоку способен облегчить американское инвестирование в экономику этого региона. Могут получить импульс и потенциально выгодные для России экономические проекты в рамках АТЭС.

* Клименко Анатолий Филиппович, к.воен.н., в.н.с. Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН.

Ключевые слова: новая оборонная стратегия США, сдерживание Китая, РФ, Индия, Юго-Восточная Азия, российский Дальний Восток.

Некоторые новые акценты в установках военной стратегии США. Как известно, администрация США 5 января 2012 г. после консультаций с союзниками по НАТО обнародовала новый документ «Обзор оборонной стратегии США» (US Defence Strategic Review). Согласно «Обзору», новая оборонная стратегия призвана сохранить военное превосходство Соединенных Штатов с помощью более компактных и эффективных вооруженных сил (ВС), способных дать ответ на глобальные вызовы современности. Получили дальнейшее развитие вопросы гибкости использования вооруженных сил и координации военных усилий с партнерами.

Изменения в оборонной стратегии США вызваны сочетанием двух факторов — бюджетного давления, связанного с мировым финансово-экономическим кризисом, и перемен в глобальной стратегической обстановке. Авторы документа считают, что новые наиболее вероятные угрозы вряд ли потребуют от ВС США готовности к ведению одновременно двух крупных региональных войн. Но рост мировой значимости Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) потребует направления туда соответствующих человеческих, экономических и военных ресурсов.

В Вашингтоне полагают, что экономические интересы США и американская безопасность в значительной мере определяются ситуацией в зоне, которая лежит в пределах территории от западной части Тихого океана и Восточной Азии до Индийского океана и Южной Азии. Именно поэтому Белый дом намерен перенести свои усилия по поддержанию стабильной обстановки в эту часть планеты. Путь осуществления соответствующих планов — укрепление сотрудничества с расположенными здесь государствами.

Вашингтон намерен поддерживать стабильность на Корейском полуострове и вместе с другими странами противостоять возможным провокациям со стороны Северной Кореи, которая продолжает развивать свой ракетно-ядерный потенциал. Одна-

ко особое внимание в новой военной стратегии США уделяется Китаю, поскольку «усиление Китая как мощной региональной державы в отдаленной перспективе может оказать негативное влияние на экономические позиции Америки и на ее национальную безопасность»¹. Разработчики стратегии указывают, что Пекин, наращивая свой военный потенциал, должен ясно заявить мировой общественности о своих стратегических намерениях, чтобы избежать ухудшения обстановки в регионе и устранить возможность возникновения противоречий с расположенными в нем государствами и другими странами мира.

Вместе с тем Вашингтон намерен и дальше укреплять отношения с КНР, чтобы в соответствии с международным правом иметь свободный доступ на указанные территории планеты. Однако при более внимательном анализе новой стратегии Пентагона, а главное — практических действий Вашингтона по ее реализации, смысл этого дипломатического «реверанса» видится совершенно иным.

Китай как новый субъект для «сдерживания» со стороны США. Нельзя не заметить, что сегодня США начинают рассматривать Китай как своего стратегического соперника, а динамичное развитие КНР — как вызов американскому влиянию в АТР. Об этом свидетельствуют попытки Вашингтона ограничить накопление китайской мощи в регионе путем ускорения концентрации в АТР американских военных усилий. Активизируется взаимодействие Вашингтона с традиционными союзниками, такими, как Япония, Южная Корея и Тайвань, проводится настойчивая работа по привлечению новых партнеров в лице Вьетнама, Филиппин и Таиланда, которых также планируется задействовать для создания «оборонительного пояса» вокруг Китая. Между Вашингтоном и Канберрой достигнута договоренность, согласно которой будет наращиваться присутствие ВМС США у австралийских берегов.

В качестве практических мер предусмотрено создание около австралийского города Дарвин крупной американской военной базы. На севере Австралии также появятся американские военные корабли и боевая авиация. К 2016 г. на военной базе на австралийском севере будет насчитываться 2,5 тыс. военнослужа-

щих США. Как заявил генерал авиации М.Келтз — руководитель стратегического планирования ВС США в Тихоокеанском регионе, в Австралии будут размещены новейшие виды сложного оружия, включая истребители F-22 и транспортные самолеты C-17.

Позже стало известно, что США также намерены разместить корабли Littoral Combat Ships на базе сингапурских ВМС Чанги. Это наиболее современные корабли американских ВМС, предназначенные для выполнения различных задач: от борьбы с пиратством до охоты за подводными лодками и участия в спецоперациях на мелководье. Отмечая этот факт, газета «Вашингтон пост» обратила внимание на то, что если база в Австралии отстоит от Китая примерно на 2,5 тыс. миль, то Сингапур к нему гораздо ближе. Он занимает стратегическое положение в Малаккском проливе, через который проходят важнейшие морские пути с Ближнего Востока в Восточную Азию. Кроме того, это государство находится в южной части Южно-Китайского моря, которое стало ареной территориальных споров между Китаем, Вьетнамом, Филиппинами и другими странами².

И, наконец, в СМИ появляется информация о намерении США арендовать у Вьетнама военно-морскую базу Камрань, которая уже использовалась в свое время США, а впоследствии — Советским Союзом и от которой затем отказалась Россия.

Реакция Пекина на установки новой стратегии США. Как и следовало ожидать, реакция Пекина на планы новой военной стратегии Соединенных Штатов последовала незамедлительно. Китайское министерство обороны объявило, что положения, сформулированные в военной стратегии США, «не имеют под собой никакой почвы и совершенно не обоснованы». Представители военного ведомства КНР подчеркнули, что они будут «внимательно отслеживать влияние, которое новые стратегические установки Белого дома окажут на ситуацию в АТР и в мире в целом»³.

Вместе с тем, как отметил в ходе видеоконференции на тему «Новая американская стратегия: переориентация на АТР. Новые приоритеты — новые вызовы» китайский эксперт Син Гуанчэн, «несмотря на непростую геополитическую ситуацию в

регионе, например в акватории стратегически важного Южно-Китайского моря, правительство КНР ... считает своей стратегической целью поддержание стабильности и дружественной обстановки в регионе, особенно на Корейском полуострове»⁴. По его словам, Пекин стремится укреплять пояс стабильных отношений по периметру китайских границ, в том числе выстраивает отношения стратегического партнерства с Россией.

Однако наращивание группировки американских войск в регионе, а особенно размещение ее военных кораблей в Сингапуре, расценивается в Китае как прямая военная угроза. Это подтверждают слова председателя КНР Ху Цзиньтао, сказанные на совещании с высшим военным руководством страны: китайский военно-морской флот должен «готовиться к войне»⁵.

Представитель Министерства обороны КНР Гэн Яньшэн заявил, что продвижение Соединенными Штатами «интегрированных боевых усилий на море и в воздухе» имеет отношение к «провокационному конфронтации и жертвованию безопасностью других ради чьей-то безопасности». А по словам генерал-майора НОАК Ло Юаня, политика Б.Обамы в регионе демонстрирует, что Соединенные Штаты хотят окружить Китай, взять его в кольцо. Так что призыв председателя КНР к руководству ВМС «готовиться к войне» вполне можно отнести к ответным мерам Пекина на американские планы⁶.

Вместе с тем специалисты указывают на то, что и без США у КНР достаточно причин для активизации своих военно-морских сил. Прежде всего, это обострение отношений с соседями по вопросам спорных территорий. К ним относятся и расположенные в Восточно-Китайском море острова Дяоюйдао (японское название Сенкаку), принадлежность которых является предметом давнего диспута между Токио и Пекином, и Парасельские острова, и архипелаг Спратли, которые находятся в Южно-Китайском море и на которые вместе с КНР претендуют еще Вьетнам, Малайзия и Индонезия. При этом накал спора подогревается расчетами на возможное наличие нефти на островном шельфе.

Кроме того, Китай во многом зависит от морских коммуникаций, на которые приходится значительный объем его грузо-

оборота. Более 85 % нефти и нефтепродуктов доставляется в КНР из стран Персидского залива и Африки по Индийскому океану через подверженный пиратским нападениям узкий Малаккский пролив. Поэтому КНР наращивает усилия по реализации принятой в 1995 г. «Стратегии активной обороны», предусматривающей создание таких ВМС и поддерживающих их ВВС, которые были бы способны не только отразить агрессию с моря, но и активно оперировать на океанском театре военных действий⁷.

Роль Индии в стратегии США по сдерживанию Китая. Большое значение в американской стратегии в плане подключения к «сдерживанию» Китая придается Индии, которая, по мнению разработчиков документа, обладает всеми необходимыми качествами для обеспечения безопасности и соблюдения экономических интересов США в районах, прилегающих к Индийскому океану. Согласно новой стратегической программе, по утверждению американского министра обороны Л.Панетты, США будут стремиться к налаживанию «долгосрочного стратегического партнерства с Индией, чтобы поддержать ее способность быть экономическим якорем региона и генератором безопасности в более широкой зоне Индийского океана»⁸. Начало трехсторонних стратегических консультаций между Соединенными Штатами Америки, Индией и Японией, а также решение трех стран провести совместные военно-морские учения являются наглядным подтверждением таких устремлений.

После состоявшегося в начале 2012 г. в Вашингтоне 1-го раунда стратегического диалога США, Япония и Индия провели в Токио более конкретные обсуждения, нацеленные на укрепление трехстороннего взаимодействия. Планируется, что со временем эта трехсторонняя инициатива может стать четырехсторонней, если к ней присоединится Австралия⁹.

Но для налаживания серьезного трехстороннего сотрудничества необходимы важные сдвиги в стратегических планах и политике Америки, Японии и Индии. Если Япония, являющаяся союзницей США по заключенному между двумя странами договору, уже наладила военное взаимодействие и обеспечила оперативную совместимость с американскими ВС, то в отношении

Индии этого пока сказать нельзя. Между США и Индией не существует договорных отношений, у их вооруженных сил разное оружие и системы боевой подготовки войск. Но поскольку никто к официальному трехстороннему альянсу не стремится, ограниченные взаимодействие и оперативная совместимость могут вписаться в политические цели существующего партнерства. В данном случае, скорее всего, его политическая целесообразность перевешивает военную ценность.

Вместе с тем и на этом направлении США предпринимают определенные шаги. Американские и индийские войска в последние годы провели десятки военных учений. Однако аналитики из США отмечают, что Индия по-прежнему тяготеет к «неприсоединению» в силовой политике, сохраняя свою стратегическую независимость. Это подтверждается и различием в подходах Вашингтона и Дели к иранской ядерной проблеме. Не одобряя в целом эту программу, Индия заинтересована в развитии энергетического и других видов сотрудничества с Тегераном. Она импортирует из Ирана примерно 12 % потребляемой ею нефти, к тому же территория Ирана является для Индии ключевым транзитным маршрутом. Отвечая на вопрос по поводу новых американских санкций в отношении Ирана, индийский министр иностранных дел Ранджан Матхаи заявил: «Мы придерживаемся санкций ООН, действующих в отношении Тегерана, и не считаем нужным присоединяться к каким-либо другим ограничениям, вводимым в одностороннем порядке»¹⁰.

Разногласия по отношению к Исламской Республике Иран (ИРИ) создают реальную проблему для двух стран, и если ее не разрешить, она может стать существенным препятствием в развитии американо-индийских отношений. Члены американского Конгресса возмущены тем, что Индия не спешит присоединиться к усилиям, направленным на оказание давления на ИРИ, а члены индийского парламента, со своей стороны, недовольны публичным подталкиванием их к более жесткому отношению к Ирану.

Разногласия по ИРИ могут негативно повлиять на другие составляющие зарождающегося американо-индийского стратегического партнерства — от торговли и военного сотрудничест-

ва до координации дипломатической активности. Индия ведет себя осторожно и потому, что она, на наш взгляд, не желает обострять отношения с КНР, будучи наблюдателем при Шанхайской организации сотрудничества и поддерживая отношения с Китаем в таких неформальных международных организациях, как РИК и БРИКС. Но подобная «осторожность» со стороны Индии довольно неустойчива. Двусмысленная позиция Дели объясняется давней историей конфликтов с Китаем, истоки которой начинаются с пограничной войны 1962 г.

Фактор «недоверия» во взаимоотношениях между КНР и Индией не способствует стабильности в ЮВА. Несмотря на многочисленные переговоры и декларируемую готовность устранить давний источник напряженности в отношениях между КНР и Индией — крупнейшими торговыми партнерами, *стороны не могут достичь компромисса по восточному и западному участкам их границы*, которые в 1962 г. стали фронтами китайско-индийской войны, обернувшейся, несмотря на свой локальный характер, серьезным унижением для Индии.

Восточное направление. Таванг, округ в индийском штате Аруначал-Прадеш¹¹, является одним из предметов спора, препятствующего окончательному пограничному урегулированию между Китаем и Индией.

Одна из причин китайских претензий на Таванг — его стратегическое значение: через него проходит кратчайший путь из Тибета на территорию Индии, который в случае конфликта позволит китайским войскам максимально быстро прорваться в долину Брахмапутры и перерезать так называемый коридор Силигури — узкую полосу территории, соединяющую северо-восточные штаты с основной территорией Индии.

Ситуация на восточном участке границы часто осложняется многочисленными инцидентами. Прохождение границы между странами не согласовано, несмотря на состоявшиеся 15 раундов переговоров. В 2009 г. власти Индии приняли решение об отправке в Аруначал-Прадеш дополнительных сил в количестве 25—30 тыс. человек и эскадрильи истребителей Су-30, хотя особо отмечается, что это наращивание сил «не носит агрессивного характера». Индия сформировала новые горно-стрелковые ди-

визии и планирует увеличить ударные группы, созданные для противодействия агрессии со стороны Китая. Около 36 тыс. солдат и офицеров были переведены на северо-восток, ближе к штату Аруначал-Прадеш.

Обстановка на *западном участке* китайско-индийской границы также далека от спокойствия. Китай удерживает территорию Аксай Чин¹², через которую проходит стратегическое шоссе, соединяющее Тибет и Синьцзян. Значимость Пакистана, передавшего Китаю часть территории Кашмира, граничащую с Аксай Чином, для Пекина определяется возможностью строительства на берегу Аравийского моря порта — военно-морской базы в Гвадаре, откуда можно отслеживать движение кораблей через Ормузский пролив, а также порта в Пасни. Гвадар является не простым крупным инвестиционным проектом: китайская сторона планирует связать этот порт с территорией Синьцзяна железной дорогой, нефте- и газопроводом, что позволит повысить энергетическую безопасность уязвимых западных районов КНР и укрепить позиции Китая как торгового партнера государств Центральной Азии.

Кроме того, Гвадар, связанный по суше с Синьцзяном, позволяет сократить для следующих в Китай грузов морской путь в Индийском океане, где стратегические линии коммуникаций в случае потенциального конфликта могут быть легко перерезаны индийским или американским ВМФ. Кроме того, транспортировка в Китай по суше выгруженных в Гвадаре сырья и товаров позволяет избежать следования через Малаккский пролив, где весьма высока угроза нападения пиратов.

И, наконец, в перспективе Гвадар может использоваться в качестве пункта базирования кораблей ВМС КНР.

Именно по этой причине, вероятнее всего, китайское присутствие в Гвадаре вызывает озабоченность у Индии. Военно-морская доктрина страны провозглашает: создание мощного ВМФ и господство в Индийском океане — важнейшая составляющая национальной безопасности и одно из главных условий повышения политического статуса Индии в мире, поэтому иностранная активность в данной акватории является вызовом индийскому потенциальному доминированию в ней.

Китайские проекты в Индийском океане воспринимаются многими в Индии как составные части принятой в КНР *стратегии по Индийскому океану под названием «Нитка жемчужин»*. В соответствии с ней, Китай планирует опоясать Индию цепью военно-морских баз вдоль северного побережья Индийского океана, создать ей стратегический противовес в регионе и защитить свои интересы, связанные с транспортировкой грузов.

Наряду с Гвадаром компонентами доктрины «Нитки жемчужин» считаются:

- проникновение китайцев на Шри-Ланку, где на юге острова при активном китайском участии (доля китайцев в финансировании строительства составляет порядка 85 %) строится порт Хамбантога;
- практический интерес Китая к развитию порта Читтагонг в Бангладеш;
- тесное взаимодействие Китая с Мьянмой. Помимо важнейших направлений этого сотрудничества — энергетического и военно-технического — китайский капитал участвует в развитии порта Кьяукпью, возможно, по сценарию Гвадара и Хамбантога.

Китайское правительство думает также связать Индийский океан с тихоокеанским побережьем КНР каналом через перешеек Кра в Таиланде. В этом случае Китай получит беспрепятственный доступ к морским пространствам от Африки до Японии. Планируется также соединение портов по обе стороны этого перешейка железными дорогами и автотрассами. Правительство Малайзии заинтересовано в создании трубопроводной сети, связывающей порты в Бенгальском заливе с портами в Южно-Китайском море. Эксперты считают эти коммуникации не менее важными в стратегическом отношении, чем «коридор Фульда», по которому в свое время советские танки могли прорваться в ФРГ.

Деятельность китайской стороны вызывает озабоченность Дели. Несмотря на то, что проекты декларируются как коммерческие, многие в Индии считают, что они легко могут быть переориентированы и на выполнение военных задач.

Индия опасается, что она будет окружена Китаем, если не расширит сферу своего влияния. В ответ на строительство китайцами военно-морской базы в Гвадаре Индия создала на сво-

ей территории базу в Карваре и помогает Ирану реконструировать военно-морскую базу в Чах-Бахаре, контролирующую выход из Персидского залива.

В свою очередь китайский эксперт Чжан Мин считает, что принадлежащие Индии острова Андаманского и Никобарского архипелагов могут быть использованы для блокирования Малаккского пролива, от которого Китай сильно зависит. Если Индия возьмет под контроль Индийский океан и будет стремиться расширить на восток сферу своего влияния, то это создаст новые риски для Китая.

Недавний зондаж Пекина возможности использовать некоторые объекты на Сейшельских островах привел к тому, что Индия возобновила оказание поддержки островам, находящимся к западу от ее побережья.

Наряду с этим, Индия вступила в партнерство с Вьетнамом, включая предоставление помощи Ханюю в вопросе повышения его оборонных возможностей. Индийский премьер-министр Манмохан Сингх активно проводит политику «Посмотри на Восток», адресатами которой являются лидеры Южной Кореи, Японии, Индонезии, Малайзии и Таиланда. Эта политика привела к расширению торговых связей и экономического сотрудничества между названными странами. Также Индия регулярно проводит военные учения со странами АТР и Юго-Восточной Азии.

В Дели с тревогой отмечают, что расходы Китая на оборону в 2011 г., только по официальным данным, достигли 91,5 млрд долл., что на 12,7 % превысило показатель 2010 г. А по оценкам зарубежных экспертов, они составляют около 120 млрд, что выдвигает Китай по этому показателю на 2-е место в мире после США. «За последние пару лет китайцы начали действовать более агрессивно в политике, дипломатии и военном аспекте. ...Появилось осознание, что Китай является настоящей опасностью будущего», — заявил бригадный генерал в отставке Гурмит Канвал, директор индийского Центра по изучению (проблем) сухопутной войны в Дели. «Индийская армия укрепляет свои силы в подготовке к борьбе в ограниченном конфликте о спорной границе и работает над тем, чтобы предоставить противовес амбициям Китая в Индийском океане», — отметил в докладе

американскому Сенату Дж.Клаппер, директор Национальной разведки США¹³.

Руководители Индии и военные с опасениями смотрят на то, как Пекин модернизирует армию и увеличивает военное преимущество над их страной. Для некоторых в Индии противостояние Китаю имеет большее значение, чем давнему врагу Пакистану.

Для противодействия Китаю Индия проводит модернизацию ВС и замену устаревшего оружия советского времени. Заказы на истребители, боевые корабли, вертолеты и оружие сделали Индию мировым лидером по объемам импорта оружия.

Международный институт по изучению проблем мира в Стокгольме сообщил, что на долю Индии приходится около 9 % мирового импорта оружия. Только в текущем 2012 г. Индия заключила контракт с Францией на приобретение 126 боевых самолетов, приняла в лизинг российскую атомную подлодку. Ожидается, что из России же индийским ВМС поступит модернизированный авианосец. Помимо этого, в результате сделки в 5 млрд долл., в настоящий момент в Индии по французской лицензии строятся 6 подводных лодок типа «Скорпион», которые должны поступить на службу через 3 года¹⁴.

Снижению градуса напряженности в двусторонних отношениях не способствует и «война слов» в СМИ обеих стран (одним из самых скандальных эпизодов стала публикация на сайте китайского Международного института стратегических исследований статьи о том, как КНР могла бы содействовать дезинтеграции Индии и превращению ее в группу мелких независимых государств)¹⁵.

Наблюдателями отмечается существенное отличие источников разжигания подобной истерии в каждой из стран. Если в Индии в этом заинтересованы в первую очередь военные и околовоенные круги, которым напряженность сулит дополнительные доходы (в том числе и теневые) от новых крупных военных контрактов, то в Китае, где государство осуществляет жесткий контроль над информационным пространством, подобные публикации появляются не без одобрения руководства страны.

Напряженность между двумя странами присутствует и на внерегиональном уровне. Китай не одобряет идею приобретения

Индией статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН, что обесценило бы его стратегическое преимущество в виде права вето. Так, на саммите БРИК в Екатеринбурге в мае 2008 г. Пекин отказался поддержать предложение России о включении в текст Итогового коммюнике положения о поддержке намерения Индии и Бразилии получить место постоянных членов СБ ООН.

С другой стороны, Индия в свое время вызвала у Китая опасения тем, что стала участником программы сотрудничества с США, Японией, Австралией и Сингапуром, важным компонентом которой является проведение совместных учений ВМС этих стран. В США считают, что данное сотрудничество является своего рода партнерством демократий, призванным сдерживать экспансионистские аппетиты авторитарного Китая¹⁶.

Некоторые выводы

1. Новая военная доктрина США меняет суть стратегии «сдерживания Китая». Прежде речь шла о проведении демонстративных силовых акций вблизи границ КНР. Теперь администрация Б.Обамы делает ставку на подъем альтернативных Китаю, но дружественных США государств — «центров влияния» в ЮВА и в зоне Индийского океана. Вашингтон готов предоставить им определенные ресурсы для достижения статуса полноценных региональных держав.

2. Для России новая стратегия США несет в себе как позитивные, так и негативные моменты. Интерес Вашингтона к российскому Дальнему Востоку облегчит американское инвестирование в экономику этого региона. Могут ускориться и потенциально выгодные для России общие экономические проекты в рамках АТЭС.

С другой стороны, в настоящее время Россия развивает комплекс политических связей с Китаем. Российско-китайский договор 2001 г. предусматривает широкий спектр взаимных обязательств Москвы и Пекина. Втягивание РФ в обновленную систему американского присутствия может создать в Пекине ощущение переориентации России.

3. Китай и Индия сталкиваются как со старыми, так и новыми трудностями в своих двусторонних отношениях. Подозрительность Индии в отношении намерений Китая, нерешенный пограничный спор, конкурентная динамика, связанная с положением обеих растущих стран в Азии, соперничество за доступ к иностранным нефтяным и газовым ресурсам, в том числе в ближайших к ним регионах, например, в Бирме, служат естественным тормозом для развития более тесных партнерских связей между двумя странами.

4. Цель Китая состоит в том, чтобы убедить Индию доброжелательно отнестись к расширяющемуся китайскому экономическому, политическому и военному присутствию в Южной Азии и Индийском океане; устранить подозрительность в китайско-индийских отношениях; сделать Индию партнером Китая. В этом случае рост влияния Китая в Азии не приведет к попыткам Индии уравновесить его путем коалиции с Соединенными Штатами. Но проблема состоит в том, что взаимодействие Индии и Китая не предполагает уступок по статусу Тибета, устранения китайско-пакистанской стратегической связи или ограничения расширяющихся связей Китая с другими южно-азиатскими странами в военной области, сферах безопасности и транспорте.

5. Несмотря на непростую геополитическую ситуацию в акватории стратегически важного Южно-Китайского моря, Пекин считает своей стратегической целью поддержание стабильности и дружественной обстановки в регионе, особенно на Корейском полуострове; укрепление пояса стабильных отношений по периметру китайских границ, в том числе развитие с Россией отношения стратегического партнерства.

6. Китайско-индийские трения невыгодны России из-за необходимости делать ненужный, но неизбежный внешнеполитический выбор. В случае разрастания конфликт двух крупнейших участников ШОС способен разрушить и обесценить этот формат сотрудничества, так как Россия станет перед выбором, чью сторону принять.

7. Задача ШОС и РИК — по возможности содействовать решению сохраняющихся проблем во взаимоотношениях между Китаем и Индией на взаимоприемлемых для двух государств ус-

ловиях, способствовать устранению подозрительности и укреплению доверия между ними. Этой цели могло бы послужить принятие Индии в ШОС в качестве постоянного члена.

Примечания

¹ Независимое военное обозрение. 27.01.2012.

² URL: <http://www.redstar.ru>. 12.09.2011.

³ URL: http://nvo.ng.ru/forces/2012-01-27/14_usa.html.

⁴ Красная звезда. 21.01.2012.

⁵ URL: http://nvo.ng.ru/forces/2012-01-27/14_usa.html.

⁶ Там же.

⁷ Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 3. С. 42—64.

⁸ URL: <http://vz.ru/politics/2012/1/6/551635.html>.

⁹ The Washington Times. 25. 01. 2012.

¹⁰ Известия. 18.01.2012.

¹¹ В настоящее время Китай не признает индийский суверенитет над штатом Аруначал-Прадеш, называя эту территорию «Южным Тибетом» (в 1986 г. преобразование Агентства Северо-Восточной границы штат Аруначал-Прадеш вызвало очередное обострение китайско-индийских отношений и всплеск пограничных инцидентов).

В 2009 г. резкую критику китайского МИДа вызвал визит премьер-министра Индии Манмохана Сингха в Аруначал-Прадеш накануне выборов в местное законодательное собрание. Китай также пытался заблокировать предоставление Индии кредита Азиатского банка развития, поскольку часть этого кредита предназначалась на нужды развития штата Аруначал-Прадеш.

¹² В 1963 г. союзником КНР — Пакистаном — китайской стороне была передана часть территории Кашмира, граничащая с Аксай Чинном. В данном случае уже китайский суверенитет оспаривается Индией.

¹³ India Military Modernized With China In Mind. URL: http://www.huffingtonpost.com/2012/02/08/india-military-modernized_n_1262116.htm.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Приводится по: URL: http://www.perspektivy.info/rus/ekob/brik_kak_n_ovaia_koncepcija_mnogovektornoj_diplomatii_2010-03-13.htm.

¹⁶ Там же.

А.В. Болятко*

ЭВОЛЮЦИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей американской военной стратегии в отношении Восточной Азии, выявленных на основе подробного анализа положений доклада корпорации RAND (май, 2001 г.) и стратегии национальной безопасности США, опубликованной администрацией Б. Обамы в 2010 г. Автором приводится обширный фактологический материал, иллюстрирующий развитие военно-политической обстановки в регионе и реакцию ряда ключевых региональных «игроков», в том числе, Китая, на изменение расстановки сил в Восточной Азии.

Ключевые слова: военная стратегия, Восточная Азия, Китай, США, региональная обстановка, противостояние, диалог.

Непосредственно после окончания «холодной войны» и дезинтеграции Советского Союза американские эксперты и специалисты начали проработку новых стратегических концепций для США и их союзников. Большое внимание уделялось анализу подходов к формированию американской стратегии в Азиатско-Тихоокеанском регионе, «возвращение» в который, по мнению специалистов, будет способствовать сохра-

* Болятко Анатолий Викторович, д.воен.н., проф., г.н.с. Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН.

нению и укреплению позиций США в Азии в условиях меняющейся мировой военно-политической обстановки.

В результате изучения основных региональных тенденций, их вызовов и угроз, сформулированы направления американской политики и пути усиления влияния США на развитие обстановки в Азии с целью создания «динамичного мира». Одной из наиболее полных работ такого характера стал доклад крупной исследовательской корпорации RAND, опубликованный в мае 2001 г. Его основные положения, касающиеся стратегической обстановки в регионе, сохраняют актуальность и донныне¹.

Авторы доклада полагают, что для обеспечения мира и стабильности в Азии США должны противостоять ряду критических региональных вызовов. Например, в Северо-Восточной Азии (СВА) улучшение отношений между Северной и Южной Кореей может завершиться воссоединением «двух Корей» или их примирением, но само разрешение корейской проблемы способно привести к драматическому изменению военно-политической обстановки в АТР, серьезно воздействовать на структуру размещенных в регионе американских войск и сил.

Другим ключевым фактором, влияющим на обстановку в регионе, являются растущие экономические, технологические и военные достижения Китая. Вопрос ближайшей перспективы для американских стратегов — как наилучшим образом реагировать на угрозу китайской «агрессии» против Тайваня. На долгосрочную перспективу США должны учитывать стратегические и военные вызовы, которые будет создавать Китай либо для уменьшения американского влияния в регионе, либо путем энергичной реализации своего превосходства в АТР.

Индия также стала играть все большую роль в формировании военно-политической обстановки в регионе. Ее стремление к обретению статуса великой державы может стать стимулом углубляющегося конфликта с Китаем. В то же время Индия по-прежнему вовлечена в спор с Пакистаном по вопросу о Кашмире, в котором продолжают силовые вторжения, мятежи и акты терроризма. А в сочетании с рисками применения ядерного оружия, имеющегося у обеих сторон, создается потенциально взрывоопасная ситуация.

В Юго-Восточной Азии падение режима Сухарто в Индонезии привело к активизации сепаратистских движений и гражданским раздорам, что может нанести ущерб территориальной целостности страны.

По мнению американских стратегов, Япония и Россия стремятся повысить свой политический и военный статус в мире, что также может дестабилизировать существующий региональный порядок.

Для нейтрализации потенциальных вызовов и угроз в АТР США должны разработать интегрированную политическую, военную и экономическую стратегию, имеющую целью недопущение такого возвышения противников, которое было бы чревато нестабильностью или конфликтами в регионе. Главным для достижения этой цели Вашингтону видится предотвращение роста конкурирующей державы, которая, возможно, попытается подорвать роль США в Азии или использовать силу для навязывания собственных притязаний. Равно важным является необходимость поддерживать стабильность в регионе и способствовать мирному развитию Азии, обеспечивать экономический доступ в эту зону мира.

По мнению экспертов RAND, для достижения этих целей в военно-политической области США должны придерживаться стратегии, состоящей из четырех компонентов:

1. Развивать систему своих двусторонних военно-политических союзов для создания более широких рамок и возможностей по координации усилий в области безопасности в регионе. Многосторонняя военно-политическая система могла бы в конечном итоге включать Японию, Южную Корею, Австралию и, возможно, Сингапур, Филиппины и Таиланд. В процессе ее создания Соединенным Штатам следовало бы поддержать те силы в Японии, которые выступают за ревизию японской Конституции, за расширение горизонтов безопасности страны, за достижение соглашения по американо-японской стратегии в Азии.

2. Проводить стратегию баланса силы между ключевыми азиатскими странами, которые не входят в американскую структуру союзов, — Китаем, Индией, Россией. Целью является недопущение создания любой из этих стран угроз региональной безопас-

ности, доминирования друг над другом или формирования коалиций, направленных против США. Рекомендуется укреплять политические, экономические и военные отношения с этими тремя странами, особенно с теми, кто в наименьшей степени угрожает американским стратегическим интересам. Стратегия (и тактика) США по отношению к Китаю должна включать четко сформулированные элементы «вовлечения и сдерживания», ясно выраженную оппозицию односторонней декларации Тайванем его независимости, но также и ясно выраженную решимость США защитить Тайвань в случае нападения на него материкового Китая.

3. Препятствовать использованию силы как средства разрешения территориальных споров в регионе. Этому способствуют разъяснение американской политики по Тайваню, а также позиции по вопросу свободы мореплавания в Южно-Китайском море, содействие сплочению и территориальной целостности Индонезии, продвижение процесса урегулирования по кашмирской проблеме, противодействие гонке ядерных вооружений на Южноазиатском субконтиненте.

4. Способствовать установлению диалога в области безопасности среди всех стран Азии как средства предотвращения и урегулирования региональных конфликтов, разработке мер доверия и побуждения государств региона к вхождению в многосторонние военно-политические структуры в будущем.

Специалисты RAND полагают, что реализация новой широкомасштабной стратегии в Азии потребует значительных изменений в существующей структуре и дислокации вооруженных сил США. В частности, фокус внимания Вашингтона должен сместиться из Северо-Восточной Азии, которая уже хорошо обеспечена существующими американскими военными базами, в другие субрегионы по всему азиатскому континенту. Существующие структуры безопасности в СВА ни в коей мере не должны быть нарушены. В то же время больше внимания должно быть уделено Тайваню, где базирование вооруженных сил США сопряжено с рядом политических и военных проблем, а также Юго-Восточной Азии, где нет военного присутствия США на постоянной основе. Для достижения этой цели необходимо оце-

нить осуществимость размещения пунктов передового базирования в Японии для поддержки Тайваня в случае его конфликта с материковой частью Китая. Кроме того, Соединенным Штатам следует принять меры для укрепления существующих договоренностей по обеспечению доступа своих вооруженных сил путем достижения новых соглашений с Филиппинами, Индонезией и, возможно, с Вьетнамом. Цель — подготовка к потенциальным военным конфликтам в Юго-Восточной Азии.

Наконец, США должны уделить внимание вызовам особого характера, существующим в Южной Азии. Эти вызовы являются критичными сами по себе вследствие длительного враждебного противостояния Индии и Пакистана и растущими ядерными возможностями обеих стран. Кроме того, через Южную Азию проходят жизненно важные маршруты между Азиатско-Тихоокеанским регионом, Ближним Востоком и Центральной Азией. Однако вооруженные силы США в настоящее время не имеют надежного доступа на южноазиатский субконтинент. Расширение связей по военной линии с бывшими республиками СССР и другими странами «Большой» Центральной Азии могло бы содействовать доступу вооруженных сил США в воздушное пространство и к важным объектам на территории этих государств в случае, если Вашингтон усмотрел бы в этом необходимость.

Авторы доклада считают, что общий облик вооруженных сил США в западной части Тихого океана мог бы выиграть от трех дополнительных шагов.

Первый. Остров Гуам необходимо превратить в главную базу развертывания вооруженных сил США в Азии.

Второй. ВВС и ВМС США должны разработать новые концепции совместных воздушно-морских операций в целях максимизации их объединенной мощи в случае кризиса в АТР.

Третий. ВВС США должны совершенствовать свою структуру для оптимизации путей применения носителей боевых средств большего радиуса действия. Возможные варианты перспективной структуры ВВС включают: расширение парка тяжелых бомбардировщиков; развертывание так называемых самолетов-арсеналов, оснащенных большим количеством «интеллектуальных» средств поражения и запускаемых вне зоны доступа

противника; размещение небольшого числа высокоскоростных ударных самолетов дальнего радиуса действия.

Авторы доклада считают, что США не могут рассчитывать на разрешение любой проблемы в области безопасности в Азии, но они могут продолжать сдерживать агрессию других региональных акторов и содействовать миру в регионе. Однако для того, чтобы повысить эффективность своих усилий, они должны принять всеобъемлющую стратегию, нацеленную на сохранение присутствия США в новых условиях, диктуемых региональными тенденциями, способными радикально изменить геополитическую обстановку в АТР.

Тезисы азиатской стратегии США, разработанные в начале 2000-х годов и более 10 лет многократно обсуждаемые на различных форумах, по существу идентичны соответствующей стратегической доктрине администрации Б.Обамы, официально принятой к реализации в 2010—2012 гг.

В стратегии национальной безопасности США, опубликованной администрацией Б.Обамы в 2010 г.², наряду с притязаниями страны на роль «единственной сверхдержавы», содержится признание, что в мире растет число новых «центров влияния», с которыми США необходимо взаимодействовать. Список этих центров неоднократно повторяется и включает Китай, Индию и Россию. Кроме того, упоминаются «центры влияния» регионального значения, среди которых — Бразилия, Индонезия, Южная Африка, Саудовская Аравия, Нигерия. Это означает, что отрыв других великих держав от США сократился. В особой мере это касается Китая.

Американо-китайские отношения выдвигаются на первый план в мировой системе международных отношений. Сегодня КНР воспринимается как главный соперник Америки в XXI веке. Китай уже опередил или близок к тому, чтобы опередить США в качестве новой глобальной сверхдержавы. КНР вышла на 1-е место в мире по объемам промышленного производства, капиталовложениям, потреблению энергии, экспорту товаров, валютным запасам. Китай находится на 2-м месте в мире по величине ВВП, расходам на НИОКР и оборону. При сохранении нынешних тенденций эксперты прогнозируют, что во второй половине нынеш-

него десятилетия Китай обгонит США по таким ключевым показателям, как размеры ВВП и капитализация рынка³.

Огромная экономическая база позволяет КНР проводить масштабную модернизацию вооруженных сил. Нынешний Китай в состоянии не только осуществлять защиту своей территории, но и развивать океанский флот, что дает ему возможность, согласно американской терминологии, «проецировать силу». Периметр обороны КНР на Тихом океане уже не ограничивается так называемой первой линией островов (Япония—Тайвань—Филиппины), а выходит на вторую линию — до острова Гуам. Флот активно используется Пекином для защиты своих экономических интересов, например, в Южно-Китайском море, а также в Индийском океане, через который идут жизненно важные поставки нефти и другого сырья.

Вместе с тем в последние годы сложилась экономическая взаимозависимость США и КНР, которая наглядно проявилась в условиях нынешнего мирового кризиса: объем двусторонней торговли достиг 440 млрд долл. Китай превратился не только в главного поставщика товаров, но и основного кредитора Америки.

Подход администрации Б. Обамы к Китаю характеризуется призывом к Пекину взять на себя часть ответственности за поддержание стабильности мировой финансовой и экономической системы при сотрудничестве с США. В Стратегии национальной безопасности Б. Обамы говорится, что «прагматичные и эффективные отношения между США и Китаем необходимы для ответа на основные вызовы XXI века»⁴.

С другой стороны, отмечается наличие проблем, например, в сфере прав человека или в связи с модернизацией китайских вооруженных сил. Сохраняются серьезные противоречия между КНР и США и по проблемам Тайваня, Тибета, Синьцзяна. В США наблюдается также рост протекционистских настроений, что, в частности, выражается в требованиях ревальвации юаня. Экономическая взаимозависимость подталкивает Вашингтон и Пекин к компромиссу. Однако Соединенные Штаты не готовы к отказу от претензий на мировое лидерство и признанию Китая равноправным партнером.

Визит в Вашингтон вице-преьера КНР Си Цзиньпина, который должен стать лидером Китая, показал, что в двусторонней повестке дня доминируют не только экономические вопросы, но и проблема прав человека.

Китай по мере наращивания своей мощи все в большей степени способен ограничивать доступ США в восточную часть Тихого океана, космос и киберпространство, и это вызывает растущую обеспокоенность Пентагона. КНР также является единственной официально признанной ядерной державой, проводящей масштабное наращивание своих ракетно-ядерных сил. В Вашингтоне открыто выражают озабоченность «чрезмерным наращиванием военной мощи» Китая. Не случайно в Стратегии национальной безопасности указывается на угрозу, которую создает для США стремление неких государств «помешать доступу»⁵ американских вооруженных сил к некоторым регионам. Эта терминология обычно употребляется для описания военных усилий КНР по предотвращению присутствия американских ВМС в прилегающих к китайскому побережью морях и Тайваньском проливе. Таким образом, администрация Обамы провозглашает свое намерение обеспечить «доступ» в эти районы. Это не может не вести к обострению американо-китайского военного соперничества, которое также затрагивает и сферу размещения регионального ПРО (обеспечение защиты от сотен китайских ракет, угрожающих Тайваню и флоту США в западной части Тихого океана). В сентябре 2011 г. Вашингтоном принято решение модернизировать 145 самолетов F-16 тайваньских ВВС и поставить Тайбэю различные образцы вооружения и военной техники на сумму около 5,85 млрд долл.⁶

Новый документ «Сохранение глобального лидерства. Приоритеты обороны в XXI веке», опубликованный Пентагоном 5 января 2012 г., объявляет о необходимости перенести акцент в американской военной политике на АТР. В списке региональных приоритетов Ближний Восток теперь будет находиться только на 2-м месте, а Европа — на 3-м. Показательно, что Пентагон принял решение сократить 2 из 4 армейских бригад, остающихся в Европе, в то время как группировка американских войск на Тихом океане наращивается⁷.

В документе Министерства обороны Пекин впервые был поставлен на одну доску с Тегераном: «Для того чтобы убедительно сдерживать потенциальных противников и не допустить достижения ими своих целей, США должны поддерживать потенциал проецирования силы в районы, где создается угроза нашему доступу и свободе действий. В этом районе изохронные противники будут использовать асимметричные средства. В том числе средства электронной борьбы и кибервойны, баллистические и крылатые ракеты, новейшие средства ПВО, мины и другие методы, для того чтобы затруднить наши оперативные планы. Такие государства, как Китай и Иран, будут продолжать создавать асимметричные средства для противодействия нашему проецированию силы». На этом основании делается вывод, что «вооруженные силы США должны осуществить необходимые инвестиции, чтобы гарантировать нашу способность действовать эффективно» против таких противников. Эти инвестиции включают, в частности, «подводные лодки и средства противолодочной борьбы, создание нового бомбардировщика-невидимки, развитие ПРО и усиление критического космического потенциала»⁸.

В то же время для ядерных сил Китая американская ПРО представляет прямую и непосредственную угрозу уже в настоящее время, так как, по оценкам экспертов, у Китая имеется всего несколько сот ядерных боезарядов. Вместе с тем отсутствие у китайцев системы предупреждения о ракетном нападении делает китайские ядерные силы весьма уязвимыми в случае упреждающего удара США.

Вторая по значимости угроза в Восточной Азии для США — это терроризм. В Центральном-Азиатском регионе действуют международные террористические организации или их подразделения, радикально настроенные исламские фундаменталисты, экстремистские группировки, что вызывает обеспокоенность как государств региона, так и всего мирового сообщества. Территориальная близость к Афганистану также является дестабилизирующим фактором.

В последнее время в регионе произошел ряд событий, которые потенциально могут существенно повлиять на характер тер-

рористических актов в регионе и перспективы борьбы с ними. К ним можно отнести:

- уничтожение О. Бен-Ладена и других лидеров «Аль-Каиды»;
- решение президента США о выводе войск из Афганистана;
- последствия «арабской весны».

По мнению ряда обозревателей, уничтожение Бен-Ладена явилось поворотным пунктом в борьбе с глобальным терроризмом, однако «Аль-Каида» и ее филиалы не прекратят свою деятельность в одночасье. Более того, первая реакция «Талибана» на смерть О. Бен-Ладена не свидетельствует о готовности к компромиссу, напротив, представители «Талибана» видят в ней новый импульс для «джихада против захватчиков»⁹.

Президент Б. Обама в обращении к стране в январе 2012 г. заявил о завершении антитеррористической операции в Афганистане и предстоящем выводе американских войск из этой страны. Однако вскоре последовали возражения против вывода войск со стороны ряда специалистов и особенно консолидировавшегося в этом мнении разведывательного сообщества США. Прозвучало предупреждение, что в случае ускоренного вывода американских войск силы «Талибана» укрепятся, будут действовать более дерзко и станут еще более опасными. По мнению экспертов разведсообщества, международные силы обеспечения безопасности ослабили «Талибан» и вытеснили его из числа крупных центров влияния, однако низкая эффективность правительства Афганистана, распространенная в стране коррупция и слабость властей на местах вызвали фундаментальное недоверие между Кабулом и населением в контролируемых «Талибаном» районах, подрывая достижения контртеррористической операции. Кроме того, последний документ разведсообщества США содержит предупреждение, что, имея безопасные базы в Пакистане, «Талибан» будет контролировать сельские районы Афганистана.

Наиболее тревожным моментом является то, что, по мнению разведсообщества, «Талибан» хочет использовать переговоры с США с целью обретения международного признания и просто ждет вывода американских войск. Вызывает беспокойство и намерение американского правительства освободить ряд руководя-

щих деятелей Талибана из тюрьмы в Гуантанамо в обмен на открытие политического представительства Талибана в Катаре — шаг, который называют преждевременным и опасным.

В целом ситуацию в Афганистане оценивают как не более безопасную, чем год назад. В докладе организации Human Rights Watch 2011 год назван годом наибольшего насилия в войне¹⁰.

В соответствии с докладом НАТО, хотя в целом количество террористических актов в Афганистане уменьшилось на 9 % в 2011 г., число терактов в южной и восточной части страны соответственно возросло, что весьма симптоматично, поскольку основная часть международных сил обеспечения безопасности, ориентируемая на борьбу с «Талибаном», дислоцируется именно в этих районах. Войсковые потери в 2011 г. немного уменьшились по сравнению с уровнем 2010 г., однако потери в январе 2012 г. оказались такими же, как и в январе 2011 г., несмотря на обычное зимнее затишье. Потери гражданского населения с января по сентябрь 2011 г. были на 7 % выше, чем за тот же период 2010 г., объектами покушений стали губернаторы, руководители полиции и прозападно настроенные старейшины племен.

Доклад разведсообществ, подписанный группой специалистов во главе с нынешним директором ЦРУ и бывшим командующим группировкой вооруженных сил в Афганистане Д. Петреусом, содержит предупреждение о дальнейшем ухудшении ситуации, поскольку США в любом случае ослабят внимание к Афганистану, как это произошло в конце 1980-х годов.

Военно-политическое руководство США рассматривает проблему Южно-Китайского моря (ЮКМ) как возможный пробный камень расширения экспансионистских устремлений Китая. В последнее время произошла активизация споров по поводу ряда островных территорий в ЮКМ. Наиболее крупная из них — острова Спратли, на которые помимо Китая претендуют Филиппины, Вьетнам, Малайзия, а также Тайвань. На некоторых островах эти страны уже разместили свои военные посты. Эти разногласия недавно уже привели к обострению отношений между Пекином и Манилой¹¹.

Свою позицию по спору об островах США продемонстрировали в том числе и путем проведения совместных с военнотру-

жащими Филиппин учений в акватории ЮКМ, когда была осуществлена совместная операция по захвату острова Паливана недалеко от спорного архипелага. В штурме Паливана, который по легенде учений был захвачен вооруженными террористами, приняли участие около сотни военнослужащих.

Пекин всячески противится интернационализации спора за острова в ЮКМ и решению проблемы на основе Международной конвенции по морскому праву. Он предпочитает решать вопросы на двусторонней основе с каждой страной в отдельности.

Новая стратегическая обстановка дает Пентагону возможность пересмотреть как состав сил и средств для военного реагирования на угрозы, так и на их дислокацию. С учетом изменений экономической и общей стратегической ситуации в мире предполагается снизить американское военное присутствие в Европе и перенаправить военные ресурсы преимущественно в сторону Азии. При этом ключевое место в планах Пентагона отводится укреплению военно-политического блока НАТО, в первую очередь за счет наращивания вклада европейских союзников в потенциал альянса, в том числе в его активность в Азии.

Президент США Б. Обама принял решение разместить постоянный контингент морских пехотинцев, самолеты и корабли в Австралии. Кроме того, планируется перегруппировка американских вооруженных сил в пределах существующих военных баз в регионе. В ноябре 2011 г. обнародовано содержание американо-австралийского соглашения, в котором предусматривается, начиная с середины 2012 г., размещение на северо-востоке Зеленого континента — на территории военной базы в Дарвине — подразделений морской пехоты и армии США общей численностью до 2500 человек. Здесь же будут находиться американские службы тылового обеспечения, самолеты боевой и вспомогательной авиации, боевые корабли. Президент США заявил также о возможности создания совместной американо-австралийской военно-морской базы на принадлежащих Австралии Кокосовых островах в акватории Индийского океана. Заявлено, что американские морские пехотинцы займутся осуществлением гуманитарных операций в регионе. С этой целью между Вашингтоном и Канберрой достигнута договоренность,

согласно которой будет наращиваться присутствие ВМС США у австралийских берегов¹².

США и Сингапур ведут переговоры о том, чтобы американские боевые корабли, предназначенные для действий в прибрежной зоне, получили право базироваться в этом островном государстве. Местом их дислокации станет база сингапурских ВМС Чанги¹³.

США ведут переговоры с Филиппинами о расширении американского военного присутствия в этом островном государстве. Обсуждаются, в частности, такие варианты, как дислокация на Филиппинах кораблей ВМС США, развертывание там на ротационной основе американских войск или более частое проведение совместных военных учений. Предполагается, что в любом случае американские военные будут «гостить» на уже существующих чужих базах. Не исключается возвращение американских ВМС на крупнейшую военно-морскую базу в заливе Субик-бей, с которой два десятилетия назад филиппинские власти попросили их удалиться. Если договоренность будет достигнута, то она станет продолжением ряда соглашений о базировании морских пехотинцев США в Австралии и кораблей ВМС США в Сингапуре¹⁴.

Китайские эксперты и специалисты не обходят вниманием вопрос о концентрации военных усилий США в регионе. На взгляд директора Института истории и географии приграничных районов Академии общественных наук Китая Син Гуанчэна, существенно повышается роль американских ВМС и ВВС, новое наполнение получает концепция «совместной комплексной войны» и становится явной возможность применения Вашингтоном «технологических преимуществ наряду с финансовым давлением». И хотя в Пекине сомневаются в том, что США смогут стать «настоящим боссом стран региона», очевидны намерения Вашингтона развивать отношения с давними партнерами, такими, как Япония и Южная Корея, а также вести настойчивую работу по привлечению новых союзников (в их числе были названы Вьетнам, Филиппины, Таиланд). Всех их можно задействовать для создания «оборонительного пояса» вокруг Китая.

В Пекине также указывают на стремление США удержать Китай в рамках «первой островной цепи», включающей Японию

и Филиппины, которые имеют договоренности о взаимной обороне с США, и Тайвань, связанный с США Законом о помощи в обороне.

В то же время, как отметил Син Гуанчэн, «несмотря на непростую геополитическую ситуацию в регионе, например, в акватории стратегически важного Южно-Китайского моря, правительство КНР оперирует терминами не давления и противостояния, а преимущественно взаимодействия. Пекин считает своей стратегической целью поддержание стабильности и дружественной обстановки в регионе, особенно на Корейском полуострове, где после смерти лидера КНДР может измениться обстановка»¹⁵.

На данном этапе во многих государствах Азиатско-Тихоокеанского региона не могут ответить на вопрос, как именно появление «Стратегических указаний по вопросам обороны» — нового американского программного документа — отразится на внутренней и межгосударственной обстановке¹⁶, в частности, в АТР.

Примечания

¹ RAND Corp. Report. May, 2001.

² URL: Grani.ru/politics/World/US/m.178404.html.

³ Независимая газета (+Наука). 17.02.2012.

⁴ Там же.

⁵ URL: http://www.ng.ru/concepts/2012-02-17/1_rf_usa.html; Военно-промышленный курьер. 2012. № 2.

⁶ URL: <http://rus.ruvr.ru/2012/01/18/64086010.html>

⁷ Независимая газета (+Наука). 17.02.2012.

⁸ Там же.

⁹ *Curtis Lisa*. After bin Laden: Do Not Retreat from Afghanistan. Web Memo. № 3259. 17.05.2011.

¹⁰ URL: <http://security.blogs.cnn.com/2012/01/24>.

¹¹ Военно-промышленный курьер. 2012. № 17.

¹² Там же. № 2.

¹³ Независимая газета. 20.11.2011.

¹⁴ Красная звезда. 27.01.2012.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

*Л.Е. Васильев**

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: США И КИТАЙ ОТ СОПЕРНИЧЕСТВА К ПРОТИВОСТОЯНИЮ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению основных (включая новые) направлений политики США и Китая в Юго-Восточной Азии. Проведя их подробный анализ, автор приходит к выводу о вероятности скорого перехода США и Китая от их латентного экономического соперничества в Юго-Восточной Азии к прямому противостоянию как в политической, так, возможно, и в военной сфере.

Ключевые слова: Китай, США, Юго-Восточная Азия, противостояние, сотрудничество.

Анализируя современную обстановку в Юго-Восточной Азии (далее ЮВА), можно с определенной уверенностью сказать, что она достаточно стабильна и предсказуема. Однако в перспективе на ее развитие может повлиять ряд негативных факторов как внешнеполитического, так и внутрирегионального свойства. К ним, прежде всего, следует отнести: возросшее соперничество мировых держав за лидерство в регионе; нерешенность межгосударственных территориальных споров, в некоторых из которых участвуют несколько государств; деятельность сепаратистских и экстремистских организаций, активно исполь-

* *Васильев Леонид Евгеньевич*, с.н.с. Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН.

зующих методы терроризма для достижения своих целей; а также рост организованной преступности (наркоторговля, пиратство, незаконная миграция людей, контрабанда оружия и опасных веществ).

Следует отметить, что после окончания «холодной войны» в ЮВА доминировала, практически, одна мировая держава — США, союзником которой выступали Япония и Южная Корея. Юго-Восточная Азия была, пожалуй, вторым регионом мира, после Персидского залива, где США, опираясь на значительные военные возможности, имели значительное преимущество перед другими мировыми акторами и могли себе позволить проводить собственную политику. Однако за последние десятилетия обстановка в ЮВА существенно изменилась. Это обусловлено, в первую очередь тем, что политическое влияние Соединенных Штатов в регионе существенно ослабло. Это было вызвано следующими факторами:

- резким снижением уровня и масштабов сотрудничества России со странами ЮВА, ее отказом от активного продвижения своих государственных интересов в регионе. Устранение «советской военной угрозы» в ЮВА значительно снизил американский интерес к ней как в политическом, так и в военном отношениях;
- одновременным проведением США двух крупномасштабных военных операций (в Афганистане и Ираке), что значительно уменьшило экономические возможности Вашингтона по оказанию помощи государствам АСЕАН, а также вызвало значительное недовольство исламских государств региона американской внешней политикой;
- финансовым кризисом в ЮВА 1997—1998 гг., в ходе которого США не смогли или не пожелали оказать достаточную финансовую помощь своим союзникам, в отличие от Китая, который такую помощь предоставил;
- резким возрастанием экономической, финансовой и, как следствие, — военной мощи КНР и усиливающейся китайской «экспансией» в отношении некоторых государств АСЕАН.

Вследствие особенностей сложившейся обстановки и последних изменений во внешней политике как США, так и Ки-

тая в обозримом будущем можно ожидать перехода от латентного соперничества двух мировых лидеров к прямому противостоянию их в Юго-Восточной Азии.

1. Новые направления политики США в Юго-Восточной Азии

В целом политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе базируется на двусторонних союзах с Японией, Южной Кореей и Филиппинами, стратегическом партнерстве с Таиландом, отношениях с Тайванем, а также на американо-австралийском военно-стратегическом партнерстве. Ее основная цель — сдерживание экспансии любой мировой державы в АТР, включая Японию. Причем, в целях экономии средств Вашингтон не стремится оказывать военно-политическое давление на государства региона, пытаясь решать возникающие проблемы дипломатическим путем или экономическими методами. Однако следует отметить, что в случае возникновения кризисной ситуации, грозящей обернуться существенными потерями, США всегда готовы максимально быстро навязать свое силовое господство в регионе.

Значение региона Юго-Восточной Азии для Соединенных Штатов трудно переоценить. Оно определяется следующим:

- необходимостью обеспечения безопасной перевозки нефти из района Персидского залива к терминалам на территории США;
- требованиями оперативного развертывания вооруженных сил и флота США в случае возникновения конфликта в Персидском заливе, на Ближнем Востоке или в самой Юго-Восточной Азии;
- осуществлением жесткого контроля обстановки в регионе с целью недопущения дальнейшего распространения ядерного оружия;
- поддержкой интересов транснациональных корпораций и компаний США;

- борьбой с международным терроризмом, которую, согласно официальным заявлениям, они ведут по всему миру;
- возрастающей «экспансией» Китая в регионе, и возможностью такой экспансии со стороны любой другой мировой державы.

Необходимо также отметить, что многие политики в США считают, что сохранение ЮВА в зоне западного, а не китайского влияния является принципиальным условием сохранения глобального равновесия. Для обеспечения своего лидерства в регионе они даже предлагают «переориентировать» Китай на быстрое и полное «освоение» им российской Восточной Сибири и Дальнего Востока, которое можно обеспечить за счет либерализации российских рынков капитала и рабочей силы после вступления РФ в ВТО. Кроме того, по мнению некоторых американских политиков, в Восточной Азии только Китай, Индия и, в меньшей степени, Индонезия, Малайзия и Вьетнам могут длительное время проводить политику, не соответствующую государственным интересам США.

Положение, которое сложилось в ЮВА в конце XX — в начале XXI века, в настоящее время перестало удовлетворять Вашингтон. Поэтому в конце 2011 г. его политика в регионе стала приобретать новую окраску. Суть ее была изложена в статье государственного секретаря Х.Клинтон «Тихоокеанское столетие Америки», опубликованной в журнале «Международная политика» в ноябре 2011 г. Позже основные ее направления получили практическое подтверждение в ходе выступлений президента США, затрагивающих данную проблему, а также в конкретных действиях американского внешнеполитического ведомства по организации сотрудничества с различными государствами ЮВА.

Прежде чем рассмотреть основные положения новой внешнеполитической доктрины в Юго-Восточной Азии, следует отметить, что изменения политики США вызваны, прежде всего, возрастанием экономической мощи Китая и его стремлением использовать эту мощь, во-первых, для увеличения своего военного потенциала, а, во-вторых, для более эффективного продвижения своих интересов в различных регионах мира. При этом США в очередной раз подтверждают свое глобальное ли-

дерство и недвусмысленно дают понять остальному миру, что не собирается ни с кем его делить. «На сегодняшний день наши вооруженные силы — сильнейшие, а наша экономика — крупнейшая в мире. Наши рабочие наиболее продуктивны. Наши университеты известны всему миру. Таким образом, не должно быть никаких сомнений в том, что Америка имеет возможность укрепить наше глобальное лидерство в этом столетии так же, как мы это сделали в прошлом»¹. Более того, «стратегический разворот в сторону этого региона [ЮВА] логически соответствует общей концепции укрепления американского лидерства в глобальном масштабе»².

Кроме того, с точки зрения определения причин изменения внешнеполитического курса США, небезынтересен тот факт, что в статье о ЮВА говорится также и об Африке, где, как известно, Китай активно продвигает свои интересы и где «Соединенные Штаты готовы к активному и долгосрочному сотрудничеству в период трансформации региона». Ценность Африки определяется тем, что она «имеет огромный нераскрытый потенциал для экономического и политического развития на многие годы вперед»³. По мнению Х.Клинтон, политика США в этих регионах должна быть «такой же эффективной», какой она была в Европе после Второй мировой войны, поскольку европейская политика Вашингтона и приносит ему политические дивиденды даже сейчас, после окончания «холодной войны», и в Европе нет места «экспансии» Китая ни в каком виде.

Рассмотрим, в чем состоят основные направления новой политики Соединенных Штатов в Юго-Восточной Азии.

Первое. Обеспечение безопасного судоходства в Южно-Китайском море. За этими словами стоит многое. Это не только борьба с пиратством, терроризмом и соблюдение Конвенции по морскому праву. Это еще и оказание помощи государствам АСЕАН в их противостоянии с Китаем по разрешению проблем островов Спратли и Парасельских островов, а также стремление выставить КНР в мировом общественном мнении агрессором, нарушающим права малых государств.

Второе. Пресечение попыток нарушения режима нераспространения ядерного оружия со стороны Северной Кореи, а так-

же проведения ею испытаний баллистических ракет. Причем, скорее всего, предполагается использовать вооруженные силы, в частности ВМС США, для предотвращения запусков ракет и испытаний ядерного оружия.

Третье. Обеспечение прозрачности военной активности ключевых акторов в регионе. Нет сомнений в том, что этот аспект политики США направлен, прежде всего, против Китая, однако он подразумевает и раскрытие намерений тех государств АСЕАН, которые не станут идти в фарватере политики США.

Четвертое. Открытие новых рынков для американского бизнеса в регионе. Данное положение предполагает установление широких экономических отношений с бывшими противниками США по временам «холодной войны» и некоторых других исторических периодов, такими, как Вьетнам, Индонезия, Малайзия и даже Мьянма. Кроме того, реализация данного положения должно обеспечить безопасную деятельность западных компаний в регионе. Это, как известно, предполагает их вооруженную защиту в случаях возникновения конфликтов с местными властями, что неоднократно использовалось американцами в других регионах мира.

В принципе, суть новой политики США в ЮВА состоит в следующем: не допустить установления гегемонии КНР в регионе, жестко контролировать обстановку в Южно-Китайском море и быстро принимать соответствующие меры в случае ее обострения, обеспечить более интенсивное силовое давление на Северную Корею и в максимально возможной степени переориентировать государства АСЕАН на США. Кроме того, учитывая географическую близость Индии к региону и ее заинтересованность в активном участии в разрешении проблем ЮВА с точки зрения обеспечения ее собственных интересов, добиваться более тесного политического и военного сотрудничества с Индией в стратегической сфере.

Интересны методы, которыми предполагается воспользоваться для реализации такой политики.

1. Передислокация крупных воинских формирований с военных баз в Японии и Южной Корее в Австралию и Новую Зеландию, а также достижение договоренностей с некоторыми го-

сударствами АСЕАН об использовании их инфраструктуры вооруженными силами США. Если говорить военным языком: проводится передислокация войск на предполагаемом театре военных действий. Причем, США не только снимают напряжение в отношениях с Японией и Южной Кореей из-за военных баз, но и, что более важно, увеличивают контингент войск, дислоцированный в ЮВА, с серьезным сокращением его удаленности от предполагаемых районов оперативного развертывания. Кроме того, очевидно, что расходы на содержание новых американских баз будут существенно снижены.

2. Ведение переговоров со всеми государствами АСЕАН с целью расширения и углубления сотрудничества во всех сферах: экономической, политической и военной. Обновляются договоры с основными союзниками США в ЮВА — Таиландом, Филиппинами и Сингапуром, и вместе с тем значительно активизируется взаимодействие с Индонезией, Вьетнамом и Малайзией. Впервые за последние 56 лет состоялся визит госсекретаря Х.Клинтон в Мьянму, в ходе которого была предпринята попытка выстраивания новых двусторонних отношений. Следует учесть, что ранее Мьянма рассматривалась США как тоталитарное государство, государство — изгой, со всеми вытекающими для нее последствиями.

3. Соединенные Штаты, учитывая действия китайской стороны в ее последних конфликтах с Вьетнамом и Филиппинами в Южно-Китайском море, призывают к объединению государств АСЕАН в их противостоянии КНР. США активно стараются втянуть в этот процесс и Индию, аргументируя это фактором нарастания военно-морской мощи Китая в регионе.

4. США стремятся всеми силами вернуть утраченные позиции экономического лидера в отношениях с АСЕАН, которые в последнее время прочно закрепились за КНР. Так, хотя Китай и занимает позицию крупнейшего торгового партнера АСЕАН, Соединенные Штаты, начиная с 2010 г., стали крупнейшим государством-донором стран Ассоциации⁴. Этим Вашингтон стремится не только экономически «развернуть» к себе эти государства, но и намерен создать довольно серьезный экономический

противовес их сложившимся отношениям с Китаем в этой сфере, используя все это для более быстрого выхода из мирового финансового кризиса.

2. Основные направления политики Китая в Юго-Восточной Азии

Основные цели политики Китая были высказаны еще в 1994 г. Дэн Сяопином. Они состоят в том, чтобы, во-первых, противостоять гегемонизму и политике с позиции силы, а, во-вторых, создать новый международный политический и экономический порядок, в котором Китай занимал бы достойное для него место. Следует заметить, что вторая цель предполагает воздержание Пекина от каких-либо конфликтов с ближайшими соседями даже в условиях достижения Китаем регионального превосходства. КНР — пока не мировой лидер, но, безусловно, мировая держава, поставившая своей целью стать мировым лидером.

Основной целью Китая в АТР на данном этапе, на наш взгляд, является: добиться такого положения, при котором Соединенные Штаты поняли бы, что сохранить свое влияние в АТР они смогут лишь в том случае, если сделают своим основным союзником Китай и будут сотрудничать с ним как с равноправным, а не «младшим» партнером.

В Юго-Восточной Азии Китай, несомненно, претендует на роль регионального лидера. Поэтому он заинтересован в формировании единого регионального экономического и политического пространства. Основными целями такой политики являются:

- создание закрытого экономического сообщества государств ЮВА с доминированием в нем Китая с целью устранения основных региональных конкурентов — США и Японии;
- расширение за счет государств АСЕАН рынков сбыта своих товаров и установление контроля над их сырьевыми запасами;
- превращение юаня в валюту регионального уровня, за счет роста валютных запасов и активности китайских банков;

- создание системы транзитных перевозок с Западного побережья США в зону Персидского залива и Восточной Африки по индокитайскому маршруту с целью установления контроля над ними;
- ослабление за счет использования преимуществ вышеупомянутого экономического сообщества хозяйственных возможностей Тайваня с целью ускорения его потенциального присоединения к КНР;
- создание предпосылок (в случае объединения двух Корей) для включения Корейского полуострова в сферу своего влияния или, в крайнем случае, недопущение его попадания под влияние США и Японии.

Кроме того, не исключено, что при определенных обстоятельствах Китай попытается создать в Юго-Восточной Азии военно-политический союз с государствами АСЕАН.

После финансово-экономического кризиса 1997 г., когда Китай оказал государствам ЮВА серьезную финансовую помощь, они стали относиться к нему со смешанным чувством тревоги и надежды. Надежда основывается на том, что быстрый экономический рост соседствующего с ними гиганта с населением 1,3 млрд человек и емким рынком способен стимулировать производство и экспорт стран региона. Тревога же связана с тем, что КНР с ее дешевой рабочей силой, к тому же являясь членом ВТО, будет еще больше, чем в предшествующие годы, привлекать к себе иностранные инвестиции в ущерб странам АСЕАН.

Кризис принес Китаю значительные экономические и политические дивиденды, так как, во-первых, ослабил конкурентов — Японию и Южную Корею, а, во-вторых, побудил его оказать ощутимую финансовую помощь государствам ЮВА, чем еще больше привязал их к КНР. В результате кризиса Япония утратила свое значение в региональной политике, уступив пальму первенства Китаю.

С этого момента стала меняться география внешних инвестиций в регион. Китай пока не превратился в крупнейшего инвестора в ЮВА, однако эксперты считают, что он им станет, существенно потеснив здесь США, Японию и Южную Корею. Кроме того, следует учитывать и тот факт, что если Япония и

Южная Корея вкладывали капиталы в обрабатывающую промышленность региона, то стратегическая линия Китая состоит в том, чтобы посредством инвестирования обеспечить себе гарантированные поставки природных ресурсов. Другими словами, Китай заинтересован в Юго-Восточной Азии в первую очередь как в источнике сырья и рынке сбыта своих товаров, всего лишь допуская возможность равноправного сотрудничества в перспективе.

В 2009 г. Китай стал крупнейшим торговым партнером АСЕАН. Объем товарооборота между сторонами, по некоторым оценкам, достигает почти 300 млрд долл. С 1 января 2010 г. вступило в силу Соглашение о зоне свободной торговли «КНР—АСЕАН», охватившей 11 государств с населением 1,9 млрд человек. Аналогичные соглашения с США и Японией только обсуждаются, причем, не с Ассоциацией как таковой, а с некоторыми из стран, в нее входящих.

Однако китайская «экспансия» в регионе вызывает у государств АСЕАН серьезную озабоченность. Это связано в первую очередь со следующими обстоятельствами:

1. Государства АСЕАН наиболее уязвимы в отношении китайской конкуренции, так как они сознательно более активно, чем Китай, проводили политику на увеличение экспорта за счет внутреннего потребления. На ранних стадиях развития это давало положительный эффект. Однако кризис 1997 г. в ЮВА и особенно мировой финансовый кризис 2008 г. наглядно показали порочность такой системы. Причем, в условиях наступления мирового кризиса Китай сумел оперативно перестроиться и создать условия для резкого оживления внутреннего рынка, что позволило ему выйти из кризиса с наименьшими потерями. Кроме того, огромные финансовые резервы, накопленные КНР за предыдущие годы позволяют ей скупать активы предприятий и компаний по всему миру, а не только в ЮВА. Поэтому очевидно, что, используя свою экономическую мощь, Китай будет твердо идти по пути захвата рынков государств АСЕАН, хотя в настоящее время последние пока еще сводят свой торговый баланс с КНР с профицитом в 16,4 млрд долл⁵. В свое время член китайской Академии социальных исследований Чжи Юлин от-

кровенно заявил, что превращение Китая в экономического гиганта — неоспоримый факт и в связи с этим для стран АСЕАН остается только один выход — использовать вытекающие из этого возможности.

2. Еще в 1840 г. Китайская империя включала в себя Юго-Восточную Азию по Малаккскому проливу, Мьянму (Бирму), Бангладеш, Непал, Монголию, районы Казахстана, Таиланд и Вьетнам. В настоящее время богатые и экономически сильные китайские диаспоры имеются в Сингапуре, Филиппинах, Малайзии, Индонезии и Таиланде. В этих государствах китайцы контролируют значительную часть экономики. По мере усиления КНР, эти диаспоры все больше будут отождествлять себя с имперским Китаем, что, несомненно, подстегнет мировые амбиции Пекина и может подвигнуть его к попытке воссоздать былую империю в том или ином виде.

3. В последние годы Китай резко усилил силовое давление на государства АСЕАН в плане разрешения проблем Южно-Китайского моря. В настоящее время в ЮКМ он контролирует более 20 небольших островов и рифов. На 6 из них размещены военные гарнизоны до тысячи человек. Имеются казармы и склады, установлены радиолокационные станции и зенитные батареи, сооружены причалы. Постоянно здесь патрулируют от 3 до 20 боевых кораблей, катеров ВМС КНР. Причем, силы ВМС Китая в этом районе будут постоянно наращиваться. Кроме того, в Южно-Китайском море в последнее время регулярно происходят вооруженные конфликты, последними из которых были конфликты Китая и Вьетнама в 2011 г. и Китая и Филиппин в 2012 г. Руководство КНР своими действиями постоянно подчеркивает, что Китай претендует единолично на все острова Спратли, а также Парасельские острова.

4. У руководства некоторых государств АСЕАН возникают серьезные сомнения в способности КНР стать ведущим региональным лидером. Это обусловлено не только неоднозначностью исхода ее соперничества с США, но и проблемами самого Китая, к которым можно отнести:

- становление КНР как мирового лидера потребует от нее участия в гонке вооружений с такими государствами, как Япо-

ния и Индия, а также с самими государствами АСЕАН, что, естественно, снизит темпы ее экономического роста;

- потребление энергии Китаем растет темпами, которые значительно превышают возможности его внутреннего производства, что существенно увеличивает зависимость КНР от внешних источников энергоресурсов, а значит, повышает ее уязвимость;

- напряженность внутри Китая, скорее всего, будет расти в результате неравномерности развития районов страны и растущей дифференциацией доходов населения;

- в стране наблюдается явный дефицит продовольствия, что не только увеличивает нагрузку на экономические ресурсы Китая из-за роста цен, но и делает его еще более зависимым от внешних факторов.

Понимая озабоченность государств АСЕАН возможным развитием событий, Китай постоянно подчеркивает свое дружественное расположение к ним и то, что он является членом большой азиатской семьи. Однако это не означает, что он оставил свою цель стать ведущей мировой державой.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Представляется очевидным стремление Китая к мировому лидерству. Некоторые аналитики полагают, что он уже к 2020 г. обойдет США по произведенному ВВП в случае, если ему не помешают какие-либо внутренние катаклизмы. С другой стороны, также очевидно, что США уже сейчас являются мировым лидером и будут прилагать все усилия, чтобы, во-первых, не допустить гегемонии любой другой страны на международной арене и, во-вторых, оставаться «главным и единственным» лидером в мире. Такое положение дел чревато всевозрастающей вероятностью прямого противостояния сторон.

Юго-Восточная Азия в настоящее время является основным регионом мира, где уже сейчас основательно пересеклись интересы США и Китая во всех сферах: экономической, политической и военной. Регион одинаково стратегически важен для обоих государств, и «уступить» его никто никому не будет. Уход или даже ослабление позиций в нем будет не только «потерей лица» перед мировым сообществом, но в будущем, наверняка, сыграет ключевую роль в борьбе за мировое лидерство.

Немаловажен и тот факт, что известная всему миру экономическая мощь Китая должна найти свое подтверждение в росте его политической и военной мощи, чтобы он мог претендовать на главные роли в мировом сообществе. Обеспечить свою «экспансию» где-нибудь в Африке или Латинской Америке ему еще достаточно трудно, а вот показать себя настоящим лидером в регионе, непосредственно прилегающим к его территории, — это может стать «трамплином» для постепенного завоевания мирового господства.

Таким образом, на наш взгляд, в обозримом будущем следует ожидать в отношениях США и Китая в Юго-Восточной Азии перехода от латентного экономического соперничества сторон к прямому их противостоянию как в политической, так, возможно, и в военной сфере.

Примечания

¹ *Clinton H. America's Pacific Century // Foreign Policy. November, 2011.*

² *Ibid.*

³ *Ibid.*

⁴ *Лексютина Я. США—КНР: Соперничество в Юго-Восточной Азии обостряется // Азия и Африка сегодня. 2012. № 3.*

⁵ URL: <http://www.asean-ch.org/Item/2374.aspx>.

С.В. Уянаев*

СТРУКТУРА РИК: ПЕРСПЕКТИВЫ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЕЕ РОЛИ НА СОВРЕМЕННОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

Аннотация. На основе обширной информационной базы автор прослеживает эволюцию формата РИК к формату БРИК и далее — БРИКС, рассматривает общие черты и особенности этих международных структур, делая акцент на анализе современной активности формата РИК. Автор подчеркивает, что сотрудничество России посредством указанных трех структур с важными партнерами в Азии, а также в Латинской Америке и в Африке доказывает свою важность и отвечает базовым государственным интересам РФ.

Ключевые слова: РИК, БРИКС, Россия, Индия, Китай.

В экспертных исследованиях на тему целевых направлений и форм современного внешнеполитического взаимодействия РФ и КНР стало уже привычным отмечать важное место формата Россия—Индия—Китай (РИК).

Однако на рубеже первых десятилетий нового века эта модель трехстороннего взаимодействия оказалась несколько затенена структурой БРИК (ныне БРИКС), активное развитие ко-

* Уянаев Сергей Владимирович, к.и.н., заместитель руководителя и в.н.с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

торой породило у многих политологов ощущение (и не без некоторых на то оснований), что РИК теряет свою актуальность¹. Тем не менее, в 2009—2012 гг. положение о необходимости развития трехстороннего сотрудничества РФ, Индии и КНР, как и прежде, постоянно включалось в текст официальных документов, в том числе в двусторонние российско-китайские и российско-индийские заявления и декларации². Это неоднозначная ситуация, вызвавшая, среди прочего, и определенную дискуссию среди специалистов, делает целесообразным несколько более подробное рассмотрение формата РИК, в том числе в контексте его «соотношения» со структурой БРИКС.

БРИК: «РИК плюс Бразилия»

Прежде всего, уместно отметить, что происходящий в последние годы сравнительный рост интереса к структуре БРИК/БРИКС, который выразился в «наплыве» публикаций по перспективам и иным вопросам ее развития, вполне логичен и объясним. Во многом это связано с историей самого акронима БРИК, который, как известно, еще в 2001 г. в сугубо виртуальной форме был запущен в политологический лексикон экспертами американского инвестиционного банка Goldman Sachs³. Напомним, что банковские аналитики умозрительно объединили тогда страны с наиболее динамично развивающимися экономиками в самостоятельную группу и по заглавным буквам названий стран-участниц (Бразилия, Россия, Индия и Китай) составили аббревиатуру БРИК. Но главное — они предрекли, что через несколько десятилетий (по уточненным в 2007 г. данным — к 2032 г.) по суммарному объему ВВП эта группа опередит традиционную мировую «семерку» наиболее развитых стран⁴.

Такой прогноз, напрямую связанный с перспективами глобальной политико-экономической архитектуры, похоже, и лег в основу всплеска внимания к БРИК. И оно лишь возросло, когда с 2005 г. виртуальная концепция стала наполняться практическим содержанием: был запущен интеграционный процесс становления БРИК уже как многостороннего формата, который

в конце 2010 г., после подключения к нему ЮАР, обрел свое нынешнее название — БРИКС⁵.

На этом фоне, однако, в поле зрения наблюдателей почему-то неоправданно редко попадает другое важное обстоятельство, а именно — организационное и идейно-концептуальное влияние, которое было оказано на БРИК возникшим несколькими годами ранее форматом РИК, хотя даже с точки зрения состава участников это влияние вполне очевидно.

Действительно, есть весомые основания полагать, что прямым шагом к формированию БРИК/БРИКС (причем именно как некой институциональной сущности) явилась не столько виртуальная выкладка Goldman Sachs, сколько уже имевшаяся к началу непосредственного структурирования «четверки» (2006 г.) реальная практика взаимодействия в РИК. Не забудем также и о созданном в 2002—2003 гг. формате ИБСА (Индия—Бразилия—ЮАР)⁶.

Беглый анализ показывает, что целый ряд организационных и концептуальных наработок, вызревших в РИК в 2001—2005 гг., был, начиная с середины десятилетия, востребован и успешно реализован в БРИК/БРИКС. Речь идет, прежде всего, об «обкатанной» в РИК технологической цепочке: стимулы (общность приоритетов), цели (новый миропорядок), принципы («не союз», «не конфронтация»), институциональная последовательность («вторая дорожка» — встречи глав МИД — саммиты — секторальные переговорные площадки). Де-факто «внедрение» этих параметров в БРИК, похоже, заметно ускорило становление данного формата.

При этом аналогичное институциональное влияние на БРИК формата ИБСА, которое, вероятно, тогда тоже имело определенное место, выглядит более узким, что объясняется хотя бы тем, что созданный в 2005—2006 гг. БРИК⁷ это (если сознательно упростить) — не что иное, как формат «РИК плюс один (Бразилия)». Данная специфика структуры ИБСА в полной мере дала о себе знать позже, через 4—5 лет, когда с принятием ЮАР БРИК превратился в БРИКС.

Не будет лишним напомнить, что в практическом смысле формат РИК как неформальная площадка диалога в различных

областях был неофициально запущен осенью 2001 г., когда в Москве на его первую встречу собрались политологи и видные отставные, но влиятельные дипломаты⁸.

Годом позже на полях ГА ООН прошла первая трехсторонняя встреча министров иностранных дел РИК. С тех пор главы дипломатических ведомств этой структуры встречаются 1—2 раза в год. С 2005 г., когда состоялась встреча во Владивостоке, форумы трех министров организуются особо — вне полей каких-либо многосторонних форматов и проходят последовательно в каждой из трех стран, заканчиваясь подписанием итоговых заявлений (коммюнике), очередное из которых было принято весной 2012 г. в Москве по завершении 11-й встречи глав внешнеполитических ведомств.

С декабря 2007 г. по апрель 2008 г. (то есть не менее чем за год до начала аналогичных мероприятий в БРИК) в соответствии с решениями встречи трех министров иностранных дел в Харбине (октябрь 2007 г.) были инициированы три регулярных секторальных диалога — по линиям профильных департаментов внешнеполитических и сельскохозяйственных ведомств, а также между торгово-промышленными палатами трех стран. Позднее к диалогу подключились ведомства по чрезвычайным ситуациям, медицине и здравоохранению. Были продолжены встречи политологов, которые к исходу 2011 г. провели 11 трехсторонних форумов. Своего рода переговорной вершиной стал саммит «тройки» на полях «Большой восьмерки» в июле 2006 г. в Санкт-Петербурге.

Положения о сотрудничестве в рамках РИК, начиная с конца первой половины 2000-х годов, нашли отражение в ряде двусторонних и трехсторонних документов этой структуры, принятых руководителями РФ, Индии и КНР. В них охарактеризованы принципы сотрудничества, среди которых — неконфронтационность, неблоковый характер и ненаправленность этой неформализованной системы партнерства против третьих стран; сформулированы цели (направления) взаимодействия, которые в обобщенном виде, пользуясь официальным языком, выглядят, во-первых, как координация шагов по *вопросам глобальной и региональной политики в интересах мира и стабильности* и, во-вто-

рых, как использование *потенциала трехстороннего взаимодействия в интересах социально-экономического развития каждой из трех стран*. При этом заметим, что практическая интерпретация тезиса о «политике в интересах мира» вряд ли означает что-то иное, нежели «стремление к новому справедливому и рациональному порядку», основанному на «многополярности». Тем более, что и такую трактовку также можно без труда найти в документах РИК.

«Важнейший вклад в глобальную стабильность и прогресс может внести внеблоковое взаимодействие в формате Россия—Индия—КНР. А наше деловое сотрудничество способно стать важным фактором социально-экономического развития каждой из стран», — так еще в декабре 2004 г. обозначил главные параметры РИК Президент РФ В.В. Путин⁹. А двумя годами позже на неформальном саммите РИК в Санкт-Петербурге Президент РФ, Председатель КНР и Премьер-министр Индии практически в унисон определили задачи и направления сотрудничества в РИК как «обеспечение мира и стабильности в АТР и в мире в целом» и «стимулирование экономического развития», «содействие совместному развитию», обеспечение «выгоды своим народам»¹⁰.

Многие из этих положений позднее, повторим, нашли применение в идейной концепции и практическом диалоге в рамках БРИК/БРИКС.

РИК — день сегодняшний

О нынешнем состоянии дел в РИК наглядно свидетельствуют документы 11-й встречи министров иностранных дел России, Индии и Китая, прошедшей 13 апреля 2012 г. в Москве.

В принятом по итогам встречи Совместном коммюнике была подчеркнута важность трехстороннего сотрудничества, которая иллюстрируется, в частности, успехами в деле ряда секторальных диалогов — по чрезвычайным ситуациям, торговле и инвестициям, академическим связям, здравоохранению. Была подтверждена готовность подключить к этим площадкам новые сферы — энергетику, инновации и высокие технологии¹¹.

По международной повестке дня министры констатировали необратимость тенденции к многополярности, необходимость поиска (при центральной роли ООН) коллективных и исключительно мирных решений по таким глобальным проблемам, как региональные конфликты, распространение ОМУ, терроризм, транснациональная организованная преступность, незаконный наркотрафик и т. п.

В этом ключе было обсуждено положение в Северной Африке и на Ближнем Востоке: арабо-израильский конфликт и обстановка в Сирии, ситуация вокруг ядерной программы Ирана и ядерно-ракетной проблемы КНДР, вопрос о формировании в АТР эффективной архитектуры безопасности, в том числе посредством сетевой дипломатии и развития взаимодействия между такими структурами, как ВАС, ШОС, АРФ, СААРК и т. д. Предметом особого внимания стал также целый комплекс проблем (5 из 29 пунктов Совместной декларации) по урегулированию в Афганистане.

Были отмечены неравномерность посткризисного «глобального восстановления» и сохранение при этом ведущей роли «государств с развивающейся экономикой». Выражена озабоченность по поводу имеющегося разрыва между Севером и Югом в экономическом развитии и отмечено значение «Группы 20» как главного форума международного экономического сотрудничества; подчеркнута важность вопроса о достижении в ходе реформы международных финансовых институтов справедливого распределения права голоса между развитыми и развивающимися странами.

В Декларации обращено внимание на то, что Китай и Индия приветствуют вступление России в ВТО, выражают «решительную поддержку председательству России в “группе 20» в 2013 г.». Примечательным пунктом стало приветствие итогов 4-й встречи глав государств БРИКС в г. Нью-Дели.

Оценивая итоги встречи, глава МИД КНР Ян Цзечи отметил, что «механизм сотрудничества Китая, России и Индии в формате РИК обладает мощной жизнеспособной силой», поскольку «является эпохальным откликом на стремление к миру, сотрудничеству и развитию, отражает важность взаимовыгодно-

го и не угрожающего никаким третьим сторонам развития государств с нарождающейся рыночной экономикой»¹². Такую оценку разделил и министр иностранных дел РФ С.Лавров, подчеркнувший, что был проведен «очень полезный обмен мнениями по актуальным международным и региональным вопросам», причем упор был сделан именно на региональной повестке дня¹³.

С коллегами солидаризировался и министр иностранных дел Индии С.М. Кришна, который отметил, что три страны осознают свою большую роль и ответственность в деле поиска ответов на глобальные вызовы меняющегося мира и что подписанное коммюнике отражает их общий взгляд на широкий круг вопросов и проблем¹⁴.

Встреча высоких представителей трех крупнейших стран Евразии, на долю которых приходится 40 % населения планеты, пятая часть мировой суши, 15 % мирового ВВП, вызвала заметный резонанс среди политиков и экспертов. Был в очередной раз отмечен факт обсуждения министрами значения РИК как действенного фактора реструктурирования современного мира на пути его продвижения к многополярности. Особо выделялись те аспекты переговоров в Москве, в которых затрагивалась роль РИК как диалоговой «платформы в интересах мира, сотрудничества и развития», а также подчеркивалась «решимость трех стран продолжать взаимовыгодное, не направленное против третьих стран сотрудничество»¹⁵.

В связи с этим уместно вновь обратить внимание на определенные успехи практического взаимодействия сторон. Среди них — уже не раз отмеченное положительное влияние данного формата (а значит, российского фактора) на доселе не простые китайско-индийские отношения. В числе прочих международных вопросов подобные темы поднимаются не только непосредственно на встречах трех министров иностранных дел, но и в формате регулярного диалога глав соответствующих департаментов МИД, которые провели очередную встречу летом 2011 г.

Результативно развивается и сотрудничество в сфере чрезвычайных ситуаций, предупреждения и ликвидации последствий катастроф и стихийных бедствий. По этой линии в «тройке» прошли 4 (последний раз в сентябре 2011 г. в Санкт-Петербурге)

форума экспертов. Есть примеры конкретных шагов — помощь, оказанная Китаю со стороны Индии и России в деле ликвидации последствий землетрясения в пров. Сычуань, сотрудничество и обмен информацией в деле космического мониторинга территорий каждой из стран на предмет противодействия засухам и т. д.¹⁶

В сентябре 2011 г. в Ростове-на-Дону прошел 3-й трехсторонний бизнес-форум. В ноябре 2011 г. в Пекине состоялась 11-я по счету конференция в рамках академического диалога РИК. Напомним, что сотрудничают аграрники, медицинские специалисты трех стран, имеются планы нарастить трехстороннее взаимодействие за счет сфер торговли, инноваций, энергетики.

РИК И БРИКС

Итак, процесс взаимодействия в РИК продолжается. Но при этом набирает обороты и БРИКС: в конце марта 2012 г. в Дели прошел уже 4-й его саммит, был принят План практических действий, который охватывает уже порядка двух десятков сфер и направлений¹⁷.

В связи с этим, возвращаясь к поставленному выше вопросу о «пошатнувшейся актуальности РИК», отметим, что в научных дискуссиях на эту тему звучат разные, причем по-своему аргументированные точки зрения. Есть вовсе не легковесные заявления в пользу того, что возникновение БРИК/БРИКС делает «ненужным» параллельное существование двух пересекающихся структур и что РИК естественным образом «поглощается» более широким форматом.

Однако, по крайней мере, пока большее подтверждение находит идея возможности и оправданности одновременного существования обеих структур. Что может служить обоснованием данного взгляда?

Во-первых, есть смысл обратить внимание на описанную выше системную связь двух форматов, на идейно-организационное влияние РИК на БРИК. Причем вряд ли состоятельны

потенциальные возражения, что это влияние было уже-де исчерпано во второй половине 2000-х годов, когда БРИК фактически «внедрял» наработки РИК.

Потенциал РИК еще более может быть востребован в БРИКС и сегодня, и в дальнейшей перспективе, поскольку, как показывает практическое развитие диалога в «пятерке», на ее площадке порой возникает необходимость весьма деликатного согласования позиций, в том числе с африканским и латиноамериканскими партнерами. И тогда весьма важной оказывается консолидирующая роль РИК, его роль в качестве своего рода «опорного звена» БРИКС. Недаром важность трехстороннего взаимодействия в БРИКС (так же, как в ООН, «Группе-20» и в ШОС) была, по оценке целого ряда СМИ, особо отмечена на совместной пресс-конференции трех министров иностранных дел по итогам 11-й встречи в Москве¹⁸.

На полях заметим, что с точки зрения оптимального для РФ развития диалога в «пятерке» весьма существенно то, что как раз на площадке РИК у РФ (и Китая) есть возможность «активизировать» фактор Индии, которая, будучи членом и РИК, и БРИКС, и ИБСА, объективно может претендовать на значимую роль балансира.

Во-вторых, «в защиту РИК» может свидетельствовать сама пятилетняя практика параллельного существования и РИК, и БРИК/БРИКС в 2006—2012 гг.

О различных линиях диалога в БРИКС (между финансовыми, банковскими и другими ведомствами) в последнее время говорят немало. Но подобная практическая работа, как показано выше на примере ряда секторальных площадок, продвигается и в РИК. Прошедшая в Москве 11-я встреча министров иностранных дел, как и все предыдущие, лишь подтвердила намерение сторон развивать сотрудничество в РИК по широкому спектру направлений.

В-третьих, появление БРИКС никак не снизило значение других (кроме РИК) форматов сотрудничества с пересекающимся составом участников, в частности, того же формата «Индия—Бразилия—ЮАР».

Наконец, в-четвертых (возможно, это наиболее существенно), формат РИК представляет собой значимую практическую

площадку для обсуждения ряда актуальных региональных проблем, особо важных прежде всего для «тройки» — таких, как положение в ЦА и Афганистане.

Ясно, что для БРИКС с его латиноамериканским и африканскими участниками эти темы, пусть и обозначаемые в совместных документах, все же являются менее злободневными. Напротив, как подчеркнул, к примеру, министр иностранных дел РФ С. Лавров, на той же 11-й встрече в столице РФ особое внимание уделялось как раз региональной проблематике, и урегулированию в Афганистане было посвящено, как сказано выше, сразу полдесятка из 29 пунктов итогового документа.

Дополнительно подчеркнем, что положения о необходимости одновременного развития взаимодействия и в БРИКС, и в РИК содержатся в документах по итогам двусторонних саммитов 2011 г. — Российско-индийском заявлении об укреплении стратегического партнерства от 16 декабря и в Совместном заявлении РФ и КНР по международным вопросам от 16 июня¹⁹.

Все это говорит о том, что, по меньшей мере, в ближайшем будущем весьма вероятен сценарий продолжения параллельного развития обеих структур. И в том, и в другом случаях сотрудничество России с важными партнерами в Азии, а также в Латинской Америке и в Африке (БРИКС) доказывает свою важность и актуальность, отвечает базовым государственным интересам РФ.

Примечания

¹ См., напр.: India, China, Russia to jointly tackle global issues. By Indo Asian News Service. IANS India Private Limited . Fri 13 Apr., 2012. URL: <http://in.news.yahoo.com/india-china-russia-jointly-tackle-global-issues-111848937.html>.

² См. напр.: Совместное коммюнике 9-й встречи министров иностранных дел России, Индии и Китая, Бангалор, 27 октября 2009 г. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e643256999005e6e8c/384b96ce1e6dec94c3257662004b9409?OpenDocument; Совместное коммюнике 10-й встречи глав МИД Китая, России и Индии. URL: http://russian.people.com.cn/31521/720_0315.html;

Совместное Российско-Китайское заявление об итогах встречи на высшем уровне в Москве. 17 июня 2009 года. URL: <http://президент.рф/%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B8/58>;

Совместное заявление: Десятилетие стратегического партнёрства между Российской Федерацией и Республикой Индия и перспективы его развития. 21 декабря 2010 г. URL: <http://события.президент.рф/%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B8/825>; Совместное заявление президента РФ и председателя КНР в связи с 10-летием Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР. 16 июня 2011 г. URL: www.kremlin.ru/ref_notes/966.

³ В качестве обозначения совокупности экономик четырех динамично развивающихся стран определение БРИК впервые появилось в публикуемых банком «Записках по глобальной экономике», в материале под заголовком «Построение лучшей глобальной экономики. БРИК» // Building Better Global Economic BRICS. Goldman Sachs Global Economics Paper. № 66. November. 2001. URL: <http://www2.goldmansachs.com/ideas/brics/building-better-doc.pdf>.

⁴ URL: <http://www2.goldmansachs.com/ideas/brics/book/BRIC-Full.pdf>.

⁵ URL: <http://www.mid.ru/ns-rasia.nsf/5be75de6dd98a29cc32574470040917/432569d80021985fc325780800621d10?OpenDocument>.

⁶ Официальный сайт ИБСА напоминает, что как действующий формат эта диалоговая структура была запущена в 2003 г. См.: About IBSA. URL: <http://www.ibsa-trilateral.org>; в целом достаточно очевидно, что «теория» Goldman Sachs и «практика» форматов РИК (в первую очередь) и ИБСА влияли на становление диалога в БРИК «на встречах курсах».

⁷ В качестве неофициальной («второй») дорожки первые контакты в формате «четверки» (заместители министров иностранных дел) начались в 2005 г. В сентябре 2006 г. на полях 61-й сессии ГА ООН впервые встретились уже главы МИД, и именно эту встречу многие эксперты считают «началом институционализации БРИК». См.: URL: http://www.brasil.gov.br/para/press/press-releases/march-2012/fact-sheet-brics-partnership-for-global-stability/br_model1?set_language=en.

⁸ См.: Материалы 1-й трехсторонней научной конференции «Россия—Индия—Китай» // Проблемы Дальнего Востока. 2001. № 6. С.6—30.

⁹ Путин В. Выступление на конференции Мемориального фонда Джавахарлала Неру 3 декабря 2004 г. Индия, Нью-Дели. URL: http://www.kremlin.ru/appears/2004/12/03/2344_type63376type63377_806_09.shtml.

¹⁰ См.: В Санкт-Петербурге состоялась встреча руководителей Китая, России и Индии. Официальное сообщение агентства Синьхуа от 18.07.2006 г. URL: www.russian.xinhuanet.com/russian/2006-07/18/content_286186.htm.

¹¹ Совместное коммюнике 11-й встречи министров иностранных дел Российской Федерации, Республики Индии и Китайской Народной Республики. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/3a0108443c964002432569e7004199c0/c32577ca00174586442579e2003144fe!OpenDocument>; Совместное заявление РФ и КНР от 16 июня 2011 г. по текущей ситуации в мире и основным международным вопросам // www.kremlin.ru/ref_notes/967.

¹² МИД КНР: механизм сотрудничества Китая, России и Индии обладает мощной жизнеспособной силой. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/7787007.html>.

¹³ Выступление и ответы Министра иностранных дел России С.В.Лаврова на вопросы СМИ в ходе совместной пресс-конференции по итогам 11-й встречи министров иностранных дел России, Индии и Китая, Москва, 13 апреля 2012 г. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/3a0108443c964002432569e7004199c0/c32577ca00174586442579df00411c64!OpenDocument>.

¹⁴ RIC opposes new sanctions on N. Korea // The Hindu. 13.04.2012. URL: <http://www.thehindu.com/todays-paper/tp-international/article3313155.ece>.

¹⁵ URL: <http://www.globaltimes.cn/NEWS/tabid/99/ID/704810/China-Russia-India-look-to-positive-roles-abroad-at-meeting.aspx>; India, China, Russia to jointly tackle global issues. By Indo Asian News Service. IANS India Private Limited — Fri 13 Apr, 2012. URL: // <http://in.news.yahoo.com/india-china-russia-jointly-tackle-global-issues-111848937.html>.

¹⁶ URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/3a0108443c964002432569e7004199c0/c32577ca00174586442579df00411c64!OpenDocument>.

¹⁷ Делийская Декларация БРИКС. Принята по итогам IV саммита. URL: <http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBdocBric/1DB82FF3745BA8FE442579D5004778E6>.

¹⁸ См., напр.: Russia, China stress diplomatic resolution of Iran's nuclear issue. Сообщение агентства IRNA 14 апреля 2012 г. из Москвы. URL: <http://www.globalsecurity.org/wmd/library/news/iran/2012/iran-120414-irna01.htm>; India, Russia, China meeting claims 'close political coordination' Apr 13, 5:02 pm. URL: <http://www.aninews.in/newsdetail4/story46031/india-russia-china-meeting-claims-close-political-coordination-.html>.

¹⁹ Совместное заявление о дальнейшем укреплении российско-индийского стратегического партнёрства перед лицом вызовов меняющегося мира от 16 декабря 2011 года. URL: <http://президент.рф/%D1%81%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B8/1118>; Совместное заявление РФ и КНР от 16 июня 2011 г. по текущей ситуации в мире и основным международным вопросам. URL: www.kremlin.ru/ref_notes/967.

С.И. Лунев*

ЗНАЧЕНИЕ ФОРМАТОВ РИК, БРИК И БРИКС ДЛЯ ИНДИИ**

Аннотация. В статье анализируются проблемы современных китайско-индийских, американо-китайских и американо-индийских отношений при параллельном рассмотрении позиций и интересов России в таких кооперационных международных структурах, как РИК, БРИК и БРИКС. Особый акцент сделан на деятельности Индии в отношении и в рамках указанных трех международных формаций.

Ключевые слова: Индия, Россия, Китай, США, РИК, БРИК, БРИКС.

С момента завоевания Республикой Индия независимости в 1947 г. главной реальной стратегической целью ее внешней политики, сохраняющей актуальность и по сей день, стало превращение страны в мировую державу. В «биполярный период» международных отношений (МО) особое значение Индия придавала укреплению связей с другими развивающимися странами, ставя перед собой задачу превратиться в лидера на-

* Лунев Сергей Иванович, д.и.н., г.н.с. Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН.

** Настоящая работа выполнена при финансовой поддержке Российского Гуманитарного научного фонда (РГНФ) по исследовательскому проекту № 12-03-00538а.

ционально-освободительного движения (именно по данному внешнеполитическому вопросу существовала наибольшая близость позиций различных политических сил и слоев индийского общества). После распада социалистической системы и «размывания» биполярного устройства мира Индия потеряла возможность разыгрывать карту своего промежуточного положения между Западом и Востоком, используя противоречия между двумя системами, что в прошлом приносило ей существенную выгоду. Движение неприсоединения (ДН) оказалось не в состоянии сохранить свое влияние.

Индия первоначально прилагала существенные усилия хотя бы по поддержанию позиций ДН, активное участие в котором всегда было одним из основных направлений внешней политики Республики. Индия до распада биполярного мира рассматривала его как главный механизм своего воздействия на процессы решения глобальных проблем. Поэтому довольно долгое время индийские политики выступали с заявлениями о важности данной организации, и во многом благодаря Республике был организован и относительно успешно проведен 10-й Форум ДН (Джакарта, октябрь 1992 г.). Постепенно индийские власти осознали, что перспективы этого коллективного органа дипломатии развивающихся стран значительно сузились, что для вхождения в «высшую мировую лигу» усиления позиций в зоне «Юга» недостаточно, а резко обострившаяся дифференциация среди развивающихся стран препятствует формированию какой-либо единой политической или экономической структуры. В результате стремление Индии укреплять свой авторитет среди развивающихся государств значительно ослабло, а дипломатия Дели стала гораздо более «точечной»: все большее внимание стало придаваться участию Индии в ассоциациях регионального уровня.

Южная Азия (ЮА) имеет большое значение не только для обеспечения «экзистенциальных» (связанных с безопасностью) интересов Индии, но и для ее «коэкзистенциальных» интересов (обеспечение существенной роли в международной среде). То есть Индии необходимо учитывать как требования по обеспечению национальной безопасности, так и необходимость усиле-

ния позиций страны в регионе в целях обретения такого места в мировом сообществе, которое было бы адекватным ее реальному политическому весу.

Для преодоления недоверия между государствами и народами ЮА, укрепления безопасности в регионе важную роль могла бы сыграть Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК). Однако ее деятельность (1985—2012 гг.) оказалась малорезультативной, в том числе в сфере экономики.

Рост экономических проблем в соседних с Индией странах стимулирует стремление последних к региональному сотрудничеству, а соответственно — и к расширению связей с Индией. Противоречие между стремлением к экономическим выгодам и «страхом» перед Индией вынуждает соседей Республики постоянно маневрировать. Индия является стратегическим внешне-торговым партнером Бутана (в 2005 г. на Индию пришлось 69,3 % экспорта Бутана и 75,3 % импорта; в 2008 г. — соответственно 89 и 59,5 %, в 2010 г. — 82,4 и 75,1 %¹) и Непала (в 2005 г. доля Индии составила 53,7 % экспорта Непала и 47,7 % импорта; в 2008 г. соответствующие показатели составляли 59,2 и 55,4 %, а в 2011 г. — 66,4 и 65,2 %)².

На 9-м форуме СААРК (Мале, май 1997 г.) началось обсуждение возможности создания к 2005 г. зоны свободной торговли (ЗСТ) в Южной Азии, что позволило бы резко увеличить торговый оборот и взаимные инвестиции. В 2004 г. на 12-м форуме (Исламабад, январь 2004 г.) страны СААРК договорились, что соглашение по ЗСТ начнет действовать с 2006 г., а к 2016 г. должны быть отменены все таможенные пошлины. Таким образом, главной целью соглашения стало не образование реального «общего рынка», а снижение тарифов во внутрирегиональной торговле. Более того, предполагалось, что в полном объеме соглашение будет выполнено Индией и Пакистаном к 2012 г., Шри Ланкой — к 2013 г., а остальными странами региона — к 2016 г. Уже в 2008 г. (на год раньше плана) Индия объявила о нулевых пошлинах для товаров из наименее развитых стран региона.

Развитию внутрирегионального экономического сотрудничества, как и ранее, препятствовала позиция Пакистана. Власти

страны лимитировали импорт из Индии и разрешали ввозить лишь определенные товары (правда, их номенклатура росла), несмотря на прямые экономические потери и то, что Индия предоставила соседу статус *наибольшего* торгового благоприятствования. Правда, в конце 2011 г. Пакистан согласился на резкое сокращение с февраля 2012 г. списка наименований товаров, запрещенных к импорту из Индии (их было 1900), а к концу 2012 г. на его полную отмену³.

Однако в целом до сих пор тенденции к росту экономического сотрудничества между странами Южной Азии не наблюдаются. Этому препятствует целый ряд труднопреодолимых причин. Различны и уровень социально-экономического развития стран региона, и модели их развития. Расчленение субконтинента в 1947 г. и его последствия разрушили хозяйственные связи. К 1980-м годам в каждой стране уже окончательно сложились собственные экономические структуры, ориентированные главным образом на внутренний рынок, которые не дополняли друг друга, не взаимодействовали, а существовали почти в полном отрыве.

Экономическое сотрудничество в регионе не является приоритетной задачей для Индии: на СААРК в настоящий момент приходится всего 2,8 % внешней торговли Индии (в 2010/2011 финансовом году — 5,1 % экспорта Республики — 12,9 млрд долл. и 0,6 % импорта — 2,2 млрд долл.⁴). Азиатский гигант в целом (если не брать во внимание отдельные слои населения и штаты) мало заинтересован в укреплении экономической составляющей своих отношений с соседями, но, понимая ее важность для других стран, стремится к укреплению хозяйственных взаимосвязей во имя достижения политических целей.

Индия, в общем, не очень высоко оценивает деятельность СААРК, и многие индийские политики, эксперты и журналисты часто задаются вопросом о целесообразности ее дальнейшего функционирования. Вместе с тем для политической элиты СААРК является крайне важной организацией, поскольку отсутствие региональной структуры будет ставить под сомнение легитимность статуса Индии как региональной державы. В этом плане подходы азиатского гиганта очень напоминают отношение

России к СНГ: внешнеполитические процессы в Южной Азии имеют совершенно явное сходство с постсоветскими реалиями: а) наличие государства, явно превосходящего другие по основным экономическим, политическим, интеллектуальным и военно-стратегическим показателям; б) общность истории стран региона; в) определенная культурно-цивилизационная схожесть; г) стремление малых стран укреплять геополитические позиции за счет внерегиональных держав; д) нарушение экономических взаимосвязей внутри некогда единого хозяйственного комплекса.

Несмотря на решение не затрагивать в рамках СААРК политические проблемы, на форумах Ассоциации они постоянно поднимались. В общих декларациях регулярно давалась оценка глобальных международных проблем. О некоторой политизации деятельности СААРК свидетельствовали не только совместные заявления по коренным проблемам современности, но и ряд документов, таких, как, например, региональная конвенция по борьбе с терроризмом.

Пожалуй, наиболее весомым вкладом СААРК в дело обеспечения мира стало создание механизма для проведения неформальных встреч и дискуссий лидеров региона⁵, но полной нормализации внутрирегиональной ситуации, безусловно, в обозримом будущем не предвидится из-за существенного несовпадения внешнеполитических целей и задач государств региона.

Уже в 1980-е годы в Индии стали включать в понятие «регион» не только Южную Азию, но и весь бассейн Индийского океана (или, как заявляли пакистанские политики, в Дели стремились превратить Индийский океан в «Индийское озеро»). Республика стала придавать большое значение развитию взаимоотношений с прибрежными странами, используя, в частности, индийскую диаспору, которая в ходе всех трех волн миграции заселяла именно эту часть мира. Экономические связи Индии с этими государствами развивались, хотя и медленно, но по восходящей. Достаточно отметить, что у 17 из 27 стран, имеющих непосредственный выход в Индийский океан, Индия находилась в списке основных импортеров. Активно осуществлялся

вывоз индийского капитала — государственного и частного, создавались совместные компании.

В наступившем веке Индия усилила наращивание военно-морского потенциала в этом районе земного шара⁶. Военно-морская стратегия Индии 2007 г., рассчитанная на 15 лет, и Морская доктрина страны 2009 г. предусматривают значительное укрепление позиций Индии в Индийском океане. Существенно возросло количество маневров, проводимых ВМФ страны. Пока, правда, Республика не может рассчитывать на доминирование в Индийском океане, но такая цель уже поставлена.

Индия резко активизировала контакты в военной сфере со странами Восточной Азии — Сингапуром, Таиландом, Индонезией и т. д., что является одним из проявлений провозглашенной 20 лет назад программы «Смотреть на восток», подразумевающей усиление позиций державы в Восточной Азии. В 1993 г. был официально учрежден секторальный диалог АСЕАН с Индией, а в 1995 г. Индии был предоставлен статус полномасштабного партнера АСЕАН. В ноябре 2002 г. состоялся 1-й саммит АСЕАН + Индия. Индия была одной из 16 стран, участвовавших в 1-м восточноазиатском саммите, проведенном в Малайзии в декабре 2005 г. Начал работу форум «Меконг—Ганг», объединивший Индию и пять стран АСЕАН — Камбоджу, Лаос, Мьянму, Таиланд и Вьетнам. В 1997 г. была образована организация БИМСТЕК в составе Индии, Бангладеш, Шри-Ланки, Непала, Бутана, Мьянмы и Таиланда в целях осуществления совместных экономических проектов. Правда, ее деятельность пока не принесла ожидаемых результатов. В 2007 г. после того, как Бангладеш проинформировала о невозможности своего участия, Индия даже отменила встречу глав правительств БИМСТЕК, которая должна была состояться в Дели. Предполагалось принятие решения о создании специальной ЗСТ (по плану, правда, так и нереализованным, она должна была появиться к 2012 г.). Индийское правительство согласилось с учреждением нового форума БКИМ (Бангладеш — Китай — Индия — Мьянма), но не в плане образования очередной субрегиональной организации, а для осуществления кон-

кредитных совместных проектов. В 2005 г. Индия, Бангладеш, Китай, Республика Корея и Шри Ланка, подписали торговое соглашение Азиатско-Тихоокеанского региона. Сейчас проходит 4-й раунд переговоров, охватывающий вопросы торговли, услуг и инвестиций. В 2007 г. Индия подписала торговое соглашение с АСЕАН, вступившее в силу в 2010 г. (еще до этого страна заключила двусторонние договоры с Таиландом и Сингапуром). В 2010 г. вошло в силу торговое соглашение с Южной Кореей, в 2011 г. — с Малайзией. В 2011 г. был заключен торговый договор с Японией, согласно которому уступки по тарифам в двусторонних соглашениях являются более значительными, чем в общерегиональных.

Более четверти внешней торговли Индии ныне приходится на Восточную Азию⁷. На АСЕАН приходится почти 10 % всей торговли Индии (44 млрд долл. в 2009/2010 и 58 млрд в 2010/2011 финансовом году), на страны Северо-Восточной Азии — более 15 % (66 млрд долл. в 2009/2010 и 93 млрд в 2010/2011 финансовом году). Доля Китая в общем внешнеторговом обороте Индии составляла 8,3 % в 2006/2007 и 10,2 % в 2010/2011 финансовом году. Доля Японии за последний финансовый год равнялась 2,2 %, Южной Кореи — 2,35 %. В последнее время в торговом обороте Индии со странами ЮВА наблюдается особенно быстрый рост экспорта (более 30 % в год, в 2010/2011 финансовом году — более 50 %; рост импорта составлял 15—20 %), а в торговле с Северо-Восточной Азией — наоборот, быстрее увеличивается импорт.

Растут инвестиции стран Восточной Азии в Индию. Наиболее крупной сделкой Индии в сфере получения иностранных капиталовложений стало соглашение именно с восточноазиатской страной: южнокорейская фирма Pohang Iron & Steel объявила в 2005 г. о намерении вложить 12 млрд долл. в развитие добычи железной руды в штате Орисса и о строительстве здесь металлургического предприятия. Однако политика Индии в отношении иностранных инвестиций часто вызывает недовольство восточноазиатских компаний, и руководство южнокорейской фирмы заявило о своих сомнениях в возможностях реализации проекта в Ориссе.

В свою очередь, Индия также начала инвестирование в страны Восточной Азии. Особо привлекательной для Республики является сфера энергетики. Так, после успешного начала строительства относительно небольшой гидроэлектростанции в Мьянме (25 мегаватт в год) в 2006 г. было объявлено о новом гидроэлектрическом проекте Таманти (мощностью в 1200 мегаватт).

В целом Восточная Азия становится все более важным политическим и экономическим партнером Индии. При этом хозяйственные связи Республики с государствами региона развиваются, но по-прежнему находятся на довольно низком уровне. Экономические отношения Индии с Японией носят в большей степени политический характер, чем имеют какую-либо реальную хозяйственную подоплеку. Во многом это связано с ориентацией Индии на внутренний рынок, что предопределяет известную экономическую обособленность страны.

Поддержка общерегиональных интеграционных процессов не является серьезным приоритетом индийской внешнеэкономической политики. Во-первых, Индия в большей степени ориентирована на закрепление национальных позиций в окружающих ее регионах Южной и Юго-Восточной Азии. При этом ее экономические отношения с восточно- и северо-восточноазиатскими регионами развиты недостаточно. Во-вторых, индийская экономика в большей степени, чем экономики других региональных восточно- и южноазиатских держав, ориентирована на внутренний рынок (за исключением высокотехнологической продукции). На экспорт приходится незначительная доля индийского ВВП, что означает обособленность страны относительно других стран региона. В-третьих, нет взаимодополняемости индийской экономики и экономик других лидеров Азии. В-четвертых, отсутствует некий общий для всей «Большой» Восточной Азии внешний враг, который побуждал бы страны региона к интеграции. США выступают для подавляющего большинства стран Восточной и Юго-Восточной Азии равным образом и как раздражающий фактор, и как значимый торгово-экономический партнер, и как жизненно важный союзник и сдерживающий фактор для всех претендующих на региональное лидерство стран.

Вместе с тем Индия самым активным образом участвует в интеграционных процессах в АТР, стремясь стать участником тех региональных ассоциаций, в которые она еще не была принята (например, в АТЭС). Индия регулярно заявляла и о желании повысить статус в Шанхайской организации сотрудничества с наблюдателя до полноправного члена, но этому препятствует КНР, которая пока расценивает Индию, скорее, как конкурента, нежели партнера в Центральной Азии. (Правда, следует отметить изменчивость взглядов Дели в отношении масштабов ее участия в ШОС.)

Представляется, что участие азиатского гиганта в формирующихся организациях «сопоставимых» партнеров является более эффективным. Идею о создании тройственного союза Россия—Китай—Индия впервые (в постбиполярном мире⁸) открыто озвучил премьер-министр РФ Е.М. Примаков в ходе официального визита в Индию в декабре 1998 г. Ускоренное развитие Китая и Индии привело к их постепенному превращению в самостоятельные центры силы, что существенно меняло конфигурацию всей системы МО. Предложение Е.М. Примакова свидетельствовало о начале смещения интересов России в сторону Азии. Однако потребовалась смена власти, чтобы произошла реальная активизация российской внешней политики на этом направлении. Развитые страны, в свое время не пожелавшие активного партнерства с Россией, практически сами вынудили ее изменить внешнеполитическую линию и искать новых партнеров, прежде всего, среди крупных стран «Юга». В 2000 г. было объявлено о «стратегическом партнерстве» РФ с Индией, в 2001 г. — с Китаем.

Индийское руководство (как и китайское) крайне осторожно, если не сказать холодно, отреагировало на идею Е.М. Примакова. Однако после агрессии НАТО против Югославии в марте 1999 г. премьер-министр Индии А.Б. Ваджпай призвал вернуться к обсуждению данной идеи⁹. Подобные же предложения выдвигались и в китайской прессе. В начале 2000-х годов китайское руководство стало практически открыто заявлять о необходимости разрабатывать концепцию РИК самым серьезным образом. После вторжения США в Ирак в 2003 г. трехсторонние отношения получили новое развитие.

С 2002 г. начались встречи министров иностранных дел трех стран. Первоначально они были ограничены рамками Генеральной ассамблеи ООН в Нью-Йорке, а в июне 2005 г. состоялась трехсторонняя встреча на уровне глав МИД во Владивостоке, впервые проведенная как отдельное мероприятие. В июле 2006 г. в рамках саммита «восьмерки» в Санкт-Петербурге была проведена первая встреча руководителей России, Китая и Индии. С 2005 г. во время двусторонних переговоров лидеров трех держав стала подчеркиваться важность упрочения трехсторонних отношений. Так, в Совместной декларации Республики Индия и Китайской Народной Республики, подписанной 21 ноября 2006 г. в ходе официального визита в РИ Председателя КНР Ху Цзиньтао, указывалось, что «две стороны позитивно оценивают механизм трехстороннего диалога между Индией, Китаем и Россией и согласны с тем, что взаимосвязи и сотрудничество в его рамках должно и дальше укрепляться»¹⁰. В свою очередь, в Совместном заявлении по итогам официального визита В.В. Путина в Индию в январе 2007 г. отмечалось: «Трехстороннее взаимодействие способствует развитию взаимовыгодного экономического сотрудничества Индии, России и Китая, укрепляет международное сотрудничество в деле противодействия новым вызовам и угрозам, особенно в борьбе с терроризмом, и вносит вклад в укрепление мира и стабильности в Азии и во всем мире»¹¹.

Рост исламистского экстремизма и радикализма подталкивает сближение трех держав. «Мусульманская дуга» тянется от северо-запада Африки до юго-востока Азии. Индию (с ее 150-миллионным мусульманским населением), Россию (с мусульманским населением на Кавказе и в Поволжско-Уральском регионе) и Китай (с мусульманским населением в Синьцзяне) будут объединять сходные проблемы и задачи. Сейчас для крупнейших стран Евразии (прежде всего, для России и Индии) на первый план выходят единые задачи по выстраиванию взаимосвязей с исламским миром.

Китай также опасается угрозы со стороны исламского мира. В последнее время резко активизировались мусульманские экстремисты в Синьцзяне, что может дать толчок сепаратистским

настроениям и в других национальных округах, которые в целом составляют более половины площади КНР. Не случайно, что оба азиатских гиганта всегда «твердо поддерживали» позицию Москвы по Чечне и давали самые позитивные оценки «второй чеченской кампании».

Явно объединяет три страны и неприятие возможности формирования однополярного мира. Уже в ходе переговоров в Индии премьера Госсовета КНР Ли Пэна с индийским руководством в декабре 1991 г. (первый визит в Индию китайского премьера после 1960 г.) обе стороны выразили готовность активизировать контакты в случае проявления гегемонии одной страны в глобальной системе МО. Для Китая и Индии независимость внешнеполитического курса всегда являлась приоритетом. За полную нормализацию двусторонних отношений стали выступать даже правые партии Индии: это заметно, например, по резолюциям находившейся в 1998—2004 гг. у власти Бхаратия джаната парти (Индийская народная партия), ранее всегда критично оценивавшей политику КНР. С 2003 г. стал также функционировать «Форум диалога Индия—Бразилия—ЮАР». Именно Индия во многом способствовала объединению этих стран в рамках Форума.

В сентябре 2006 г. прошла первая совместная встреча министров иностранных дел России, Китая, Индии и Бразилии, первая встреча четырех глав государств состоялась в июле 2008 г. (после встречи «Большой восьмерки» в Японии), а полномасштабный саммит БРИК был проведен в Петербурге в мае 2009 г. На 3-м саммите БРИК в Китае в апреле 2011 г. в состав организации официально была принята Южная Африка, которая участвовала в саммите БРИКС, прошедшем в марте 2012 г. в Дели.

В Индии все партнеры по БРИКС воспринимаются в качестве реальных или потенциальных мировых центров силы. Интересно, что их можно также назвать региональными державами (под этим термином подразумевается государство, способное корректировать политику соседних стран с использованием преимущественно «мягкой силы»), к которым сейчас относятся очень небольшое количество стран. К этой группе можно отнести Индию, Китай, Австралию, Бразилию и в какой-то степени

Мексику, а также Южную Африку и Нигерию (возможности формирования региональных держав в Африке все-таки еще весьма ограничены). В конце XX века ряды региональных держав пополнила Россия. Представляется, что время для формирования региональных держав в Европе и Северной Америке уже ушло.

Взаимосвязи с единственной сверхдержавой — США — стали важнейшим направлением внешней политики Индии. Был провозглашен «стратегический диалог» между Индией и Соединенными Штатами, а эксперты заговорили о возможности создания четырехугольника Вашингтон—Канберра—Токио—Дели (получившего название «союза крупнейших демократий»). В его рамках стали проводиться чрезвычайно масштабные совместные военно-морские учения «Малабар». Обращают на себя особое внимание американо-индийские военные учения в Ладакхе и Мизораме (рядом с границами Китая). Были приданы дополнительные импульсы американо-индийскому сотрудничеству в военно-политической сфере: созданы двусторонние координационные комитеты между видами войск, начались американские поставки Индии новейшего военного оборудования, регулярно осуществлялись встречи совместной рабочей группы по борьбе с терроризмом, проводятся и совместные консультации по Афганистану. В 2006 г. было подписано соглашение 123 по атомной энергетике. Весьма позитивны для Индии перемены во внешнеполитическом курсе США в Южной Азии. Вашингтон перестал поддерживать Пакистан в индийско-пакистанских противоречиях, и его нынешняя позиция, скорее, является проиндийской.

Особое значение для индийско-американских взаимоотношений имеют, безусловно, экономические успехи южноазиатской страны и расширение ее связей с США. В течение последних 20 лет происходил почти постоянный рост индийско-американского торгового оборота (за исключением 2008—2010 финансовых годов, когда сокращение внешней торговли было характерно практически для всех стран). До 2008 г. США оставались главным коммерческим партнером Индии. Лишь в 2010—2011 финансовом году на 1-е место в экспорте Индии вышел Китай¹².

Индия считается одним из главных потенциальных получателей прямых иностранных инвестиций. Уже в 2004 г. она считалась третьей по привлекательности в мире для зарубежных капиталовложений (после Китая и США)¹³, а в 2005 г. в соответствии с Индексом инвестиционного доверия А.Т. Керни — второй (правда, в 2010 г. она вновь слегка уступила позиции США, но в 2012 г. опять вернулась на 2-е место¹⁴)¹⁵. Прямые иностранные инвестиции в Индию резко возросли в первой половине десятилетия (с 7 млрд долл. в 2004 г.¹⁶ до 42 млрд долл. в 2008 г.¹⁷), но вновь упали до 35,6 млрд долл. в 2009 г. и 24,6 млрд в 2010 г.¹⁸ Если Китай в привлечении зарубежных капиталовложений ориентируется на обрабатывающую промышленность, товары которой предназначаются на экспорт, то Индия предпочитает закупать технологии для использования в системе импортзамещения.

Соединенные Штаты (наряду с Маврикием, который выполняет для Индии роль Кипра для России) являлись и основным инвестором в индийскую экономику (на их долю приходилось 20—25 % всех прямых инвестиций). Однако в первой половине 2000-х годов доля США упала до 14,4 %, а во второй половине десятилетия — до 7,3 % (соответствующие цифры для Маврикия были 38,8 и 49,6 %) ¹⁹.

Однако роль Соединенных Штатов как главного поставщика высоких технологий и получателя программного обеспечения из Индии сохранилась. Уже в 1980-е годы выявилась крайняя заинтересованность южноазиатской страны в получении высоких технологий. Особо следует выделить колоссальный скачок, который осуществила Индия в сфере информационных технологий. В 2010—2011 финансовом году валовая стоимость программного обеспечения (ПО) и сопутствующих услуг (СУ) составила почти 90 млрд долл. Был выбран экспортноориентированный путь, и Индия вывезла ПО на сумму 59 млрд долл.²⁰ Доля программного обеспечения в общем экспорте Индии составила 20 % в 2011 г., а в валовом внутреннем продукте — 6,4 %²¹. А именно на США и Великобританию приходится 67 % всего индийского экспорта ПО и СУ²².

На развитии индийско-китайских отношений сказываются следующие факторы:

а) *Пакистанский вопрос*. Индия позитивно отнеслась к проводимому Китаем в «биполярный период» курсу на постепенное выравнивание отношений с Индией и Пакистаном. В июне 1999 г. премьер-министр Пакистана Наваз Шариф сократил свой визит в КНР, причиной чему стал отказ Пекина публично выступить на пакистанской стороне по вопросу начавшихся крупномасштабных столкновений в Каргиле (Кашмир). Но Индия по-прежнему считает Китай союзником Пакистана. Особое недовольство в Дели вызывает, естественно, взаимодействие Китая и Пакистана в осуществлении ядерной и ракетной программ.

б) *Сопредельные страны*. Индия и КНР в целом негативно реагируют на военно-политическое сотрудничество своего партнера в «чужом регионе». Китай стал главным поставщиком вооружения в Бангладеш. В Индии крайнее беспокойство вызывало развитие КНР военной инфраструктуры в зоне Индийского океана, особенно то, что Китай активизировал военное сотрудничество с Мьянмой (Бирмой), получил прямой доступ к Бенгальскому заливу и возможность пользоваться станциями электронного слежения на побережье. Пекин в свою очередь проявляет недовольство по поводу попыток Дели развивать военно-политическое сотрудничество со странами Юго-Восточной Азии. Китай также озабочен усилением военно-политических связей между Индией и Японией. За последние несколько лет очень быстрое развитие двусторонних связей заметно именно в этой подсистеме, наряду с экономической сферой. Резко возросло количество визитов военных делегаций, началось проведение совместных военных учений.

в) *Военные проблемы*. Каждая из стран в высшей степени опасается, что военный потенциал соседа (прежде всего, ядерно-ракетный) будет направлен против нее. Конечно, Индию не может не беспокоить размещение ядерных ракет в Тибете (в настоящих условиях, как полагают индийские эксперты, они могут быть нацелены исключительно на юг, а их число составляет 50—60 шт.²³), совершенствование ядерного оружия и военное строительство в Китае.

В свою очередь, в Китае чрезвычайно негативно отреагировали на испытание ядерных устройств Индией в мае 1998 г. В сообщении агентства Синьхуа Республика сразу была названа «южноазиатским гегемонистом»²⁴. Пекинские власти, объявив испытания серьезнейшей угрозой всему региону, призвали Индию подписать Договоры о нераспространении ядерного оружия и всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и прекратить свою ядерную программу, приостановить планы по созданию баллистических ракет²⁵. В Китае справедливо полагают, что программа создания баллистических ракет в настоящих условиях может быть нацелена исключительно против КНР.

г) *Пограничная проблема.*

Еще во время индийско-китайских переговоров на высшем уровне в 1991 г. и 1993 г. был принят комплекс мер по стабилизации ситуации, недопущению военных инцидентов и по сокращению войск и вооружения на границе и начался диалог двух стран по территориальной проблеме. Однако переговоры продвигаются крайне медленно. По центральному и восточному секторам границы разногласия между двумя странами невелики (хотя и здесь существуют несколько вариантов прохождения линии действительного контроля) и могут быть решены. В 2005 г. Китай официально дал согласие признать статус индийского штата Сикким (в 1975 г. Индия присоединила эту гималайскую территорию, имевшую статус протектората), а Индия впервые подписала документ, в котором Тибет назывался «Тибетским автономным районом»²⁶. Гораздо серьезнее обстоит ситуация с западным сектором, где Индия не соглашается с контролем КНР над территорией Аксай Чина. Не урегулирован и вопрос о принадлежности индийского штата Аруначал Прадеш (официальные представители Пекина прямо заявляют о неправомерности его принадлежности Индии).

д) *Американо-индийское сотрудничество.*

Администрация США отрицает, что развитие американо-индийских связей нацелено на сдерживание Китая, однако, бесспорно, это стремление присутствует у Вашингтона. Как отмечала ведущий эксперт США по Южной Азии Т. Шаффер, «хотя резко укрепившиеся индийско-китайские отношения яв-

ляются фактором мира и стабильности в Азии, ...подъем Китая определяет необходимость для США расширять сеть за пределами своей традиционно сильной опоры в Восточной Азии»²⁷. Американские военные демонстрируют гораздо больше открытости. В феврале 2006 г. Министерство обороны США в опубликованном ежеквартальном Обзоре по сути объявило своей целью превращение Индии в «фактического» союзника в целях завершения процесса окружения Китая. Министерство иностранных дел КНР заявило, что Обзор является «серьезным искажением» фактов²⁸.

Внешнеполитический курс США во многом предопределяет подход азиатских гигантов к двусторонним связям. Китайское руководство не может не опасаться перспективы образования «антикитайского блока», что прервет позитивное экономическое развитие и воспрепятствует реализации внешнеполитических целей КНР в Восточной и Юго-Восточной Азии. Индийские лидеры довольно умело маневрируют в сложившихся условиях, пользуясь опытом 1960-х годов (когда Индия была крупнейшим получателем экономической помощи в Азии одновременно и от США, и от СССР) и учитывая опыт 1970-х годов, когда крен в сторону одной из сверхдержав (СССР) негативно сказался на международных позициях Индии.

е) *Слабость контактов в культурно-идеологической и научно-технологической сфере.* Эти связи остаются минимальными. Большой успех достигнут лишь в области гуманитарной науки, но и здесь речь идет лишь о спорадических конференциях и командировках отдельных ученых. Более того, крайне ограничено количество синологов в Индии и индологов в Китае.

Для двух азиатских гигантов характерна различная цивилизационная парадигма. Цивилизационное поле, на котором осуществляется общественное развитие, очень обширно — от индивидуализма (т. е. признания приоритета личных интересов), основы западного общества, до коллективизма (т. е. приоритета групповых интересов над индивидуальными), свойственного традиционному восточному обществу. Китаю, как и ряду других стран Восточной Азии, присущ путь, близкий к четкому коллективистскому вектору. Для индийской цивилизации свойствен

срединный путь — развитие по широкому полю, но довольно далеко от чисто коллективистского и индивидуалистского векторов (подобное развитие в целом свойственно также российской и японской цивилизациям). Помимо этого, «элитарная» цивилизационная модель Индии и «эгалитарная» модель КНР находят полное отражение в политическом и социально-экономическом развитии азиатских гигантов и не могут не отражаться на двусторонних отношениях.

Следует подчеркнуть, что большинство факторов, негативно сказывавшихся на индийско-китайском взаимодействии, является просто производным от базового — *соперничества двух государств*. Китай и, особенно, Индия в долгосрочном плане рассматривают противоположную сторону как стратегического противника в Азии, а возможно, и в мире. Большая часть индийской элиты полагает, что в более далекой перспективе азиатские гиганты могут вступить в прямое противоборство. При этом принципиальных противников совместных действий в ближайшее время немного.

В плане конкретной политики Пекин заинтересован в нормализации двусторонних отношений, неприсоединении Индии к планам по «окружению» Китая. КНР вряд ли будет отказываться от использования «третьих стран» в качестве основного рычага давления на Индию, южноазиатские соседи которой готовы всемерно расширять связи с Пекином. Такие государства, как Пакистан и Бангладеш, значимы для Китая и в плане улучшения взаимопонимания со всем исламским миром.

Для Индии наиболее важны решение пограничной проблемы, ослабление китайско-пакистанских, прежде всего военно-политических, связей, развитие континентальных внутренних районов вдоль границы с Китаем, отказ Пекина от создания препятствий для упрочения отношений Индии с восточноазиатскими государствами. Главный индийский инструмент давления на КНР — ее связи с США и в какой-то степени с Японией.

Противоречивость позиции Индии: стремление расширять сотрудничество в рамках БРИКС, с одной стороны, и взаимосвязи с США — как главное направление внешней политики на фоне весьма напряженных отношений с Китаем — с другой, можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, весьма позитивная динамика развития двусторонних отношений между Индией и Китаем в экономической сфере. Еще не так давно эксперты говорили об экономической конкуренции двух стран. Индийские предприниматели били тревогу в связи с ростом поставок более дешевой китайской продукции (в Китае значительно выше производительность труда и намного лучше развита инфраструктура) на индийский рынок²⁹. По мнению многих ведущих индийских экономистов, со вступлением КНР в ВТО ситуация для Индии должна была еще ухудшиться³⁰. Следует также отметить, что два азиатских гиганта конкурировали и на мировой арене по целому ряду товарной номенклатуры. Однако сейчас, по мере большей адаптации индийских предпринимателей к мировой конкуренции, ситуация резко изменилась. Чрезвычайно быстрыми темпами развивается торговый оборот двух стран. Если в 1999—2000 финансовом году он составил около 2 млрд долл.³¹, то в 2006—2007 — 25,8 млрд, а в 2010—2011 — 63,1 млрд (10,2 % общего торгового оборота Индии)³². КНР превратилась в главного импортера и экспортера Индии. Стали появляться совместные предприятия, начала обсуждаться возможность соединения потенциала Индии по разработке программного обеспечения и возможностей Китая по производству аппаратуры и оборудования. Нью-Дели даже попытался использовать КНР как плацдарм для расширения сотрудничества в сфере информационных технологий со странами Юго-Восточной Азии.

Во-вторых, существуют эндогенные параметры, которые негативно влияют на индийско-американские отношения. Основная оппозиционная партия — Бхаратия джаната парти стала занимать более критические позиции в отношении США, как и большинство правых националистических организаций мира. Естественны и антиамериканские настроения левоцентристов. Правящий Индийский национальный конгресс осознал, что Вашингтон не рассматривает ни одну страну как равноправного партнера, а в Индии пребывание на положении младшего партнера считается недопустимым.

В-третьих (и это самое главное), процесс улучшения двусторонних индийско-американских отношений сопровождается рост

(пока латентный) конфликтного потенциала на глобальном уровне между двумя странами, связанный с весьма существенными расхождениями по вопросам геополитики и геоэкономики.

Гегемония Севера отвергается Индией по политическим, экономическим и цивилизационным причинам. Для нее независимый внешнеполитический курс всегда являлся главной целью, и подчинение кому-либо никак не вписывается в ее планы. Не случайно, что при существовании такого базового противоречия между Индией и Китаем, несмотря на соперничество двух гигантов, позиции азиатских держав по глобальным вопросам весьма близки. При анализе частоты совпадений голосования Индии, КНР и других государств на Генеральной Ассамблее ООН по всему комплексу мирополитической проблематики выясняется, что Индия в отдельные годы входит в тройку стран, имеющих наименьшее количество расхождений с итогами голосования КНР. Практически полностью совпадают позиции азиатских гигантов по проблематике глобального устойчивого развития и стратегической стабильности; по вопросам национальной безопасности только Россия голосует одинаково с Китаем чаще, чем Индия³³.

Пока концепция развития связей между державами и в РИК, и в БРИК, и в БРИКС не имеет четкого наполнения, не ясны ни масштабы и рамки взаимодействия, ни направленность деятельности. Однако нельзя отрицать, что есть весьма значительные предпосылки для существенного сближения стран и одна из них — неприятие и Индией, и Китаем возможности установления однополярного мира. Именно в целях недопущения однополярного мироустройства Индия еще в прошлом веке начала прорабатывать возможности сближения не только с Китаем и Россией, но и с Японией, Европейским союзом (правда, участие европейских стран в агрессии против Югославии в 1999 г. вызвало сомнения в южноазиатской стране по поводу реальной независимости Западной Европы) и странами Юго-Восточной Азии.

Важно и то, что гегемония «белых» цивилизаций и культур на протяжении последних двух веков не могла не вызвать у некоторых членов мирового сообщества сильного стремления к реваншу, и именно сейчас начинают появляться и первые возможно-

сти его реализации. Общая история и единство задач, связанных со сложившимся неравноправным положением в международном разделении труда, также, безусловно, цементируют узы стран Юга, в том числе и Индии с Китаем.

Следует особо отметить попытки Индии противостоять экономической глобализации, которая негативно сказывается на положении развивающихся стран. В этом плане БРИКС мог бы стать для Индии ключевым партнером и для укрепления своего положения в мировой экономической системе, и для реализации конкретных хозяйственных проектов. Сотрудничество в БРИКС может быть полезным для развития направлений двусторонних отношений, являющихся «сквозными» для всех участников клуба. Отметим особо, что наполнение практическим содержанием экономических отношений в рамках треугольника значительно облегчается фактом соседства трех стран в Евразии. Учитывая как серьезные опасения Пекина по поводу вхождения Индии в создаваемое США «окружение Китая», так и начавшееся сотрудничество России, Китая и Индии в рамках БРИКС, следует предложить КНР проекты по активизации экономического сотрудничества в треугольнике Россия—Индия—Китай.

Безусловно, у России достаточно много проблем в экономической подсистеме двусторонних отношений с азиатскими гигантами. Часто преувеличивается общность интересов трех стран в области внешней торговли. Вызывает опасение и возможное превращение РФ в сырьевой придаток азиатских гигантов. Более того, Китай и Индия, сохраняя государственную монополию внешнеэкономических связей по большому количеству направлений (либо обеспечивая полную государственную поддержку частному бизнесу), в состоянии без затруднений переигрывать молодой разобщенный российский бизнес. Вместе с тем ориентация России на сотрудничество с азиатскими гигантами может оказаться очень продуктивной. Сотрудничество России с Китаем и Индией может оказаться более перспективным, чем связи в рамках АТР.

Необходимо обратить внимание на возможность сотрудничества между Россией и Китаем (и в какой-то степени, Индией) в агросфере. В настоящее время азиатские гиганты обеспечива-

ют себя продовольствием и даже его экспортируют, но предстоящий резкий рост численности среднего класса, с его потреблением по европейским стандартам и экологические проблемы должны изменить ситуацию и заставить их искать новые пути обеспечения продовольствием. Россия могла бы стать естественным партнером в решении этой проблемы.

Для России приемлемы следующие варианты:

- сдача в аренду Китаю и Индии сельскохозяйственных угодий;
- создание совместных предприятий обрабатывающей промышленности (все проекты могут осуществляться при перекрестном инвестировании).

При этом китайская и индийская стороны обязаны подписать соглашение о российском контроле над состоянием почвы, чтобы избежать традиционной политики по чрезмерной интенсификации сельскохозяйственного производства, что ведет к моментальной деградации земли. Необходимо предусмотреть и полный санитарно-гигиенический контроль над качеством продукции, если она будет потребляться в России.

Важным аспектом сотрудничества может стать совместная разработка минеральных, топливно-энергетических и лесных ресурсов Сибири и Дальнего Востока, служащих базой для развития промышленности данных регионов, и именно в этой области было бы наиболее легко реализовать широкомасштабные совместные проекты.

Лесное богатство Сибири и Дальнего Востока является важнейшей сферой сотрудничества. Необходимо остановить вывоз сырья и привлечь азиатских инвесторов в развитие российской деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности. Крупные компании развитых стран вряд ли станут вкладывать средства в предприятия, расположенные слишком далеко от зоны их интересов, а Китай могут заинтересовать поставки готовой продукции во внутренние регионы этой страны.

Вполне возможно привлечение китайских и индийских инвестиций в развитие металлургической промышленности в Сибири и на Дальнем Востоке на базе месторождений минерального сырья. России намного выгоднее было бы экспортировать металлы, а не сырье.

В целом азиатские политики и аналитики согласны рассматривать вопросы двустороннего и многостороннего сотрудничества по созданию обрабатывающего производства в азиатской части РФ, однако указывают на недостаток в этих районах квалифицированной рабочей силы. В этом плане можно привязать конкретные проекты к Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Это поможет реализовать данную программу в Сибири и на Дальнем Востоке, где она к настоящему моменту по существу провалилась (в первую очередь, по причине отсутствия рабочих мест).

Весьма перспективно сотрудничество в сфере высоких технологий (в первую очередь, информационные технологии, биотехнологии, нанотехнологии). Возможно соединение российской фундаментальной науки и ресурсной базы с индийской инженерной мыслью и китайским производством с его качественной и дешевой рабочей силой (с Индией подобное сотрудничество уже налажено в военной сфере). Полученный продукт имел бы и огромный рынок сбыта: в «Большой» Восточной Азии наблюдаются наиболее высокие в мире долговременные темпы роста и увеличивающаяся покупательная способность населения. Тесное взаимное сотрудничество и значительные объемы рынков сбыта могут привлечь дополнительные иностранные инвестиции. В случае реализации подобного сценария произойдет достаточно парадоксальная вещь: проведение преобразований в России в целях стадийного сближения с Западом будет осуществлено на основе развития политических и экономических связей с Востоком.

В ближайшие годы Китай и Индия вряд ли смогут перейти в постиндустриальную фазу развития. Наличие огромного массива бедного населения (а в Индии — и неграмотного) не позволяет им использовать модели развитых стран: так, нет особого смысла во внедрении новых ресурсосберегающих технологий, поскольку совершенно не ясно, куда девать высвобождающуюся рабочую силу (это может привести лишь к серьезнейшему усилению социальной напряженности). Одновременно у Китая и

Индии есть прекрасные возможности для успешного развития по индустриальному пути³⁴.

Очень перспективным представляется и налаживание совместной деятельности и по таким направлениям, как обрабатывающая промышленность, координация проектов в освоении космоса, авиации, энергетике, машиностроении, в частности автостроении, ориентированной на рынки друг друга. Необходимо также обратить самое серьезное внимание на обеспечение комфортных условий ведения бизнеса для иностранных партнеров.

Особо следует выделить сферу энергетике. Для РФ крайне важно диверсифицировать направления своего топливного экспорта. Европейский союз опасается зависимости от России и постоянно ищет альтернативу российским товарам, но и Россия также должна продумывать новые маршруты нефте- и газопроводов — в восточном и южном направлениях, чтобы не столь зависеть от одного покупателя — Европы. Более того, наиболее перспективной была бы транспортировка не сырья, а продукта, переработанного на территории РФ. России также следует выбирать многостороннее сотрудничество, с тем чтобы не оказаться заложницей конкретного государства. Поэтому для России возможны два варианта развития связей в энергетической сфере:

- подписание специальной программы долгосрочного сотрудничества с Китаем и с Индией в энергосфере;
- создание механизма многостороннего сотрудничества.

Первый сценарий возможен в случае отказа КНР от стремления извлекать односторонние преимущества из экономического сотрудничества с РФ. Второй вариант предполагает возможность создания Энергетической ассоциации Восточной Азии.

Сфера энергетике может сыграть основную роль, став основой углубления региональной интеграции, вовлекая в сотрудничество правительства, энергетические компании, инвесторов, население. Для Китая и других азиатских государств плюсами сотрудничества с Россией являются:

- диверсификация импорта газа и нефти, что позволяет повысить энергетическую безопасность;
- обеспечение большей независимости от действий мирового лидера;

- получение надежного поставщика в долгосрочной перспективе;
- укрепление двусторонних отношений и появление новых возможностей решения старых проблем;
- рост доходов;
- улучшение экологической обстановки;
- углубление региональной интеграции.

Привлечение азиатских инвесторов может дать России возможность:

- развивать крайне запущенную инфраструктуру Восточной Сибири и Дальнего Востока;
- повысить жизненный уровень населения;
- развивать континентальное сотрудничество и превратить российский регион в реальные ворота в АТР.

В целом широкомасштабное экономическое сотрудничество представляется гораздо более перспективным, чем становление военно-политического стратегического треугольника Россия—Индия—Китай. Данный тезис не отрицает необходимости дальнейшего укрепления политических и военно-политических контактов.

Крупнейшие державы Евразии часто не ставят друг друга в известность по поводу военно-политических контактов со странами, которые имеют особое значение для безопасности партнера. Крайне необходимо создание атмосферы большего доверия между странами. В этих целях Россия могла бы пойти на передачу большей информации о направленности своего военного сотрудничества с Индией Китаю, а с КНР — южноазиатской стране для того, чтобы показать своим партнерам, что эти связи не направлены против них.

Весьма важным представляется и развитие связей в области противодействия распространению терроризма и экстремизма, прежде всего исламистского. Возможно как создание специальной организации трех стран, так и более полное подключение Индии к ШОС, в чем Дели весьма заинтересован.

Очень важным представляется всестороннее развитие культурной подсистемы, прежде всего сотрудничества в образовательной сфере (массовое привлечение китайских и индийских

студентов на учебу в Россию, укрепление связей в сфере высшей школы и науки). В США студенты из Китая и Индии занимают первое место по численности среди иностранных студентов. В СССР получили образования десятки тысяч индийцев и китайцев, а сейчас они по существу не представлены на российском образовательном поле. Приоритетные направления — медицина и естественные науки.

Следует также резко расширить культурно-пропагандистскую деятельность, включая возможности лоббирования российских экономических интересов в Китае и Индии (в том числе и частных компаний). Электронные средства массовой информации Запада поражают своей недоброжелательностью к России: в освещении ее политики практически нет позитива. То же характерно и для западной печати. Вся эта информация переправляется в Индию и Китай, как и в целом в Азию, ухудшая их отношение к России. Дискредитация РФ опасна не только в политическом плане (очевидно, что доброжелательность населения является той базой, на которой можно развивать отношения). Это — один из факторов, обеспечивающих устранение страны как экономического конкурента Запада. Видимо, было бы сложнее отстранить российские компании от участия в многомиллиардных контрактах на реконструкцию предприятий, построенных Советским Союзом в тех же азиатских гигантах, если бы местные СМИ лоббировали интересы нашей страны.

В связи с этим представляется необходимым:

- увеличение масштабов деятельности «РИА Новости» в Китае и Индии, причем упор должен быть сделан на формирование позитивного имиджа России, а не на псевдообъективности, т. е. критической подаче образа России (это достаточно активно делают другие государства); постоянная публикация российских материалов в китайской и индийской прессе;
- расширение объемов вещания «Голоса России» на азиатские гиганты;
- предложение КНР и Индии видеоматериалов, рисующих российскую действительность с позитивной стороны, и введение ограничений на передачу негативной информации;

- целенаправленное продвижение идеи об угрозе со стороны создания однополярного мира и необходимости нашим странам идти на сближение в целях противостояния данному процессу;
- активизация сотрудничества между учеными, которые дают рекомендации властям в качестве экспертов (т. е. имеют возможность воздействовать на принятие решений) и регулярно выступают в СМИ (т. е. направляют в определенную сторону общественное мнение). Возможные мероприятия: круглые столы, семинары, конференции, совместные публикации, дискуссии в журналах и т. д.;
- регулярное проведение конференций экспертов по внешнеполитической и военно-политической тематике на двусторонней и многосторонней основе;
- на всех уровнях педалировать идеи об определенной схожести трех стран в культурной сфере. При всех колоссальных различиях наших цивилизаций, есть одно общее: духовность, им имманентно присущая, которая противостоит материализму и духу потребительства развитых стран. Для лучшего понимания друг друга целесообразно было бы предложить нашим азиатским партнерам регулярно проводить крупномасштабные Фестивали культуры в соседних странах.

Активизация политических, экономических, военно-политических и культурных связей трех стран вдохнет новое содержание в деятельность БРИКС и позволит Индии, как и ее партнерам по организации, подорвать монопольное положение Севера. Страны БРИКС не заинтересованы в радикальной ломке международных политических и экономических отношений, но обязаны способствовать резкому укреплению своих позиций в мировой системе.

Примечания

¹ Сайт ЦРУ URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/bt.html>; Сайт министерства торговли Бутана URL: http://www.trade.gov.bt/index.php?option=com_content&view=article&id=158&Itemid=109.

² Сайт ЦРУ URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/np.html>.

³ Sen A. India not acting fast on non-tariff barriers: Pakistan // *Economic Times* (Mumbai). 10.02.2012.

⁴ Сайт Департамента торговли Министерства торговли и промышленности Индии. URL: <http://commerce.nic.in/eidb/irgn.asp>.

⁵ Rose L. E. A Regional System in South Asia: Problems and Prospects // *Asian Security Issues. Regional and Global* / Ed. by L. E. Rose. Berkeley. 1988. P. 390.

⁶ Премьер-министр Индии Манмохан Сингх считает, что «повышение международного статуса Индии усиливает ее стратегическое значение в регионе от Персидского залива до Малаккского пролива» (Freedom to use the seas: India's maritime military strategy. New Delhi: Integrated Headquarters, Ministry of Defence (Navy). 2007. P. 4.

⁷ Сайт Департамента торговли Министерства торговли и промышленности Индии.

⁸ Об этом упоминали, правда, вскользь, еще В.И. Ленин и И.В. Сталин — сразу после крушения надежд большевиков на осуществление социалистических революций в Европе.

⁹ Независимая газета. 30.03.1999. С. 8.

¹⁰ Joint Declaration by the Republic of India and the People's Republic of China. 21.11.2006 // Сайт МИД Индии. URL: http://meaindia.nic.in/dec_larestatem ent/2006/11/21jd01.htm.

¹¹ Joint Statement on the outcome of the Official Visit of H.E. Mr. Vladimir V. Putin, President of the Russian Federation to the Republic of India. 25.01.2007. Сайт МИД Индии. URL: <http://meaindia.nic.in/>.

¹² Сайт Департамента торговли Министерства торговли и промышленности Индии.

¹³ World Investment Report. 2005 Transnational Corporations and the Internationalization of R&D. United Nations Conference on Trade and Development. United Nations: New York and Geneva. 2005. P. 34.

¹⁴ См.: Foreign Direct Investment (FDI) Confidence Index. URL: <http://www.atkearney.com/index.php/Publications/foreign-direct-investment-confidence-in dex.html>.

¹⁵ World Investment Report. 2009. Transnational Corporations, Agricultural Production and Development. United Nations Conference on Trade and Development. United Nations: New York and Geneva. 2009. P. 34. На 4-е и 5-е места после Китая, США и Индии ЮНКТАД поставила Бразилию и Россию (P. 38).

¹⁶ World Investment Report... 2005. P. 51.

¹⁷ World Investment Report... 2009. P. 51.

¹⁸ World Investment Report. 2011. Non-Equity Modes of International Production Development. United Nations: New York and Geneva. 2011. P. 189.

¹⁹ Chalapati Rao K.S. and Biswajit Dhar. India's FDI Inflows Trends and Concepts. Delhi: Research and Information System for Developing Countries. 2011. P. 28.

²⁰ Information Technology. Annual Report. 2010—2011. Delhi: Ministry of Communications and Information Technology, Department of Information Technology. 2011. P. 1.

²¹ Ibid. P. 2.

²² Ibid. P. 9.

²³ Kondapalli Srikant. India-China Relations: Time to Consolidate? Institute of Peace and Conflict Studies. URL: <http://www.ipcs.org/ipcs/issueIndex2.jsp?action=showView&kValue=1706&issue=1009&status=article&mod=b>.

²⁴ Cherian J. Worldwide condemnation // *Frontline* (New Delhi). Vol. 15. № 11. May 23 — Jun 05. 1998.

²⁵ Joshi M. The Big Chill // *India Today*. 24.08.1998.

²⁶ Mitra P., LeFevre F. India & China: Rivals or Partners? // *South Asia Monitor*, Centre of Strategic and International Studies, Wash., № 80. 05.03.2005.

²⁷ President Bush trip to India. Press Briefing. Centre of Strategic and International Studies, Wash., 24.02.2006, Federal News Service, Inc., Wash. 2006. P. 5.

²⁸ Cherian J. The China Factor // *Frontline*. Vol. 23, № 4. Feb. 24 — Mar. 10. 2006.

²⁹ Bhaumik T.K. Facing the Chinese Competition // *Economic Times*. 01.11.2000. P. 10.

³⁰ Aiyar V. Sh. and Saran R. Chinese Goods // *India Today*. 11.12. 2000.

³¹ Malik A. Trade Against Terror // *India Today*. 09.10.2000.

³² Официальный сайт Департамента торговли Министерства торговли и промышленности Индии.

³³ Журнов Д.А. Внешнеполитическое сотрудничество России и Китая в контексте формирования постбиполярной модели международных отношений // Северо-Восточная и Центральная Азия. Динамика международных и межрегиональных взаимодействий / под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2004. С. 242, 246, 250, 256.

³⁴ Более подробно см.: Лунев С.И., Любимов Ю.В. Может ли Восток догнать Запад (развитие науки в крупнейших странах Азии). М., 2011.

Л.Е. Васильев*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ МИРОВЫХ ДЕРЖАВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация. Проанализировав геополитическую ситуацию в Центральной Азии в целом, автор рассматривает политику основных мировых акторов в регионе (США, Китай, ЕС, Японии), а также стран, соседствующих с Центральной Азией (Афганистан, Иран, Пакистан), отмечая сложность современной политико-экономической ситуации и расстановки сил в ЦА.

Ключевые слова: Центральная Азия, политическая и экономическая ситуация, США, Китай, ЕС, Япония, Афганистан, Иран, Пакистан.

1. Геополитическая ситуация в Центральной Азии

Центрально-Азиатский регион (ЦАР) занимает важное геостратегическое положение. Географически он обеспечивает кратчайшую связь Кавказа и Среднего Востока со странами Восточной Азии, юга и севера континента. Вследствие этого из ЦАР удобно контролировать как транзитные пути, так и глубинные тыловые районы крупнейших государств Азии — Китая, Индии и России. В современных условиях значение региона су-

* Васильев Леонид Евгеньевич, с.н.с. Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН.

щественно возросло и в геоэкономическом плане. Наличие залежей нефти и газа, запасов урана, золота, других цветных металлов и редкоземельных элементов в сочетании с удобством прокладки международных коммуникаций привлекает многие мировые державы.

Политика стран Запада в отношении региона, впрочем, как и государств Востока, всегда была направлена на обеспечение своих приоритетных интересов. Необходимо отметить, что защита традиционных западных ценностей — демократии и прав человека — уже не является для Запада приоритетной задачей в Центральной Азии (ЦА), а используется лишь как средство для соблюдения своих экономических и политических интересов. Однако многие проходящие в ЦАР процессы рассматриваются западными политиками с выгодной для них точки зрения, что ведет иногда к искажению действительности и формированию ложных стереотипов.

Исходя из складывающейся обстановки, центральноазиатские государства, образовавшиеся в конце XX века после распада СССР, приняли на «вооружение» принцип многовекторности внешней политики. Выбор этого принципа и соответствующей ему стратегии во многом был обусловлен неподготовленностью России к выработке собственной адекватной сложившейся ситуации политики в отношении развития сотрудничества с центральноазиатскими государствами. Кроме того, в тот же период происходило становление стран ЦАР как независимых субъектов международных отношений (МО), с явным намерением каждой из них самоутвердиться и занять определенное положение в мировом сообществе. Международные отношения в ЦА, даже двусторонние, довольно часто приобретали и приобретают многосторонний характер, предусматривающий участие в них (официальное или неофициальное) других региональных и внерегиональных акторов.

Анализируя политику, проводимую в регионе мировыми державами, можно сделать вывод, что основными факторами, негативно влияющими на ситуацию в ЦАР, являются:

- стремление ряда стран обеспечить лидирующие позиции в регионе с целью установления эффективного контроля над возможным развитием формирующейся политической ситуации;

- борьба за право обладания ресурсами региона, а также за контроль над стратегическими межрегиональными коммуникациями;

- соперничество за права поставок в регион оружия и военной техники, а также за возможность осуществлять материально-техническое обеспечение вооруженных сил центральноазиатских государств;

- конкуренция за влияние на лидеров государств ЦАР;

- стремление обеспечить контроль над стратегическими отраслями промышленности государств региона;

- соперничество на культурно-образовательном пространстве с попытками овладеть умами местной молодежи.

Следует также отметить, что регион играет важную роль в области международной безопасности. Специфика географического положения, с одной стороны, делает его сравнительно легкодоступным объектом для нападения исламских экстремистов с южного и юго-западного направлений, а с другой — регион является территориальным «буфером», защищающим от этих же экстремистов такие страны, как Россия и Китай. Кроме того, практически во всех государствах региона значительные группы населения разделяют идеи сепаратизма, исламского экстремизма и используют для достижения своих целей методы и способы террористической борьбы.

Необходимо отметить, что государства Центральной Азии могут устойчиво развиваться и интегрироваться в региональное и мировое сообщество только при условии стабильности и геополитического равновесия в ЦАР. К возможным внешнеполитическим факторам ухудшения политической ситуации в регионе можно отнести также:

1. Разнонаправленность взглядов руководства центральноазиатских государств в определении стратегических приоритетов развития, что существенно затрудняет процессы региональной интеграции.

2. Соперничество в решении общерегиональных вопросов с целью получения именно для своей страны максимальных дивидендов, что приводит к установлению барьеров в торговле, препятствий при пересечении границ друг друга, а также вы-

зывает межнациональную напряженность, недоверие и конфликты.

3. Различный уровень экономического развития государств региона, что снижает эффективность решения общих для ЦАР задач.

4. Соседство нестабильных Афганистана и Пакистана, сохраняющаяся угроза проникновения в регион значительных групп исламских экстремистов, а также наличие сепаратистских и экстремистских движений на территориях самих центральноазиатских государств.

5. Возможность превращения Центральной Азии в одну из мировых «горячих точек» в случае обострения соперничества мировых держав в регионе со всеми вытекающими отсюда последствиями.

2. Политика основных мировых акторов в регионе

2.1. Политика США

Как уже отмечалось выше, ЦАР на сегодняшний день представляет огромный интерес как для региональных, так и для географически отдаленных от него стран. Обеспечив себе определенные геополитические преимущества в регионе, государство или группа государств получит не только приоритетный доступ к энергетическим богатствам ЦА, но и создаст предпосылки для более полного обеспечения своих целей и интересов. Одним из основных акторов, решающих такие задачи в Центральной Азии, являются Соединенные Штаты.

Суть их политики можно выразить известной фразой У. Черчилля, произнесенной им еще в 1919 г.: «Центральная Азия — это та дойная корова, которая еще дожидается своего крокодила»¹. Сейчас на роль такого «крокодила» претендуют США, которые в соответствии с внешнеполитической доктриной, провозглашенной американским руководством в 2002 г., принимают самостоятельные решения и осуществляют упреждающие действия в том случае, если ими выявляется угроза для амери-

канской безопасности. Этой доктриной не исключается проведение военных операций, мотивированных любым проявлением агрессивности против США. При обнаружении таких проявлений их оценка становится прерогативой самих Соединенных Штатов². Таким образом, исходя из внешнеполитической линии Вашингтона, можно утверждать, что любые политические процессы в суверенных государствах ЦАР будут рассматриваться исключительно через призму интересов США.

К основным направлениям реализации государственных интересов Соединенных Штатов в Центральной Азии следует отнести:

1. Обеспечение военного присутствия в регионе, которое является важнейшим фактором, способствующим усилению политических и экономических позиций США в мире. Кроме того, размещение военных баз в ЦАР рассматривается Вашингтоном как реальный рычаг воздействия на сопредельные с регионом государства.

2. Противодействие усилению влияния России, КНР и Ирана в Центральной Азии дает стратегические возможности для сдерживания и ограничения влияния РФ и Китая в мировой политике.

3. Установление стабильного и сильного проамериканского режима в Афганистане в целях обеспечения стратегического плацдарма для расширения геополитического влияния США на северном, южном и западном направлениях.

4. Расширение доступа к энергетическим ресурсам региона, а также реализация трубопроводных и транспортно-коммуникационных проектов в южном и западных направлениях, проводимая в русле общей политики Вашингтона по лишению России возможностей транспортировки энергоресурсов центральноазиатских и прикаспийских государств.

Идеологическим обоснованием современной политики США в Центральной Азии стала разработанная Ф. Старом в 2005 г. «Концепция Большой Центральной Азии (БЦА)», появившаяся после того, как государства ШОС выступили в Астане с известным заявлением об американских военных базах в ЦАР. Основная суть разработанной концепции — создание форума

«Партнерство по сотрудничеству и развитию БЦА», в который должны войти США, центральноазиатские государства и Афганистан без России, Китая, Ирана и Пакистана. Таким образом, должна быть создана новая региональная организация под эгидой США, альтернативная Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Дальнейшим этапом реализации американской стратегии в регионе должно стать объединение «Большой Центральной Азии» с «Большой Южной Азией», что позволит создать «южный» энергетический и транспортный коридор для центральноазиатских государств, обеспечивающий их выход на мировые рынки в обход России. При этом решается триединая задача: привлечение дополнительных ресурсов для решения афганской проблемы, диверсификация путей транспортировки энергоресурсов ЦАР и Каспийского региона в обход России и Китая и получение дополнительных рычагов воздействия на политику Индии и Пакистана. В более отдаленной перспективе, по мнению Вашингтона, должно произойти аналогичное объединение БЦА с «Большим Ближним Востоком».

Таким образом, суть политики США — связать в единое военно-стратегическое и геополитическое целое Центральную Азию, Афганистан, Ближний Восток, Индию и Пакистан, и весь этот регион поставить под свой контроль, тем самым максимально сократить влияние России, Китая и Ирана в этой части света.

Можно предположить, что основой политики США по реализации концепции БЦА станут следующие их действия:

Первое. Соединенные Штаты будут поддерживать возможные проекты транспортировки энергоресурсов из Центральной Азии без участия России. Кроме того, Вашингтон будет проводить политику поощрения транснациональных корпораций, работающих в ЦАР, к диверсификации транзитных маршрутов углеводородов из региона. Например, уже 13 июня 2006 г. в Стамбуле под эгидой США прошел форум «Электричество через границы», на котором были представлены новые инфраструктурные проекты в области энергетики. Участниками форума стали представители всех центральноазиатских государств, а

также Афганистана, Пакистана и Турции. Представители России и Китая на форум приглашены не были.

Второе. США длительное время будут использовать миф об «огромных» запасах энергоресурсов в Центральной Азии, которых, по оценкам многих аналитиков и специалистов, в реальности значительно меньше, чем, например, на Ближнем Востоке или в России. Так, по некоторым оценкам, объем запасов нефти и газа в ЦАР не превышает 2–3 % мировых³. Этот миф необходим американцам для того, чтобы морально оправдать в глазах мирового сообщества необходимость своего военного присутствия в регионе (призванного решать совершенно иные геополитические цели) фактом существования в общем-то легитимной конкуренции на рынке мировых энергоресурсов. Как считают некоторые аналитики, США уже никогда не уйдут из Центральной Азии. Даже в случае полного вывода своих воинских формирований из региона они предпримут все меры, чтобы сохранить возможность их свободного возвращения и обеспечения эффективного контроля над обстановкой в ЦА.

Третье. Вашингтон в основном будет делать упор на развитие двусторонних отношений с центральноазиатскими государствами, активно применяя метод «кнути и пряника», т. е. стимулируя лояльные ему режимы и зачисляя в «мировые изгои» — нелояльные. Отношения с конкретной страной, скорее всего, будут выстраиваться в зависимости от того, готова ли она предоставить свои территории под базы США в случае «чрезвычайных обстоятельств». Сотрудничество в сфере экономики предполагается направить на развитие торговли и производства сельскохозяйственной продукции, а также транспортной инфраструктуры для энергоресурсов. Будут предприниматься попытки расширения и углубления отношений в военной сфере, области безопасности и борьбы с терроризмом. При этом США будут стремиться не только обеспечить постоянное пребывание своих воинских контингентов на территории центральноазиатских государств, но и установить контроль над охраной государственных границ в регионе, а также над подготовкой кадров для силовых структур. Тем самым предпринимаются попытки экономически и военно-политически законсервировать ситуацию в

государствах с лояльными режимами и обеспечить их длительную зависимость от США.

Четвертое. После относительно неудачных попыток осуществления «цветных революций» в Киргизии и Узбекистане (которое прямо соответствовало государственным интересам США), а также выдвижения требований о выводе американских военных баз с территории этих стран Соединенные Штаты постараются вести более гибкую политику в двусторонних отношениях с ними, сделав основной упор на совместном противостоянии исламскому экстремизму и предоставлении экономических преференций правящим режимам в случае их лояльности США. Аналогичную политику Вашингтон будет проводить и в отношениях с другими центральноазиатскими государствами. При этом следует учитывать то, что американцы вовсе не отказались от «цветных революций» и будут продолжать политическую линию на смену режимов, которые их не устраивают. Распространение «американской модели демократии» в этом случае будет преподноситься как альтернатива религиозно-экстремистским идеям.

Обобщая, можно отметить следующее. Экспорт демократии и создание цивилизованного гражданского общества в настоящее время не является самоцелью политики США в Центральной Азии. Это лишь инструмент для решения определенных геополитических задач, которым отданы приоритеты во внешнеполитической деятельности Вашингтона. Финансовая и экономическая помощь США центральноазиатским государствам покрывает лишь небольшую часть насущных потребностей последних. Более того, создается впечатление, что подобное содействие со стороны Вашингтона направлено лишь на то, чтобы склонить эти государства к выполнению определенных условий, соответствующих американским интересам, и не решает реальные экономические проблемы региона.

В заключение следует отметить, что в начале ноября 2008 г. заместитель помощника госсекретаря США по Южной и Центральной Азии Дж. Крол заявил журналистам, что политика США в Центральной Азии не претерпит серьезных изменений в период президентства Б. Обамы. «Я не думаю, что будут карди-

нальные изменения политики США в Центральной Азии. — Я не вижу в этом плане больших разногласий между демократами и республиканцами»⁴.

2.2. Политика Китая

Центральная Азия стала первым регионом после Юго-Восточной Азии, в котором Пекин обозначил цель: закрепление и наращивание своего политического и экономического присутствия. Именно здесь Китай добился своего признания в качестве регионального актора⁵. Хотя по заявлениям китайского руководства, основными стратегическими направлениями внешней политики КНР являются южное (Тайвань) и восточное (США и Япония), однако Центральная Азия, находящаяся на северо-западе, рассматривается в качестве своеобразного тыла Поднебесной.

Важность этого региона для Китая определяется следующими факторами:

1. ЦАР имеет и, скорее всего, будет иметь на длительную перспективу существенное значение с точки зрения обеспечения внешней и внутренней безопасности Китая. Слабость центральноазиатских государств, активная деятельность на их территории сепаратистских и исламских экстремистских организаций, их общая граница с Афганистаном и, наконец, наличие сепаратистских настроений в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) еще долгое время будет вынуждать пекинское руководство уделять серьезное внимание сотрудничеству с государствами региона в сфере безопасности.

2. Энергетическая составляющая в отношениях с государствами Центральной Азии в условиях быстрого роста китайской экономики также крайне важна для КНР. Это обусловлено близостью региона к территории Китая, а следовательно, возможностью существенного снижения затрат на транспортировку энергоресурсов. Причем, по мере истощения запасов нефти и газа на территории самого Китая значение данного фактора будет возрастать.

3. Учитывая тот факт, что основной вектор развития Китая на долгосрочную перспективу направлен на превращение его в гло-

бальную мировую державу XXI века, геополитическая составляющая его международной деятельности, обеспечивающая достижение поставленной цели, должна быть представлена во всех регионах мира, где действуют основные мировые акторы — США, Евросоюз, Япония, Россия, Индия и другие. ЦАР — именно такой регион.

4. В ситуации, когда военное присутствие США и НАТО в Центральной Азии и Афганистане приняло долгосрочный характер, Китай должен учитывать, что в случае обострения обстановки в других близлежащих регионах мира, таких, как Тайвань, Юго-Восточная Азия, Тибет и т. п., ЦАР может стать плацдармом для нанесения ударов по его территории. Поэтому пекинское руководство вынуждено постоянно держать ситуацию под контролем и прилагать усилия для недопущения военной экспансии США и НАТО в ЦАР.

Укрепление позиций Китая в Центральной Азии в последнем десятилетии прошлого века было обусловлено следующими обстоятельствами:

- обретением суверенитета и государственности бывшими среднеазиатскими республиками СССР и Казахстаном;
- особенностями российской внешнеполитической активности в этот период, когда ее основной вектор был направлен на выстраивание отношений с Западом, а политика в отношении Центральной Азии практически была пущена на самотек;
- опасением молодых центральноазиатских государств, вызванным возможностью проявления имперских амбиций России, что спровоцировало их стремление использовать Китай в качестве противовеса РФ;
- географической близостью и исторической связью региона с Китаем еще со времен Великого шелкового пути, а также наличием культурных, родовых и семейных связей национальных меньшинств, проживающих в северо-западных районах КНР и на территориях центральноазиатских государств;
- эффективным решением пограничных проблем между Китаем и государствами региона, а также их тесными контактами по обеспечению безопасности в пограничных районах;

- растущей экономической мощью КНР и возможностью получения центральноазиатскими государствами китайской финансовой и другой помощи для развития собственных экономик;
- общей целью России и Китая — не допустить доминирования США в Центрально-Азиатском регионе.

В настоящее время Китай с достаточной степенью легитимности утвердился в ЦАР, наладил довольно успешные политические и экономические связи с государствами региона как в рамках ШОС, так и вне ее. Причем Пекин постоянно подчеркивает, что признает «особые интересы» России в этом регионе, не стремится к господству в нем и не пытается вмешиваться во внутренние дела соседей. Возможно, только на первом этапе своего проникновения в Центральную Азию, Китай испытывал какие-либо иллюзии по поводу возможного усиления своего влияния в ней, однако следует заметить — он никогда не шел на прямое противостояние с Россией, признавая ее особый статус в ЦАР.

Современные реалии говорят о том, что Китай строит свою политику в регионе исходя из холодного экономического расчета: принцип «мягкой силы» является его важнейшим дипломатическим принципом. В Казахстане, Узбекистане и Туркменистане Китай проявляет интерес в основном к нефтегазовой сфере, а в Киргизии и Таджикистане — к водно-энергетической и транспортно-коммуникационной. Однако экономическая мощь КНР и ее людские ресурсы могут сыграть определяющую роль в достижении китайского доминирования в Центральной Азии в будущем.

Среди основных направлений современной политики Китая в Центральной Азии можно выделить следующие:

- поддержание стабильности в регионе, содействие его экономическому развитию;
- обеспечение дружеских двусторонних и многосторонних связей государств и безопасности в приграничных районах;
- недопущение монопольного доминирования в регионе какой-либо страны, особенно, недружественной КНР;
- обеспечение открытости энергетических и других ресурсов ЦАР для экономики Китая;

- создание предпосылок для возможного усиления китайского влияния в регионе.

Следует подчеркнуть также некоторые немаловажные аспекты политики КНР в Центральной Азии, которые в обозримом будущем могут существенно сказаться на ее положении в ЦАР. В настоящее время в международных делах Пекин придерживается принципа «не становиться головой», т. е. не принимать на себя бремя лидерства. Кроме того, Китай предпочитает участвовать не в альянсах и военных блоках, а строить двусторонние отношения по принципу стратегического партнерства (Россия, ЕС, АСЕАН и т. д.). Это дает ему право не брать на себя жестких обязательств. Однако нет сомнений в том, что по мере возрастания экономической и военной мощи КНР этот принцип будет пересмотрен.

Кроме того, как и в других регионах мира, где Китай уже обозначил свои государственные интересы и готовность их защищать, например, в Юго-Восточной Азии, он строит свою внешнеэкономическую деятельность с ярко выраженным стремлением на длительный срок «законсервировать» государства, получающие китайские инвестиции, в положении его сырьевых придатков. Так, основные китайские инвестиции в эти страны в основном направляются на развитие сырьевых отраслей и путей транспортировки энергоресурсов в Китай. Причем, Пекин прилагает все усилия, чтобы не допустить на свои рынки широкий круг товаров, за исключением сырья, финансового капитала, высокотехнологичной продукции и оружия.

Стремясь разрешить свои опасения по поводу нахождения на территории ЦАР американских военных баз и баз НАТО, китайские политики постоянно подчеркивают, что это военное присутствие противоречит, в первую очередь, интересам Москвы, а китайские интересы в ситуации, пока эти базы используются только для антитеррористической операции в Афганистане, не страдают. В этом проявляется скрытая надежда на активное противодействие Москвы военной экспансии Вашингтона. Здесь явно прослеживается попытка «убить двух зайцев» — руками России вытеснить военный контингент США и НАТО из

Центральной Азии и не допустить сближения РФ и США, опасного для интересов Китая в долгосрочной перспективе.

2.3. Основные приоритеты политики других мировых держав в Центральной Азии

Политика *Евросоюза* (ЕС) в Центральной Азии в целом совпадает с политикой США, но имеет и некоторые особенности. Так, экономическое и гуманитарное сотрудничество со странами региона осуществляют структуры ЕС, а сотрудничество в сфере безопасности — структуры Североатлантического альянса.

На реализацию своей стратегии в Центральной Азии ЕС в 2002—2006 гг. выделил 375 млн долл. В рамках новой стратегии в течение 2007—2013 гг. ЕС планирует выделить 750 млн евро с целью оказания финансовой помощи региону. Причем, эта сумма будет разделена на цели прямой помощи центральноазиатским государствам (78 %) и на реализацию региональных проектов (22 %)⁶.

Одним из основных направлений сотрудничества в сфере экономики Евросоюз определил диверсификацию экономик стран-партнеров, развитие торговли и инвестиционного сотрудничества. ЕС планирует сконцентрироваться на улучшении делового климата, внедрении передовых технологий и выделении инвестиций из Европы. Еще одним приоритетом ЕС станет помощь центральноазиатским странам при вступлении во Всемирную торговую организацию, членом которой уже является Киргизия.

В гуманитарной сфере ЕС сотрудничает с государствами ЦАР в области экологии и образования. Кроме того, особое внимание европейцы уделяют содействию руководству центральноазиатских государств в области демократизации жизни общества, которое базируется на так называемом «Индивидуальном плане действий». Причем, определенные этим планом принципы демократии соответствуют европейским, а не американским стандартам и учитывают специфику каждой из стран ЦАР. Этим, по мнению разработчиков плана, должен быть обеспечен приоритет Европы перед США.

В сфере безопасности предполагается создать общую для Центральной Азии и Европы систему противодействия современным угрозам, в чем проявляется стремление НАТО контролировать внешнюю политику стран ЦАР. Кроме того, создание такой системы позволит Западу возложить на центральноазиатские страны известную долю ответственности за обеспечение международной безопасности, включая ее материальную и военную составляющие.

К основным задачам, решаемым в ближайшей перспективе странами Запада в регионе, можно отнести:

- углубление двусторонних связей с максимально возможным количеством центральноазиатских государств и содействие приходу к власти в них прозападных правительств с целью их отрыва от России и Китая, в том числе путем вовлечения в различные подконтрольные Западу международные организации;
- создание условий, при которых Россия и Китай не смогли бы контролировать и направлять развитие процессов в Центральной Азии, особенно тех из них, которые наносят ущерб интересам США и Европы;
- содействие западному бизнесу в доступе к топливно-энергетическим и иным ресурсам Центральной Азии;
- открытие рынка ЦАР для западных инвестиций, товаров и услуг, а также стимулирование структурных экономических преобразований, отвечающих интересам ЕС и США.

С 1992 г. наблюдается активизация политики *Японии* в отношении Центральной и Южной Азии. Так, правительство Японии уже выделило государствам Центральной Азии 2 млрд долл. в долгосрочных ссудах и 600 млн долл. в виде грантов. В 2004 г. был создан механизм диалога «Центральная Азия + Япония». В 2006 г. в Токио состоялась очередная встреча министров иностранных дел Японии, государств Центральной Азии и Афганистана для обсуждения широкого круга вопросов, включая проблемы терроризма, наркотиков, развития энергетики, защиты окружающей среды и улучшения дорожной и транспортной инфраструктуры в целях далекоидущего плана трансформации ЦАР. Япония готова содействовать в продвижении открытого внутрирегионального сотрудничества и предоставить государств-

вам Центральной Азии инвестиции, товары и технологии, а также налоговые и таможенные привилегии на импортируемое оборудование. В план действий планируется включить меры по упрощению доступа к транспортным средствам для богатой ресурсами Центральной Азии посредством создания нового маршрута, по которому ее природные ресурсы будут транспортироваться через Афганистан в Индию.

При изучении перспектив сотрудничества Японии и центральноазиатских государств следует учитывать тот факт, что Токио представляет не только собственные интересы, но и интересы Вашингтона, поэтому основные направления его внешнеполитической деятельности в ЦАР следует рассматривать сквозь призму интересов Соединенных Штатов. В целом политика Японии должна оцениваться как элемент финансового обеспечения присутствия США в Центральной Азии. При этом одной из ее целей является уменьшение влияния России и Китая в регионе, особенно в сфере экономики.

Важное стратегическое положение ЦАР обуславливает значимость данного региона для внешней политики *Индии*. Причины этого лежат в политической и экономической плоскостях.

К политическим причинам следует отнести тот факт, что Индия с ее громадной численностью населения, быстро развивающейся экономикой и статусом ядерной державы стремится использовать все возможности для увеличения политического веса в мировом сообществе и усиления влияния на политическую ситуацию в мире.

В эпоху межблокового противостояния XX века Индия была одним из инициаторов создания «третьей мировой силы» — Движения неприсоединения и играла в нем весьма значимую роль, что вполне удовлетворяло политические амбиции индийских руководителей. В настоящее время, когда в мире практически не существует оппонента блоку НАТО, значительно снизилась роль ООН и Движения неприсоединения в системе международных отношений, предпринимаются попытки создания в XXI веке однополярного мира, старые принципы индийской политики уже перестали удовлетворять национальную элиту. Поэтому одним из способов повышения значения Индии в

мировом сообществе является ее участие в стратегическом союзе или блоке с одним или даже несколькими соседями, где Индия могла бы занять достойное для себя место и оказывать существенное влияние на принимаемые союзом решения, а сам союз — мог бы оказывать влияние на всю обстановку в мире.

Кроме того, в позиции Индии учитывается тот факт, что центральноазиатские страны могут играть важную роль в обуздании экстремистов в районе Кашмира, что имеет большое значение для стабилизации границ и общества Индии. При этом следует помнить, что Индия — второе после Индонезии государство мира по численности мусульманского населения (150 млн человек), и поэтому поддерживать хорошие отношения с соседними мусульманскими государствами для нее жизненно необходимо. Очевидно исходя из этих посылок, министр иностранных дел Индии Джасвант Сингх и сделал заявление о том, что «Центральная Азия — наши соседи, соприкасающиеся с нашей страной и имеющие стратегическое значение»⁷.

Индия в целом разделяет подходы центральноазиатских государств по таким проблемам, как обеспечение безопасности и стабильности в регионе, сдерживание терроризма и экстремизма, сохранение территориальной целостности и противодействие попыткам сепаратизма. Она выступает против концепции «однополярного мира». Однако у Индии имеются существенные отличия от государств ЦАР в подходах к определению понятий терроризма, экстремизма и сепаратизма, в вопросах о том, что понимать под территориальной целостностью и как относиться к тем или иным общественным движениям. Эти различия связаны с проблемой Тибета, поддержкой движения тамиллов и некоторых других.

Кроме того, Индия не готова в настоящее время расширять свое сотрудничество со странами Центральной Азии, дабы не вызвать неудовольствия США и не нанести вред их двусторонним отношениям, которые в последнее время развиваются достаточно активно. Вообще, в своей внешней политике Индия стремится диверсифицировать приоритеты и придерживаться принципа «равноудаленности» в отношениях с великими державами.

К экономическим причинам интереса Индии к Центральной Азии в первую очередь следует отнести наличие в ЦАР огромных нефтегазовых ресурсов, имеющих особо притягательную силу для Индии, бедной энергоносителями и электроэнергией. Индия, как и Китай, стремится сделать Центральную Азию потенциальным энергоисточником для своей экономики. По оценкам некоторых экспертов, к 2020 г., чтобы обеспечить устойчивый уровень экономического роста, Китай должен будет увеличить уровень потребления энергии примерно в 1,5 раза, а Индия — в 2 раза⁸. Поэтому главной причиной стремления Индии к сотрудничеству с центральноазиатскими государствами являются, помимо сферы безопасности, ее интересы в энергетической сфере. А вступление Индии в ШОС в качестве наблюдателя было вызвано еще и тем, чтобы не допустить укрепления позиций Пакистана в этой Организации.

3. Основные направления внешней политики государств, сопредельных странам Центральной Азии

3.1. Политика Афганистана

Политика Афганистана (ИРА) по отношению к странам Центральной Азии в настоящее время определяется двумя факторами: стремлением США согласно концепции «Большой Центральной Азии» связать воедино центральноазиатские государства и Афганистан, о чем было сказано выше, и возможной многовариантностью ситуации в самом Афганистане в случае победы талибов или распада Афганистана на два государства.

Обстановка в Афганистане в настоящее время характеризуется следующим:

- расширением территорий, подконтрольных талибам. Войска коалиции практически контролируют только крупные города, где размещены их гарнизоны. Причем, талибов поддерживают 70 % населения страны, и, по некоторым оценкам, у них под ружьем в настоящее время находится более 8 тыс. боевиков;

- довольно частыми военными неудачами войск коалиции, которые сопровождаются неоправданными потерями среди мирного населения, что вызывает рост протестных настроений и, соответственно, пополняет ряды талибов людьми, стремящимися отомстить за гибель близких;

- некомпетентностью режима К. Карзая, его неспособностью справиться с ухудшающейся ситуацией и тотальной коррупцией в органах власти. Так, например, 80 % международной помощи, выделенной Афганистану (около 12 млрд долл.) было направлено через неправительственные организации, которых насчитывается более 2 тыс. Однако до реальных потребителей из этой суммы дошло не более 20 %, остальные были разворованы;

- увеличением в разы производства наркотиков по сравнению с периодом правления талибов. Коалиция не принимает активных мер по борьбе с производством наркотиков, так как в наркобизнесе участвуют практически все реальные политические силы страны, в том числе и те, на которые опираются на Запад;

- повсеместной безработицей, массовой нищетой населения, которые способствуют широкому распространению бандитизма и криминализации жизни афганского общества.

Однако, учитывая эти негативные факторы современного состояния афганского общества, нужно отдавать себе отчет, что американцы приложат максимум усилий для сохранения своего контроля над Афганистаном, а, следовательно, и реализации своей программы «Большая Центральная Азия» в отношении центральноазиатских государств. Об этом уже неоднократно заявляли представители администрации Б.Обамы. Кроме того, имеются данные, что на севере Афганистана обнаружены крупные месторождения нефти и газа⁹, что делает эту страну еще более привлекательной.

Следует отметить и следующее. Критикуя усилия западной коалиции, необходимо отдавать отчет в том, что в случае ухода миротворческих сил с территории Афганистана в 2014 г., их место моментально будет занято талибами. Это превратит ИРА в особый очаг напряженности, которая распространится и на территорию Центральной Азии.

Более того, как показывают последние события в Пакистане, талибы не остановятся на достигнутом. Их следующей целью будет Пакистан, с его ядерным оружием, а затем Центральная Азия — с ее запасами урана. Кстати, проведенная некогда Англией в качестве границы между Пакистаном и Афганистаном «линия Дюранда», разделила территорию, где проживают пуштуны, примерно на две равные части. Ни одно афганское правительство, включая правительство К. Карзая, не признает эту границу. Горные хребты делят Афганистан на две части: север и северо-запад, где проживают в основном таджики, узбеки и туркмены, причем таджиков проживает даже больше, чем в самом Таджикистане; и юг и юго-восток, где проживают пуштунские племена. Центральная часть Афганистана заселена шиитами — хазарейцами, которые религиозно и исторически связаны с Ираном. Такое положение в условиях сложной политической обстановки внутри Афганистана может стать причиной распада страны на две и более частей, что безусловно вызовет резкую активизацию внешнеполитической деятельности в регионе всех международных акторов, включая центральноазиатские государства.

3.2. Политика Ирана

Согласно принятой в 2005 г. 20-летней стратегии развития, Иран должен стать лидером Ближнего и Среднего Востока и выйти на передовые позиции в экономической, научной и культурной сферах деятельности. Это приоритетная задача, хотя в разные исторические периоды происходили подвижки в наборе средств и методов ее достижения. Как заявил руководитель комитета по разработке стратегии М.Резаи, «Иран станет вдохновителем исламского мира и цивилизациеобразующим государством с революционной и иранской идентичностью, реализующим конструктивное и эффективное взаимодействие в международных отношениях»¹⁰.

Основной целью политики Ирана в отношении Центральной Азии является не только стремление развивать политические отношения с центральноазиатскими странами и получить экономические выгоды, но и использовать эти отношения в интересах выхода из международной изоляции.

После распада СССР Иран предпринимал робкие попытки стать исламским лидером региона и в мягкой форме призывал к исламской революции в государствах ЦАР. Некоторые аналитики считали, что основная цель внешней политики Ирана в регионе — экспорт исламской революции. Однако тот факт, что иранцы — шииты, а большинство населения Центральной Азии — сунниты, ставит под большое сомнение осуществимость такой цели. На наш взгляд, именно налаживание двусторонних связей с государствами региона во всех сферах деятельности было в первую очередь нужно Ирану для преодоления международной изоляции. Кроме того, уязвимость с точки зрения угроз внутренних этнических конфликтов в многонациональной стране делает для него вопросы региональной стабильности и взаимовыгодных двусторонних отношений более значимыми, чем желание распространить свое идеологическое влияние.

Следует отметить, что в конце 1990-х годов Иран принял активное участие в межтаджикском урегулировании, используя свое влияние на Объединенную таджикскую оппозицию. Его представители участвовали при подписании «Общего соглашения об установлении мира и национального согласия» в июле 1997 г., где выступили в числе гарантов данного соглашения наряду с Россией. Вообще, проводя свою политику в Центральной Азии, Тегеран действует весьма осторожно, чтобы не испортить отношения с Москвой.

Современная политика Ирана в Центральной Азии базируется на идее культурной общности с регионом, пропаганде необходимости культурного возрождения, на котором должна основываться истинная независимость государства. Укреплению влияния Ирана в центральноазиатских государствах способствуют общее культурно-историческое прошлое, общие границы, экономические и торговые связи. Иран готов предоставить государствам ЦАР выход к Персидскому заливу для транспортировки энергоресурсов. Причем, вопрос прокладки трубопроводов из Центральной Азии имеет для Ирана стратегическое и экономическое значение, ибо страна, через территорию которой они будут проходить, станет значимой региональной силой. Однако проникновению Ирана в регион активно препятствуют

не только США, но и арабские страны, с которыми у него сложились непростые отношения и которые оказывают свою поддержку Турции и Пакистану.

Этническая близость Ирана и Таджикистана (обе нации персидского происхождения) является основой отношений этих двух стран. Иран пытается объединить ираноязычные государства региона — Афганистан, Иран и Таджикистан — в единое экономическое и культурное пространство. С этой целью в июле 2006 г. было принято решение о создании трехсторонней комиссии по сотрудничеству с центром в Кабуле. При этом было подчеркнуто, что «безопасность Афганистана и Таджикистана зависит от Ирана, а безопасность Ирана — от безопасности в этих странах»¹¹. Однако пока эта комиссия так и не начала работать. Особую озабоченность Тегерана в настоящее время вызывает вероятность развертывания «цветных» революций в соседних с ним государствах. Скорее всего, необходимость противодействия таким явлениям будет определять приоритетные направления внешнеполитической деятельности Ирана в Центральной Азии в ближайшем будущем.

Отношения Ирана с Казахстаном и Узбекистаном носят умеренно дружественный характер, причем основная ставка делается на Узбекистан. Эти взаимосвязи ограничиваются проработкой совместных экономических проектов, которые не приносят Тегерану политических дивидендов, так как их реализация существенно зависит от состояния отношений этих двух стран с Вашингтоном.

Особые отношения Ирана и Туркменистана обусловлены общей границей и международной изоляцией обоих государств, хотя и вызванной разными причинами. Обе страны просто обречены на сотрудничество. А ирано-киргизские отношения носят крайне ограниченный характер.

3.3. Политика Пакистана

Все последние десятилетия прошлого столетия Пакистан твердо следовал в русле политики, проводимой США, и был одним из самых верных их союзников. После оказания помощи в

борьбе против талибов в Афганистане Пакистан в 2004 г. получил статус «основного союзника США вне НАТО». Однако ситуация в настоящее время существенно меняется вследствие следующих причин:

1. Резко изменилось положение Афганистана в стратегических планах Соединенных Штатов. Именно Афганистан представляет собой в настоящее время основной стратегический центр для продвижения американской экспансии на центральноазиатском, иранском и китайском направлениях. Поэтому значение Пакистана для США значительно уменьшилось.

2. Произошли существенные стратегические сдвиги в отношениях США и Индии. Это обусловлено стремительным экономическим ростом, статусом ядерной державы Индии и возможностью ее задействования в качестве союзника в противостоянии США и Китая. Вашингтону стало более выгодно использовать в качестве союзника Дели, чем Исламабад. Еще в 2006 г. К. Райс заявила, что «Индия может стать оплотом стабильности в быстро меняющейся Азии и стратегическим партнером США», отметив, что партнерство между двумя странами обладает потенциалом для преобразования всего мира¹².

Таким образом, Пакистан утратил свое центральное место в региональной политике США в Южной и Центральной Азии. Исходя из складывающейся обстановки, руководство Пакистана было вынуждено расширять отношения с Китаем и Россией. Этими же факторами было обусловлено вступление Пакистана в Шанхайскую организацию сотрудничества в качестве наблюдателя и его активное стремление стать полноправным ее членом.

Основная цель сотрудничества Пакистана и Китая — сдерживание геополитического влияния и военной мощи Индии. Сегодня пакистано-китайские связи выходят на уровень стратегического партнерства, которое охватывает политическую, экономическую, военно-техническую и другие сферы, включая атомную энергетику. Причем, свое сотрудничество с Китаем Пакистан строит уже без оглядки на Соединенные Штаты.

Интерес Пакистана к ШОС и сотрудничеству с центральноазиатскими государствами обусловлен, прежде всего, экономическими причинами. Потребности Исламабада в энергорес-

сурсах, а также возможность прокладки транспортных артерий из Центральной Азии на побережье Индийского океана через территорию Пакистана могут рассматриваться как возможные стимулы для взаимовыгодного сотрудничества страны с государствами ЦАР.

Не менее важны для Пакистана и проблемы региональной безопасности. По мнению некоторых экспертов, в современном Пакистане существует три полюса внутривнутриполитической борьбы: демократы, исламские фундаменталисты и сепаратисты. Демократов поддерживают американцы; исламские фундаменталисты поддерживаются талибами и большинством населения; а сепаратисты представлены в основном пуштунскими и белуджскими племенами. Кроме того, разгромленные в Центральной Азии исламские и сепаратистские движения и организации, такие, например, как «Исламское движение Узбекистана», «Исламское движение Восточного Туркестана» и др., нашли себе пристанище не только в Афганистане, но и в Пакистане, откуда ведут активную деятельность как против государств ЦАР, так и против официальных пакистанских властей.

Все это может вызвать превращение Пакистана в радикальное исламское государство по типу Ирана, обладающее ядерным оружием, или привести к развалу страны по югославскому сценарию. Оба этих варианта чреваты негативными последствиями для центральноазиатских государств, ибо в дополнение к одному очагу напряженности в лице Афганистана может на длительную перспективу появиться и другой — в лице Пакистана, с вероятностью последующего разрастания этой напряженности на территориях соседних стран.

Примечания

¹ Jones Luong P., Weinthal E. New Friends, New Fears in Central Asia // Foreign Affairs. March/April 2002. Vol. 81. № 2. P. 72—79.

² Бондарец Л. К Декларации ШОС о базах «антитеррористической коалиции» в Кыргызстане. 08.07.2005. URL: <http://www.antiterror.kz/?submenu=analitika&num=21&action=view>.

³ BP Statistical Review of World Energy. June 2008. URL: www.bp.com.

⁴ Мамвеев А. Центральная Азия вновь становится ареной борьбы мировых держав. 11.12.2008. URL: <http://www.russians.kz/politics/993013-centralnaja-azija-vnov-stanovitsja-arenoj-borby.html>.

⁵ Хуашэн Чжао. Китай, Центральная Азия и ШОС. Московский центр Карнеги // Рабочие материалы. 2005. № 5.

⁶ Асроров А. Центральноеазиатский пасьянс. Gazeta.kz. 23.07.2007.

⁷ Синьхуа. 11.11.2003.

⁸ В отличие от России Индия и Китай станут сверхдержавами XXI века. URL: <http://forum.msk.ru:5000/print.html?id=3733>.

⁹ Горунай О. Полновесный фактор большой политики // Красная звезда. 06.12.2006.

¹⁰ IRNA. 13.12.2005.

¹¹ РИА «Новости». 27.07.2006.

¹² Нуриша А. Политика Пакистана в Центральной Азии // Analytic. 2006. № 6.

А. Ч. Мокрецкий*

ОТНОШЕНИЯ КНР И СНГ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье подчеркивается, что после распада СССР Китайская Народная Республика одна из первых признала независимость 15 новообразованных государств и в 1991—1992 гг. установила с каждым из них официальные дипломатические отношения. Китай придерживается взвешенной и сдержанной позиции, предложенной Дэн Сяопином, но при этом последовательно проводит многовекторную политику в отношении всех стран СНГ. В работе рассматривается современное состояние политических и экономических отношений Китая с закавказскими республиками (Азербайджаном, Арменией и Грузией) и европейской частью СНГ (Беларусью, Молдовой, Украиной).

Ключевые слова: Китай, СНГ, многовекторная политика, взаимная выгода и взаимный выигрыш, Институт Конфуция.

Более 20 лет назад могущественный Союз Советских Социалистических Республик перестал существовать. На его обширной территории возникло Содружество Независимых Государств. Но в силу различных политических перипетий к настоящему времени в состав СНГ входит только 11 стран.

* Мокрецкий Александр Чеславович, аспирант Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

После распада СССР Китайская Народная Республика одна из первых признала независимость 15 новообразованных государств и в 1991—1992 гг. установила с каждым из них официальные дипломатические отношения. Китай придерживается взвешенной и сдержанной позиции, предложенной Дэн Сяопином, предпочитая «хладнокровно наблюдать, укреплять расшатанные позиции, держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, ни в коем случае не лезть вперед»¹, но при этом последовательно проводит многовекторную политику в отношении всех стран СНГ. В данной статье мы затронем отношения Китая с закавказскими республиками (Азербайджаном, Арменией и Грузией) и европейской частью СНГ (Беларусью, Молдовой, Украиной).

Армения

27 декабря 1991 г. китайское правительство официально признало независимость Республики Армения (РА). Установленные с 6 апреля 1992 г. отношения традиционной дружбы и сотрудничества (*юхао хэцзо гуаньси* 友好合作关系) между двумя государствами сохраняют положительную динамику развития. Всеохватывающая кооперация (*цюаньфанвэй* 全方位) непрерывно углубляется.

Политические отношения. За годы пребывания на посту президента РА С. Саргсян дважды наносил визит в Китай: первый раз — во время пекинской Олимпиады (8 августа 2008 г.) и 2 мая 2010 г. — для участия в торжественной церемонии открытия выставки «Экспо — 2010» в Шанхае.

21 сентября 2010 г. на мероприятиях, посвященных Национальному Дню Армении, премьер-министр Т. Саркисян обсудил с заместителем премьера Госсовета Ли Кэцяном вопросы возможного участия Китая в строительстве железной дороги Иран—Армения². Премьер-министр проинформировал китайскую сторону о предложениях, сделанных китайским партнерам и находящихся в стадии рассмотрения. Кроме того, обсуждались новые проекты, в частности, по обработке базальта, получению базальтовых волокон, производству солнечных батарей и

полупроводников, а также в сферах сельского хозяйства, науки и промышленности³.

Китай и Армения взаимно поддерживают друг друга по вопросам государственного значения. Так, в рамках ООН и на других площадках проводятся встречи сторон и взаимные консультации. Армения решительно поддерживает китайскую позицию по вопросам Тайваня, Тибета и Синьцзяна. В совместном заявлении от 26 сентября 2004 г. Китай и Армения выступили за ведение диалога и сотрудничество в сфере защиты прав человека, против применения двойных стандартов во внешней политике и чрезмерной политизации вопросов экономического сотрудничества. Стороны намерены активизировать контакты и взаимодействие по вопросам защиты общих интересов развивающихся стран⁴.

Выражая соболезнования пострадавшим от землетрясения в провинции Сычуань, правительство РА выделило им в качестве гуманитарной помощи 30 млн армянских драмов⁵.

Торгово-экономические связи. Армения признает Китай страной с рыночной экономикой, что благоприятствует укреплению торгово-экономических отношений и расширению товарооборота между двумя государствами.

С 1999 г. действует Китайско-армянская межправительственная комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству. В 2005 г. стороны подписали Соглашение о технико-экономической кооперации. В 2008 г. состоялся 1-й экономический форум «Китай—Армения».

Выступая на форуме в апреле 2011 г., член ПК Политбюро ЦК КПК Ли Чанчунь отметил, что в 2010 г. объем двусторонней торговли возрос в 160 раз по сравнению со временем установления двусторонних дипломатических отношений. КНР стала вторым по значению торговым партнером Армении.

Для активизации практического сотрудничества между государствами, реализации принципов взаимной выгоды и взаимного выигрыша Ли Чанчунь выдвинул следующие четыре предложения:

1. Улучшать взаимопонимание между предприятиями, создавать ресурсы для взаимодействия, используя возможности торгово-промышленных палат двух стран, ассоциаций содейст-

вия торговле и инвестициям и других структур как постоянную институализированную площадку.

2. Искать новые источники экономического роста, содействовать сбалансированному развитию двусторонней торговли. В этих целях Китай будет поощрять непрерывное увеличение импорта из Армении.

3. Укреплять сотрудничество по взаимному инвестированию, расширять формы кооперации.

4. Укреплять руководство на уровне правительств, в полной мере задействовать двусторонние механизмы сотрудничества⁶.

Несмотря на то, что уровень торгового оборота между двумя странами находится на достаточно низком уровне (рис. 1), китайская сторона за последние несколько лет активно присматривается к сферам экономики Армении, которые могут быть потенциально интересны с точки зрения долгосрочных инвестиций.

В ходе визита в Китай президент Армении С. Саргсян 3 мая 2010 г. в г. Датун (пров. Шаньси) присутствовал на торжествен-

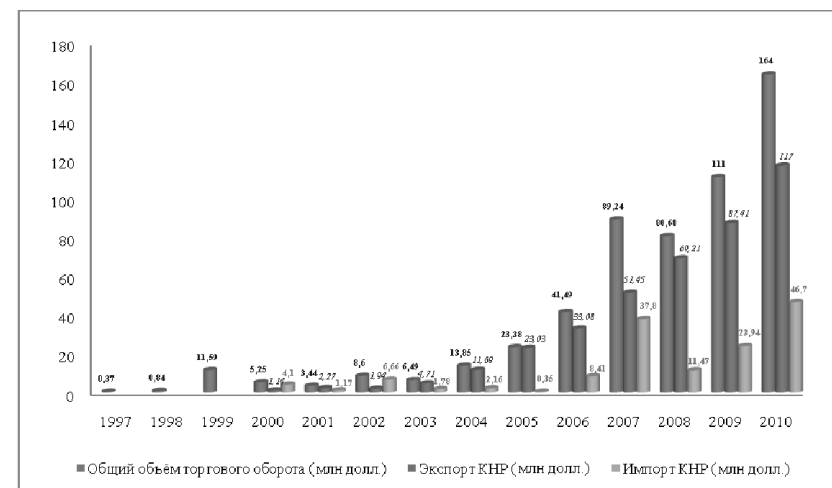

Рис. 1. Динамика роста торгового оборота между Китаем и Арменией. *Источник:* Чжунго тун Ямэйния дэ гуаньси : [Отношения Китая и Армении] 25.03.2011. URL: http://www.fmprc.gov.cn/chn/pds/gjhdq/gj/yz/1206_37/sbgx/.

ной церемонии открытия крупнейшего объекта армяно-китайского экономического сотрудничества — совместного предприятия (СП) по производству синтетического хлоропренового каучука «Шаньси—Наирит». Предприятие создано в соответствии с соглашением, заключенным в 2003 г. между акционерным обществом «Синтетические каучуки Шаньси» (Shanxi Synthetic Rubber Co. Ltd.) и ЗАО «Наирит» (Nairit Open Stock Co.). Доля армянской стороны в СП составляет 40 %⁷. В выступлении на пресс-конференции в Ереване министр энергетики Армении А.Мовсисян отметил, что в течение 3 лет совместное предприятие должно достигнуть проектных мощностей. «Работы в этом направлении идут по плановому графику. Сегодня компания достигла 50 % тех мощностей, которые запланированы, а в ближайшие 1,5 года будет работать на 100 %, вырабатывая 30 тыс. т каучука»⁸.

В целях оказания поддержки китайским предприятиям в развитии инвестиционной деятельности Институт международной торговли и экономического сотрудничества и Бюро инвестиционного развития Министерства торговли КНР при содействии бизнес-структур, аккредитованных при посольствах за рубежом, в 2010 г. подготовили «Руководство по сотрудничеству в области иностранного инвестирования в государствах (регионах)». В нем подробно изложена информация о политической, экономической, социальной, правовой, законодательной сферах жизни общества, о культуре, традициях и обычаях стран (регионов) мира. В разделе по странам Европы, в котором представлены 47 государств, в том числе Россия, закавказские и центральноазиатские республики и др., рассмотрен инвестиционный климат и прокомментированы вопросы, требующие особого внимания со стороны предпринимателей⁹.

По данным, представленным в этом документе, Армения богата электроэнергетическими ресурсами и является единственной закавказской страной-экспортером электроэнергии. В 2010 г. в РА было выработано 6,5 млрд Квт·ч энергии, в том числе ТЭЦ — 44,5 %, ГЭС — 28,4 %, АЭС — 27 %. Согласно требованиям ЕС, старая атомная электростанция подлежит закрытию к 2016 г. Ввиду этого, правительство Армении решило построить новую АЭС с мощностью 1000—1200 мВт и запустить

ее в эксплуатацию в 2017 г. Ориентировочная стоимость проекта — 5,7—7,2 млрд долл.¹⁰

В 2008 г. Третья инженерная компания Китая и ЗАО «Арм-Росгазпром» подписали контракт о выполнении строительно-монтажных работ на энергоблоке «Раздан-5» на сумму 83 млн долл.¹¹

23 ноября 2010 г. китайская компания НРСС (Heilongjiang No.1 Thermal Power Construction Corp.) успешно закончила работы по реконструкции 17-й армянской трансформаторной подстанции в г. Абовяне¹².

Во время визита заместителя министра коммерции КНР Фу Цзыина 2 июня 2010 г. в РА было подписано соглашение о технико-экономическом сотрудничестве двух стран, в рамках которого предусмотрено предоставление правительством КНР правительству РА безвозмездной помощи в размере 20 млн юаней. Кроме того, китайская сторона выделила 88 машин скорой помощи и собирается на кредитной основе увеличить ереванский автопарк на 400 автобусов.

Между КНР и РА ведутся активные переговоры в сфере упрощения визового режима для китайских граждан и установления прямого воздушного сообщения. Ранее китайским туристам, чтобы добраться до Еревана, было необходимо сделать пересадки в российских городах Новосибирск, Москва, турецком Стамбуле, Дубае ОАЭ или европейских аэропортах.

Китайские компании Huawei Technologies Co. Ltd. и ZTE (Zhong Xing Telecommunication Equipment Co. Ltd.), специализирующиеся в ряде отраслей телекоммуникационной сферы (производство приборов, электронное управление, IT-технологии и др.), намерены участвовать в амбициозных проектах, которые будут реализованы в Армении. В частности, речь идет об участии китайских корпораций в создании 4 свободных экономических зон (планируется, что первые две будут располагаться на территориях завода «Марс», а также ереванского аэропорта «Звартноц» и подлежат формированию в течение 2011 г.)¹³.

«Сегодня Китай и Армения являются доверительными и надежными друзьями и партнерами», — заявил китайский министр иностранных дел Ян Цзэчи в ходе своего первого офици-

ального визита в Армению (февраль 2011 г.). И этот визит стал еще одним свидетельством активизации деятельности КНР в Закавказском регионе.

Гуманитарные связи. Китайско-армянское гуманитарное сотрудничество сохраняет положительный тренд. Регулярно проводятся Дни культуры обеих стран и всевозможные мероприятия культурного обмена. В 2010 г. открылся экспериментальный Центр китайской культуры Институт Конфуция при Ереванском государственном лингвистическом университете им. В.Я. Брюсова (ЕГЛУ). Учитывая растущий интерес в Армении к обучению в Китае, китайская сторона в 2012—2013 учебных годах добавит для армянских студентов 20 правительственных стипендий¹⁴.

Азербайджанская Республика (АР)

2 апреля 1992 г. Китай и Азербайджан подписали Совместное коммюнике об установлении отношений дружбы и сотрудничества.

Основа азербайджано-китайских отношений была заложена президентом Азербайджана Г. Алиевым в 1994 г., когда во время его визита в КНР стороны подписали «Совместную декларацию об основе дружественных отношений между Китаем и Азербайджаном» и 8 межправительственных документов в таких областях, как воздушный транспорт, наука и техника, культура, здравоохранение и т. д. С 1999 г. действует Китайско-азербайджанская межправительственная комиссия по торгово-экономическому взаимодействию, проходят ее регулярные заседания. В июле 2011 г. в рамках этой комиссии Китай и Азербайджан сформировали рабочую группу по торгово-экономической кооперации «Синьцзян—Азербайджан» и успешно провели ее первое заседание. В 2002 г. в Баку было создано Общество азербайджано-китайской дружбы и сотрудничества.

Укреплению взаимного доверия и взаимодействия сторон способствует регулярный делегационный обмен различных уровней и форматов. За последние годы целый ряд высших ру-

ководителей КНР, включая члена ПК Политбюро ЦК КПК, секретаря Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины Хэ Гоцяна, посетили Азербайджан, а их азербайджанские коллеги были приняты в Китае.

Правительство Азербайджана решительно поддерживает политику «одного Китая», а также позицию КНР по вопросам Тайваня, Тибета и Синьцзяна. Китай выступает за территориальную целостность Азербайджана и за мирное решение проблемы Нагорного Карабаха на основе принципов международного права. Оба государства в рамках ООН и в других международных организациях поддерживают тесные контакты и проводят консультации.

Президент Азербайджана И. Алиев выразил соболезнования председателю КНР Ху Цзиньтао в связи с землетрясением в уезде Юйшу пров. Цинхай, оползнями и наводнениями в уезде Чжоуцуй пров. Ганьсу.

Успешно развиваются торгово-экономические связи КНР и Азербайджана (рис. 2). Дальнейшее развитие получили следующие сферы кооперации — энергетика и электроэнергия, связь, строительные материалы, гражданская авиация.

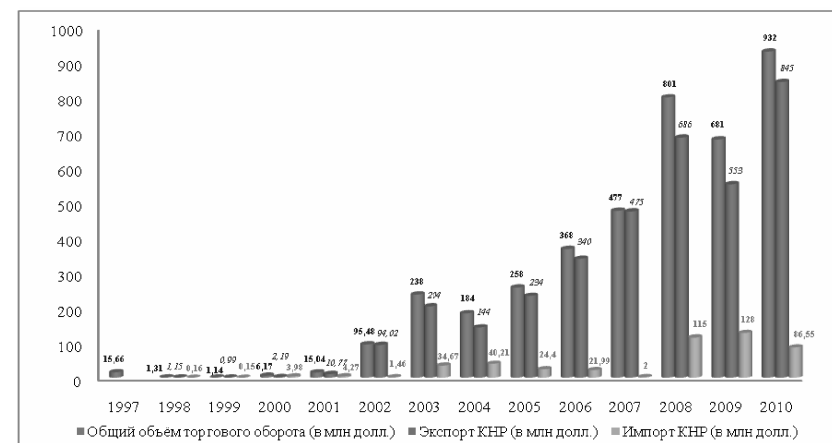

Рис. 2. Динамика роста торгового оборота между Китаем и Азербайджаном. *Источник:* Чжунго тун Асайбайцзян дэ гуаньси : [Отношения Китая и Азербайджана]. 25.03.2011. URL: http://www.fmprc.gov.cn/chn/pds/gjhdq/gj/yz/1206_2/sbgx/.

Китайские инвестиции в Республику Азербайджан в основном сосредоточены в нефтяном секторе. Компании КНР активно участвуют в освоении и разработке месторождений «Курсанги-Гарабаглы», «Юго-восточный Гобустан» и «Пирсаат». В 2002 г. дочерняя компания китайской нефтегазовой корпорации SNPC начала вкладывать средства в разведку азербайджанских нефтегазовых месторождений. В 2003 г. был подписан контракт между Государственной нефтяной компанией Азербайджанской Республики (ГНКАР) и китайской Shengli oil на реабилитацию, разведку, разработку и долевой раздел добычи на месторождении Пирсаат и прилегающих площадях. Объем инвестиций, вкладываемых в месторождение «Салиян», достигает 200 млн долл.¹⁵

С 2005 г. китайские предприятия ведут работы по реконструкции цементных заводов, модернизации ЛЭП, заводов по электролизу алюминия. Объем капиталовложений составит более 100 млн долл. В частности, в 2011 г. Китайская компания China National Electric Equipment Corp. (CNEEC) начала реконструкцию азербайджанских ГЭС — Мингячевирской (где замене подлежат 2 гидроагрегата) и Варваринской (1 гидроагрегат)¹⁶.

На территории АР успешно работают следующие китайские компании: ZTE, «Хуавэй», «Ли Фань» и др., объем их инвестиций в экономику Азербайджана превышает 30 млн долл. Стоит отметить, что за последние годы крупные китайские корпорации активизировались в области освоения азербайджанского рынка: вкладывая капитал в объекты инфраструктуры, они пытаются получить дополнительные дивиденды. Доля же инвестиций частных предпринимателей и мелких хозяйств (кафе-рестораны, торговые лавки и т. п.) уже превышает 200 тыс. долл.¹⁷

В 2011 г. объем торговли между КНР и АР достиг 1,086 млрд долл., что в 700 раз больше соответствующего показателя начала дипломатических отношений. Китай стал для Азербайджана важным торговым партнером и пятой крупнейшей страной-импортером. Кроме бытовых товаров, таких, как текстиль, одежда, обувь, КНР экспортирует крупное оборудование, электронную продукцию, автомобили и запчасти, стройматериалы; а импор-

тирует сырую нефть, авиационный керосин, химическое и промышленное сырье¹⁸.

Гуманитарное сотрудничество с каждым днем становится оживленнее. Аньхойский и Бакинский государственный университеты подписали соглашение о создании совместного Института Конфуция. В ноябре 2010 г. в Баку открылся филиал новостного агентства Синьхуа.

Деятели культуры обоих государств регулярно обмениваются визитами. На взаимной основе проходят выставки работ художников и скульпторов. В частности, экспозиция произведений выдающегося азербайджанского художника Саттара Бахлул-заде состоялась в КНР. Китайская сторона неоднократно выделяла гранты на цели развития сотрудничества в гуманитарной сфере и других областях.

Грузия

9 июня 2012 г. Китай и Грузия отмечают 20-летие с момента установления официальных отношений дружбы и сотрудничества.

Стабильно развиваются *политические связи* двух стран. В апреле 2006 г. Президент Грузии М. Саакашвили нанес визит в Китай, где вместе с Председателем КНР Ху Цзиньтао подписал Совместную декларацию КНР и Грузии о дальнейшем укреплении дружбы и развитии сотрудничества. Во время визита стороны еще раз подчеркнули желание стимулировать совместными силами развитие отношений между Китаем и Грузией на благо народов двух стран.

26—30 октября 2010 г. премьер-министр Грузии Н. Гилаури, принимая участие в мероприятиях, посвященных Национальному Дню Грузии в рамках международной выставки «Экспо — 2010» в Шанхае, попутно посетил Пекин, где встретился с заместителем премьера Госсовета Чжан Дэцзыном. В ходе переговоров стороны достигли понимания по вопросам расширения торгово-экономического сотрудничества.

Регулярно проходят двусторонние консультации на уровне МИД, ведомств и иных официальных инстанций. Оба государ-

ства в рамках ООН и других международных организаций поддерживают тесные контакты и проводят взаимные консультации. Грузия поддерживает политику «одного Китая» и позицию КНР по вопросам Тайваня, Тибета, противодействия становлению «Восточного Туркестана». В Китае выступают за территориальную целостность Грузии, а грузино-абхазский и грузино-осетинский конфликты считают внутренним делом Грузии и приветствуют любые шаги, направленные на их урегулирование мирными, политическими методами.

Торгово-экономические отношения. Постепенно увеличивается двусторонний торговый оборот (подробнее см.: рис. 3). 4 июня 2010 г. заместитель министра коммерции КНР Фу Цзыин нанес визит в Грузию, где встретился с премьер-министром страны Н. Гилаури. Стороны подписали межправительственное соглашение о технико-экономическом сотрудничестве.

Китайские предприятия принимают участие в строительстве железных и шоссейных дорог, объектов инфраструктуры, промышленных парков. 13–15 декабря 2010 г. в Пекине состоялась 4-е заседание Китайско-грузинской торгово-экономи-

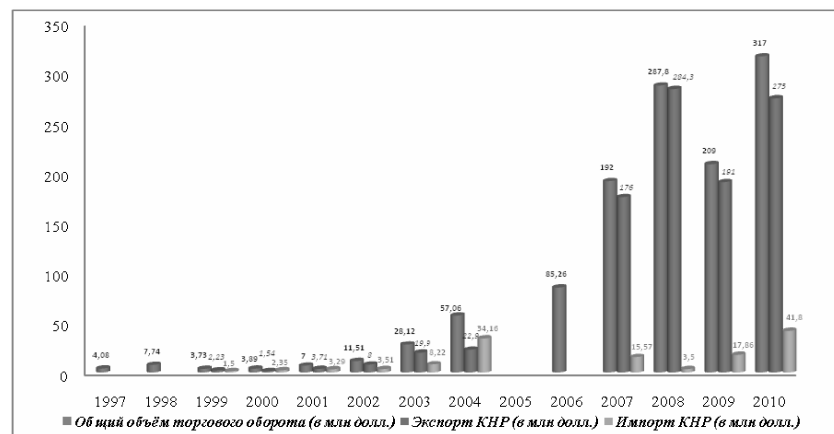

Рис. 3. Динамика роста торгового оборота между Китаем и Грузией. *Источник:* Чжунго тун Гэлудзия дэ гуаньси : [Отношения Китая и Грузии]. 25.03.2011. URL: http://www.fmprc.gov.cn/chn/pds/gjhdq/gj/yz/1206_10/sbgx/.

ческой комиссии, которая была создана в Тбилиси в 1999 г. В 2005 г. стороны подписали соглашение об отмене двойного налогообложения. Регулярно проводится китайско-грузинский торговый форум.

Объем прямых китайских инвестиций в Грузию невелик. В 2009 г. он составлял 64,6 млн долл. При этом основными объектами китайских капиталовложений являются гидроэнергетика, лесные ресурсы, строительство, обработка материалов, связь, горнодобывающая промышленность, транспорт и инфраструктура. В ноябре 2010 г. президент М. Саакашвили заявил, что предполагает привлечь на инфраструктурные проекты дополнительные китайские инвестиции в размере 500–600 млн долл. К числу наиболее успешных совместных проектов китайская сторона относит построенную в 2004 г. в Панкисском ущелье ГЭС «Кадули», а также деревоперерабатывающий завод возле Зугдиди¹⁹.

Грузинским бизнесменам предоставляется возможность принять участие в международной ярмарке «Китай—Евразия», которая откроется 1 сентября 2012 г. в Урумчи — административном центре Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР). Для презентации этой ярмарки и встреч с грузинскими бизнесменами в Тбилиси находилась делегация СУАР Китая. На состоявшемся 9 мая 2012 г. ознакомительном бизнес-форуме присутствовало около 100 предпринимателей. По заявлению президента Торгово-промышленной палаты Грузии К. Баиндурашвили, для грузинской продукции китайский рынок имеет большое значение, и необходимо сделать все, чтобы выйти на него²⁰.

Советник по экономическим вопросам посольства КНР в Грузии Лю Бо в интервью изданию The Financial заявил, что в течение ближайших 5 лет Китай намерен инвестировать в Грузию 1,7 млрд долл. По его словам, «грузинское вино имеет огромный потенциал в Китае. В 2011 г. было экспортировано 580 тыс. бутылок вина, растет количество грузинских компаний, желающих освоить китайский рынок»²¹.

В статье «Традиционная дружба между Китаем и Грузией укрепляется» министр иностранных дел КНР Ян Цзэчи отметил, что китайская сторона намерена на основе принципов равноправия и взаимной выгоды продолжать неустанные усилия для

развития долговременного, стабильного дружественного сотрудничества между двумя странами. Стороны готовы наладить работу в следующих направлениях. Во-первых, расширять многоуровневые обмены и переговоры между правительствами, законодательными органами двух стран; во-вторых, непрерывно повышать уровень торгово-экономической кооперации, поощрять предпринимателей двух стран на приоритетное развитие сотрудничества в области торговли, сельского хозяйства, машиностроения, транспорта, связи, инфраструктуры; в-третьих, расширять культурные обмены и дружественные связи, укреплять социальную базу двусторонних отношений²².

Гуманитарные контакты. 26 ноября 2010 г. открылся первый Институт Конфуция в Тбилисском свободном университете. Китайская сторона проводит в Грузии художественные выставки, совместно с грузинской стороной печатает на грузинском языке «Повести о странном из кабинета Ляо» («*Ляо Чжай чжи и*») и другие произведения. Основано Общество грузино-китайской дружбы. В Грузии растет популярность исследований в области китайской культуры, изучения китайского языка. Стороны активно претворяют в жизнь подписанные соглашения в области культуры и образования, обмениваются гастролями художественных коллективов, в китайских вузах учатся студенты из Грузии, в Грузии же граждане КНР преподают китайский язык. Между отдельными провинциями (районами) и городами двух стран осуществляются частые прямые обмены.

Важную роль в развитии двусторонних гуманитарных связей играет и грузино-китайский культурный центр «Шелковый путь», который был основан в 1992 г. В центре собираются интеллектуалы из различных сфер, интересующиеся китайской культурой. Основной целью центра является развитие и углубление культурных и экономических связей между двумя странами. Центр активно сотрудничает и со Свободным университетом Тбилиси. В настоящее время при посольстве Грузии в Пекине начал работу аналогичный клуб любителей грузинской культуры и языка. Первое его заседание прошло в апреле 2012 г.²³

Республика Беларусь

20 января 1992 г. — памятный день в истории КНР и Белоруссии, когда между ними были установлены официальные всесторонние отношения дружбы и сотрудничества.

Между двумя государствами укрепляется *политическое* взаимодействие; отношения развиваются в стабильном и здоровом русле. Представители высшего руководства регулярно обмениваются взаимными визитами различных форматов. Двусторонние контакты особенно интенсифицировались в 2002—2011 гг. В этот период состоялось более 130 визитов и встреч. На сегодняшний день действует около 60 двусторонних договоров, в том числе более 30 межгосударственных и межправительственных.

С 24 по 25 марта 2010 г. заместитель председателя КНР Си Цзиньпин посетил с визитом РБ. В ходе своего первого визита китайский руководитель провел переговоры с президентом А.Г. Лукашенко и другими высокопоставленными чиновниками. 25 марта между Беларусью и КНР было подписано 12 соглашений о торгово-экономической кооперации. В ближайшие годы два государства реализуют десятки совместных проектов на беспрецедентную сумму в 15 млрд долл. Стороны договорились о поставках телекоммуникационного оборудования, созданию центра мониторинга общественной безопасности. Совместно будут строиться многофункциональный комплекс в Минске, Витебская и Немновская ГЭС²⁴. Было заключено Рамочное соглашение о финансовом сотрудничестве между белорусским Министерством финансов и китайским Государственным банком развития. Банк открыл для Беларуси кредитную линию на сумму 8,3 млрд долл.²⁵

10—12 октября 2010 г. президент Беларуси А.Г. Лукашенко, принимая участие в мероприятиях, посвященных Национальному Дню Беларуси в рамках международной выставки «Экспо — 2010» в Шанхае, встретился с председателем КНР Ху Цзиньтао. В ходе переговоров стороны подписали пакет документов по вопросам реализации совместных проектов на 3,5 млрд долл. в сфере энергетики, строительства, промышленности, дорожно-транспортной инфраструктуры²⁶.

Китай и Беларусь оказывают друг другу взаимную поддержку по вопросам, касающимся коренных интересов двух государств. В рамках ООН, ШОС (в которой Беларусь является страной-партнером по диалогу) и других международных и региональных организаций стороны поддерживают тесное сотрудничество. Республика Беларусь поддерживает китайскую позицию по вопросам Тайваня, Тибета, Синьцзяна, прав человека. После землетрясений в уезде Юйшу пров. Цинхай 14 и 20 апреля 2010 г. президент Белоруссии дважды выражал соболезнования председателю КНР Ху Цзиньтао, а правительство Беларуси выделило 1 млн долл. гуманитарной помощи для районов, пострадавших от землетрясения.

Устойчиво развиваются и китайско-белорусские *торгово-экономические связи*. Наблюдается рост двустороннего торгового оборота (рис. 4). 8 ноября 2011 г. в Пекине состоялось 12-е заседание Межправительственной торгово-экономической комиссии. Были обсуждены вопросы межбанковского сотрудничества, перехода в двусторонней торговле на расчеты в нацио-

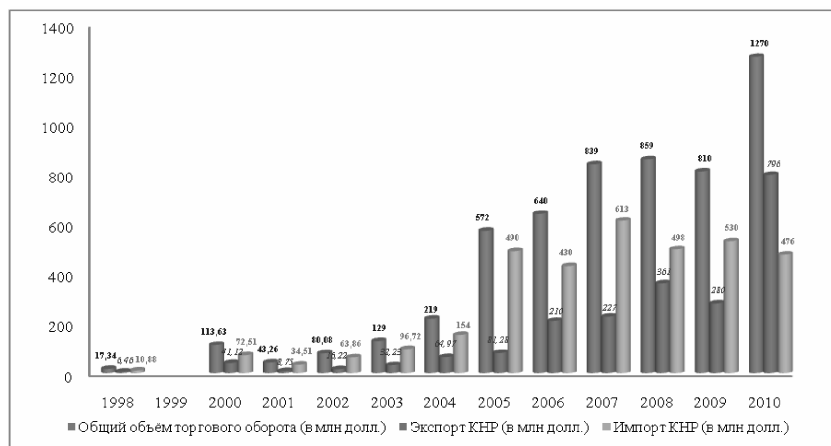

Рис. 4. Динамика роста торгового оборота между Китаем и Белоруссией. *Источник:* Чжунго тун Байэлэсьдэ гуаньси : [Отношения Китая и Республики Беларусь]. 25.03.2011. URL: http://www.fmprc.gov.cn/chn/pds/gjhdq/gj/oz/1206_29/sbgx/.

нальных валютах. По итогам встречи А. Тозик, вице-премьер Белоруссии, сообщил, что первая сделка по оплате юанями белорусского экспорта в Китай была проведена в сентябре 2011 г. Сегодня Беларусь — единственная, не граничащая с Китаем страна, которая создала всю необходимую инфраструктуру по расчетам в юанях²⁷.

По мнению заместителя министра коммерции КНР Гао Хучэна, о наличии возможностей для дальнейшего развития сотрудничества позволяет говорить взаимодополняющий характер экономик: Беларусь обладает большим научно-техническим потенциалом, у нее передовая машиностроительная промышленность и высококвалифицированные трудовые ресурсы, у Китая — обширный рынок, способность производить самые разные виды продукции и растущие финансовые возможности²⁸.

К практическим достижениям в белорусско-китайском инвестиционном сотрудничестве можно отнести следующие:

1. Успешное выполнение проекта по созданию оператора мобильной связи «Бест» с привлечением кредита Экспортно-импортного банка Китая, активная модернизация минских ТЭЦ-2 (льготный кредит правительства КНР) и ТЭЦ-5 (кредит Государственного банка развития Китая).

2. Модернизация цементной отрасли республики Беларусь — строительство трех новых цементных заводов с привлечением китайских кредитных ресурсов.

3. Создание китайско-белорусского индустриального банка.

4. Предоставление льготных покупательских кредитов по проектам строительства энергоблоков на Березовской и Лукомльской ГРЭС.

5. Подписание в июне 2011 г. кредитных соглашений о финансировании на общую сумму более 1 млрд долл. совместных проектов строительства завода по производству сульфатной белой целлюлозы на базе ОАО «Светлогорский ЦКК» и реконструкцию автомобильной дороги «Минск—Гомель».

6. Разработка проектов технического переоснащения ОАО «Белорусские обои», строительства крупнейшей в стране Витебской ГЭС, жилого квартала в микрорайоне «Лебяжий» в Минске, гостиничного комплекса «Пекин»²⁹.

В рамках реконструкции совместно с Китаем Минского аэропорта, по словам директора департамента по авиации Министерства транспорта и коммуникаций Республики Беларусь, задумывается увеличение пассажиропотока и расширение транзитных возможностей. Приблизительная стоимость проекта — 600 млн долл. В планах — строительство второй взлетно-посадочной полосы, системы безопасности, системы посадок, свето-технической системы, рулежных дорожек, огромного перрона и транзитного терминала³⁰.

В Китае создано совместное предприятие по выпуску сельхозтехники и комбайнов производственного объединения «Гомсельмаш», завершается создание двух новых крупных предприятий — по производству БЕЛАЗов и тракторной техники.

Устойчиво развиваются двусторонние отношения в области культуры, образования, науки и техники, в военной сфере. В октябре 2010 г. Министерство культуры Беларуси командировало несколько художественных трупп и коллективов для участия в мероприятиях, посвященных Национальному Дню Беларуси в рамках Международной выставки «Экспо — 2010» в Шанхае и Дню белорусской культуры. Китай во многих белорусских городах проводил недели кино, фотовыставки, мероприятия в рамках 2010 — Год Китая, приемы по случаю национального праздника и др.

С 21 октября по 9 ноября 2010 г. Республику Беларусь посетила делегация китайских вузов³¹.

В 22 белорусских вузах учатся почти 2 тыс. китайских граждан. В декабре 2006 г. на базе БГУ учрежден Институт китаеведения им. Конфуция, занимающийся популяризацией китайского языка, сближением и взаимообогащением национальных культур. Преподавание китайского языка осуществляется в 5 общеобразовательных учреждениях Беларуси. В 2010—2011 учебном году китайский язык изучали 260 учащихся общеобразовательных учреждений, 90 учащихся — на факультативных занятиях³².

Большое значение имеют белорусско-китайские военные и военно-технические связи. Как и другие формы двустороннего взаимодействия, они носят устойчивый и стабильный харак-

тер. 12—16 мая 2010 г. министр обороны Белоруссии Ю. Жадобин пребывал с визитом в КНР. 22—25 июля 2010 г. член Центрального военного совета, командующий Второй артиллерией НОАК, генерал-полковник Цзин Чжюань нанес визит в Беларусь.

Молдова

Китай одним из первых признал независимое молдавское государство и 30 января 1992 г. установил с ним дипломатические отношения.

Мощным импульсом для развития *межгосударственных связей* стал приход к власти в 2001 г. Партии коммунистов Республики Молдова (ПКРМ) и В. Воронина. С 2001 по 2009 г. Китай и Молдова подписали 53 соглашения в сфере торговли, экономики, инвестиций, молодежного обмена, культуры, образования, туризма и медицины³³. 13 сентября 2010 г. премьер-министр Молдовы В. Филат, принимая участие в мероприятиях, посвященных Национальному Дню Молдовы в рамках Международной выставки «Экспо — 2010» в Шанхае и форуме «Летний Давос» в Тяньцзине, встретился с премьером Госсовета Вэнь Цзябао.

Китай и Молдова поддерживают друг друга по вопросам, касающимся коренных интересов двух стран. В рамках ООН и на других многосторонних площадках они проводят взаимные консультации и осуществляют тесные контакты. Республика Молдова неизменно разделяет позицию Китая по вопросам Тайваня, Тибета и Синьцзяна. Китай уважает избранный Молдовой путь развития в соответствии с внутренними условиями в стране, поддерживает предпринятые ею усилия по решению приднестровского конфликта. В 2008 и 2010 гг. оба государства оказали друг другу гуманитарную помощь.

14 сентября 2010 г. в Пекине состоялась 5-е заседание Межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, созданной в 1999 г. (динамика роста торгового оборота представлена на рис. 5). Предприятия двух стран развернули широкое сотрудничество в области строительства инфраструктуры, связи, торговли вином.

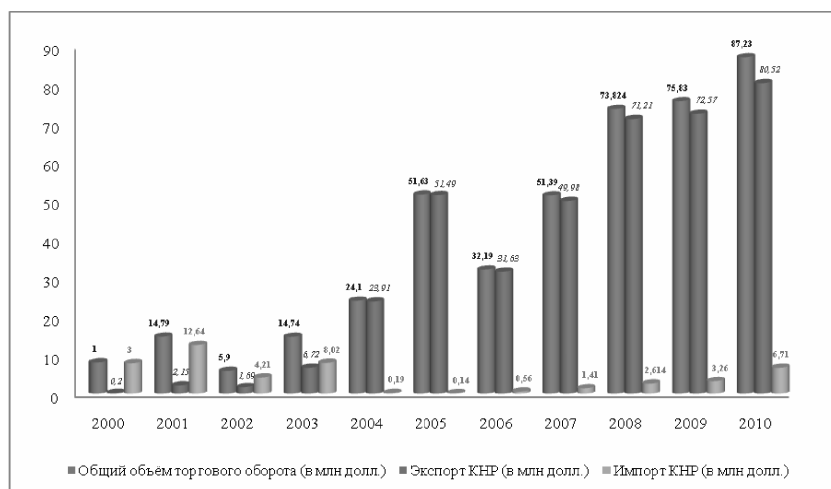

Рис. 5. Динамика роста торгового оборота между Китаем и Молдовой. *Источник:* Чжунго тун Моэрдовагунхэго дэ гуаньси : [Отношения Китая и Республики Молдова]. 25.03.2011. URL: http://www.fmprc.gov.cn/chn/pds/gjhdq/gj/oz/1206_29/sbgx/

Особенности китайско-молдавской торговли:

- Постепенный рост торгового оборота.
- С точки зрения структуры торгового оборота, республика Молдова в основном экспортирует вино, импортирует товары широкого потребления среднего и низкого качества — бытовую технику, строительные материалы, обувь, текстиль, одежду; в последние годы — средства телекоммуникации, мебель, автомобили и другую высокотехнологичную продукцию.
- Маленькие рынки обладают большим потенциалом (во время мирового финансового кризиса компании ZTE и «Хуавэй», воспользовавшись конкурентными преимуществами, завоевали молдавский рынок. В 2010 г. доход от сбыта продукции корпорации «Хуавэй» составил несколько десятков миллионов долларов, компания ZTE заняла более 70—80 % рынка поставок).
- В области развития экономической кооперации между Китаем и Молдовой сохраняются ресурсные сферы (например, строительство инфраструктуры, кредитование)³⁴.

Укрепляется двустороннее гуманитарное и культурное сотрудничество. На территории Молдовы успешно действует первый Институт Конфуция, созданный совместными усилиями Северо-Западного педагогического университета КНР и Свободного международного университета Молдовы.

Украина

4 января 1992 г. КНР и Украина подписали Коммюнике об установлении дипломатических связей.

Активизация китайско-украинских всесторонних отношений дружбы и сотрудничества началась с приходом к власти в 2010 г. президента В. Януковича. Первая встреча новоизбранного президента Украины с председателем КНР Ху Цзиньтао произошла на саммите по проблемам ядерной безопасности в Вашингтоне 12 апреля 2010 г. Лидеры государств провели углубленный обмен мнениями по вопросам развития двусторонних отношений.

С 2 по 5 сентября 2010 г. президент Украины находился с государственным визитом в Китае. В ходе его переговоров с Председателем КНР Ху Цзиньтао и другими высшими китайскими руководителями стороны достигли понимания по вопросам всестороннего повышения уровня китайско-украинских отношений и углубления прагматичного (делового) сотрудничества. В Киеве Председатель КНР Ху Цзиньтао выдвинул 4 предложения по развитию двусторонних отношений:

1. Укреплять политический диалог и проводить консультации, углублять и повышать уровень двусторонних отношений.
2. В полной мере использовать преимущества торгово-экономического сотрудничества, раскрывать потенциал, расширять масштабы кооперации, в 2012 г. уровень торгового оборота довести до 10 млрд долл.
3. Укрепить взаимосвязи в рамках международных и региональных организаций, вместе содействовать миру во всем мире, стабильности и развитию.

4. Способствовать развитию сотрудничества и проводить обмены в области культуры, образования, спорта, туризма и др., поощрять дружественные контакты среди молодежи двух стран, укреплять дружбу и понимание между народами³⁵.

Украина поддерживает позицию Китая по вопросам Тайваня, Тибета и другим проблемам, подтверждает приверженность принципу «одного Китая». Лидеры Украины во время телефонных переговоров с китайскими коллегами неоднократно передавали свои соболезнования по поводу землетрясения в уезде Юйшу пров. Цинхай, авиакатастрофе в г. Ичуне пров. Хэйлунцзян, взрыве на шахте в пров. Хэнань, селей в провинции Ганьсу.

Наблюдается положительный тренд в развитии *торгово-экономических связей* двух государств (рис. 6). Состоялась 11-я встреча китайско-украинской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. Были подписаны соглашения по строительству железной дороги Киев — международный аэропорт Борисполь,

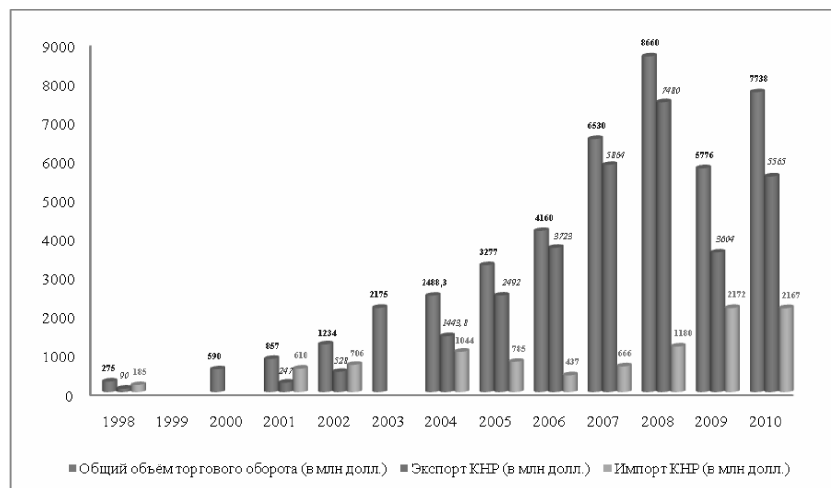

Рис. 6. Динамика роста торгового оборота между Китаем и Украиной. Источник: Чжунго тун Укэланьдэ гуаньси : [Отношения Китая и Украины]. 25.03.2011. URL: http://www.fmprc.gov.cn/chn/pds/gjhdq/gj/oz/1206_40/sbgx/.

газотурбинной гидроэлектростанции в Крыму и модернизации других важных экономических объектов³⁶.

Поддерживаются двусторонние *гуманитарные, региональные и межведомственные* связи. Успешно состоялся День украинской культуры в Китае. Киевская балетная труппа и коллектив китайского цирка пров. Хэбэй обменялись гастрольными выступлениями. Был успешно проведен Всеукраинский этап конкурса на знание китайского языка («Китайский мост»)³⁷.

Укрепляются *межпартийные* связи. 11—14 сентября 2010 г. член Политбюро ЦК КПК, секретарь комитета КПК пров. Гуандун Ван Ян прибыл с визитом на Украину, где встретился с президентом В.Ф. Януковичем и премьер-министром Н.Я. Азаровым. 12—17 декабря 2010 г. представители Партии регионов Украины нанесли визит в Китай.

Неослабевающий интерес Китая вызывает украинский *оборонно-промышленный комплекс*. Осуществляется кооперация в области авиационной промышленности, поставка газотурбинных установок для бывшего недостроенного авианосца «Варяг» (ныне авианесущего крейсера «Ши Лан») и др.³⁸. К 2013 г. Украина и Китай запланировали довести объем товарооборота продукции военного назначения до 2 млрд долл.

* * *

Прошло 20 лет с момента установления официальных дипломатических отношений между КНР и странами СНГ. Увеличивается торговый оборот, китайский экспорт товаров существенно опережает импорт. С каждым государством Пекин нашел свою формулу кооперации: с Республикой Молдова установил нормальные отношения («гуаньси»), с Азербайджаном, Арменией и Грузией — отношения дружбы и сотрудничества («юхао хэцзо гуаньси»), с Белоруссией и Украиной — всесторонние отношения дружбы и сотрудничества («цюаньмянь юхао хэцзо гуаньси»), постепенно поднимая их на новую ступень развития. И эта тенденция, безусловно, будет продолжаться.

Как справедливо заметил Д. Бабаян, политолог, начальник Главного информационного управления аппарата президента

Нагорно-Карабахской Республики, КНР выработала свой специфический геополитический стиль, в основе которого лежит кластерный (или «гроздевидный») подход. Его суть заключается в том, что, развивая сотрудничество с одной из стран региона, Пекин в обязательном порядке выстраивает контакты с соседними странами, которые зачастую выступают в отношении друг друга как соперники и конкуренты. «Однако последнее обстоятельство для Китая не является особым препятствием. Успеху данной политики во многом способствует... фактор сравнительно меньшего исторического опыта геополитического соприкосновения со странами региона, что дает возможность относительно безболезненно обходить имеющиеся между странами и народами региона политические, исторические, психологические и иные виды антагонизма»³⁹.

Примечания

¹ Цит. по: *Лу Ючжи*. Чунсинь шэньши Чжунго дэ аньцюань хуанцин : [Новый взгляд на обстановку безопасности в Китае] // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи. 2000. № 1.

² По данным Портала внешнеэкономической информации РФ, крупнейшими инвестиционными проектами РА можно считать следующие:

1. Строительство железной дороги «Иран—Армения». На него в 2010 г. Иран предоставил Армении 400 млн долл. Общая стоимость проекта составит порядка 1,5 млрд долл. В рамках выделенного 1 млн долл. Азиатским банком реконструкции и развития планировалось завершить весной 2010 г. работы по технико-экономическому обоснованию строительства железной дороги.

2. Азиатский банк развития предоставил Армении в 2010 г. кредит на сумму 500 млн долл. для финансирования реконструкции автомагистрали «Север—Юг». Кредитное соглашение рассчитано на 7 лет и предусматривает реконструкцию дороги, которая будет проходить от южной границы Армении с Ираном и до северной границы с Грузией и продолжаться по территории Грузии до портовых городов Батуми и Поты. Софинансирование проекта со стороны правительства Армении должно составить 462 млн долл. Общая стоимость проекта — 962 млн долл.

Более подробно см.: Внешнеэкономическая деятельность Республики Армения. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/pages/ved_activity/countries/13/articles/106/description.

³ Тигран Саркисян охарактеризовал программу совершенного в КНР официального визита как очень насыщенную и интересную. URL: <http://www.gov.am/ru/news/item/5334/>.

⁴ В Пекине опубликовано Совместное заявление Китая и Армении. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/2814549.html>.

⁵ Китайско-армянские отношения. URL: <http://big5.fmprc.gov.cn/gate/big5/am.china-embassy.org/rus/zygx/t392051.htm>.

⁶ Ли Чанчунь посетил Форум предпринимателей «Китай—Армения» и выступил с речью. URL: <http://am2.mofcom.gov.cn/aarticle/bilateralvisits/201105/20110507551647.html>.

⁷ Президент Саргсян присутствовал на церемонии открытия армяно-китайского совместного предприятия «Шаньси-Наирит». URL: <http://www.president.am/events/news/rus/?day=03&month=05&year=2010&id=999>.

⁸ Через 1,5 года совместное армяно-китайское предприятие «Шаньси-Наирит» будет работать на полную мощность. URL: <http://www.panarmenian.net/rus/news/74364/>.

⁹ См. подробнее: Чжунго дуйвай тоуцзы хэ цзинцзи хэцзо : [Иностранное инвестирование КНР и экономическое сотрудничество // Сайт Министерства коммерции КНР. URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/gbzn/gobiezhinan.shtml>.

¹⁰ Дуйвай тоуцзы хэцзо гобе (дишой) чжинань. Ямэйния (2011 няньбань) : [«Руководство по сотрудничеству в области иностранного инвестирования в государствах (регионах) Армения (издание 2011 г.)]. URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/gbzn/upload/yameiniya.pdf>.

¹¹ Китайско-армянские отношения. URL: <http://big5.fmprc.gov.cn/gate/big5/am.china-embassy.org/rus/zygx/t392051.htm>.

¹² В рамках договора на сумму около 3,6 млрд иен, заключенного между китайской и армянской сторонами в 2008 г., китайская компания НРСС должна была в течение 2-х лет провести реконструкцию 17 трансформаторных подстанций 110 кВ. Кредит предоставлялся Японским банком международного сотрудничества (JBIC). См. подробнее: Гунсы чэнцзянь дэ ямэйния 110 кV бяньдяньчжань гайцзао гунчэн цзюйсин цзюнгун циндянь : [Компания, реконструировавшая трансформаторные подстанции Армении 110 кВ, провела церемонию закрытия; URL: <http://www.hpcchrb.com/pagelist.asp?id=232>.

¹³ См. подробнее: Внешнеэкономическая деятельность Республики Армения. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/pages/ved_activity/countries/13/articles/106/description; Ереванский автобусный парк пополнится 400 китайскими автобусами. URL: <http://am2.mofcom.gov.cn/aarticle/bilateralvisits/201108/20110807717905.html>; Армения упростит визовый режим и

установит прямые воздушные рейсы с Китаем. URL: <http://am2.mofcom.gov.cn/aarticle/bilateralvisits/201108/20110807717915.html>; В Китае Президент Саргсян провел встречи с исполнительным директором корпорации Huawei и президентом корпорации ZTE. URL: <http://www.president.am/events/news/rus/?day=02&month=05&year=2010&id=997>; Подписано армяно-китайское соглашение о технико-экономическом сотрудничестве. URL: <http://www.gov.am/ru/news/item/5166/>.

¹⁴ Тигран Саркисян поздравил народ Китая с национальным праздником. URL: <http://www.gov.am/ru/news/item/5897/>.

¹⁵ Приводится по: Доклады РИСИ. URL: http://www.riss.ru/upload/news/554/Reports%20of%20RISS_2012_1.pdf. См. также: Дуйвай тоуцзы хэцзо гобе (дищюй) чжинань. Асайбайцзян (2011 няньбань) : [«Руководство по сотрудничеству в области иностранного инвестирования в государствах (регионах)»; Азербайджан (издание 2011 г.)]. URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/gbzn/upload/asaibaijiang.pdf>.

¹⁶ Бородин К. Китайская СNEЕС реконструирует две ГЭС в Азербайджане / Кирилл Бородин // ЭнергоНьюс: Новости энергетики : интернет-сайт. 2011. 18 января. URL: <http://energo-news.ru/archives/46895>.

¹⁷ Дуйвай тоуцзы хэцзо гобе (дищюй) чжинань. Асайбайцзян (2011 няньбань).

¹⁸ Китай стал пятой крупнейшей страной-источником импорта для Азербайджана. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7777887.html>.

¹⁹ См. подробнее: Доклады РИСИ. Указ. соч.

²⁰ Подробнее см.: В Тбилиси состоялся грузино-китайский бизнес-форум. URL: <http://russian.cri.cn/841/2012/05/10/1s426634.htm>.

²¹ Китай инвестирует в Грузию на сумму почти в 2 миллиарда долларов? URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2012/04/16/kitaj-investiruet-v-guziju-na-summu-pochti-v-2-milliarda.html>.

²² Традиционная дружба между Китаем и Грузией укрепляется — 15-я годовщина установления дипломатических отношений между странами. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/5840911.html>.

²³ Грузия и Китай: 20-летие дипломатических отношений. URL: <http://russian.cri.cn/941/2012/05/09/1s426541.htm>.

²⁴ Итоги второго дня официального визита в Беларусь заместителя председателя КНР Си Цзиньпина. URL: <http://www.ctv.by/node/36411>.

²⁵ Эксклюзив: визит У Банго станет новой точкой в развитии белорусско-китайских отношений — вице-премьер Беларусь А. Тозик. URL: http://russian.news.cn/china/2011-09/16/c_131141862.htm.

²⁶ Там же.

²⁷ Тозик А. Беларусь намерена содействовать развитию международной торговли в юанях. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/7640760.html>.

²⁸ Двусторонний товарооборот между Китаем и Беларусью возрос в 13 раз за период с 1992 года — замминистра коммерции Гао Хучэн. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/6925477.html>.

²⁹ Эксклюзив: визит У Банго станет новой точкой в развитии белорусско-китайских отношений...

³⁰ Итоги второго дня официального визита в Беларусь заместителя председателя КНР Си Цзиньпина...

³¹ Чжунго вайцзяо 2011 : [Китайская дипломатия]. Пекин: МИД КНР, 2011. С.80—81.

³² Эксклюзив: визит У Банго станет новой точкой в развитии белорусско-китайских отношений...

³³ См. подробнее: Доклады РИСИ. Указ. соч.

³⁴ Дуйвай тоуцзы хэцзо гобе (дищюй) чжинань. Моэрдова (2011 няньбань) : [«Руководство по сотрудничеству в области иностранного инвестирования в государствах (регионах)». Молдавия (издание 2011 г.)]. URL: <http://fec.mofcom.gov.cn/gbzn/upload/moerduowa.pdf>.

³⁵ Чжунго вайцзяо 2011. С. 213—214.

³⁶ См. подробнее: На железную дорогу Киев—Борисполь уйдет 372 миллиона долларов // Новый регион 2:информ. агентство. 19.04.2011. URL: <http://www.nr2.ru/kiiev/328734.html>; Китай даст 700 млн. долл. на строительство электростанции в Крыму // Zakupka.com : интернет-сайт. 06.09.2010. URL: <http://zakupka.com/novosti/2234/>.

³⁷ Чжунго вайцзяо. 2011. С. 213—214.

³⁸ Доклады РИСИ. Указ. соч.

³⁹ Бабаян Д. Роль и место Южного Кавказа в геополитической повестке Китайской Народной Республики // 21-й ВЕК. 2011. № 2 (18). URL: http://noravank.am/upload/pdf/5.David_Babayan_21_VEK_02_2011.pdf

Р.К. Алимов*

ТАДЖИККО-КИТАЙСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ВАЖНЫЙ АСПЕКТ ДВУСТОРОННЕГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА

Аннотация. Подробно рассмотрев историческую ретроспективу формирования культурных связей Таджикистана и Китая, а также проследив процессы вызревания культурного диалога двух стран в процесс их цивилизационного взаимообогащения, автор приходит к выводу, что уважение к культурному многообразию стимулирует стремление сторон не только найти новые примеры исторических нитей, связывавших два соседних народа в прошлом, но и обогатить современный межкультурный диалог двух государств с тем, чтобы динамично развивающиеся таджикско-китайские отношения дружбы и сотрудничества крепили и прирастали новым содержанием.

Ключевые слова: Таджикистан, Китай, Великий шелковый путь, таджикско-китайское сотрудничество, диалог культур, добрососедство, соразвитие.

Таджикистан и Китай торжественно отметили 20-ю годовщину со дня установления дипломатических отношений¹. До 4 января 1992 г. великий восточный сосед был для Рес-

* Алимов Рашид Кутбиддинович, к.социол. н., Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Таджикистан в КНР, почетный профессор Китайского университета международных отношений, лауреат премии «Шелковый путь — гуманитарное сотрудничество» (Пекин, 2012 г.).

публики Таджикистан далеким, загадочным и таинственным. Опыт строительства отношений с «дальним зарубежьем» у молодой республики отсутствовал. С открытием «восточных ворот» многое изменилось в судьбе нового суверенного государства: мощный Китай стал добрым соседом и стратегическим партнером. За два десятилетия государства-соседи не только смогли окончательно решить оставшийся от истории сложный и чувствительный пограничный вопрос, но и совместными усилиями наладить эффективное многовекторное сотрудничество. Особая роль в нем отводится межкультурному диалогу, берущему свое начало со времен открытия Великого шелкового пути.

1. Культурно-историческая ретроспектива

Исследовательский интерес к Великому шелковому пути, который со II в. до н.э. через Центральную Азию соединял Китай со Средиземноморьем и Европой и зародившимся в те далекие времена межкультурным контактам растет из года в год, в том числе и в суверенном Таджикистане. Очевидно, что свою роль здесь играет не только фактор соседства, бурное развитие торгово-экономического сотрудничества, но и глубокий *взаимный интерес* к совместной богатой истории. Ее страницы таят в себе много интересных фактов, иллюстрирующих духовную перекличку народов-соседей, неутихающее эхо которой и сегодня звучит на всем протяжении возрождающегося Великого шелкового пути. Об этом ярко и убедительно написал Президент РТ Эмомали Рахмон в книге «Таджики в зеркале истории», которая переведена на несколько иностранных языков. Доступна она и китайскому читателю².

Источники свидетельствуют о том, что таджиков и китайцев в далекие времена связывала не только торговля по Великому шелковому пути. Деловые документы на согдийском языке, относящиеся к III—IV вв. н. э., являются свидетельством как оживленных торговых, так и культурных связей между древними Согдом и Бактрией — прародиной современных таджиков — и Западным Китаем. Древние китайские источники

отмечают, например, проникновение из Ферганской долины в Китай виноделия, а также опыта выращивания травы «мусу» (клевера). Считается также, что культура выращивания хлопка была перенесена в Китай также из Средней Азии, равно как и гранатовых и ореховых деревьев. Большое значение китайские правители придавали закупкам бактрийских боевых лошадей, несравнимых по скорости бега и выносливости. Китайцы, в свою очередь, познакомили народы Центральной Азии, а через них и Иран, с производством лака, красителей и бумаги, изготовлением оружия из железа и строительством подземных каналов, которые сыграли большую роль в развитии сельского хозяйства в засушливых районах Центральной Азии... Источники свидетельствуют также о том, что в V—VII вв. именно при посредничестве согдийцев и иранцев китайский шелк поставлялся в Европу³.

Центральная Азия всегда находилась на перекрестке Востока и Запада не только в географическом смысле, но и в смысле культурно-историческом. Родина ираноязычных народов истарил была открыта всем информационным ветрам истории: духовная почва этого древнего края с незапамятных времен была местом исторической встречи и духовного взаимообогащения разных народов, стран и континентов. Несмотря на то, что шум и гам военных походов и битв, дворцовых переворотов и народных мятежей зачастую заглушали негромкий голос *диалога цивилизаций*, за густыми облаками дыма и пыли, поднятой с полей кровопролитных сражений, *международный культурный обмен никогда не останавливался*. Через места обитания таджиков и их предков — Самарканд и Бухару, Балх и Хирот, Худжанд и Хатлон, Бадахшан и Мерв — шли торговые караваны, нагруженные не только шелком и драгоценными камнями, шерстью и кожами, фарфоровой посудой и пушными изделиями китайских мастеров, но и рукописными книгами, многие из которых затем переводились на другие языки далеко за пределами родины их авторов. Известно, что основатель империи Саманидов — *Исмомил Сомони* — во времена своего правления не раз направлял в Китай своих послов и караваны ценностей для установления и

развития политических, торгово-экономических и культурных связей.

Взаимоотношения народов, как и взаимоотношения отдельных людей, суть живые отношения, обладающие всей палитрой красок. Говоря о таджикско-китайском историческом общении, в целом необходимо отметить, что оно охватывало собой все основные сферы духовной и интеллектуальной деятельности — религию, науку и искусство. Если взглянуть на исторические реалии под этим широким углом зрения, то легко заметить следующие культурно значимые вещи. Во-первых, предки современных таджиков распространяли среди близких и дальних соседей — причем обитавших как в долинах и оазисах, так в степи и в горах — не только свой собственный духовный опыт (зороастризм и манихейство), но и христианство, а также буддизм. Причем, этим занимались вовсе не заезжие миссионеры. Начиная еще со времен греко-македонских завоеваний, участвовала эмиграция согдийцев не только в западную часть современного Китая, но и в глубь страны. Позднее же — на всем протяжении III—VII вв. христианской эры — многочисленные согдийские колонии контролировали весь азиатский участок Великого шелкового пути свидетельством чему явилось превращение согдийского языка в универсальный язык международного общения.

Признано, что, наряду с арабами, персо-таджики оказали глубокое влияние и на распространение ислама в Китае. Произведения персидско-таджикского поэта Саади по сей день изучаются в религиозных учебных заведениях Поднебесной. Существует также точка зрения, что предки китайских мусульман национальности хуэй были мусульманами «*даши*» — персов, приехавших из Центральной и Западной Азии. Часть из них являлась таджиками, выходцами из Центральной Азии. Предки хуэй, населявшие Юньнань и Нинься во времена Юаньской и Минской династии, были родом из Бухары и Самарканда. В словаре языка хуэй, изданного в период правления династии Мин, встречается много выражений из современного персидско-таджикского языка⁴.

По утверждению руководителя докторантуры Института языков и литературы Центрального университета национально-

стей Китая профессора Ху Чжэньхуа (Хаджы Мухаммед), к примеру, слово «*даши*» по своему древнему произношению читается как *da-djek* и на китайском языке созвучно произношению слова *tad-jik*. Далее, несмотря на то, что родным языком мусульман национальности хуэй является китайский язык, в их обыденном языке до сих пор используется немало слов из персидского (таджикского) языка. Например, они называют «мясо» словом *gosht*; «друг» звучит как *dost*; «враг» — *dushman*; слово «нет» звучит как *nes(t)* и т. д. Китайский ученый особо отмечает влияние трудов выдающегося ученого-энциклопедиста своего времени таджика **Авиценны** (Абу Али Хусейн ибн Абдаллах ибн Хасан ибн Али ибн Сина, 980—1037 гг.) на развитие научной мысли в Китае, в частности, на формирование традиционной китайской медицины. Величайшее творение **Ибн Сины**, принесшее ему мировую славу, — медицинский трактат «*Ал-Канун фи-Тибб*» («Канон врачебной науки»), было переведено на китайский язык. Наблюдения и рекомендации выдающегося врача и мудреца, методология лечения заболеваний были использованы китайскими учеными при составлении компендума «Рецепты мусульманской медицины» (*Al-Musulman Kitab al-Tibb*), изданного еще в XIV веке в 36 томах. Несколько прекрасно сохранившихся томов этого уникального научного труда бережно хранятся в Китайской государственной библиотеке.

Другой пример, часто приводимый ученым, касается выходца из Бухары **Аль-Саид Шамс аль-Дин Умара** (1211—1279), который в течение многих лет был правителем пров. Юньнань. В годы его правления в провинции велись масштабные работы по развитию ирригационной системы, строительству школ и дорог, укреплению мира и согласия между народами, жившими здесь. После его смерти благодарные люди воздвигли усыпальницу, а в центре города Куньминь в его честь установили большие мемориальные ворота.

Ни высокие горы, ни бескрайние пустыни, окружающие Китай, не являлись препятствием для общения Поднебесной с другими народами, включая народы Центральной Азии. Укрепление этих контактов во многом было вызвано как взаимной заинтересованностью в развитии торгово-экономических отноше-

ний, так и обоюдным стремлением двух древних центров культуры к познанию друг друга и взаимообогащению. Примером тому может служить *мечеть Ньюцзе* — древнейшая и самая большая мечеть в Пекине: ее центральный зал может вместить тысячу верующих, а ценнейшей реликвией является рукописный Коран, которому свыше 300 лет. Мечеть была возведена в 996 г. при династии Ляо, а при династиях Мин и Цин ее многократно реставрировали. В XXI веке правительство Китая продолжает заботиться о сохранности действующей мечети как уникального памятника мировой культуры.

На территории мечети одним из мест поклонения является скромный мавзолей, возведенный в честь двух миссионеров — Али и Ахмеда, — которые в середине XIII века прибыли в Пекин из Бухары и служили в этой мечети. На древних могильных плитах, охраняемых государством, записано, что Ахмед скончался в 1280 г., а Али — в 1283. Известно, что вслед за миссионерами в Пекин стали прибывать люди из Центральной Азии, которые расселялись рядом с мечетью на улице, впоследствии получившей название «Люцзе» (от китайского слова «шилю», что означает «гранат», так как приезжие высаживали здесь привезенные с собой кусты гранатового дерева). В весенние дни на улицах, проложенных вокруг тысячелетней мечети, пышно цветут гранатовые и абрикосовые деревья. Здесь постоянно проживает свыше 50 тыс. человек, среди них 20 тыс. — мусульмане, потомки первых переселенцев из Центральной Азии.

Известно, что в эпоху династии Юань китайские правители часто приглашали на работу из Бухары и Самарканда признанных специалистов в разных областях науки, городского хозяйства, архитектуры. Привлекает внимание интересный факт из «Сборника известных деятелей культуры западных районов», который был подготовлен группой историков и языковедов Синьцзянского государственного университета⁵. В нем приводится биография архитектора по имени Якдилдин — одного из ведущих проектировщиков г. Пекин времен династии Юань. Авторы сборника пишут: «*Якдилдин, или Якдил, родом из государства Даши, с западных районов, начало династии Юань, хуэйхуэй. Якдилдин является первым проектировщиком города Пекин...*» По

мнению профессора Ху Чжэньхуа, «все указывает на то, что он был таджиком: 1) имя проектировщика Якдилдин пишется как Yak-Dil-Din (Yak «один», dil «сердце», din «религия»), очевидно, что это слово — персо-таджикское; 2) родом из государства «даши»; китайские историки называли арабов, персов и таджиков, исповедовавших ислам, «тяньфан» или «даши» (тех, которые говорили на персо-таджикском языке); «даши», как не раз утверждал китайский ученый, — транскрипция слова «таджик» на китайский язык; 3) *хуэйхуэй* означает мусульманин.

Эти и многие другие примеры свидетельствуют о том, что издревле китайцы с большой терпимостью относились к пришлым и иноверцам, проявляли высокий уровень толерантности в отношении зарубежного культурного влияния, не отторгали его, а заимствовали и ассимилировали, тем самым обогащая собственную культуру. Потому современный Китай предстает перед миром многонациональным государством, в котором гармонично сосуществуют несколько мировых религий, а его культура многогранна и полифонична. В этой складывавшейся веками уникальной культурной мозаике Китая каждый может найти частицу далекой истории собственного народа, своей национальной культуры.

2. От диалога культур к их взаимообогащению

Обращение к прошлому важно, но далеко не достаточно для строительства общего будущего. В Таджикистане и Китае это глубоко осознают и выстраивают добрососедские отношения, отвечающие требованиям XXI века. По оценке обеих сторон, отношения между РТ и КНР являют собой достойный пример успешного взаимодействия и сотрудничества великой державы со своим соседом. Их цементируют беспрецедентный уровень доверия друг к другу, совпадение концептуальных подходов к широкому кругу международных проблем, *уважение к многообразию культур и стремление к совместному развитию*. После подписания в январе 2007 г. в Пекине исторического Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве таджикско-китайские

отношения переживают период бурного расцвета. Большое значение в Договоре придается развитию двустороннего сотрудничества в области культуры. Обе стороны исходят из того, что развитие межкультурного диалога, взаимный учет исторических особенностей, бережное отношение к национальным традициям и обычаям способны обеспечить гармоничное развитие как внутри стран, так и в двусторонних отношениях.

За два десятилетия накоплен определенный опыт сотрудничества в сфере культуры. Эта тема регулярно поднимается на ежегодных встречах лидеров обоих государств. Министры культуры обсуждают состояние и перспективы развития диалога культур как на двусторонних встречах, так и в формате совещаний министров на площадках ШОС. Важно отметить, что сотрудничество не замыкается в рамках действующих межведомственных соглашений. Стороны поощряют контакты деятелей культуры провинциального уровня, в частности, Синьцзяна и Горно-Бадахшанской автономной области РТ. В традицию вошло проведение Дней и Недель культуры и кино, выставок фотохудожников и изобразительного искусства, взаимные поездки деятелей культуры и искусства. На национальных телеканалах РТ и КНР демонстрируются документальные фильмы о Таджикистане и Китае; в Пекине в свет вышли первые литературные произведения таджикских писателей на тему «Великого шелкового пути⁶», а в Душанбе в переводе известных таджикских поэтов Гулназара, Саидали Маъмура, Низома Касыма вышла книга стихотворений бывшего министра иностранных дел Китая Ли Чжаосина «Сто шесть листьев» и книга бывшего министра культуры КНР Сунь Цзячжэна «Устремления и мечты в современной китайской культуре»; чаще стали организовываться выставки художников и демонстрации декоративно-прикладного искусства таджиков в Китае.

Новое развитие межкультурный диалог получил в год празднования 20-й годовщины независимости РТ. На электронных страницах газеты «Жэньминь жибао» в феврале 2010 г. открылся специальный двуязычный блог «Таджикистан—Китай: диалог культур», который ежедневно посещают десятки тысяч китайских и русскоязычных читателей. Совместный проект ведущей

газеты Китая и посольства РТ в КНР уникален и не имеет аналогов⁷.

Предпринимаются шаги по популяризации в Китае народного творчества таджиков. Событием в культурной жизни стало выступление в Национальном Центре театральных искусств (Государственный Большой театр Китая) Таджикской Академии макома. Китайские зрители высоко оценили таджикскую классическую музыку «Шашмаком», которую ЮНЕСКО в 2003 г. провозгласила шедевром устного и духовного культурного наследия человечества. Вице-президент Большого театра Китая профессор Ян Цзинмао (Yang Jingmao), приветствуя первый концерт Таджикской Академии макома в Китае, отметил, что это событие являет собой уникальный пример межкультурного диалога и взаимопонимания. Он выдвинул идею организации совместного концерта с Пекинской оперой. «Эти две жемчужины в короне мировой культуры могут еще ярче засиять на одной сцене, олицетворяя межкультурную переключку двух соседних народов, которая своими корнями уходит в глубину веков, начиная с Великого шелкового пути»⁸.

Важным событием стала презентация в Пекине книги министра иностранных дел Таджикистана Хамрохона Зарифи «Декоративно-прикладное искусство таджиков: сквозь века» на китайском языке. В начале сентября 2011 г. книга вышла в свет в издательстве «Миньцзу чубаньшэ» («Национальное издательство» КНР). По мнению Председателя Китайского общества дружбы с Центральной Азией (КОДЦА) г-на Чжан Дэгуана, — «выход в свет этой книги в Пекине в канун 20-летия независимости Республики Таджикистан, позволяющей гражданам Китая прикоснуться к сокровищнице таджикской культуры и искусства, является бесценным вкладом в диалог культур двух соседних стран»⁹.

С динамичным ростом деловых и культурных связей между РТ и КНР растет потребность в свободном общении, одним из важнейших каналов которого является язык. Стремление к изучению китайского языка растет из года в год: если за период с 1994 по 2004 г. в Китае получили языковую подготовку 199 студентов из Таджикистана, то в период с 2005 по 2010 г. — уже

1631 студент (рис. 1). По данным Министерства образования КНР, в 2011/2012 учебном году 1189 юношей и девушек из РТ обучались в 112 университетах КНР, причем 972 из них — за собственный счет, остальные 217 — на предоставленные китайской стороной стипендии (17 человек — стипендиаты по линии ШОС). Открываются отделения/курсы китайского языка и в высших учебных заведениях РТ. Важную роль в этом играет и *Центр китайской цивилизации (Институт Конфуция)*, открытый в Душанбе при Таджикском национальном университете.

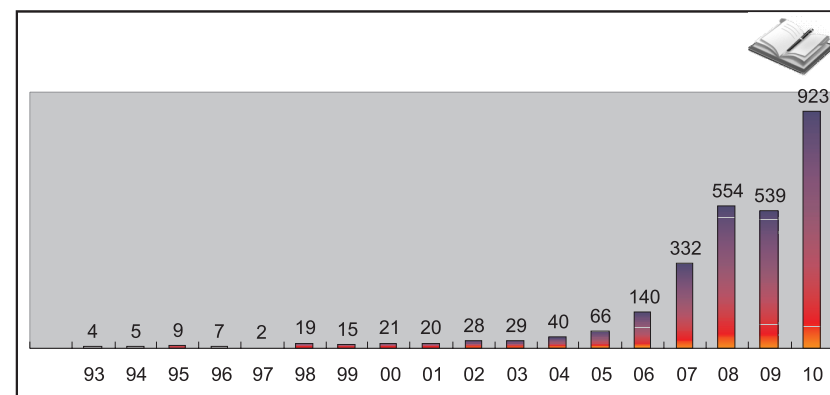

Рис. 1. Динамика роста числа студентов из Республики Таджикистан, обучающихся в высших учебных заведениях Китая (1993—2010 гг.). *Источник:* Данные Министерства образования КНР.

В то же время следует признать, что таджикско-китайские связи в сфере культуры значительно отстают от сотрудничества в сфере экономики и торговли, в сравнении напоминая затерявшийся высоко в горах ручеек на фоне бурного водного потока, энергично набирающего скорость в период весеннего половодья. Книги, справочники, художественная литература о Китае — большая редкость в магазинах Душанбе. Деятели культуры и искусств Китая (за исключением Синьцзяна) — очень редкие гости на концертных площадках и в художественных галереях РТ. Одной из причин называется дороговизна организации гастро-

лей китайских коллективов. Очевидно, что в рыночных условиях такое положение дел диктует необходимость изыскивать нетрадиционные пути укрепления диалога культур. Важно активнее привлекать к нему деловые круги обеих сторон с тем, чтобы культурные связи не прерывались и приобретали всесторонний характер, помогали укреплять контакты деятелей культуры и искусства. Это будет способствовать стиханию появившихся в таджикском обществе разговоров о некоей «китайской угрозе», которые распространяются в связи с ростом совокупной государственной мощи Китая.

Повышение роли культурно-гуманитарных связей как моста между двумя соседними народами, способствующего углублению взаимопонимания и развитию традиционной дружбы, соответствует интересам обеих сторон. Особенно это касается таджикской молодежи, у которой возможности ознакомления с современным Китаем, его древней и самобытной культурой весьма ограничены. Не менее важным является поощрение китайской молодежи к тому, чтобы она стремилась больше знать о жизни людей, которые населяют территорию на другой стороне западной границы, о чем они думают и к чему стремятся. Укрепление культурной общности, расширение знаний друг о друге будут способствовать упрочению двусторонних отношений.

История отношений между китайским и таджикским народами, как известно, уходит корнями в глубокую древность. Организация совместных археологических и этнографических экспедиций может внести важный научный вклад в открытие и исследование доселе не известных памятников материальной культуры, в частности, буддизма. Для изучения этногенеза таджикского народа весьма актуальным представляется организация совместного этнографического исследования мест компактного проживания таджиков в КНР, включая изучение их традиций, нравов, ритуалов, письменных источников и т. п. Большую научную и культурную ценность для обеих сторон представляет всестороннее изучение периода Танской империи Китая и ее связей с древними Согдом и Бактрией.

Весьма перспективным направлением может стать налаживание двустороннего сотрудничества в сфере кинематографа.

Китай — один из лидеров мирового кино, имеет более чем столетний опыт кинопроизводства. Таджикские деятели кино за 75 лет своей киноистории также не раз заявляли о себе своими самобытными кинокартинами. Китай имеет богатейший опыт и потенциал в цирковом и балетном искусстве, которое востребовано и в РТ. Большой интерес для Таджикистана представляет опыт КНР в создании национальных музеев и организации библиотечного дела. В этом направлении культуры Китай занимает одно из ведущих мест в мире. Только в китайской столице для посетителей открыты двери более 120 крупных музеев и десятков библиотек. Организация выставок из «золотых» фондов Национальных музеев и библиотек, взаимный доступ к электронным книгохранилищам внесли бы немалый практический вклад в укрепление межкультурного диалога. Очевидно, что популяризация выдающихся достижений китайской культуры в РТ не только обогатит культурную жизнь таджикского общества, но и будет способствовать укреплению позитивного, миролюбивого и гуманистического образа Китая.

Насколько многообразны и многолики культура и искусство наших народов, настолько широки и безграничны возможности межкультурного диалога и сотрудничества. Современными китайскими историками и культуроведами осознается необходимость системного исследования истории таджикско-китайского духовно-культурного взаимодействия. Было бы, например, интересно проследить конструктивную роль китайских мотивов и метафор в классической культуре таджиков, особенно в литературе и искусстве (в искусстве миниатюр, например). В глубоком научно-историческом анализе нуждается также таджикско-тюрко-китайский культурный синтез, имевший место в раннее и позднее Средневековье. Очевидно, что обратное влияние китайской духовности на средневековую ирано-таджикскую культуру еще ждет своего исследователя.

Малоизвестные исторические факты могут пролить новый яркий свет на глубинные пласты взаимоотношений двух соседних народов — китайского и таджикского. Это важно для того, чтобы соседи еще лучше знали друг друга, совместными усилиями сохраняли и развивали традиции добрососедства, укрепляли

дружбу и взаимопонимание. Ведь сосед как для таджика, так и для китайца — не чисто географическое понятие: это, прежде всего, моральная категория. Этические традиции таджиков и китайцев предпочитают близкого соседа далекому родственнику¹⁰. Не исключено, что дальновидный китайский дипломат и путешественник Чжан Цян, которого считают первооткрывателем Великого шелкового пути, в лице народов, населявших Бактрию и Согдиану в те далекие времена (I в. до н.э.), увидел не только торговых партнеров, но и источник культурного взаимообогащения.

* * *

Добрососедство, высокий уровень взаимного доверия, динамично развивающееся двустороннее торгово-экономическое сотрудничество, уважение к культурному многообразию стимулируют желание сторон не только найти новые примеры исторических нитей, связывавших два соседних народа на протяжении веков, но и, опираясь на достижения прошлого, в современных условиях обогатить межкультурный диалог, чтобы динамично развивающиеся таджикско-китайские отношения дружбы и сотрудничества крепили и прирастали новым содержанием.

Примечания

¹ Дипломатические отношения между Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой были установлены 4 января 1992 г.

² Рахмонов Э. Великий шелковый путь — мост между прошлым, настоящим и будущим // Таджики в зеркале истории. Кн. 1. От арийцев до саманидов. Лондон. С.135—140.; см. также: Таджики в зеркале истории: в Пекине состоялась презентация книги Президента Эмомали Рахмона. URL: <http://russian.china.org.cn/>; В Пекине состоялась презентация книги Президента Эмомали Рахмона на китайском языке. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7142230.html>.

³ Кутлуков М. К истории экономических, политических и культурных связей народов Средней Азии с Китаем (в древности и в период Средневековья) / Академия наук Узбекской ССР. Отделение общественных

наук. Научные работы и сообщения. Кн. 4. Ташкент, 1961. С. 344; см. также: Кожин П.М. Китай и Центральная Азия до эпохи Чингисхана. М., 2011.

⁴ Ху Чжэньхуа (*Хаджи Мухамед*). Рудаки — отец таджикской поэзии // The Studies of Islamic Culture (Beijing). 2009. № 1. С.34—37.

⁵ Си Юй Вэнь Хуа Мин Жэнь Лу // Сборник известных деятелей культуры западных районов. Урумчи, 2006. С. 66.

⁶ Хамдам Ато, Чигрин Леонид. Великий шелковый путь. Исторический роман в 2-х частях. На таджикском и русском языках. Душанбе, 2006. Первая часть романа под названием «Жизнь Чжан Цяня, или Великий Шелковый путь» переведена на китайский язык и издана в Китае; Алимов Р. Шаршар покоряет Пекин. Пекин, 2007 (на русском и китайском языках). Издавалась дважды массовым тиражом. В 2008 г. переведена на таджикский язык под названием «Шаршар ба Пекин меравад». Душанбе, 2008; Алимов Р. 17 олимпийских мгновений (на русском и китайском языках). Пекин, 2008.

⁷ URL: <http://world.people.com.cn/GB/8212/182200/index.html>

URL: <http://russian.people.com.cn/31857/99488/index.html>

⁸ URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7396655.html>

URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2011-06/01/content_22691861.htm

⁹ URL: <http://russian.people.com.cn/31516/7590028.htm>

¹⁰ Сравните, к примеру: Конфуций: «...Встретить друга, прибывшего издалека, разве это не радостно?»; Абуабдулло Рудаки: «Нет в этом мире радости сильнее, чем лицемерье близких и друзей».

К.В. Антипов*

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ СИРИЙСКОГО КРИЗИСА

Аннотация. По мнению автора, активизация политики КНР в арабском мире и особенно нарастание роли Китая в противодействии попыткам иностранного вооруженного вмешательства в Сирии наглядно свидетельствуют, что период стратегических уступок китайской дипломатии в отношении с Западом в основном завершился. Пекин добивается стабилизации обстановки в Сирии и на Ближнем Востоке в целом, руководствуясь долгосрочными интересами безопасности. В то же время ему удается наращивать экономическое сотрудничество со всеми странами региона и укреплять отношения с ними, несмотря на различия в подходах к сирийской ситуации. Основная тенденция состоит в том, что Китай становится одним из основных партнеров для всех действующих на Ближнем Востоке сил. Это содействует дальнейшему сближению интересов Китая и России на международной арене и усилению их практического взаимодействия.

Ключевые слова: Китай, Ближний Восток, Сирия, Россия, Запад, США, вмешательство.

* Антипов Константин Валентинович, с.н.с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

Активное участие китайской дипломатии в преодолении сирийского кризиса стало важным этапом общего усиления роли КНР на Ближнем Востоке. Нынешняя политика Пекина направлена на стабилизацию положения в регионе. Она опирается на качественно возросшие экономические возможности, обладает наступательным потенциалом и способствует выдвигению КНР в центр событий, определяющих дальнейшее политическое развитие ближневосточного процесса. В ходе сирийских событий происходит изменения статуса Китая: из категории крупных участников он перемещается на положение одного из лидеров урегулирования в Сирии. Этому способствуют уникальные возможности, приобретенные Китаем в предшествующий период в результате быстрого подъема китайско-сирийского сотрудничества в политической, торгово-экономической и военной областях.

В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть два аспекта исследуемого вопроса:

- 1) динамику двусторонних китайско-сирийских отношений и некоторые особенности их развития в условиях сирийского кризиса;
- 2) специфику антикризисной дипломатии КНР в Ближневосточном регионе.

Среди ближневосточных партнеров КНР Сирия (Сирийская Арабская Республика, САР) занимает особое место. Сотрудничество с этой страной стало незаменимым «подспорьем» для решения широкого комплекса стратегических задач, стоящих перед Китаем в указанном регионе. В конце 1980-х годов и далее — по мере сокращения участия России в сирийских и ближневосточных делах — Китай предпринял ряд шагов с тем, чтобы повысить уровень своих политических отношений с САР. Наряду с активизацией политических связей, Пекин поэтапно развернул торгово-экономическое сотрудничество, произвел ряд важных военных поставок, в том числе относящихся к технологии создания баллистических ракет ближнего и среднего радиуса действия. Однако эти поставки противоречили международному режиму нераспространения ракетных технологий и были прекращены по настоянию США.

Для периода начала 1990-х годов примечательным фактом стала поставка Сирии китайского нейтронного ядерного устройства и обогащенного урана для исследовательских целей (в 1992 г.), имевшая немалое политическое значение и осуществленная с соблюдением установленных МАГАТЭ процедур¹. Однако тогда подобные шаги Китая не привели к заметному усилению китайско-сирийских политических связей. Сдерживающее влияние на китайско-сирийское сотрудничество оказывали такие факторы, как противодействие США попыткам КНР занять место главного военного партнера Сирии, неспособность Пекина обеспечивать устойчивые военные поставки Сирии, сравнительно невысокое качество китайской военной продукции и т. п. В политическом плане усилия китайской дипломатии нередко воспринимались в Сирии как попытки использовать международную конъюнктуру в интересах Пекина, укрепить положение КНР на сирийском рынке гражданского оборудования и военно-технических поставок и т. д.

Однако за последние 20 лет отношения двух стран прошли существенную эволюцию и в целом адаптировались к изменениям как в самом регионе, так и глобальной ситуации в целом. Важным результатом этого стало превращение Китая в главного торгово-экономического партнера Сирии. Имеется достаточно оснований утверждать, что теперь он занимает аналогичное положение и в сфере двусторонних политических отношений.

Важной вехой на пути китайско-сирийского сближения китайские специалисты считают приход Башара Асада на пост президента Сирии в июне 2000 г. после кончины его отца — Хафеза Асада. По словам тогдашнего посла КНР в Сирии Лю Хуасиня, «после прихода к власти Башар Асад стал уделять серьезное внимание укреплению отношений с Китаем»². Последовавшие шаги обеих сторон, прежде всего — визит вице-президента КНР Ху Цзиньтао в Сирию в январе 2001 г. и ответный визит президента Асада в Китай в 2004 г., по оценке китайских аналитиков, «подняли планку китайско-сирийских отношений». Начиная с этого времени развитие китайско-сирийских отношений происходит стремительно, носит «взрывной характер». Важными элементами политического сотрудничества Китая и

Сирии стала взаимная поддержка в области прав человека, обеспечения суверенитета и территориальной целостности обеих сторон, а также — требований Сирии к Израилю по возвращению Голанских высот. КНР высоко ценит поддержку Сирией политики «одного Китая».

Руководители обеих стран неоднократно подтверждали стремление укреплять всестороннее сотрудничество и оказывать взаимную помощь. Так, член Постоянного комитета Политбюро ЦК ЦПК Ли Чанчунь, посетивший Сирию с официальным визитом в апреле 2008 г., заявил, что «КПК, правительство и народ Китая непоколебимо поддерживают справедливые усилия Сирии по защите национального суверенитета и территориальной целостности»³. Данную позицию неизменно подтверждают все представители высшего китайского руководства, достаточно регулярно посещающие Сирию с официальными визитами.

Характерно, что многие наиболее важные события в китайско-сирийских отношениях, например, визит президента Б.Асада в Китай в июне 2004 г., проходили на фоне усиления американского нажима на Сирию, введения против нее экономических санкций, ограничений на полеты самолетов над Сирией и т. п. Активизация китайско-сирийских связей в этот период осуществлялась в условиях американского вторжения в Ирак. Совместное противодействие американской политике доминирования в регионе утвердилось в качестве важного элемента китайско-сирийского партнерства. Особое значение для сотрудничества двух стран приобрело неоднократное блокирование Китаем в СБ ООН попыток США оказать давление на Сирию, осуждать и расследовать ее деятельность в Ливане, выдвигать к ней требования отказаться от сотрудничества с Ираном, предъявлять обвинения в поддержке ею международного терроризма и т. п.

Заявление президента Асада накануне его официального визита в Пекин о том, что посещение Китая «должно стать толчком для сирийских реформ, поскольку Китай является примером для подражания», ознаменовало собой качественный сдвиг в китайско-сирийских отношениях⁴. О значимости этого высказывания необходимо судить через призму того, что после окон-

чания «холодной войны» и распада СССР в заинтересованных общественных кругах Сирии в течение ряда лет шли дебаты о выборе пути дальнейшего развития, и Башар Асад был участником этих обсуждений, еще не являясь президентом Сирии. Выбор сирийцами китайской социально-экономической модели является не случайным, он учитывает многолетний опыт сотрудничества с Советским Союзом и позволяет сирийскому руководству осуществлять дальнейшее развитие страны, исходя из факта широкого совпадения идеологических установок сирийской партии БААС (ПАСВ) и КПК. Практическое освоение китайского опыта общественного развития и управления экономикой осуществляется сирийскими учреждениями через задействование механизмов межпартийного сотрудничества КПК и ПАСВ. КНР ежегодно посещают две официальные делегации ПАСВ, большое число межпартийных встреч происходит в рабочем порядке⁵. Стремление Сирии осуществить реформы, опираясь на китайский опыт партийно-государственного строительства, свидетельствует о том, что сирийское и китайское руководство связывают долгосрочные интересы, а современные китайско-сирийские отношения приобрели определенную глубину. Они основываются на концепции соразвития, являющаяся одной из основных внешнеполитических установок КНР в отношениях с развивающимися странами. Как заявил президент Асад, «постоянное укрепление дружественного сотрудничества с Китаем является стратегическим выбором Сирии»⁶.

Несмотря на то, что китайско-сирийское сотрудничество в области реформ еще не привело к ощутимому, качественному улучшению социально-экономического положения в САР, очевидно, что оно содействует сближению двух стран и создает условия для реализации совместных проектов, несущих стратегический потенциал.

За последние годы китайско-сирийское сотрудничество показало устойчивые темпы роста во многих областях, среди которых: энергетика, транспорт, информационные технологии, телекоммуникации, торговля, культурные связи и др. Объем двусторонней торговли в 2011 г. достиг 3 млрд долл., увеличившись по сравнению с 2002 г. почти в 10 раз. Рост торговли обеспечи-

вается, главным образом, китайскими поставками. Сирийский внутренний рынок заполнен китайскими товарами, которые стали важной частью потребительской корзины сирийского населения. В Сирии действует большое количество частных китайских фирм, которые наряду с проведением коммерческих операций участвуют в развитии торговой инфраструктуры.

Прочное положение на сирийском рынке занимают и государственные корпорации Китая. Китайская Национальная нефтяная корпорация получила права на разработку нефтяных и газовых месторождений Ал-Фурат (долина Евфрата). По некоторым данным, ее программа предусматривает осуществлении инвестиций в объеме до 400 млн долл. на создание ряда совместных предприятий для освоения этих месторождений. Китайская нефтехимическая корпорация (Sinorec) в 2007 г. вложила 2 млрд долл. в приобретение действующей в Сирии канадской нефтедобывающей компании Tanganyika Oil Co., Ltd. В 2007 г. сторонами достигнуто соглашение о строительстве нефтеперегонного предприятия с общим объемом инвестиций около 1 млрд долл. в районе Аль-Касаб (Дейр-эз-Зор) вблизи сирийско-иракской границы. Планируется строительство трубопровода, который соединит это предприятие с портом Баниас на средиземноморском побережье Сирии. Крупные контракты реализуют китайские компании ZTE и «Хуавэй».

Особое внимание западных наблюдателей привлекает тот факт, что сторонами ведется разработка проектов создания совместных китайско-сирийских банков. Осуществление этих проектов позволило бы, в частности, значительно снизить эффективность международных экономических санкций в отношении Сирии и ее партнеров. Планируется также создание китайско-сирийских университетов, учебных и исследовательских центров. Реализация этих планов расширит возможности китайских специалистов непосредственно участвовать в разработке сирийских технологий, в том числе военного назначения⁷.

Сотрудничество с Сирией приобрело ключевое значение для деятельности КНР в масштабах всего Арабского Востока, где политика Дамаска традиционно имела существенный вес, несмотря на периодические колебания международной конъюнк-

туры. Как отметил член Постоянного комитета Политбюро ЦК ЦПК У Гуаньчжэн, подчеркивая особое значение китайско-сирийских связей, отношения двух государств стали «моделью солидарности и двустороннего сотрудничества развивающихся стран». При этом он заявил, что, наряду с высоким уровнем политических и экономических обменов, Сирия и Китай «оказывают друг другу взаимную помощь на международной арене»⁸. По свидетельству заместителя министра иностранных дел Сирии А. Арнуса, «на всех международных форумах между двумя странами осуществляется координация высокого уровня по различным международным и региональным вопросам»⁹. Как отмечал посол Ли Хуасинь, говоря о созданном Пекином в 2004 г. при поддержке ЛАГ Китайско-арабском форуме как о важнейшем институте современных отношений и сотрудничества КНР с арабским миром, Сирия «сыграла важную роль в содействии китайско-арабскому партнерству нового типа»¹⁰. По мнению китайских и арабских специалистов, взаимодействие с Сирией, традиционно являющейся «сердцем арабизма» и сохраняющей значение наиболее развитого центра арабского мира, необходимо Китаю для продвижения отношений со всеми основными участниками ближневосточного процесса. На данном этапе именно Сирия предоставляет Китаю наибольшие возможности для реализации комплекса его стратегических интересов в регионе. Оценивая современную роль Сирии, китайские эксперты делают вывод, что «в решении вопросов, касающихся Ирана, Ирака, Саудовской Аравии, Палестины, Израиля, Турции и Ливана, Сирия является незаменимым, ключевым участником»¹¹.

Прочность отношений Китая с САР повышает эффективность участия КНР в процессе урегулирования арабо-израильского конфликта, сохраняющего свое глобальное значение. Китайские официальные лица, прежде всего специальный представитель правительства КНР на Ближнем Востоке У Сыкэ, регулярно посещают Дамаск для проведения рабочих встреч с сирийскими руководителями по вопросам ближневосточного урегулирования. Центральной темой этих встреч остается возвращение Сирии Голанских высот и возможность нормализации сирийско-израильских отношений на этой основе¹². Соот-

ветствующая активность китайской дипломатии пользуется поддержкой со стороны как Сирии, так и Израиля. Она продолжается и в условиях текущего сирийского кризиса и ныне, видимо, является частью усилий КНР по его мирному урегулированию. Опора на сотрудничество с САР создает предпосылки для формирования Китаем его стратегических позиций в Восточном Средиземноморье, повышает авторитет КНР в отношениях с Турцией и Ираном, позволяет планировать внедрение новых подходов к работе с европейским рынком и т. д. Выдвижение в экономической стратегии Китая на первый план (вслед за товарно-производственным фактором) глобальной транспортно-логистической деятельности делает Сирию уникальным партнером КНР в реализации концепции Нового Шелкового пути, открывающего возможность уже в обозримом будущем существенно усилить влияние Китая на развитие экономик ряда европейских стран, государств Западной Азии и Северной Африки. Несмотря на спад экономической активности в условиях боевых действий в Сирии, общая стратегическая значимость отношений с Сирией для Китая сохраняется, а, возможно, и возрастает на фоне роста интереса к Сирии со стороны великих держав и стран Ближневосточного региона. Как показывает анализ вышеприведенных факторов, долгосрочная политика КНР в отношении Сирии имеет глубокие корни, определяется жизненными интересами Китая и направлена на дальнейшее наращивание китайско-сирийских связей во многих областях.

Ввиду этого, Китай, очевидно, преследует на сирийском направлении три основные цели: воспрепятствовать попыткам иностранного военного вмешательства в развитие внутривосточного процесса в САР, не допустить гражданской войны в Сирии и, по возможности, сохранить нынешний политический режим в САР (или один из его вариантов, который мог бы быть сформирован сирийцами без прямого участия Запада). Примечательно, что в международных кругах не прекращается обсуждение возможности отхода КНР от ее нынешней позиции по Сирии и выработки общего с Западом отношения к проблеме разрешения сирийского кризиса. В выступлениях некоторых западных авторов сквозит недоумение по поводу готовности Пе-

кина пойти на риск осложнения отношений с Западом и большинством арабских государств по сирийскому вопросу. Подобные мнения и прогнозы, обещающие изменения в позиции КНР (и России), высказываются в ряде авторитетных публикаций, например, в комментариях фонда Карнеги¹³.

После встреч с китайскими представителями ответственные политические деятели (такие, как руководитель Лиги арабских государств Набиль Аль-Араби, премьер-министр Турции Р. Эрдоган и др.) неоднократно подчеркивали, что Китай изменит свою позицию и перестанет препятствовать «международным усилиям» по устранению режима Асада. Уверенность в том, что под давлением «международного общественного мнения» Китай и Россия не смогут сохранить поддержку Сирии, выразила накануне встречи так называемых друзей Сирии (в Тунисе) госсекретарь США Х.Клинтон¹⁴. Не исключено, что по тактическим соображениям китайская сторона в ходе консультаций с иностранными партнерами дает определенные поводы для подобных прогнозов, например, в ходе обсуждения вариантов развития политического процесса в САР или в результате встреч с представителями прозападной сирийской оппозиции и т. п. В связи с этим представляется целесообразным проанализировать некоторые факторы, влияющие на формирование интересов Китая, и на основании этого анализа рассмотреть перспективы возможной эволюции сирийской политики КНР и «глубину» вероятных уступок китайской дипломатии давлению со стороны Запада.

Продолжая поддерживать сирийское руководство, Китай, по-видимому, не исключает возможности смены в ходе реформ тех или иных фигур в сирийском руководстве, исчерпавших свой политический ресурс. Судя по широко известным высказываниям премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао о необходимости удовлетворения демократических стремлений сирийского народа, руководители КНР достаточно объективно оценивают социальную обстановку в Сирии. Китайские эксперты хорошо осознают давно назревшую необходимость перемен и, в частности, повышения эффективности сирийской политической системы путем ее реформирования во имя интересов развития страны и с учетом требований демократической общественно-

сти. В отличие от большинства арабских стран, в Сирии такая социальная категория существует в относительно развитом виде, в целом она конструктивно настроена, ориентируется как на общедемократические, так и на традиционные национальные ценности. Прогрессивные настроения охватывают достаточно широкие слои населения, сирийская общественность располагает немалым потенциалом конструктивного реформаторства и в состоянии выступить в качестве одной из движущих сил ожидаемых перемен. При этом распространенные в Сирии политические воззрения достаточно близки к китайским общественным установкам. Демонстрируемая Китаем поддержка сирийских реформ либерального толка не противоречит общему курсу на развитие китайско-сирийского сотрудничества и, возможно, будет содействовать его дальнейшему укреплению.

Можно предположить, что китайцы предпочли бы видеть развитие сирийских реформ в русле достаточно укоренившегося в САР «арабского социализма», имеющего широкую социальную базу и солидный политический фундамент. Как представляется, одним из факторов, определяющих китайскую позицию по данному вопросу, является установка на то, что сирийский политический уклад в целом жизнеспособен. Он имеет необходимый потенциал для конструктивной трансформации на собственной основе и может быть реформирован без коренной ломки общественных устоев и сопутствующих этому социально-политических потрясений, способных нанести ущерб интересам КНР. Кроме того, нынешняя дестабилизация в Сирии не исключает возможности повышения в дальнейшем роли общественных сил, способных содействовать более эффективному сотрудничеству с Китаем. По-видимому, именно в этом смысле могут быть истолкованы заявления китайских официальных представителей о том, что Китай не намерен отстаивать позиции нынешнего сирийского режима или лично Б.Асада и готов уважать самостоятельный политический выбор сирийского народа.

Оценивая тактику китайской дипломатии в этом вопросе, можно отметить, что, несмотря на сложности нынешнего положения в Сирии, она строится с учетом традиций тесного китайско-сирийского сотрудничества и необходимости сохранения

близости с действующим режимом, поддерживающими его силами и доверия к ним. Это может иметь значение и для формирования отношений с возможными преемниками нынешних сирийских руководителей. Обращает на себя внимание, что на всех этапах развития сирийского кризиса китайская сторона не допускает каких-либо публичных высказываний своих официальных представителей, которые демонстрировали бы недовольство Пекина или его несогласие с действиями сирийских властей, а также намерение навязывать сирийцам те или иные решения. При этом косвенные признаки такого недовольства в последнее время можно встретить в выступлениях министра иностранных дел Ян Цзэчи и в официальной китайской прессе. Среди них можно назвать периодическое акцентирование роли правительства САР в преодолении кризиса, сообщения о вызове посла Сирии в МИД КНР для передачи ему соответствующих требований китайской стороны, призывы к Дамаску проявлять гибкость, «выполнять обязательства» по прекращению огня и отводу войск, поддерживать посредническую миссию К.Аннана и т. д.¹⁵

Антикризисная дипломатия КНР

На международной арене антикризисная политика КНР сосредоточена прежде всего на обеспечении невмешательства иностранных государств в сирийские дела. По мере роста напряженности вокруг Сирии в 2011—2012 гг. эта задача вышла на уровень приоритета международной политики Китая в регионе, а активное противодействие иностранному вмешательству в Сирии, по мнению ряда западных экспертов, стало «крупнейшей геополитической акцией Китая за последнее десятилетие»¹⁶. Хотя речь здесь идет об активности китайской стороны в Ближневосточном регионе, однако она затрагивает и глобальные интересы Китая, особенно его отношения с США.

В первую очередь, стремление обеспечить невмешательство в сирийские дела диктуется интересами Китая в области собственной безопасности. Ныне на выбор Пекином конкретного курса оказывает непосредственное воздействие опыт, получен-

ный в результате вооруженного вмешательства НАТО в ливийские события 2011 г. Дублирование в Сирии политической «модели», сформированной Западом в результате косовских и ливийских событий, с точки зрения китайских специалистов, могло бы дать новый импульс практике силового вмешательства в дела независимых государств. Так, говоря о стремлении Запада использовать механизмы ООН для поддержки сирийской вооруженной оппозиции, сотрудник Института стратегических исследований Центральной партийной школы при ЦК КПК Гао Цзугуй подчеркнул, что согласие с предложениями о вмешательстве арабских государств в урегулирование внутривосточного конфликта в Сирии «стало бы предвестием вторжения Запада», наподобие ливийской операции НАТО 2011 г.¹⁷ Активное участие США и их союзников в радикализации сирийской ситуации вслед за свержением в Ливии режима М. Каддафи стимулировало стремление китайского руководства воспрепятствовать повторению в Сирии сценариев, запрограммировавших войну в Ливии.

Другим важнейшим фактором, влияющим на позицию КНР, является продолжение попыток зарубежных сил инспирировать антиправительственные выступления в Китае, наподобие «жасминовой революции» в арабских странах¹⁸. Зарубежными источниками в информационном киберпространстве по-прежнему осуществляется интенсивный «жасминовый нажим» на политические устои Китая. В последнее время эти попытки приобрели организованный и систематизированный характер¹⁹. В китайских политических кругах они воспринимаются как прямой результат американского курса на использование событий в арабском мире в целях усиления воздействия США на положение в КНР.

Китайские власти также усилили внимание к деятельности уйгурских сепаратистов, исламских радикальных группировок и террористических организаций, особенно использующих зарубежные связи. Вопрос о недопущении международной поддержки подрывной деятельности уйгурских националистов занял важное место в переговорах руководителей Китая и Турции в ходе обмена визитами между вице-президентом КНР Си Цзинь-

пином и премьер-министром Турции Р. Эрдоганом. Китайская сторона уделила этой теме особое внимание, понимая, что серьезные расхождения между КНР и Турцией по сирийскому вопросу могут стимулировать деятельность антикитайских элементов как в самой Турции, так и на территории КНР. Си Цзиньпин подчеркнул, что «вопрос “Восточного Туркестана” касается как национальной безопасности и социальной стабильности Китая, так и других его ключевых интересов». В свою очередь Р. Эрдоган заявил, что правительство Турции не оказывает поддержки сепаратистской деятельности в Китае, но «привержено политике “одного Китая” и уважает независимость, суверенитет и территориальную целостность этой страны»²⁰.

Разъясняя стратегию КНР по ближневосточному кризису, определившуюся уже на его начальном этапе весной 2011 г., министр иностранных дел Китая Ян Цзэчи заявил, что «у Китая есть три позиции. Во-первых, Китай придерживается принципа невмешательства во внутренние дела; во-вторых, выступает против применения вооруженных сил; в-третьих, призывает международное сообщество поддерживать усилия стран региона для возобновления политической стабильности»²¹. Важно отметить, что ныне, в контексте сирийского кризиса, Пекину удается более последовательно отстаивать принцип невмешательства, чем в условиях ливийской войны, когда Китай под давлением чрезвычайных обстоятельств был вынужден пойти на определенный компромисс с противниками принципа невмешательства и поддержал в СБ ООН инициированные Западом санкции против режима Каддафи. В сирийском вопросе, по словам руководителя департамента стран Западной Азии и Северной Африки МИД КНР Чэнь Сяодуна, Китай отстаивает принципы Устава ООН, защищает фундаментальные нормы международных отношений, стремится обеспечить суверенитет, независимость и территориальную целостность Сирии. Дипломат подчеркнул, что «сутью внешней политики мирного развития Китая» является защита этих принципов, а также «противодействие применению или угрозе применения вооруженных сил и насильственному свержению власти»²². Из этого видно, что одна из важнейших причин приверженности Китая принципу невмешательства

заключается в том, чтобы обеспечить реализацию внешнеполитических устремлений КНР в сфере безопасности наряду с полным соблюдением ее внутривосточных и внутриазиатских интересов.

Высказывания Чэнь Сяодуна свидетельствуют об устойчивости позиции Пекина в стремлении оградить Сирию от иностранного вмешательства. Интересы Китая в Сирии и обеспечение внутренней стабильности КНР рассматриваются в Пекине как двуединая задача, связанная с коренными интересами безопасности и мирного развития собственно Китая. В то же время, учитывая положение Сирии в регионе, характер ее противоречий с Западом и достигнутый уровень развития китайско-сирийских отношений, преодоление сирийского кризиса, создание вместо «ливийской модели» «модели сирийской» имеет большое значение для укрепления позиций КНР на Ближнем Востоке в целом, а также для интересов реализации глобальной политики Китая и развития его отношений с США. Отступление от принципа невмешательства в нынешних условиях могло бы нанести существенный ущерб позициям КНР.

Однако основное противоречие текущей ситуации заключается в том, что последовательная реализация принципов невмешательства и упорное противодействие попыткам силового устранения политического режима в Сирии объективно поставили политику КНР устремлениям большинства ее арабских партнеров, которые демонстрируют враждебность Дамаску и готовы оказать вооруженную поддержку силам сирийской оппозиции. Тесное китайско-сирийское сотрудничество сейчас создает угрозу ухудшения отношений КНР с наиболее влиятельными арабскими государствами. Судя по китайским публикациям, до осени 2011 г. такое развитие событий многими китайскими специалистами еще не прогнозировалось. Наоборот, высказывались мнения, что в отличие от Ливии Сирия в условиях «арабской весны» сможет сохранить хорошие отношения с соседями и не окажется перед лицом международной арабской оппозиции. Как утверждал, например, авторитетный эксперт Хуан Пэйчжао, государства региона — «Израиль, Иран, Саудовская Аравия и др., вне зависимости от того, являются ли

они друзьями или врагами Сирии, не желают, чтобы это страна стала второй Ливией; более того, никто не хочет смены политического режима Башара»²³. Подобную точку зрения можно было встретить в различных китайских публикациях, и она, по-видимому, была распространена на уровне как государственного, так и в партийного аппаратов КНР.

Надо отдать должное китайской дипломатии: столкнувшись в дальнейшем с радикальными изменениями обстановки вокруг Сирии, КНР сумела значительно активизировать и расширить дипломатическую поддержку Дамаска в его отношениях с государствами Ближнего Востока. Об этом свидетельствует, в частности, то, что сирийский вопрос включается в повестку практически всех крупных переговоров китайских представителей с арабскими лидерами. Наряду с этим, китайская сторона предпринимает активные шаги, чтобы обеспечить баланс своей ближневосточной политики в целом: прежде всего — не допустить серьезных осложнений в собственных отношениях со странами региона, особенно с ведущими поставщиками нефти, но при этом сохранить курс на мирное разрешение сирийского кризиса. Китай также стремится к стабилизации двусторонних отношений со странами, подвергшимися радикальным переменам в результате ударов «арабской весны», и пытается содействовать нормализации обстановки в регионе в целом. В рамках этой политики Пекин решает как текущие задачи по разрешению сирийского кризиса, так и продвигает свои долгосрочные интересы.

В последнее время Пекин развернул на Ближнем Востоке необычное по своим масштабам и активности дипломатическое наступление. В числе мер, предпринятых китайской дипломатией, обращает на себя внимание назначение специальными представителями (наряду с постоянным представителем правительства КНР на Ближнем Востоке У Сыкэ) еще нескольких высокопоставленных дипломатов для работы в условиях кризиса. В числе спецпредставителей правительства и МИД КНР действуют заместитель министра иностранных дел КНР Чжай Цзюнь, помощник министра иностранных дел КНР Чжан Мин, бывший посол Китая в Сирии Ли Хуасинь²⁴. Как показывает анализ

деятельности китайских представителей, их основная задача состоит в том, чтобы в рамках антикризисных мероприятий Китая активизировать контакты высокого уровня со странами региона, а также консолидировать имеющиеся возможности по стабилизации обстановки в Сирии. По имеющимся откликам, в арабских официальных кругах деятельность китайских дипломатов оценивается в целом высоко. Их регулярные визиты в страны региона для проведения консультаций и переговоров по наиболее острым вопросам текущей ситуации в Сирии позволяют Пекину оперативно реагировать на возникающие проблемы, активно решать посреднические задачи и обеспечивать необходимые коммуникации с арабскими партнерами, поддерживать динамику отношений, атмосферу доверия и стимулировать взаимный интерес. Прием специальных представителей КНР осуществляется на уровне глав правительств и министров иностранных дел посещаемых государств. Их миссия, как правило, вызывает большой интерес и сопровождается заявлениями о желании продолжать такие встречи. Характерный пример подобных контактов — один из визитов в Саудовскую Аравию У Сыкэ, состоявшийся на этапе резкого обострения обстановки в Сирии. Как заявил китайский дипломат, в КНР надеются, что «заинтересованные стороны» за рубежом совместными усилиями смогут склонить «все действующие стороны в Сирии отказаться от насилия, как можно скорее развернуть инклюзивный политический процесс и рационально разрешат проблемы путем проведения диалога и консультаций». В ответ министр иностранных дел Саудовской Аравии Сауд аль-Фейсал Аль Сауд выразил «восхищение положительной ролью китайской стороны в делах региона и заявил, что Саудовская Аравия намерена продолжать контакты и консультации с китайской стороной»²⁵.

Видное место в общей системе дипломатических усилий КНР занимает налаживание сотрудничества с силами, выдвинувшимися в ходе «арабской весны» и пришедшими к власти в Египте, Тунисе и Ливии. Визит министра иностранных дел Египта М. Амра в Китай и его переговоры с Си Цзиньпином и Ян Цзэчи в марте 2012 г., подписание новых соглашений по экономическому сотрудничеству с Тунисом в феврале, постоянные

обращения ливийского правительства к Китаю с просьбами о скорейшем возвращении в Ливию китайских компаний, активные рабочие поездки китайских представителей в эти страны — все это демонстрирует системный подход Пекина к делу восстановления позиций Китая в Северной Африке, а также возможность дальнейшего повышения уровня сотрудничества. По ряду признаков, политические изменения в этих странах не привели к осложнениям отношений с КНР. Новые власти показывают, что они высоко оценивают материальную помощь, оказываемую им со стороны Китая, а также стремятся продолжить традиционные контакты своих государств с КНР. Они «с пониманием» относятся к поддержке Китаем прежних руководителей этих стран. Таким образом создаются условия для возобновления их экономического сотрудничества с КНР, а также для успешного продвижения Пекином его курса в контексте сирийской ситуации.

В русле этой политики ряд мероприятий проведен с личным участием высших китайских руководителей. Важную роль в формировании сбалансированных отношений с арабскими партнерами на новом этапе сыграли состоявшиеся в январе 2012 г. визиты премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в Саудовскую Аравию, Катар и Объединенные Арабские Эмираты. Основные итоги визитов, как ожидается, позволят Пекину форсировать создание зоны свободной торговли с государствами Персидского залива, которая может содействовать дальнейшему масштабному увеличению их сотрудничества с Китаем. Стоит отметить, что одна из главных причин значительного прогресса отношений КНР с ключевыми государствами арабского мира в условиях конфликтной ситуации вокруг Сирии заключается в том, что в предшествующий период Китай сумел существенно укрепить свое положение на Ближнем Востоке за счет быстрого расширения торгово-экономического сотрудничества и создал серьезный задел для дальнейшего продвижения в этой сфере. Используя инструменты энергетического сотрудничества, Пекин интегрирует наработки своей ближневосточной политики в систему собственного социально-экономического развития, а также реализует концепцию соразвития в отношениях с рядом стран. Прогрессу в области развития отношений содействует то,

что Китай стал основным мировым потребителем арабской нефти. В настоящее время свыше 50 % импортируемой нефти Китай ввозит с Ближнего Востока. С 2009 г. он стал главным покупателем саудовской нефти, опередив Соединенные Штаты. По итогам 2011 г., в условиях небывалых политических потрясений «арабской весны», торговый оборот Китая со странами региона увеличился на 34 % и превысил 200 млрд долл. Заняв ведущие позиции в качестве торгового партнера большинства арабских государств, Китай активно укрепляет свои позиции и в сфере взаимных инвестиций. Экономический фактор в отношениях КНР с государствами региона приобрел особую значимость и позволяет оказывать политическое влияние на дипломатические предпочтения последних.

Нельзя недооценивать и значение политического фактора, в немалой степени определяющегося стремлением арабских стран, в том числе традиционных союзников США, модернизировать свою внешнюю и внутреннюю политику: повысить самостоятельность в международных делах и решении внутривнутриполитических проблем. Важную позитивную роль для Китая в его дальнейшем сближении с арабскими государствами играет быстро развивающаяся в арабском мире тенденция к «развороту на Восток» — к стремительно растущим рынкам Азиатско-Тихоокеанского региона. Этим стремлениям полностью отвечают выдвинутые в Саудовской Аравии премьером Вэнь Цзябао предложения «укреплять взаимное политическое доверие и углублять стратегическое сотрудничество». Вэнь Цзябао, фактически в противовес американской политике, поддержал избранную монархиями Персидского залива стратегию повышения уровня жизни и осуществления широких социально-ориентированных программ в их странах, тогда как США требуют от правящих арабских элит проведения в этих государствах форсированных политических реформ, призванных заменить традиционные режимы избранными «демократиями». Как заявил китайский премьер, обращаясь к лидерам арабских государств, «мы поддерживаем самостоятельный выбор странами региона пути своего развития, отвечающего их национальным условиям». Он также подтвердил готовность Китая усилить деятельность на Ближнем Востоке,

«вместе с арабскими странами играть конструктивную роль в региональных и международных делах и строить более справедливый и равноправный международный политический и экономический порядок»²⁶. Хотя нет оснований говорить о том, что усилия китайской дипломатии уже теперь оказывают радикальное влияние на позицию арабских государств в отношении сирийского режима, тем не менее, очевидно, что они содействуют выравниванию отношений Китая со странами региона и создают условия для поэтапного снижения напряженности в сирийском вопросе. Надо полагать, что на этом фоне будущие политические инициативы Китая в арабском мире могут иметь достаточный успех. Об этом свидетельствует, например, положительный отклик в ближневосточных кругах на выдвинутую Китаем 4 марта 2012 г. крупную инициативу по сирийскому вопросу — так называемое предложение из 6 пунктов, построенное на требованиях о прекращении боевых действий всеми сторонами конфликта в увязке с предложениями поддержать миротворческую миссию К. Аннана²⁷. Последовавшее 10 марта предложение российской стороны содержало сходные положения и было успешно использовано для выработки согласованной позиции России и Лиги арабских государств²⁸. По оценке международных экспертов, как китайские, так и российские предложения в главном разделяли арабскую инициативу по организации миссии К. Аннана и были положительно восприняты в политических кругах региона.

Особую роль в формировании сбалансированной ближневосточной политики Китая сыграли мероприятия, проведенные по случаю 20-й годовщины установления китайско-израильских дипломатических отношений и состоявшийся в марте 2012 г. визит в КНР заместителя премьер-министра, министра иностранных дел Израиля А.Либермана. Выступая на приеме в посольстве КНР в Тель-Авиве, премьер-министр Б.Нетаньяху высоко оценил сотрудничество с КНР и заявил о «драматическом расширении китайско-израильских связей в предстоящие годы»²⁹. Поддержку израильских руководителей получили усилия Китая по стабилизации обстановки на Ближнем Востоке и укреплению международной безопасности. Так, по словам заместителя премьер-министра Израиля Д. Меридора, «Израиль

приветствует политику КНР по иранской ядерной проблеме и по мирному урегулированию израильско-палестинских отношений»³⁰. Большое значение китайско-израильского сотрудничества для поддержания мира и стабильности в регионе подчеркивается и в заявлениях китайских руководителей. По оценкам некоторых западных и китайских специалистов, можно говорить о том, что в израильских политических кругах в целом с пониманием относятся к политике КНР по сирийскому вопросу и особенно приветствуют стремление Китая не допустить разгула радикализма и терроризма в регионе.

* * *

Анализ политики КНР на Ближнем Востоке позволяет сделать вывод, что после падения режима Каддафи в Ливии Пекину удалось сбалансировать свою антикризисную стратегию, воспрепятствовать попыткам иностранного вмешательства в Сирии с использованием механизмов ООН и при этом не допустить ухудшения собственных отношений с государствами региона. Серьезные расхождения с ними по сирийской проблеме, тем не менее, сохраняются. При анализе причин, позволяющих Пекину в этих условиях наращивать взаимовыгодное сотрудничество со своими партнерами, необходимо учитывать растущее экономическое влияние Китая, а также заинтересованность государств региона в отказе от односторонней ориентации на США. При всей неоднозначности отношения арабов к проводимой Пекином политике невмешательства стороны сходятся в том, что вторжение Запада в Сирию было бы нежелательно с точки зрения долгосрочных общеарабских интересов. Кроме того, партнеры Китая положительно оценивают стабилизирующее воздействие китайской дипломатии на положение в арабском мире. Значение данного фактора выходит за пределы текущей ситуации и может играть особо важную роль на следующих этапах трансформации Ближнего Востока. Необходимо подчеркнуть, что сирийская ситуация раскрывает значительный потенциал, которым располагает Китай в Ближневосточном регионе.

Примечания

¹ International Atomic Energy Agency. Syrian Arab Republic and China. Agreement concerning the transfer of a miniature neutron source reactor and enriched uranium (with annexes and table). Signed at Vienna on 28 February 1992. Registered by the International Atomic Energy Agency on 12 August 1992. № 29081.

² Эксклюзив: Китайско-арабский форум по сотрудничеству играет активную роль в развитии китайско-арабских отношений — посол Китая в Сирии Ли Хуасинь. Синьхуа. 12.05.2010. URL: http://www.ru-and-cn.ru/politic_news.html?id=3435.

³ Senior CPC official meets Syrian president on bilateral ties // Xinhua. 04.04.2008. URL: <http://au.china-embassy.org/eng/xw/t421273.htm>.

⁴ Исторический визит президента Сирии в Китай. «Ислам для всех!». 22.06.2004. URL: <http://islam.com.ua/news/1022/>.

⁵ Liu Yue-hua. Sino-Syrian friendship not «empty words»: Chinese ambassador // Xinhua. 27.09.2009. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2009-09/27/content_12118512.htm.

⁶ Senior CPC official meets Syrian president on bilateral ties. 04.04.2008. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2008-04/04/content_7916177.htm.

⁷ Joyn W. Ballard. Globalization's Impact on Chinese War Machine. 15.03.2008. US National Security Agency. U.S. Army War College, Carlisle Barracks, PA 17013-5050. URL: <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?Location=U2&doc=GetTRDoc.pdf&AD=ADA479051>.

⁸ Syria, China Hail Bilateral Relations // Renmin ribao on-line. 03.10.2003. URL: <http://www.china.org.cn/english/international/78747.htm>.

⁹ By Fadi Hallawa. China-Arab co-op forum plays important role in boosting mutual ties: Syrian official. 05.11.2010. URL: <http://english.cntv.cn/20100511/101208.shtml>.

¹⁰ Эксклюзив: Китайско-арабский форум по сотрудничеству играет активную роль...

¹¹ Хуан Пэйчжао. Сюлия хуй чэнвэй ди эрге Либия ма? : [Станет ли Сирия второй Ливией] // Жэньминь жибао он-лайн. 11.05.2011. URL: <http://military.people.com.cn/GB/52936/14606688.html>.

¹² Syrian FM, China's special envoy to Mideast discuss peace issues // Renmin ribao on-line. 28.03.2011. URL: <http://english.people.com.cn/90001/90776/90883/7332436.html>.

¹³ Yezid Sayigh Q&A. China's Position on Syria. 08.02.2012. URL: <http://carnegieendowment.org/2012/02/08/china-s-position-on-syria/9iyu>.

¹⁴ Clinton suggests Syrian rebels will get arms // Khaleej Times. 24.02.2012. URL: http://gitm.kcorp.net/index.php?id=591520&news_type=Top&lang=en.

¹⁵ Chinese FM holds phone talks with Annan over Syria // Xinhua. 13.04.2012. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2012-04/13/c_131523375.htm; Китай в очередной раз призвал правительство Сирии к незамедлительному прекращению огня и выводу войск // Жэньминь жибао он-лайн, 12.04.2012. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7784263.html>.

¹⁶ By Lee Peter. Turkey: The odd man in // Asia Times on-line. 21.04.2012. URL: <http://www.atimes.com/atimes/China/ND21Ad02.html>.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Антюпов К. События на арабском Востоке и позиция Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 6. С. 3—17.

¹⁹ См., например, портал Чжунго молихуа гэмин : [Китайская жасминовая революция]. URL: <http://www.molihua.org/>.

²⁰ Зампредседателя КНР призывает Турцию предотвратить сепаратистскую деятельность террористических сил «Восточного Туркестана // Жэньминь жибао он-лайн. 23.02.2012. URL: http://russian.people.com.cn/31520/77373_37.html.

²¹ Интервью министра иностранных дел КНР Ян Цзэчи китайскому центральному телевидению. «Ян Цзэчи о сотрудничестве Китая и ССАГПЗ, китайско-арабских отношениях и ситуации в Западной Азии и Северной Африке» // Жэньминь жибао он-лайн. 04.05.2011. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7368942.html>.

²² Вайцзяобу сизь бэйфэйсы сычжан Чэнь Сяодун тань «Сюлия цзюйши, Чжунго юй сизь бэйфэй гоцзя гуаньси» // Синьхуа. 06.04.2012. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2012-04/06/c_122936977.htm.

²³ Хуан Пэйчжао. Указ. соч.

²⁴ Китай рассматривает возможность отправки посланников в заинтересованные страны в целях продвижения решения вопроса Сирии. МИД КНР // Жэньминь жибао он-лайн. 08.02.2012. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7722568.html>.

²⁵ Спецпредставитель КНР по Среднему Востоку провел встречу с главой МИД Саудовской Аравии // Жэньминь жибао он-лайн. 31.10.2011. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7630475.html>.

²⁶ Chinese premier puts forward three-point proposal on China-Arab relations // Xinhua. 18.01.2012. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2012-01/18/c_122603677.htm.

²⁷ МИД КНР последовательно изложил позицию китайской стороны по политическому урегулированию сирийского вопроса // Жэньминь жибао он-лайн. 04.03.2012. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7747176.html>.

²⁸ Россия и ЛАГ согласовали позицию из пяти пунктов по ситуации в Сирии, заявил Лавров // ИТАР-ТАСС. 10.03.2012. URL: <http://www.itar-tass.com/c1/362744.html>.

²⁹ Israel, China celebrates 20 years of diplomatic relations // Xinhua 25.01.2012. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2012-01/25/c_131375927.htm.

³⁰ Israel's deputy PM welcomes China's Middle East Policy // Xinhua. 24.01.2012. URL: http://news.xinhuanet.com/english/world/2012-01/24/c_131374568.htm.

*В.И. Балакин**

СТРАТЕГИЯ КИТАЯ В АРКТИКЕ И АНТАРКТИКЕ

Аннотация. В статье рассматривается целый ряд вопросов, связанных с проблемой международного освоения Арктики и Антарктики: от правового обеспечения соответствующей деятельности до перспектив возможного сотрудничества и рисков столкновения интересов стран — основных «игроков» на полярных территориях, к числу которых намерен присоединиться и Китай.

Ключевые слова: Китай, Арктика, Антарктика, правовой режим, сотрудничество, освоение ресурсов, стратегическое значение.

Внимание международного экспертного сообщества все более привлекает вступление Китая в борьбу за присутствие в Арктике и Антарктике. В опубликованном 1 марта 2010 г. докладе Стокгольмского международного института проблем мира подчеркивается, что «*КНР начинает освоение свободной ото льда Арктики, а также отдельных территорий в Антарктике*»¹. МИД Норвегии отмечает, что наряду с Африкой Арктика способна стать еще одной зоной, где Китай будет жестко преследовать свои геополитические интересы. Прежде всего, его основной целью, несомненно, станет получение гарантиро-

* Балакин Вячеслав Иванович, к.ю.н., в.н.с. Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН.

ванного доступа к залежам полезных ископаемых для растущей китайской экономики, а также развитие торгового мореплавания через арктические воды. Пекин заинтересован в задействовании в летний период транспортных арктических магистралей уже к 2013 г., и в связи с этим особое внимание КНР, бесспорно, привлекает Северный морской путь, пролегающий вдоль арктических берегов России².

Для начала необходимо рассмотреть международно-правовой аспект проблемы. С его позиций Арктика и Антарктика представляют собой пространства, наделенные особым правовым статусом³.

Арктика — это северная полярная область земного шара, которая охватывает весь Северный Ледовитый океан, примыкающие части Тихого и Атлантического океанов, а также окраины материков Евразии и Северной Америки в пределах Полярного круга (66°33' северной широты). В данной зоне расположены территории 6 приарктических государств: России, США, Канады, Дании, Норвегии и Исландии. Еще два государства — Швеция и Финляндия — имеют территории за Полярным кругом, но не обладают выходом к береговой линии Северного Ледовитого океана. В силу географического положения и исторических особенностей приарктические государства традиционно исходят из обоснованности их особых интересов и соответственно преимущественных прав в использовании арктических пространств. Эта позиция нашла отражение в так называемой секторальной теории, согласно которой каждое приарктическое государство пользуется особыми правами в своем полярном секторе, т. е. в треугольнике, основанием которого является побережье соответствующего государства, а сторонами — линии, проходящие по меридианам к Северному полюсу. Особо активно в пользу принципа «секторального деления» всегда выступала Канада, которая в ряде законодательных актов, в частности, в Законе о северных территориях 1925 г., жестко декларирует свой суверенитет на земли, острова и даже морские пространства к северу от канадского побережья.

Российская империя, а затем и СССР также принимали меры по защите своих законных интересов в Арктике. В ноте

царского МИД 1916 г., повторенной впоследствии Наркоматом иностранных дел СССР от 4 ноября 1924 г., было заявлено о включении в состав России, а впоследствии и СССР, всех земель, являющихся продолжением на север Сибирского континентального плоскогорья. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 15 апреля 1926 г. «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» было провозглашено право СССР на все земли и острова как открытые, так и могущие быть открытыми. Исключение было сделано лишь для восточных островов архипелага Шпицберген (ранее русский остров Грумант).

Хотя секторальная теория в той или иной степени получила отражение в официальной позиции Канады и советской международно-правовой доктрине, Исландия, Финляндия и Швеция не поддержали принцип секторального деления Арктики.

Правовой режим морских районов Арктики (в том числе и постоянно покрытых льдами) — внутренних морских вод, 12-мильной зоны территориальных вод, 200-мильной исключительной экономической зоны, континентального шельфа, открытого моря — ныне определяется нормами международного морского права. Однако этот режим имеет свои особенности, обусловленные, в частности, наличием в полярных морях национальных морских коммуникаций: российского Северного морского пути, норвежского судоходного пути Индерлее, канадского Северо-Западного прохода.

Северный морской путь (Севморпуть), протяженностью свыше 5,5 тыс. км от Карских Ворот до Бухты Провидения, пролегает вдоль арктического побережья Российской Федерации, частично пересекая районы, находящиеся под юрисдикцией России, а частично — открытое море (т. е. международные воды). С 1971 г. при Минморфлоте СССР (сегодня Минтранс РФ) действует Администрация Севморпути, в задачи которой входят: государственный надзор за эксплуатацией пути, а также за морскими судами, которые могут стать источником загрязнений, разработка правил судоходства, обеспечение лоцманской и ледокольной проводки. Указания Администрации по вопросам, входящим в ее компетенцию, — обязательны. Севморпуть для

России является кратчайшим маршрутом из Европы на Дальний Восток, в Тихий океан и представляет повышенный интерес для международного судоходства. В 1991 г. Севморпуть был открыт для прохода иностранных судов.

Доступ на Севморпуть регламентируется Правилами плавания по его трассам, введенными в действие 1 июля 1991 г. Согласно Правилам, суда любой принадлежности имеют право доступа к этой коммуникации на недискриминационной основе. Однако судовладелец или капитан судна, намеревающегося пройти по трассе, в установленном порядке должен направить в Администрацию уведомление и заявку на проводку. По результатам рассмотрения этих документов заявитель информируется о возможности проводки и других обстоятельствах, которые им должны быть учтены.

Особая заинтересованность приарктических стран в защите окружающей среды Севера привела к закреплению в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (ст. 234) положения о праве прибрежных государств принимать законы и правила (и осуществлять меры по их соблюдению) по предотвращению загрязнения судами морской среды в покрытых льдами районах в пределах исключительной экономической зоны, где особо суровые климатические условия и наличие льдов, покрывающих такие районы в течение большей части года, создают повышенную опасность для судоходства, а загрязнение морской среды может нанести существенный вред экологическому равновесию или необратимо нарушить его.

Восемь приарктических государств подписали Декларацию об охране окружающей среды Арктики, а также Стратегию экологической защиты региона, включающую охрану морской среды арктических морей.

В 1993 г. был учрежден Совет Баренцева/Евроарктического региона. А в 1994 г. подписана Декларация о создании Арктического совета. Весьма важным шагом в развитии судоходства в водах Арктики явилась разработка проекта Международного кодекса безопасности судов, осуществляющих плавание в полярных водах (так называемый Полярный кодекс). Одно из условий мореходства в полярных водах заключается в том, что указанные суда должны быть застрахованы (фирмой Ллойдс) или

иметь иное финансовое обеспечение в пределах сумм, установленных международными конвенциями, регулирующими вопросы материальной ответственности за ущерб от загрязнения морской среды.

Китайское руководство понимает, что использование Северного морского пути сулит огромные выгоды для КНР, экономика которой в значительной степени зависит от морской транспортировки грузов. Однако вышеназванные международные соглашения 8 приарктических государств делают пока малоперспективным участие КНР в арктических инициативах. Тем не менее, Китай готов идти на весьма существенные капиталовложения в целях обеспечения его присутствия в ключевых регионах земного шара. В 2012 г. Поднебесная проведет свою 5-ю арктическую экспедицию, направленную, прежде всего, на изучение возможности инвестиционной деятельности в данном регионе. Для этого Китай выражает готовность активизировать сотрудничество с Россией, а также Канадой и Исландией в сфере реализации совместных научных и инвестиционных проектов⁴.

Еще в 2009 г. на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей представитель Государственного океанографического управления КНР Лу Бинь отметил, что Китай с 1999 г. провел уже 4 арктические экспедиции и планирует завершить (к 2010 г.) строительство за Полярным кругом научно-исследовательской станции «Куньлунь». В морском резерве КНР появилось первое ледокольное судно «Снежный дракон», а в 2013 г. планируется спустить на воду новый мощный ледокол. Китайские власти поощряют усилия национального частного бизнеса, стремящегося вкладывать средства в арктические проекты. Один из китайских олигархов пытается купить огромный участок на исландской территории для строительства современных рыбоперерабатывающих предприятий с тем, чтобы начать поставки свежих морепродуктов в США и Евросоюз. Кроме того, предприниматель из КНР намерен создать на купленной территории Исландский национальный (!) парк экологического туризма и разбить обширные поля для игры в гольф⁵.

Еще один предприимчивый китаец, бывший государственный чиновник Хуань Нубо, сделавший огромное состояние на

торговле недвижимостью в Китае, по совету пекинских властей достаточно быстро определился в своем выборе и уже подписал с правительством Исландии предварительное соглашение о покупке 300 кв. км земли, что составляет 0,3 % от всей территории этого островного приарктического государства. В 2010 г. сделка получила одобрение регулирующих правительственных органов Исландии и КНР. По некоторым данным, Хуань Нубо сразу выплатил исландской стороне 8,8 млн долл. и, кроме того, вложил более 10 млн долл. в создание инфраструктуры для будущей китайской промышленной зоны в Исландии.

Помимо Исландии и другие скандинавские государства явно рассчитывают на массивные китайские инвестиции. Посол Дании в КНР Фриис Арне Петерсон на недавнем ежегодном китайско-датском форуме в Пекине весьма прочувствованно заявил (видимо, имея в виду подконтрольную Дании Гренландию), что *коммунистическая держава обладает в Арктике «естественными и законными экономическими и научными интересами», несмотря на отсутствие у нее береговой линии в полярном регионе, льды которого стремительно тают*⁶.

Не секрет, что именно датское правительство наиболее активно стремится содействовать Китаю в обретении статуса постоянного наблюдателя в Арктическом совете, куда входят Канада, Россия, Дания, Финляндия, Исландия, Швеция, Норвегия и США. В 2009 г. Пекин уже подал заявку на получение статуса постоянного наблюдателя в рамках этого форума. Выступая в Арктическом совете, представитель Дании буквально заявил следующее: *«Правительство Дании хотело бы видеть Китай постоянным наблюдателем (в Арктическом совете), и я думаю, что остальные члены совета также этого хотят»*⁷. Данное смелое заявление сразу вызвало неоднозначную реакцию других приарктических государств. Аналитики, специализирующиеся на проблемах Арктики, сочли заявление датского представителя как минимум спорным и сомнительным.

Некоторые эксперты полагают, что Дания с помощью Китая надеется усилить свое влияние в Арктическом совете, чтобы в опоре на китайские прямые инвестиции приступить, наконец, к разработке природных ресурсов Гренландии. С точки зрения

правительства КНР, инициатива Дании существенно поможет Китаю расширить его геополитическое влияние в Арктике. По мнению канадского аналитика Р. Хьюберта, заместителя директора Центра военных и стратегических исследований Университета Калгари, в Арктический регион возвращается «большая геополитическая игра». Р. Хьюберт видит серьезные изменения и в поведении Китая (который теперь действует на международной арене намного более решительно), и в геополитических реалиях в целом. Канадский эксперт полагает ошибочными расчеты Дании на то, что сближение с китайцами позволит ей укрепить свои позиции в Арктическом совете. По его мнению, все совсем не так, ибо Китай сам намерен использовать Данию для прояснения реального ресурсного потенциала региона, а также для того, чтобы продемонстрировать канадцам, русским и американцам, что он не собирается позволить им поделить эти ресурсы сугубо между собой⁸.

Рост интереса КНР к Арктике в последние годы серьезно беспокоит приарктические государства. На фоне климатических изменений, таяния арктической ледяной «шапки» и отчаянной потребности растущей китайской экономики в углеводородном сырье перспектива изыскания нетронутых нефтегазовых месторождений, рыболовных угодий и новых летних судоходных путей заставляет руководство Китая внимательно присматриваться к огромному потенциалу Арктики как с точки зрения обеспечения ресурсами, так и в целях более легкого доступа к мировым рынкам. Постоянная наземная база КНР за Полярным кругом появилась в 2004 г., когда страна основала на архипелаге Шпицберген в Баренцевом море исследовательскую станцию «Хуанхэ чжань». Предполагалось, что станция будет заниматься океанологическими и климатологическими исследованиями. И тут все приарктические государства вдруг осознали, что в вяло протекавшем процессе освоения Арктики у них появился серьезный конкурент, обладающий существенными инвестиционными ресурсами и уже замахнувшийся на фундаментальное освоение региона, включая создание постоянно действующих арктических экспедиций и даже, как упоминалось выше, командирование для работы в Арктике ледокола «Сю-

элун» («Снежный дракон»), а в 2013 г. — нового ледокола водоизмещением 8 тыс. т.

Международные аналитики уверены, что подобная деятельность китайцев отражает не только экономические и научные устремления КНР, но и соответствует ее геостратегическим интересам. Видный китайский ученый Ли Чжэньфу уже давно убеждает правительство Китая уделять больше внимания Арктическому региону. Он уверен, что появление более короткого судходного пути из Восточной Азии в Западную Европу и Северную Америку потенциально может открыть перед КНР огромные возможности — как экономические, так и военные. Ли Чжэньфу постоянно подчеркивает, что после того, как Северо-Западный арктический проход (канадская зона ответственности) откроется для судоходства, то он превратится в новый «осевой морской путь» между Атлантическим и Тихим океанами. А тот, под чьим контролем окажется арктический маршрут, будет контролировать и новые направления мировых экономических и международных (политических) стратегий⁹.

В Китае признают тот факт, что Арктика сегодня имеет серьезное военное значение. Многие западные аналитики в связи с этим указывают Канаде на необходимость очень внимательно отнестись к китайским арктическим амбициям. Как бы Китай не был настроен — мирно или воинственно — Канаде все равно придется занимать жесткую позицию в случае любых попыток Пекина подорвать или поставить под сомнение канадские притязания на Арктику. Именно канадская Арктика обладает тем, что особенно нужно сегодня Китаю, а именно, подтвержденными запасами природных ресурсов и наличием важного судходного пути. Профессор истории Университета Калгари Д. Райт еще в 2010 г. на одной из конференций сказал: «Панда готовится к встрече с полярным медведем, а это означает не что иное, как оспаривание Китаем арктического суверенитета Канады»¹⁰.

Вместе с тем Д. Райт не склонен расценивать КНР в качестве одной из воюющих сторон в потенциальном вооруженном конфликте за Арктику. Канадский ученый также не рассматривает всерьез ситуацию, при которой КНР станет выдвигать территориальные претензии в Арктическом регионе. Скорее всего,

по мнению канадца, от Китая можно ожидать более или менее жестких комментариев по поводу территориальных притязаний других членов Арктического совета и не более того. Именно в связи с этим китайские ученые в последнее время весьма активно интересуются вопросами исторического суверенитета Канады над Арктикой, особенно относящимися к Северо-Западному проходу и исключительному канадскому контролю над ним. Судя по всему, КНР намерена настойчиво продвигать идею широкого международного статуса Арктики и объявления ее «общим наследием человечества», чтобы абсолютно все страны могли пользоваться арктическими морскими путями, нефтяными и газовыми месторождениями, минеральными и рыбными ресурсами.

Подобный китайский подход к проблеме противоречит не только канадскому пониманию международно-правового статуса Арктики, но и трактовке этого статуса другими государствами-членами Арктического совета, включая Россию. Практически все государства-члены Совета (включая «симпатизирующую Китаю» Данию) официально настаивают на своем территориальном суверенитете над принадлежащими им арктическими островами и над водными путями между ними. В ходе закрытых консультаций приарктические государства практически всегда проявляют бескомпромиссную позицию, суть которой сводится к следующему: «Все должны быть настороже и не уступать попыткам Китая подорвать сложившийся суверенитет приарктических государств над Арктическим регионом. Предлагается укреплять сотрудничество в рамках Арктического совета во имя безопасности и стабильности в регионе»¹¹. Следует отметить, что наиболее жесткий подход демонстрирует Канада, беспележно продвигая тезис о канадском суверенитете над Северо-Западным проходом как определяющем факторе ее государственного суверенитета и территориальной целостности в настоящем и будущем и не подлежащем обсуждению на международном уровне. Канадское правительство идет еще дальше в отстаивании своих позиций по Арктике, напрямую предупреждая Пекин об осторожности в выдвижении им каких-либо претензий на выход в Северный Ледовитый океан, поскольку идея о том, что

полярные воды должны стать международной акваторией, может неожиданно «ударить» по амбициям самого Китая в отношении большей части Южно-Китайского моря, островов Сэн-каку, Дяоюйтай и даже Тайваня¹².

В итоге международные эксперты приходят к выводу, что лучшей защитой приарктических государств от возможной китайской экспансии могло бы стать повышение их собственной наступательной мощи в развитии арктических территорий. Необходимо также по примеру России умело пользоваться международным законодательством для подтверждения в рамках ООН своих прав на интересующие участки в Арктике. Кроме того, есть и проблема технологической оснащенности: сегодня ни одно из приарктических государств не должно игнорировать свои потребности в оснащении ледоколами, патрульными кораблями, космическими аппаратами и специальной военной технике. Как заметил когда-то У.Черчилль, военная машина обеспечивает тот отблеск стали, который заставляет дипломатию работать. Многолетняя практика свидетельствует, что в отношениях с Китаем дипломатические способы решения острых вопросов всегда оказываются предпочтительнее, чем прямолинейная конфронтация, но, тем не менее, дипломатия должна опираться на реальную силу.

Серьезный геополитический интерес Китай питает и к Антарктике. Под *Антарктикой* понимается район земного шара, расположенный вокруг Южного полюса и ограниченный параллелью 60° южной широты. Он включает в себя ненаселенный материк Антарктику, прилегающие к нему острова, а также части Атлантического, Тихого и Индийского океанов. Площадь Антарктики в целом составляет около 10 % площади нашей планеты¹³.

В период Международного геофизического года (1 июля 1957 г. — 31 декабря 1958 г.) 12 государств, принимавших участие в работе, договорились, что различия в политических и правовых подходах между ними не должны создавать помех для международной программы исследований. Дело в том, что 9 из 12 государств заявили о своих территориальных претензиях на антарктические пространства либо зарезервировали свое право сделать это. Подобное развитие событий дало толчок к началу

переговоров о заключении специального Договора об Антарктике, который и был подписан в Вашингтоне 1 декабря 1959 г. 12 государствами, а именно: Аргентиной, Австралией, Бельгией, Чили, Францией, Японией, Новой Зеландией, Норвегией, ЮАР, Великобританией, США и СССР.

Договор содержит 14 статей, которые сводятся к следующим принципиальным положениям: Антарктика должна использоваться исключительно в мирных целях, на ее территории запрещена военная деятельность, гарантируется свобода осуществления научных исследований, поощряется международное научное сотрудничество, результаты научных исследований должны быть широко доступны, устраняется почва для потенциальных территориальных споров между сторонами, запрещаются ядерные взрывы, запрещена добыча полезных ископаемых, обеспечивается международная инспекция всех станций и судов в Антарктике, стороны должны предварительно уведомлять о всех своих экспедициях, установлена процедура разрешения споров и механизм изменения Договора. Договор носит открытый характер, и любое государство-член ООН может присоединиться к нему. Договор вступил в силу 23 июня 1961 г.

В настоящий момент Договор насчитывает 43 государства-участника, 26 из которых являются первоначальными подписантами. Договор предусматривает, что любая сторона может потребовать созыва конференции по его пересмотру. Однако за время действия Договора ни одна из сторон этого не сделала. Во многом подобная ситуация объясняется тем, что из всех материков Земли Антарктика всегда стояла особняком: несмотря на то, что охотников осваивать «бесхозный» континент всегда было немало, этому мешали толстый слой льда, его покрывающий, и лютые холода. Ни одно интересующееся Антарктикой государство пока не смогло разработать программу ее реального хозяйственного освоения¹⁴.

Однако сегодня Антарктика уже не считается территорией, чрезвычайно трудной для хозяйственной деятельности, хотя и продолжает оставаться своеобразным научным заповедником. Все изменилось, когда началось таяние арктических льдов вследствие общего потепления климата. Реальной стала добыча угле-

водородов в Арктике, и сразу возник вопрос, не располагает ли и Антарктика чем-либо аналогично полезным. Этот вопрос до такой степени вдохновил Китай, что на консультационном собрании по Договору об Антарктике, состоявшемся в июне 2009 г. в Буэнос-Айресе (Аргентина), КНР сообщила о намерении начать разведку минеральных и углеводородных ресурсов на самом Белом континенте, а также в омывающих его морях. Китайская сторона представила свои соображения, в которых содержались ключевые идеи исследовательской и инвестиционной деятельности на период до 2020 г. и на более отдаленную перспективу¹⁵.

Эта информация сразу вызвала серьезную обеспокоенность делегатов 48 стран, ибо впервые в рамках консультационного собрания были открыто озвучены намерения, о которых ранее никогда не говорилось ни под бдительным оком внешних наблюдателей, ни в официальных пресс-релизах. Планы КНР по проведению комплексного изучения природных ресурсов Антарктики способны негативно отразиться на особом юридическом статусе «шестого континента», поскольку они вступают в прямое противоречие с Мадридским протоколом Договора, который определяет Антарктиду как «природный заповедник, предназначенный для вечного мира и науки». В силу этого, любая форма геологической разведки и добыча на континенте природных ресурсов сегодня абсолютно запрещены. В то же время ситуация усложняется множеством других факторов, отодвигающих интересы «мира и науки» на второй план.

Правительство КНР в одном из своих докладов от сентября 2011 г. констатирует, что сырьевые ресурсы в мире истощаются намного быстрее, чем предполагалось ранее. Промышленно развитые страны напуганы складывающейся перспективой остаться без нефти и газа. На природные ресурсы обоих полюсов все активнее претендуют Россия, Бразилия и Индия. За Китаем в Антарктику уже готовы потянуться Япония, Республика Корея и страны АСЕАН. Кроме того, на часть антарктической территории давно претендуют еще 7 стран, интересы которых пока «заморожены» до 2048 г.

Международные эксперты указывают на тот факт, что 14 государств, подписавших Договор об Антарктике, до сих пор не

ратифицировали протокол к нему, принятый в 1991 г. в Мадриде и вступивший в силу лишь 7 лет спустя. Ратификация протокола всеми участниками позволила бы нарастить его удельный дипломатический вес, ибо именно этот протокол служит главным природоохранительным документом в общей системе Договора. В КНР считают, в настоящий момент основная угроза Договору об Антарктике исходит от правительства Австралии, которое заявляет о необходимости защитить австралийские интересы на Белом континенте, чтобы предвосхитить притязания других государств на его суверенитет и ресурсы до 2048 г.

По оценке Китая, реально на территорию Антарктиды сегодня претендуют Австралия, Франция, Новая Зеландия, Норвегия, Великобритания, Чили и Аргентина. Китайцы уверены, что до 2048 г. не следует переходить к каким-то конкретным действиям. К тому времени мир наверняка столкнется с ускорением уже начавшегося процесса потепления климата и поиск углеводородов в Антарктике вряд ли кому-нибудь покажется разумной идеей. Однако Договор об Антарктике не включает в себя никаких реальных механизмов сдерживания государств, стремящихся установить суверенитет над пространствами «шестого континента». Не следует также забывать, что вышеупомянутый Договор не предусматривает каких-либо инструментов принуждения, предназначенных для воспрепятствования реализации намерений какой-либо стороны¹⁶.

В китайском правительстве полагают, что Договор об Антарктике является временным компромиссом, поскольку во многом зависит от доброй воли его участников: если один из них начнет отступать от положений документа, то это может раскатать сложившуюся систему сдержек и противовесов. Китай особенно обеспокоен тем, что никто из стран-участниц не выражает протестов по поводу «провокационных заявлений» той же Австралии в отношении китайской активизации на Белом континенте. Эта активизация выражается в создании в Антарктике новой базы КНР под названием «Куньлунь» («Заветы предков»). База, расположенная на высоте почти 4 тыс. м, «нависает» над всеми остальными научными станциями континен-

та. Выбор такой высоты не имеет научного смысла и носит скорее символический характер.

Вызывает обеспокоенность практика КНР давать своим научным станциям звучные патриотические названия: «Чанчэн» («Великая стена»), «Чжуншань» («Душистые горы»), что свидетельствует, по мнению западных наблюдателей, о подспудном стремлении Пекина последовательно утверждать себя в качестве новой сверхдержавы. По некоторым сообщениям в прессе, на китайской базе «Куньлунь» висит табличка с надписью «Добро пожаловать в Китай», что, видимо, может подразумевать неприятие притязаний Австралии на Антарктиду. А ведь действительно китайская научная станция находится в самом центре территории, на которую претендует австралийское правительство. Сегодня между Китаем и Австралией идет негласное соперничество за будущее Антарктики, правда, пока непонятно, каким именно это будущее окажется.

Многие страны рассматривают Антарктиду в качестве самой желанной территории, да еще под своим полным контролем, однако критически важных ресурсов там пока еще не найдено. В основном все построено на виртуальных страстях по поводу неких ужасных последствий после того, как вождельные ресурсы будут обнаружены. Если это сделает Россия, не включенная в список претендентов на антарктические территории, то можно не сомневаться, что все, включая Китай, сразу выступят единым фронтом против нее¹⁷. Китайские ученые, например, сравнивают ситуацию с поиском ресурсов в Антарктике с периодом становления колониальной системы в конце XIX — начале XX века. Сегодняшняя активность 7 стран-претендентов на господство над Антарктидой заставляет думать о некоей реинкарнации эпохи колониальных захватов, однако у столь бесцеремонного дележа пространств Белого континента наверняка найдутся и влиятельные противники¹⁸.

Примечания

¹ *Jakobson, Linda.* China prepares for an ice-free Arctic // SIPRI Insights on Peace and Security. № . 2010/2. Stockholm. 2010. P. 16.

² *Исихара, Кэйдо.* Хоккёккай но сэньякутэки иги то Тюгоку но каньё : [Стратегическое значение Арктики и отношение Китая] // Кайканкосэньяку кэнкюсё. Токио, 2011. С.64.

³ *Усенко Е.Т.* Международное право // Институт государства и права РАН. М., 2005. С. 82—86.

⁴ O'Rourke, Ronald. Changes in the Arctic: Background and Issues for Congress // Report for Congress. Research Service. R41153. 2011. January 21. P. 1.

⁵ Assessment of Undiscovered Oil and Gas in the Arctic // Science, 2009. Vol. 324. № 5931. May 29.

⁶ Кайё сэйсакү кэнкю дзайдан. Хоккёкай сёхо : [Общество по изучению политики открытого моря. Вестник Арктики]. Токио, 2009. № 2. Сентябрь. С. 29.

⁷ URL: <http://inosmi.ru/arctica/20111031/176857434.html>.

⁸ *Сато, Окүми.* Хоккёкуэн но сэкию-гасү сайкуцу кайхацу дзёкё : [Ситуация с развитием добычи нефти и газа в Арктике] // JOGMEC сэкию то тэннэнгасү рёбю. Токио, 2010. Март. С. 17.

⁹ *Omesad, Thomas.* Global Warming Triggers an International Race for the Arctic // U.S. News & World Report. 2008, October 9.

¹⁰ *Wright, David.* The Panda Bear Readies to meet the Polar Bear: China and Canada's Arctic Sovereignty Challenge // Cambridge Press. New York, 2011. P. 21.

¹¹ *Харада, Окүмото.* Росиа но сэкию то тэннэнгасү кайхацу кикан : [Вестник разработки нефтегазовых месторождений в России] // Сэкию то тэннэнгасү рёбю. 2009. Июль. С. 18—19.

¹² *Muyin Wang; Overland, James E.* A sea ice free summer Arctic within 30 years // Geophysic Research Letters. 2009. Vol. 36. L 07502. P. 12.

¹³ *Ушаков Н.А.* Международное право / Институт государства и права. М., 2005. С. 179—180.

¹⁴ *Кумабэ, Кисэй.* Нанкёку канрэн дзёхо : [Вестник Антарктики] // НанкёкуОВкай кайхо. 2010. № 10. С. 22.

¹⁵ Тюгоку но сэкай сэньяку : [Глобальная стратегия Китая] // Нюдзүвику Нихон сюппан. Токио, 2009.

¹⁶ Тюгоку но андзэн хосё сэньяку : [Стратегия обеспечения безопасности Китая] // Science Portal China. 2009, May 26.

¹⁷ *Huang Ming.* Antarctic Challenge // WPWeaver info. Tokyo. 2012. March 21.

¹⁸ Нанкёку тиики кансоку : [Обзор по Антарктиде] // Нанкёку кэнкю сокай сирё. Токио, 2009. 21 ноября. С. 21.

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР

Д.В. Гордиенко*

ОЦЕНКА УРОВНЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КИТАЯ И США В ПЕРИОД МИРОВОГО ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению причин мирового финансово-экономического кризиса и его влияния на экономическую безопасность Китая и США. Проанализирован подход к обеспечению экономической безопасности государства в Китае и США в условиях мирового финансово-экономического кризиса.

Ключевые слова: экономика, экономическая безопасность государства, мировой финансово-экономический кризис, оценка уровня экономической безопасности государства, Китай, США.

* Гордиенко Дмитрий Владимирович, д.воен.н., проф., академик Академии военных наук, в.н.с. Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН.

** Данная статья в иной редакции опубликована в книге: Проблемы безопасности в Северо-Восточной Азии / сост. Д.В. Гордиенко. М., 2012.

Генезис мирового финансово-экономического кризиса и возможности выхода из него

Глобальный финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 году, явился следствием накопления дисбалансов как в мировой экономике в целом, так и в национальных хозяйствах отдельных стран¹. При этом глубина и продолжительность кризиса на экономических территориях различных государств мира определяются не только величиной этих дисбалансов, но и адекватностью принимаемых соответствующими государственными структурами антикризисных мер.

Сущность возникшего кризиса состоит в том, что в национальных, региональных и мировых рамках проявились накопившиеся финансовые и экономические диспропорции. Впервые с начала 2000-х годов мировая экономика столкнулась с финансовым кризисом спровоцированным кризисом на рынке низкокачественных ипотечных кредитов (*sub-prime mortgage*) в США², который наложился на накопившиеся в мировом хозяйстве диспропорции, усиление геополитической напряженности и взлет мировых цен на промышленное и продовольственное сырье и энергоносители.

При этом эксперты называют несколько *причин мирового финансово-экономического кризиса*, главными из которых являются:

*во-первых, высокие темпы экономического роста в мире с начала нового тысячелетия на фоне глубоких дисбалансов в сфере сбережений и накопления*³. В результате сформировался глобальный дисбаланс, который на протяжении десятилетия, предшествующего кризису, рассматривался как основа сбалансированности и устойчивости роста мировой экономики⁴. Этот феномен был назван Н. Фергюсоном Кимерикой (*Chimerica*) — от сочетания английских слов «Китай» (*China*) и «Америка» (*America*)⁵ — своеобразный симбиоз производящей и потребительской экономик;

во-вторых, низкие (отрицательные реальные) процентные ставки по кредитам в развитых странах, призванные искусственно «подхлестывать» свой экономический рост, особенно в связи с двузначными показателями развития экономики Китая⁶. Это

привело к перегреву национальных хозяйств ряда государств, особенно США, объявивших себя в состоянии «войны с мировым терроризмом»⁷;

в-третьих, ослабление регулирования финансового и потребительского сектора в ряде стран при внезапном расширении использования новых финансовых инструментов⁸. В результате на финансовых и потребительских рынках, в первую очередь развитых стран, образовались финансовые и потребительские «пузыри»⁹, основным методом «сдувания» которых стали мощные финансовые вливания, инициированные правительствами, которые осуществляют США и Евросоюз, чтобы предотвратить ухудшение экономической ситуации в своих странах¹⁰. Становится актуальной необходимость трансформации мировой системы финансовых расчетов, что означает и новую конфигурацию мировых и/или резервных валют, в числе которых многие видят китайский юань¹¹.

Альтернативными перспективами выхода из мирового финансово-экономического кризиса в этих условиях являются:

во-первых, быстрый переход национальных хозяйств и, далее, мировой экономики к уверенному росту после того, как предшествующие ошибочные проекты остановлены, диспропорции ликвидированы, а ресурсы перенаправлены в те сферы, где их применение наиболее эффективно¹²;

во-вторых, замедление процесса ликвидации ошибок, консервирование неэффективных производств, проектов, финансовых институтов, сохранение неработоспособных бизнес-моделей, не имеющих спроса продуктов, некомпетентных руководящих кадров, продолжительная экономическая стагнация¹³.

Изменение уровня экономической безопасности Китая в свете мирового финансово-экономического кризиса

Мировой финансово-экономический кризис не подорвал китайскую экономику — она продолжила свое развитие. Тем не менее, кризис инициировал в Китае активизацию ряда процессов направленных на преодоление негативных тенденций в раз-

витии национального хозяйства. Реакцией государственного и политического руководства КНР на мировой финансово-экономический кризис стало принятие антикризисной стратегии и ускоренное развертывание антикризисной программы действий.

В качестве первостепенной задачи выхода из кризиса китайским руководством было названо «*обеспечение устойчивого и сравнительно быстрого развития экономики страны*» и определена «схема» («технология») решения этой задачи: «*главное условие* — расширение внутреннего спроса; *главное направление* — ускорение перехода к новой модели роста и урегулирование структуры, проведение реформ по «ключевым звеньям»; *главная движущая сила* — повышение уровня открытости; *стартовая точка и опора* — улучшение жизни населения».

Так же были выделены *основные направления антикризисной экономической стратегии*: усиление и совершенствование государственного макрорегулирования экономики; развитие сельского хозяйства и устойчивый рост доходов крестьян; ускорение перехода на новую модель экономического роста и оптимизация структуры национального хозяйства; углубление реформ и политики открытости; активное решение острых социальных проблем, сохранение социальной стабильности¹⁴. Предложенная антикризисная стратегия по сути совмещала в себе как «пожарные» меры сегодняшнего дня, призванные в ближайшие сроки предотвратить тенденцию спада экономического роста, так и цели долгосрочного характера — перехода на инновационный путь развития экономики путем урегулирования структуры экономики и смены модели экономического роста¹⁵.

При этом важное место в планах преодоления Китаем глобального финансово-экономического кризиса заняли меры правительства, утвержденные Госсоветом КНР и ЦК КПК (документ № 18, 2008 г.) в начале ноября и озвученные на Центральном рабочем совещании по вопросам экономики в декабре 2008 года, на реализацию которых в 2009—2010 гг. предусматривалось выделение 4 трлн. юаней (586 млрд долл.) — так называемый «стимулирующий пакет» «ровного и относительно быстрого развития экономики»¹⁶. Антикризисная программа экономического стимулирования предусматривала инвестирование средств

в развитие инфраструктуры страны, повышение эффективности ценообразования, усовершенствование налоговой системы, увеличение банковского кредитования ключевых проектов, связанных с технической модернизацией и инновациями, предприятий среднего и малого бизнеса, крестьянских хозяйств, а также потребительского кредитования¹⁷.

В этой связи приоритетными направлениями экономического развития страны в условиях финансово-экономического кризиса стали (1) сельское хозяйство, (2) строительство инфраструктуры, (3) новые высокие технологии, (4) экономичное жилье, (5) развитие транспортной сети, (6) восстановительное строительство в пострадавших от землетрясения зонах провинции Сычуань, повышение доходов сельских жителей за счет (7) увеличения норм обязательных закупок зерна по более высоким ценам и (8) выделения субсидий для крестьян, (9) сокращение налогов на добавленную стоимость, (10) поощрение технических инноваций¹⁸. Одновременно главной задачей центральных и местных властей было объявлено всемерное увеличение внутреннего спроса, который в условиях падения китайского экспорта¹⁹ реально способен поддержать рост производства, занятость населения и обеспечить продолжение реформ.

Своевременная переориентация производства на внутренне-го потребителя позволила:

во-первых, сохранить платежную систему страны, во-вторых, смягчить существующие социальные проблемы, и, в-третьих, создать условия для последующего экономического роста страны.

Сохранение платежной системы страны. Правительством КНР были разработаны и успешно реализуются «30 мер усиленной поддержки финансового сектора»²⁰. Одновременно Народный банк Китая (НБК) перешел к проведению так называемой проактивной денежной политики с целью расширения финансовой самостоятельности банков и повышения возможности доступа к кредитным ресурсам: было отменено административное квотирование кредитов, разрешенных к выдаче кредитно-финансовыми учреждениями страны в течение года; облегчены условия кредитных операций для мелких и средних ком-

мерческих банков²¹, а также кредитования средних и мелких предприятий²²; снижена ставка рефинансирования Народного банка до 3 % годовых, а средняя банковская учетная ставка по кредитам — до 5,58 % в год²³; поддержан фондовый рынок страны, прежде всего с точки зрения расширения каналов поступления средств в реальный сектор экономики²⁴, сокращен размер личного подоходного налога, что обеспечило благоприятные условия для реализации программы антикризисных мер и способствовало стимулированию не только инвестиционного, но и потребительского спроса.

Смягчение социальных проблем. Финансовая помощь регионам и большинству (главным образом, сельскохозяйственно-му²⁵) населения страны, стимулирование внутреннего спроса на отечественные товары и услуги при одновременном расширении и совершенствовании их предложения²⁶, укрепление рынка недвижимости²⁷, развитие системы медицинского, пенсионного и социального обслуживания населения²⁸, жилищное строительство²⁹, строительство объектов образования и культуры позволили реализовать политику экспортозамещения, повысить зарплату, снизить кредитные ставки для малообеспеченных граждан, ослабить требования для получения ипотечных кредитов, понизить дифференциацию доходов населения, численность безработных и беднейших слоев, повысить качество здравоохранения, образования и жилищных условий большинства граждан³⁰.

Создание условий для последующего экономического роста страны. В числе приоритетных задач китайским руководством была названа организация более эффективной работы по совершенствованию экономической структуры, изменению модели и «способов экономического развития».

Содержательная часть этой задачи состояла в том, чтобы, используя дополнительные финансовые рычаги, поддержать инновационные и высокотехнологичные направления в развитии производства, сельское хозяйство³¹, «третью промышленность» (сферу услуг)³², средние и малые предприятия³³, а также частное предпринимательство, подтолкнуть производственные структуры к увеличению финансирования научных исследований и

внедрению передовых технологий³⁴, качественно решать проблемы энергосбережения и охраны окружающей среды³⁵. При этом совершенствование экономической структуры увязывается с *реформой промышленного производства*, его техническим переоснащением и повышением уровня научного сопровождения, обеспечением конкурентоспособности китайских товаров на международном рынке³⁶.

В *аграрном секторе* экономики в качестве первостепенных задач, решение которых способно «завести шестеренки механизма ускорения роста внутреннего спроса, развития сельскохозяйственного производства, создания новых рабочих мест в деревне и стимулирования тенденции их роста», были названы: ускорение развития инфраструктуры сельского хозяйства, расширение сферы основных социальных услуг в деревне, а также формирование системы социального обеспечения сельского населения³⁷. При этом каждая провинция Китая обнародовала свою антикризисную программу для аграрного сектора национального хозяйства³⁸.

Немаловажное значение в реструктуризации экономики Китая, подъеме ее высокотехнологичных и наукоемких отраслей придается также *подготовке и привлечению высококвалифицированных специалистов*. С этой целью разработан и реализуется так называемый «План тысячи», в рамках которого государство выделяет значительные средства на поиск за рубежом квалифицированных кадров для работы в Китае, особенно в сферах, способствующих развитию инновационной модели национального хозяйства страны.

Как показывают предварительные итоги, принятие антикризисных мер начинается приносить определенные положительные результаты. Рост ВВП уже в первой половине 2009 г. составил 7,1 %. При этом промышленное производство за 7 месяцев того же года выросло на 7,5 %. Объем прямых иностранных и внутренних инвестиций в основные фонды в совокупности возрос на 33,5 %³⁹, доходы городского населения — на 9,8 %, сельского — на 8,1 %⁴⁰, а объем розничных продаж потребительских товаров — на 15 %⁴¹.

В итоге эти и другие важные показатели китайской экономики в совокупности демонстрируют устойчивую тенденцию к

ее «выздоровлению»⁴². При этом правительство КНР, прибегая к быстрому, мощному и всеохватывающему государственному воздействию на национальное хозяйство и стремясь ко всемерному оживлению внутреннего инвестиционного и потребительского спроса, не упускает из виду международные аспекты этих действий и уже сегодня пытается заложить основы для существенного укрепления позиций Китая в посткризисном мире, предпринимая соответствующие практические шаги.

Таким образом, финансово-экономический кризис, безусловно, внес коррективы в перспективы экономического развития КНР, а также в изменение уровня экономической безопасности Китая в ближайшее десятилетие (рис. 1, 2)⁴³. Кризис, конечно, понизил общий уровень экономической безопасности этого государства, но по отдельным показателям экономическая безопасность КНР в последние годы не только не уменьшилась, но и возросла.

Мировой финансово-экономический кризис также несущественно повлиял на возможности этой страны по повышению уровня своей экономической безопасности (рис. 3).

Антикризисные меры китайского правительства, программные выступления высоких должностных лиц КНР, материалы директивного характера подтверждают, что Китай и дальше будет по-прежнему твердо проводить активную финансовую политику в целях сохранения платежной системы страны, целенаправленно заниматься макрорегулированием, выполняя программы «единого планирования города и деревни» и согласованного развития регионов страны, а также совершенствованием структуры экономики, «способов экономического развития», уделяя при этом особое внимание инновациям, экономии энергии и защите окружающей среды. В КНР считают, что «глобальный финансово-экономический кризис создает благоприятные условия, которыми необходимо умело воспользоваться»⁴⁴. В этой связи увеличение внутреннего спроса, гарантирующее успешное развитие экономики страны, будет оставаться в числе самых главных приоритетов в планах китайского правительства по обеспечению экономической безопасности государства в ближайшее время.

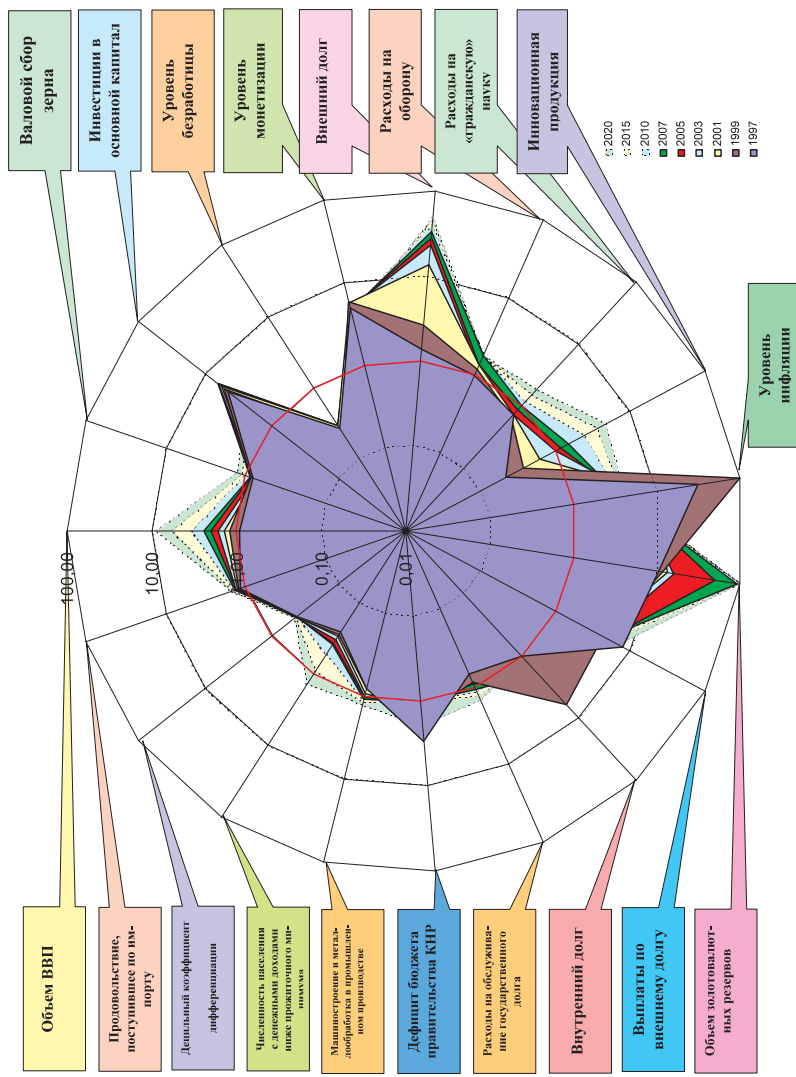

Рис. 1. Показатели экономической безопасности КНР в период 1997–2020 гг. (прогноз 2008 года)

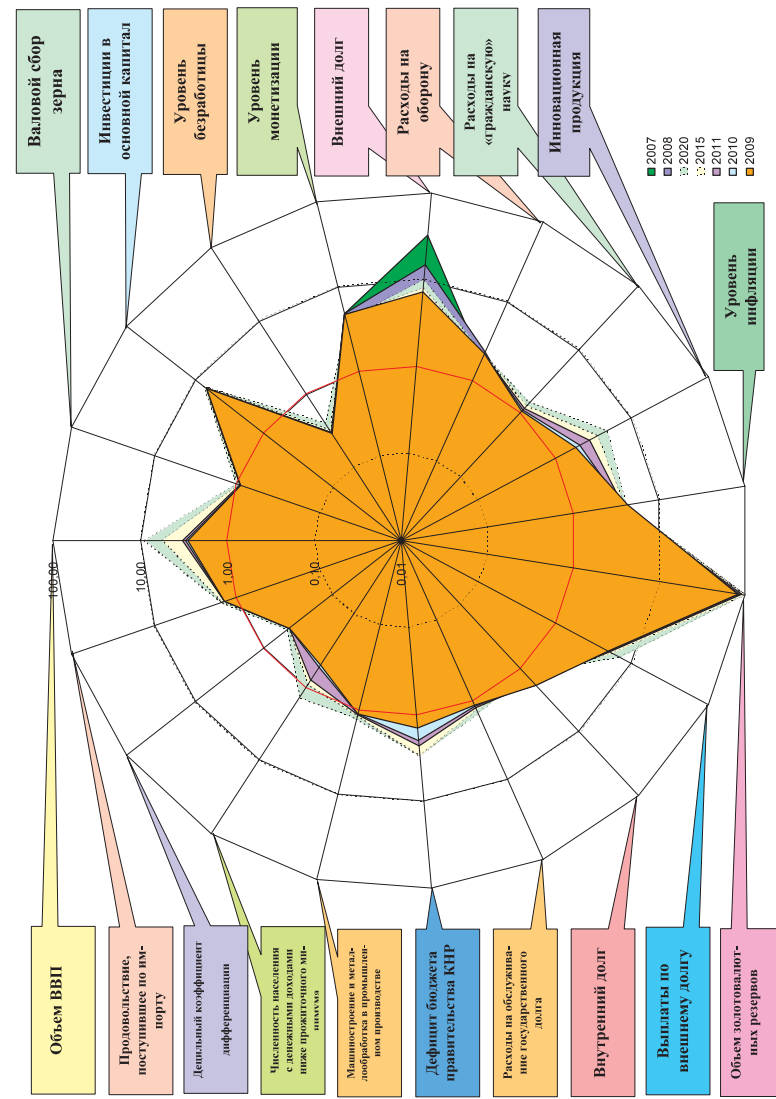

Рис. 2. Показатели экономической безопасности КНР в период 1997–2020 гг. (с учетом влияния мирового финансово-экономического кризиса, прогноз 2011 года)

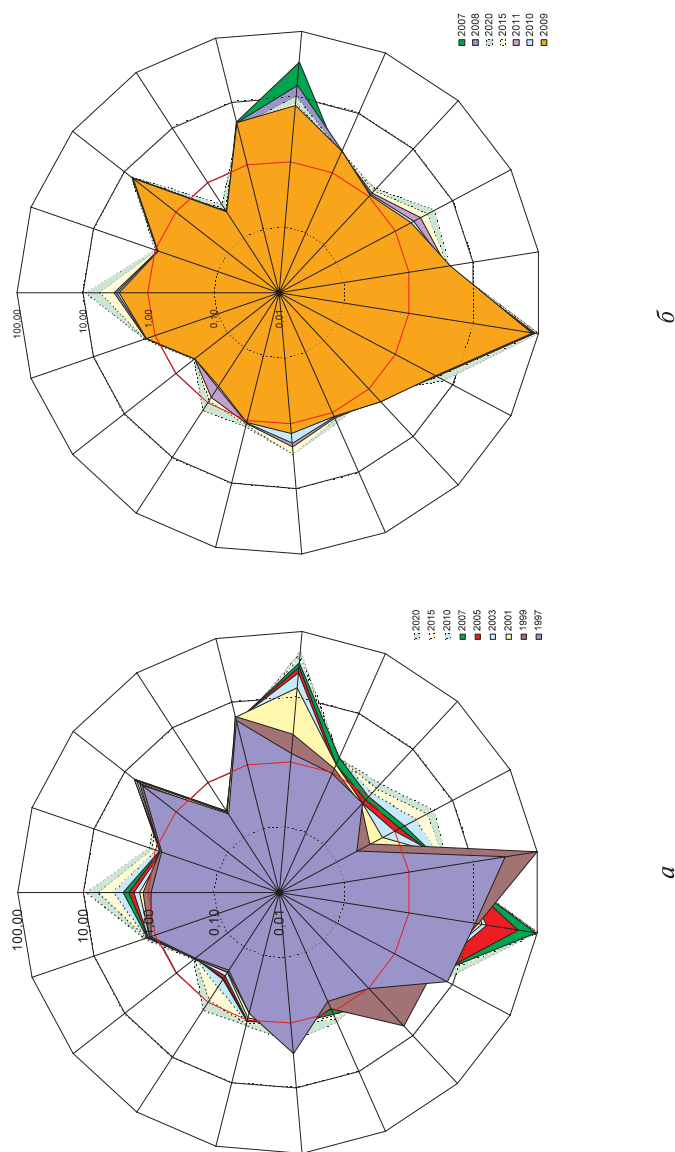

Рис. 3. Динамика изменения уровня экономической безопасности КНР в период 1997—2020 г. без учета влияния мирового финансово-экономического кризиса (а) и с учетом влияния мирового финансово-экономического кризиса (б)

Изменение уровня экономической безопасности США в свете мирового финансово-экономического кризиса

Мировой финансово-экономический кризис начался в июле 2007 года с развития американского ипотечного кризиса, списания банком США огромных финансовых средств по «плохим» закладным и первых банковских банкротств. Национальное хозяйство США, таким образом, первым встретило продолжающийся до настоящего времени финансово-экономический кризис; оно же первое подверглось его негативному влиянию.

В период самой острой фазы финансово-экономического кризиса в США (сентябрь—октябрь 2008 года) был разработан Антикризисный план. Его реализация вылилась, прежде всего, в принятие Федеральной резервной системой (ФРС) и министерством финансов США мер, которые условно можно разделить на несколько групп:

по сохранению платежной системы: смягчение денежно-кредитной политики путем понижения ставки рефинансирования⁴⁵; государственная поддержка крупных банков и компаний⁴⁶; выкуп у банков так называемых «плохих» активов («*toxic asset*»)⁴⁷ в рамках реализации Частно-государственной инвестиционной программы⁴⁸; фактическая национализация частных инвестиционных институтов⁴⁹;

по смягчению социальных проблем путем возобновления кредитования покупок домов, автомобилей и обслуживания кредитных карт⁵⁰, стабилизации уровня безработицы и др.;

а также

по созданию условий для последующего экономического роста.

Естественно, что продолжающийся до сих пор финансово-экономический кризис, внес коррективы как в перспективы экономического развития США, так и в изменение уровня их экономической безопасности.

Сравнение значений показателей экономической безопасности США в докризисный период, их оценка в период кризиса и прогноз изменения значений этих показателей в посткризисный период позволяют говорить о снижении уровня защищенности

национального хозяйства этой страны от угроз связанных, прежде всего, с ростом безработицы, увеличением дифференциации доходов населения, внешнего долга, а также сокращением объема золотовалютных резервов (рис. 4, 5)⁵¹.

При этом кризис не только понизил уровень экономической безопасности этого государства, но и существенно повлиял на возможности и динамику его повышения (рис. 6).

Эксперты Международного валютного фонда (МВФ), в частности отметили, что «самый серьезный экономический и финансовый кризис со времен Великой депрессии погрузил США в состояние глубочайшего экономического спада; прогресс в нормализации финансовой деятельности оказался значительно медленнее, чем предполагалось; реальный ВВП в четвертом квартале 2008 года упал на 6,8 % в годовом исчислении; к марту 2009 года безработица достигла 8,5 % экономически активного населения»⁵².

Тем не менее, по словам главы ФРС Б. Бернанке, принимаемые антикризисные меры предоставляют шанс приступить «к созданию по-настоящему стабильной системы», обеспечивающей экономическую безопасность США⁵³.

Компаративная оценка уровней защищенности национальных хозяйств Китая и США

Оценка *общего интегрального уровня* экономической безопасности Китая, США и других государств мира базируется на определении значений *общих нормированных показателей* безопасности соответствующих национальных хозяйств, расчетная формула которых может иметь вид:

$$Y_{\text{ЭБ}j} = \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j}^{\alpha_{ij}} \prod_{\substack{k=1 \\ k \neq j}}^K \left(\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j} \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,k} \right)^{\alpha_k};$$

$$0,01 \leq \beta_{i,j}^{\alpha_k} \leq 100; \quad 0,01 \leq \left(\prod_{i=1}^{19} \beta_{i,j} \prod_{i=1}^{19} \beta_{i,k} \right)^{\alpha_k} \leq 100,$$

где $Y_{\text{ЭБ}j}$ — общий нормированный показатель уровня безопасности национального хозяйства j -го государства;

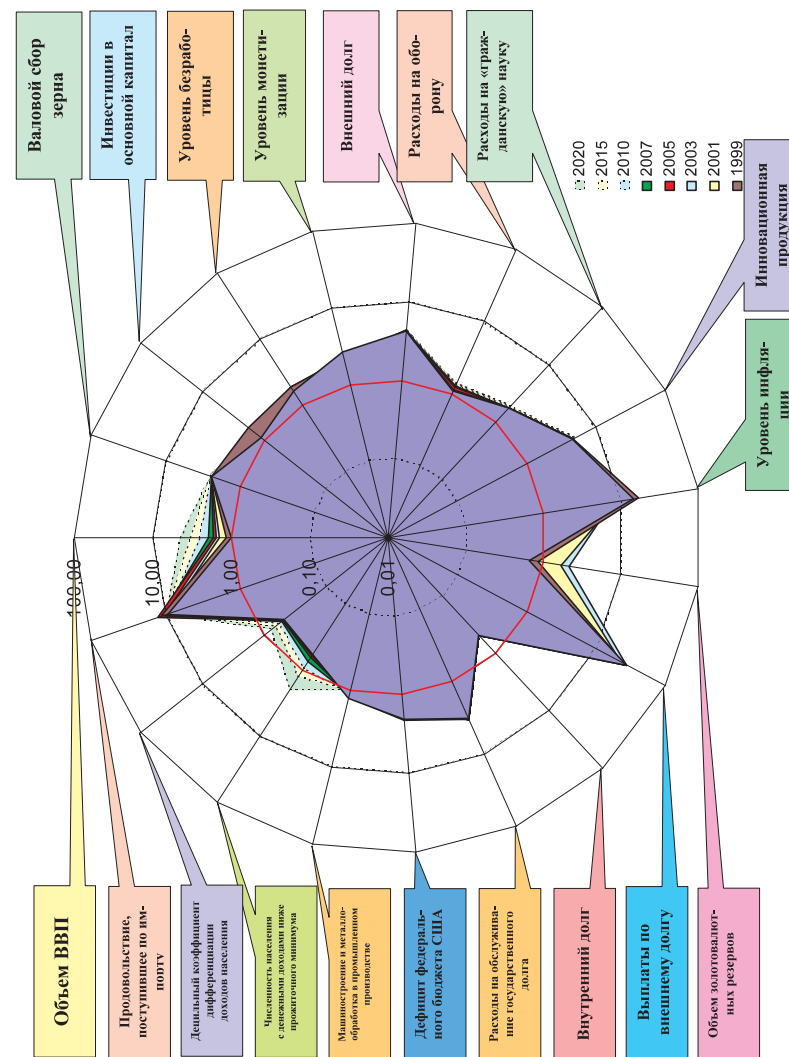

Рис. 4. Показатели экономической безопасности США в период 1997 – 2020 гг. (прогноз 2008 года)

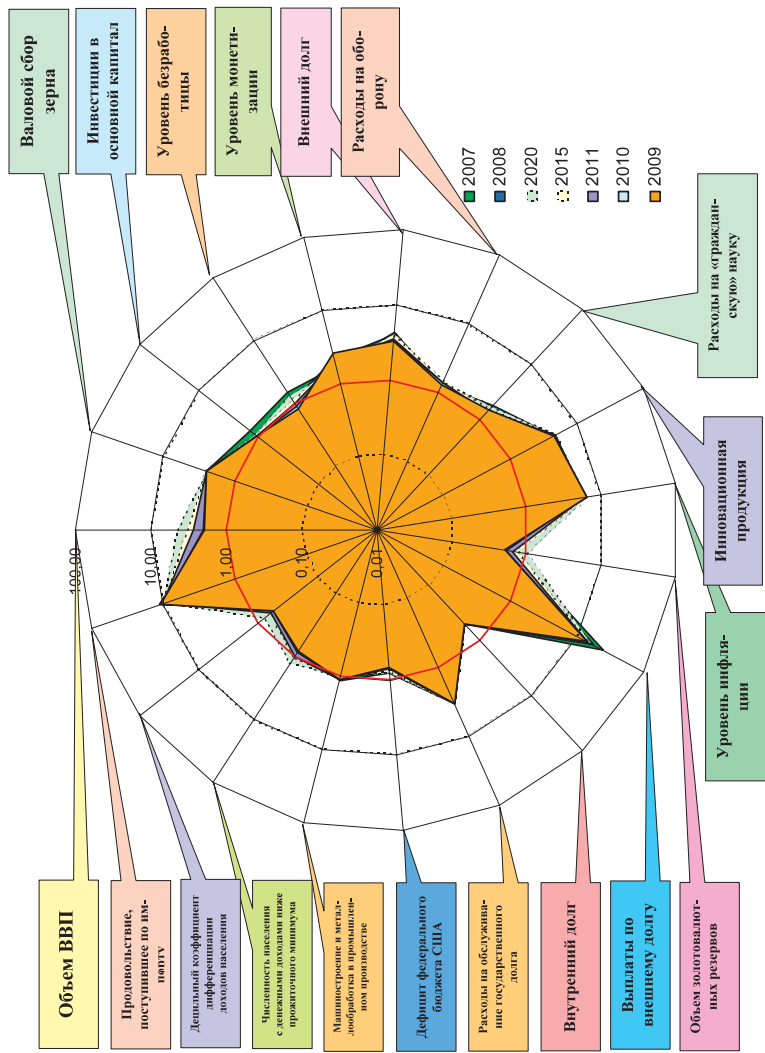

Рис. 5. Показатели экономической безопасности США в период 1997—2020 гг. (с учетом влияния мирового финансово-экономического кризиса, прогноз 2011 год)

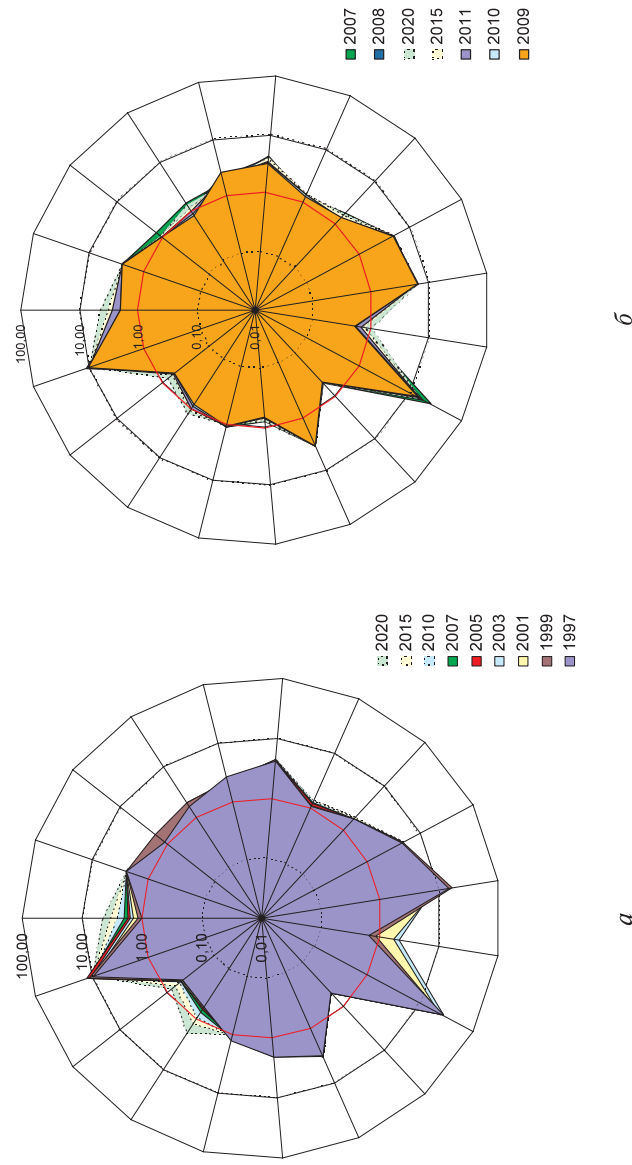

Рис. 6. Динамика изменения уровня экономической безопасности США в период 1997—2020 гг. без учета влияния мирового финансово-экономического кризиса (а) и с учетом влияния мирового финансово-экономического кризиса (б)

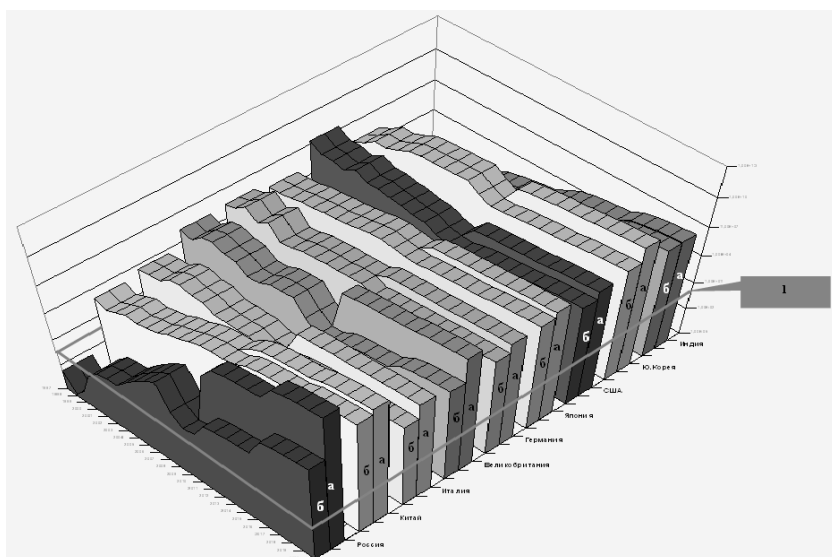

Рис. 7. Сравнительная оценка динамики значений интегральных показателей экономической безопасности государств мира без учета (а) и с учетом (б) влияния мирового финансово-экономического кризиса

где $U_{ЭБ, j, \text{расч.}}$ — общий нормированный показатель уровня экономической безопасности j -го государства, рассчитанный по фактическим статистическим значениям частных показателей защищенности соответствующего национального хозяйства;

$U_{ЭБ, j, \text{прогн.}}$ — общий нормированный показатель уровня безопасности национального хозяйства j -го государства, рассчитанный по прогнозным (данным в 2007 г.) значениям частных показателей.

Результаты сравнительной оценки эффективности реализованных в 2008—2010 гг. в США и КНР антикризисных мер представлены в виде табл. 2 и рис. 8.

Сравнительный анализ этих значений позволяет отнести реализованные в США и Китае антикризисные меры к одним из самых действенных в период самой острой фазы мирового финансово-экономического кризиса.

Таблица 2. Эффективность принятия Правительствами и Центральными банками государств в период мирового финансово-экономического кризиса антикризисных мер

Страны мира	Значения интегральных показателей экономической безопасности государств мира	Годы		
		2008	2009	2010
Россия	Прогноз 2007 г. (без учета влияния мирового финансово-экономического кризиса)	600 000,0	3 000 000,0	10 000 000,0
	Расчет по фактически имевшимся статистическим данным (для 2010, 2011 гг. — оценка)	110,0	9,06	16,0
	Эффективность антикризисных мер, %	0,0183	0,000302	0,000160
США	Прогноз 2007 г. (без учета влияния мирового финансово-экономического кризиса)	700 000,0	850 000,0	1 500 000,0
	Расчет по фактически имевшимся статистическим данным (для 2010, 2011 гг. — оценка)	150 000,0	83 000,0	73 000,0
	Эффективность антикризисных мер, %	21,4	9,76	4,87
Япония	Прогноз 2007 г. (без учета влияния мирового финансово-экономического кризиса)	4 000 000,0	6 000 000,0	7 900 000,0
	Расчет по фактически имевшимся статистическим данным (для 2010, 2011 гг. — оценка)	1 700 000,0	1 200 000,0	1 100 000,0
	Эффективность антикризисных мер, %	42,5	20,0	13,9
Германия	Прогноз 2007 г. (без учета влияния мирового финансово-экономического кризиса)	800 000,0	1 000 000,0	2 700 000,0
	Расчет по фактически имевшимся статистическим данным (для 2010, 2011 гг. — оценка)	630 000,0	640 000,0	200 000,0
	Эффективность антикризисных мер, %	78,75	64,0	7,41
Великобритания	Прогноз 2007 г. (без учета влияния мирового финансово-экономического кризиса)	900 000,0	5 300 000,0	21 000 000,0
	Расчет по фактически имевшимся статистическим данным (для 2010, 2011 гг. — оценка)	9 200,0	870,0	1 100,0
	Эффективность антикризисных мер, %	1,02	0,0164	0,00524
Италия	Прогноз 2007 г. (без учета влияния мирового финансово-экономического кризиса)	500 00,0	100 000,0	490 000,0
	Расчет по фактически имевшимся статистическим данным (для 2010, 2011 гг. — оценка)	2 300,0	2 500,0	3 600,0
	Эффективность антикризисных мер, %	4,60	2,50	0,735
Ю. Корея	Прогноз 2007 г. (без учета влияния мирового финансово-экономического кризиса)	60 000 000,0	80 000 000,0	95 000 000,0
	Расчет по фактически имевшимся статистическим данным (для 2010, 2011 гг. — оценка)	7 900 000,0	2 200 000,0	2 600 000,0
	Эффективность антикризисных мер, %	13,17	2,75	2,74
КНР	Прогноз 2007 г. (без учета влияния мирового финансово-экономического кризиса)	7 500 000,0	8 500 000,0	9 500 000,0
	Расчет по фактически имевшимся статистическим данным (для 2010, 2011 гг. — оценка)	960 000,0	1 100 000,0	1 800 000,0
	Эффективность антикризисных мер, %	12,8	12,9	18,9

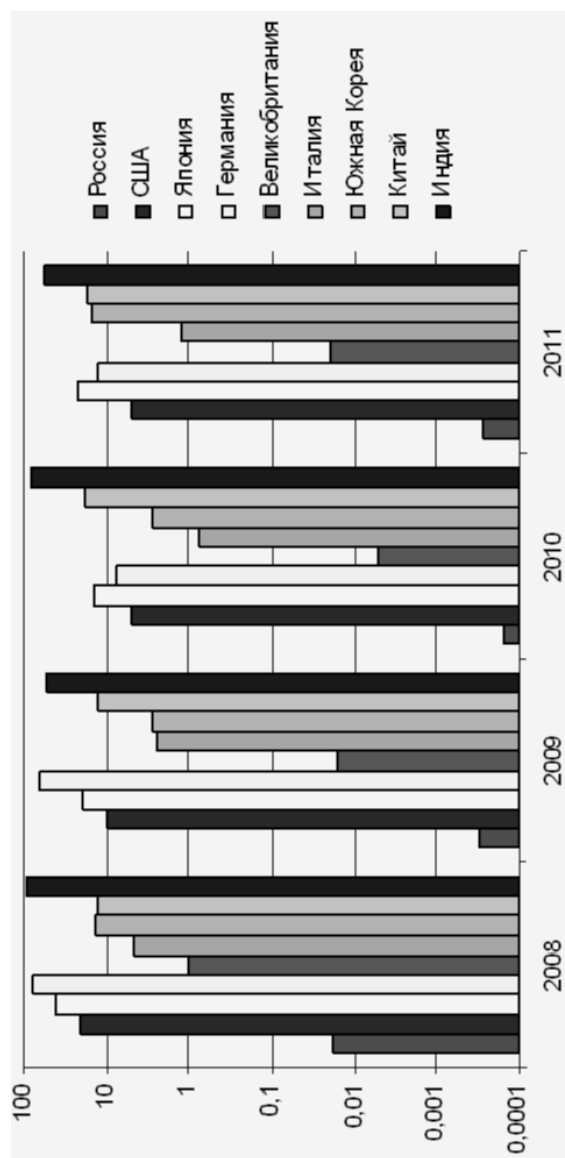

Рис. 8. Значения эффективности принятых в период мирового финансово-экономического кризиса антикризисных мер

Примечания

¹ Главными дисбалансами мировой экономики, приведшими к мировому финансово-экономическому кризису, эксперты называют: 1) *дисбаланс между реальной стоимостью активов и объемов денежных средств, оборачивавшихся на финансовых рынках*; так, например, мировой рынок страхования банков от дефолта по кредитам составил к концу второго квартала 2008 года 62 трлн долл., что превысило размер мирового ВВП в 2007 году; 2) *дисбаланс мирового роста*; в годы, предшествующие кризису, многократно вырос разрыв между потреблением и уровнем национального производства в развитых странах G7 и ряде европейских государств, превратив их в крупнейшие долговые экономики и стимулировав приток капитала со всего мира; 3) *дисбаланс между ростом капитализации компаний, доходности вложений в финансовый сектор и доходностью вложений в реальный сектор, ростом производительности труда*; в результате у некоторых внешне вполне успешных компаний реального сектора до кризиса убытки от их производственной деятельности покрывались за счет спекулятивных операций на финансовых рынках; 4) *дисбаланс между реальными возможностями и обязательствами потребителей*, прежде всего в США, сначала на ипотечном рынке, а затем на рынке потребительского кредитования. Более подробно см., напр., *Набиуллина Э. Экономическая политика в условиях кризиса — анализ и перспективы // Экономическая политика, 2009, № 3. С. 73 — 85; Гордиенко Д.В. Влияние мирового финансово-экономического кризиса на изменение уровня экономической безопасности государств мира. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2010, № 18 (75). С. 46—53.*

² По оценке МВФ, общие потери финансовых учреждений от финансового кризиса составили более 1000 млрд долл., из которых более 50 % связаны с низкокачественными ипотечными кредитами.

³ С начала 2000-х годов обострились системные проблемы: с одной стороны, огромный накопленный отрицательный платежный баланс в США (с 1999 г.) и ЕС (с 2006 г.), а с другой — растущее положительное сальдо в развивающихся странах и России. Поток сбережений из развивающихся стран (в основном Китая, Индии, стран ОПЕК) и России составлял в предкризисное десятилетие примерно 1 % нормы накопления развитых стран, компенсируя нехватку их собственных сбережений.

⁴ Сложилась модель глобализации, противоположная модели глобализации XIX — XX вв.: если в прошлом и позапрошлом столетии капитал двигался из развитых государств мира в развивающиеся страны (*emerging markets*) того времени, то в начале XXI в. развивающиеся рынки стали центрами сбережения, а развитые страны — основными потребителями.

⁵ *Ferguson N.* The Ascent of Money: A Financial History of the World. The Penguin Press, 2008. »Добро пожаловать в волшебный мир «Кимерики» — Китая плюс Америки, на который приходится десятая часть суши земного шара, четверть его населения, а в течение вот уже восьми лет — треть мирового производства и более половины мирового экономического роста. какое-то время казалось, что альянс этот подобен браку, заключенному на небесах. Восточные киммерийцы копили деньги. Западные киммерийцы деньги тратили. Китайский экспорт сдерживал инфляцию в США. Китайские сбережения сдерживали рост процентных ставок в США. Китайская рабочая сила сдерживала рост издержек на зарплату в США. В итоге занимать деньги стало очень легко, а руководить корпорациями — чрезвычайно выгодно. Благодаря Кимерике мировые реальные процентные ставки — стоимость заимствований с учетом инфляции — за последние 15 лет снизились более чем на треть от своего среднего уровня. Благодаря Кимерике прибыли американских корпораций в 2006 г. и их средняя доля в ВВП выросли примерно в той же пропорции. Но в этом таилась и ловушка. Чем более Китай был готов одалживать деньги Соединенным Штатам, тем сильнее становилось желание американцев занимать их. Иными словами, Кимерика стала первопричиной бума банковского кредитования, лихорадочного выпуска облигаций и заключения все новых деривативных контрактов, свидетелем которого мировые финансы оказались после 2000 г. Кимерика стала первопричиной буйного размножения «популяции» фондов хеджирования. И она же явилась первопричиной того, что долевые партнерства (*private equity partnerships*) получили возможность занимать деньги направо и налево и на одолженные средства скупать контрольные пакеты акций. Так Кимерика — или, как выразился Бен Бернанке, «избыток сбережений в Азии» — стала основной причиной того, что в 2006 г. ипотечный рынок США оказался настолько наводненным наличностью, что вы могли получить стопроцентный ипотечный кредит, не располагая при этом никакими доходами, нигде не работая и не владея имуществом».

⁶ В течение 2000-х годов «мягкая» денежно-кредитная политика правительств и центральных банков большинства развитых стран в условиях глобального замедления инфляции и притока капитала из развивающихся стран способствовала установлению низких ставок рефинансирования и отрицательных реальных процентных ставок по кредитам. Это, в свою очередь, привело к возникновению «пузырей» на рынках ряда активов — фондовом, недвижимости и т. д.

⁷ В результате национальное хозяйство США было призвано обеспечивать ведение военных действий в Ираке и Афганистане, финансирование которых не могло не привести к бюджетному дефициту. Страна в условиях экономического роста продолжала идти по пути наращивания бюд-

жетного дефицита вместо возвращения к «клинтоновской» политике профицитного бюджета.

⁸ Возникшие в небанковском финансовом секторе различные хедж-фонды, инвестиционные банки, фонды прямых инвестиций стали находиться за пределами традиционного регулирования со стороны правительств и центральных банков ряда стран или проводимая ими либеральная политика на финансовых рынках способствовала дерегулированию в использовании этих новых финансовых инструментов. В результате произошел системный провал всех органов надзора и контроля финансовых рынков.

⁹ В частности, США превратились в крупнейшую в мире долговую экономику. Уровень совокупного долга домашних хозяйств, бизнеса и государства в 2,4 раза стал превышать объем ВВП.

¹⁰ В этой связи также можно говорить о дисбалансе при решении двух противоположных, по сути, задач, решаемых правительствами США и стран ЕС: с одной стороны, стимулирования потребления домохозяйств, чтобы не допустить «дефляционной ловушки», а с другой — стимулирования ими сбережений, т.е. приведения в соответствие расходов домохозяйств с результатами их производственной деятельности. Беспрецедентная денежная политика Федеральной резервной системы США по предоставлению ликвидности сравнивается рядом экспертов с недобросовестным поведением (*moral hazard*) по отношению к мировой экономике. См., напр., *May B.* Глобальный кризис: опыт прошлого и вызовы будущего // Экономическая политика, № 4, 2009.

¹¹ Безусловно, что мировую или резервную валюту нельзя «назначить». Выдвижение на эту роль происходит естественным путем, в результате проведения властями той или иной страны ответственной денежной политики, ведущей к повышению международной привлекательности национальной валюты.

¹² В этом смысле кризис является объективно необходимым процессом экономической коррекции, выполняющим полезную экономическую функцию. Наиболее эффективными мерами, способствующими реализации этой альтернативы на современном этапе, как показывает история, являются: меры по сохранению платежных систем; смягчение острых социальных проблем; отказ от адресной поддержки неэффективных предприятий, банков, финансовых институтов; проведение ответственной бюджетной политики; структурная реформа инфраструктурных отраслей; реформирование системы правоприменения и поддержания правопорядка для обеспечения защиты прав собственности и пр.

Примерами, иллюстрирующими проведение мер, способствующих относительно быстрому выходу из кризиса, являются действия британского правительства во время предыдущего крупного кризиса 1979 — 1980 годов,

действия правительства Южной Кореи во время азиатского кризиса 1997 — 1998 года.

¹³ Реализация этой альтернативы происходит, как правило, вследствие проведения деструктивной политики правительствами (властями) в условиях кризиса, которая состоит в попытках спасти предприятия, банки, отрасли и другие группы экономических субъектов, серьезно пострадавшие от кризиса либо рассматриваемые как «системообразующие» (т. е. в наибольшей степени вписанные в докризисную диспропорциональную экономику).

Примерами, иллюстрирующими проведение деструктивной политики правительствами (властями) в условиях кризиса, являются политика правительства США в 1930 году, благодаря которой рецессия переросла в Великую депрессию, политика властей Японии в ходе и после кризиса 1990 года, когда экономика этой страны в течение всего последующего периода так и не вышла на траекторию уверенного роста. Более подробно см., напр., *Завадников В.* О конструктивной экономической политике правительств (властей) в период кризиса. // Экономическая политика. 2009. № 2. С. 5 — 11.

¹⁴ *Источник:* Цзинци жибао. 11.12.2008.

¹⁵ О таком подходе китайского руководства, в частности, говорилось на 3-м пленуме ЦК КПК 17-го созыва (октябрь 2008 года) и в отчетном докладе премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао на 2-й сессии ВСНП 11 созыва в марте 2009 года: «Расширение внутреннего спроса считать долгосрочным стратегическим курсом и главной точкой приложения сил в стимулировании роста экономики».

¹⁶ В 2008 году эта сумма составляла 12,5 % ВВП Китая. Необходимость реализации «стимулирующего пакета» и его объем был подтвержден на 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 11 созыва в марте 2009 года.

¹⁷ Для реализации этих первоочередных задач уже в декабре 2008 года в экстренном порядке была подготовлена первая часть антикризисной программы экономического стимулирования, рассчитанная на IV квартал 2008 года. В соответствии с этой «малой программой» декабре 2008 года Госсовет КНР выделил первый транш на финансирование антикризисных мероприятий размере 100 млрд юаней (в т. ч. 10 млрд юаней — на строительство экономического (дешевого) жилья для населения, 34 млрд юаней — на капитальное строительство в деревне, 25 млрд юаней — на строительство железных дорог, шоссе, аэропортов, 13 млрд юаней — на социальное строительство, 12 млрд юаней — на развитие экологии, 6 млрд юаней — на развитие собственных инноваций). С использованием этих средств, в частности, началось строительство большого железнодорожного моста в провинции Хубэй и сооружение в провинции Ляонин первой в Северо-Восточном Китае АЭС Хуньяньхэ. *Источник:* Чжунго гайгэбао. 02.12.2008.

¹⁸ Согласно данным Государственного комитета по развитию и реформам КНР, 1,8 трлн. юаней из общей суммы, выделенной на реализацию «стимулирующего пакета», планировалось потратить на строительство железных дорог, шоссе, аэропортов, электрических и атомных станций; 1 трлн. юаней будет инвестировано для преодоления негативных последствий землетрясения в провинции Сычуань; 370 млрд юаней — на субсидии в сельскохозяйственном секторе и инфраструктуре; 350 млрд юаней — на защиту окружающей среды; 160 млрд юаней будут использованы на поддержку бизнеса; 280 млрд юаней — направлены в сектор недвижимости; 40 млрд юаней будет потрачено на социальную сферу. *Источник:* China Daily. 13—14.12.2008. На эти же цели был направлен и пакет мер Госсовета КНР по стимулированию рынка недвижимости (декабрь 2008 г.). *Источник:* Синьхуа. 10.01.2009. Правительство Китая также объявило о крупном пакете налогово-бюджетных стимулов выхода из финансово-экономического кризиса на 2009 — 2010 годы (хотя и без четкого указания его точного размера). По оценкам МВФ совокупный размер налогово-бюджетных стимулов составит в 2009 году 4 % ВВП, а затраты на поддержку государственных предприятий — 1 % ВВП. *Источник:* World economic outlook. Russian. Перспективы развития мировой экономики — Wash., D.C.: International Monetary Fund, 2009. Из суммы дополнительных затрат государства, выделяемых для финансирования указанных программ, 30 % (1,18 трлн. юаней) — на ассигнования местных бюджетов и кредиты государственных банков. С целью мобилизации необходимых дополнительных финансовых ресурсов предполагалось возобновить выпуск целевых государственных казначейских обязательств для использования полученных средств в инвестиционной сфере.

¹⁹ В 2007 году ВВП Китая на 37 % формировался за счет экспорта. Объем внешней торговли за 7 месяцев 2009 года составил 1,15 трлн. долл., что на 22,7 % меньше показателя 2008 года.

²⁰ В частности, «мерами» предусмотрено: увеличение кредитной квоты для основных китайских банков на 100 млрд юаней (14,5 млрд долл.); приостановка продаж трехлетних облигаций китайского Центробанка; поддержка предприятий, планирующих операции по слиянию и поглощению через фондовые рынки, а также разрешение зарубежным банкам выдавать кредиты китайским компаниям для этих целей. Благодаря только этим мерам, темпы роста денежной массы в стране, по мнению китайского правительства, должны увеличиться до 18 — 20 %.

²¹ В частности Комитет по управлению и контролю за банковской деятельностью объявил, что соотношение «кредиты — депозиты» для этих банков может «в определенных границах» превышать установленный норматив (75 %), а также рекомендовал банкам усилить кредитную поддержку

малых предприятий и аграрного сектора. В результате в ноябре 2008 года размеры вновь выданных банковских кредитов составили 476,9 млрд юаней (в 4 раза больше, чем в ноябре 2007 года), а в декабре достигли уже 771,8 млрд юаней. В целом, в 2008 году размеры вновь выданных кредитов составили 4,91 трлн. юаней (на 1,28 трлн. юаней больше, чем в 2007 году). *Источники:* China Daily. 15.12.2008, 02.02.2009, Синьхуа. 11.01.2009. Одновременно НБК была снижена норма обязательного резервного депонирования для коммерческих банков: к концу 2008 года ее уровень был уменьшен с 17,5 до 14,5 %.

²² В первой половине 2009 года объем банковского кредитования увеличился на 7,72 трлн. юаней (1,14 млрд долл.), т.е. вырос на 32,8 %. При этом кредиты малым и средним предприятиям составили 54,3 % всех кредитов, выданных китайским предприятиям за полугодие. *Источник:* Жэньминь жибао. 10.08.2009.

²³ В сентябре — декабре 2008 года НБК с целью стимулирования банковского кредитования промышленности неоднократно снижал уровень процентных ставок: три раза в сентябре — октябре (каждый раз на 0,27 %), один раз в ноябре (на 1,08 %) и один раз в декабре (на 0,27 %). В результате за короткое время базовая ставка по кредитам сроком на 1 год была поэтапно снижена с 7,47 до 5,31 % годовых, а по депозитам на 1 год — с 4,41 до 2,25 %. *Источник:* China Daily. 15.12.2008.

²⁴ С целью повышения спроса на национальном рынке ценных бумаг был существенно расширен доступ на фондовый рынок КНР для крупных иностранных банков и финансовых компаний. В частности, Госсовет КНР увеличил квоту (с 10 до 30 млрд долл.) для операций т.н. квалифицированных иностранных институциональных инвесторов на рынке акций китайских предприятий, совершаемых за юани (акции типа «А»). Одновременно с января 2009 года для облегчения финансовых трудностей китайским компаниям было разрешено выпускать и размещать на межбанковском рынке корпоративные облигации на сумму менее 500 млн юаней, что смягчило требования к минимальным размерам корпоративных заимствований на фондовом рынке.

²⁵ Важнейшими мерами по обеспечению роста потребления среди более 800-миллионного сельского населения Китая стали: повышение доходов крестьян путем регулирования закупочных цен на зерно (с января 2009 года повышены на 15 %) и другую сельскохозяйственную продукцию; увеличение помощи в приобретении высокосортных семян и сельхозтехники; субсидирование (до 10 — 13 %) правительством покупки и раздача талонов на приобретение деревенскими жителями бытовой техники. В 2008 году ассигнования центрального бюджета на субсидии крестьянам составили 102,77 млрд юаней (более чем в 2 раза больше уровня 2007 года). *Источник:* Синьхуа. 5.01.2009. В 2009 году центральное правительство КНР финанси-

ровало три программы стимулирования потребления в сельской местности, которые включали субсидирование продаж автомобилей (на общую сумму 5 млрд юаней), бытовых электроприборов и электроники (50 млрд юаней), сельскохозяйственных машин (10 млрд юаней) и были распространены на половину территории страны. В течение ближайших 5 лет политика субсидий позволит, по расчетам китайских специалистов, увеличить внутренний платежеспособный спрос более чем на 500 млрд юаней.

²⁶ В частности, с 1 февраля 2009 года в стране началась акция «Деревне — бытовую технику»: крестьянам при покупке продукции электронной промышленности и бытовой техники (стиральных машин, холодильников, компьютеров, мобильных телефонов) стали предоставляться субсидии в размере до 13 % от цены товара. Согласно прогнозам в ближайшие четыре года объем реализации бытовой техники в сельских районах может достичь 920 млрд юаней. *Источник:* Китай. 2008. № 3. С. 34 — 35.

Одновременно, в целях расширения и совершенствования предложения отечественных товаров и услуг на внутреннем рынке в Комитете по реформе и развитию в декабре 2008 года — феврале 2009 года были разработаны программы реструктуризации и модернизации десяти ключевых отраслей промышленности КНР, на долю которых приходится более 30 % ВВП и 30 % занятых в городах. В их числе автомобиле- и судостроение, нефтехимия, легкая и текстильная промышленность, машиностроение, электронная промышленность, черная и цветная металлургия, информационные технологии, современная логистика. *Программы реструктуризации и модернизации* этих отраслей промышленности предусматривают реализацию соответствующих комплексных мер — от расширения и совершенствования производственных отраслей до целевого субсидирования спроса в сегментах потребительского рынка, предоставления налоговых льгот, снижения тарифов на электроэнергию и т.д. *Источники:* Синьхуа. 13.01.2009. Жэньминь жибао. 15.03.2009.

²⁷ Пакет мер Госсовета КНР по стимулированию рынка недвижимости был принят в декабре 2008 года. В частности гражданам КНР было разрешено продавать жилье без уплаты налогов в случае, если собственник владеет этим жильем не менее 2 лет (ранее — не менее 5 лет). В случае если жилье находится в собственности продавца менее 2 лет, то он уплачивает налог только с разницы между ценой продажи и ценой приобретения (ранее — с цены продажи). Для активизации покупок жилья гражданам, имеющим жилье «размером меньше среднего» было разрешено покупать второе жилье с использованием льготного кредитования. *Источник:* Синьхуа. 10.01.2009.

²⁸ В 2009 году базовым медицинским обслуживанием было охвачено 1,2 млрд человек. Только в течение 2009 — 2011 гг. предполагается направить на развитие здравоохранения 124 млрд долл. При этом выделяемые на

здравоохранение средства проходят отдельной статьёй финансирования и не включены в «стимулирующий пакет».

В 2009 году на основе принятых Госсоветом КНР «Руководящих положений о введении в опытный порядок нового пенсионного обеспечения сельского населения» (*кит.* — *Guanyu kaizhan xinxihe nongcun shehui yanglao baoxian shidian de zhidaoyijian*) в Китае была введена система пенсионного обеспечения сельских жителей. Крестьяне в возрасте старше 60 лет стали получать пенсии от государства. Размер пенсий определяется в зависимости от района проживания и других факторов. Также были повышены пенсии для работников городских предприятий.

Также было реализовано требование ЦК КПК и Госсовета КНР о создании системы оказания помощи населению города и деревни, поддержки той его части, которая в кризисный период испытывает наибольшие трудности. На эти цели в 2009 году центральное правительство Китая выделило 54 млрд юаней (8,2 млрд долл.), что на 49 % превысило аналогичные расходы в 2008 году. Охват системой социального обеспечения только 20 % городской бедноты позволил увеличить потребительские расходы населения на 10 млрд юаней (1,5 млрд долл.).

²⁹ Одной из первых мер по обеспечению жильем малообеспеченных граждан, явилась реализация 36 проектов жилищного строительства в провинции Шаньси. При этом планировалось расселение почти 14 тыс. семей с низким уровнем дохода и создание 12 тыс. новых рабочих мест.

³⁰ По словам премьера Госсовета КНР, Китай «решительно разработал десять пунктов» — 10 мер по расширению внутреннего спроса. Эти антикризисные меры направлены, прежде всего, на строительство жилья социального обеспечения, улучшения жизни на селе, развитие здравоохранения, образования и культуры, инфраструктурное строительство (создание гидрообъектов, прокладку железных и шоссейных дорог, строительство аэропортов). В целях реализации этих мер только в 2009 году правительство Китая увеличило на 20 % расходы на поддержку села, на 24 % — расходы на образование, на 17 % — на социальное обеспечение и на 14,9 % — на оборону.

³¹ На 3-м пленуме ЦК КПК 17-го созыва (октябрь 2008 года), на 2-й сессии ВСНП 11 созыва (март 2009 года) руководством страны были поставлены проблемы, связанные с увеличением поддержки решения «трех сельских проблем» (*сань нун*) — сельское хозяйство, деревня, крестьяне. В числе основных были названы такие задачи, как создание отраслей промышленности, ориентированных на нужды села, и развитие ключевых сельскохозяйственных районов. Необходимыми условиями решения «сельских проблем» были объявлены: рост объема финансирования всех отраслей агросферы; переоснащение ее производственной базы более современным и эффективным оборудованием; внедрение прогрессивных инноваций и биотехнологий.

Роль и значение принятия антикризисных мер в аграрном секторе экономики были раскрыты в решении Всекитайского совещания по работе в деревне (декабрь 2008 года) «Об ускоренном развертывании программы модернизации сельского хозяйства с китайской спецификой» и директивных документах Госсовета КНР и ЦК КПК (документ № 1, 2009 г. — «Мнение ЦК КПК и Госсовета КНР о работе в деревне»): «Наибольший потенциал для расширения внутреннего спроса — в деревне, базовая опора для устойчивого и сравнительно быстрого развития экономики — в сельском хозяйстве, самое трудное звено в обеспечении и улучшении жизни народа — крестьянство». *Источник:* Цзинцзи жибао. 29.12.2008.

Практически одновременно в 2008 году были также обнародованы три долгосрочные целевые программы, уточняющие и конкретизирующие выполнение антикризисных мероприятий в сельском хозяйстве: Программа среднесрочной и долгосрочной продовольственной безопасности Китая (2008 — 2020 гг.), Программа развития системы баз товарного производства (2008 — 2015 гг.) и Программа использования земельных ресурсов (2008 — 2020 гг.).

³² «Третья промышленность» — принятое в Китае обозначение коммерции, торговли продовольственными товарами, сферы информационных, юридических, консалтинговых, ремонтных услуг, туризма, городского транспорта, перевозки грузов, финансов, страхования, телекоммуникаций, культуры, образования, науки и исследований и пр. *Справочно:* «первая промышленность» — сельское хозяйство, «вторая промышленность» — промышленное производство и строительство.

³³ 4 января 2009 года Министерство промышленности и информации КНР объявило, что для облегчения положения и содействия развитию средних и малых предприятий в условиях глобального финансово-экономического кризиса предусмотрены шесть мер: (1) решить трудности в финансировании и гарантиях работы средних и малых предприятий; (2) помочь предприятиям в расширении рынка; (3) стимулировать регулирование структуры предприятий и обновление производства; (4) обновить управление, повысить рыночную конкурентоспособность предприятий; (5) создать благоприятный политический и рыночный климат, совершенствовать систему предоставления общественных услуг; (6) всемерно поддерживать производство для обеспечения стабильности в области трудоустройства.

Министерство финансов и Госкомитет по делам развития реформ КНР объявили об отмене с 1 января 2009 года 100 видов административно-управленческих сборов и налогов для средних и малых предприятий в таких сферах как строительство, экспорт, переработка сельскохозяйственной продукции, производство лекарств и т. д., а также в образовании, трудоустройстве, миграции кадров. В частности, были отменены сборы за охрану дорог и фарватеров, управление автодорожным и водным транспортом

том, надбавки к ценам на автодорожный и водный транспорт. Для облегчения работы мелких промышленных предприятий и индивидуальных предпринимателей была установлена единая ставка НДС в размере 3 %, а для предприятий с уровнем годового дохода меньше 300 тыс. юаней ставка налога на прибыль была уменьшена с 25,0 до 20,0 %. *Источники:* China Daily. 10.12.2008, 14.01.2009.

Одновременно в 2008 году из центрального и провинциальных бюджетов было выделено 28,64 млрд юаней на стимулирование технической инновационной деятельности, качественное обновление продукции средних и малых предприятий, освоение ими международных рынков. *Источник:* Женьминь жибао. 16.03.2009.

В марте 2009 года Министерство финансов КНР объявило о выделении 1 млрд юаней (147 млн долл.) в виде субсидий на предоставление кредитных гарантий среднему и малому бизнесу: на получение таких субсидий смогут претендовать 330 финансовых учреждений «с налаженной системой управления и необходимым потенциалом для предотвращения рисков».

³⁴ В ноябре 2008 года Министерством финансов КНР и Главным налоговым управлением было объявлено об изменениях в налоговой системе, подняты ставки возвращения налога на добавленную стоимость (НДС) на ряд экспортируемых товаров. С 1 января 2009 года были введены изменения в налоги: на НДС (предприятия освобождались от уплаты НДС при приобретении нового технологического оборудования для реализации инвестиционных программ), налог на деловую активность и налог на потребление. С 1 февраля 2009 года была увеличена ставка возврата НДС на экспортный текстиль и готовую одежду (всего 3325 наименований товаров) с 14 до 15 %. Реформа налога на НДС, по оценкам экспертов, позволит сократить налоговое бремя китайских предприятий на сумму около 18 млрд долл.

Кроме того, правительство КНР выделило 15 млрд юаней для помощи предприятиям в выплате процентов по займам, которые были взяты для продвижения технологий.

³⁵ Одним из первых явился проект сооружения природоохранных объектов в Синьцзян-Уйгурском автономном районе общей стоимостью в 250 млн юаней.

³⁶ Согласно решениям Госсовета КНР и «Плану регулирования и возрождения производства» усилия правительства в 2009 году были сосредоточены на: (1) модернизации оборудования для металлургической промышленности, цветной металлургии, химической, легкой, текстильной и пищевой отраслей; (2) стимулировании производства крупногабаритного машинно-технического оборудования, повышении качества комплектующих изделий; (3) разработке проектов и производстве автомобилей, работающих на новых источниках энергии, энергосбережении, защите окружающей среды и безопасности производства; (4) создании новых образцов

интегральных схем и передовых производственных линий, разработке новых способов передачи изображения и развитии цветного телевидения, проведении исследований и организации производства средств мобильной связи нового поколения TD-SCDMA, создании ЭВМ нового поколения, внедрении Интернета, ускоренном развитии производства программного обеспечения; (5) производстве оборудования для атомных и ветровых электростанций; (6) диверсификации способов перевозки грузов, модернизации транспортного оборудования, совершенствовании систем распределения и доставки материальных ресурсов и продукции в города и сельскую местность. В тоже время Министерство промышленности и информатизации КНР выработало пакет из 7 мероприятий, которые должны были поддерживать сталелитейную, автомобильную и судостроительную промышленность. *Источник:* Итоги заседания Госсовета КНР 6 мая 2009 г. // Женьминь жибао. 07.05.2009. Например, в *нефтехимическую промышленность* в течение 2009 — 2010 гг. планировалось инвестировать 500 млрд юаней, в т. ч. 100 млрд юаней будет направлено на совершенствование технологических процессов с целью повышения качества продукции, а 400 млрд юаней — на строительство двадцати новых крупных предприятий. Также предполагается увеличение нормы возврата НДС при экспорте нефтехимической продукции. За первые пять месяцев 2009 года в нефтехимическую промышленность КНР было инвестировано 8,47 млрд юаней. *Источник:* China Daily. 22.01.2009. В *автомобилестроении* Госсоветом КНР планируется выделение 10 млрд юаней на создание специального отраслевого фонда с целью внедрения новых технологий и освоения производства т. н. гибридных автомобильных двигателей, использующих альтернативные виды энергоносителей. Также было объявлено о снятии административных ограничений и двукратном снижении налога на приобретение автомобилей, предоставлении крестьянским хозяйствам субсидий на покупку легких грузовиков, развитии потребительского кредитования при покупке отечественных автомобилей и пр. Программа реструктуризации и модернизации *сталелитейной промышленности* предусматривает ликвидацию избыточных мощностей с устаревшей производственной технологией, стимулирование технической модернизации, поощрение корпоративных слияний и поглощений с целью концентрации производства, а также уменьшение или полную ликвидацию экспортных таможенных пошлин на продукцию отрасли, покупку некоторых видов конечной продукции для создания государственных резервов. 14 января 2009 года на заседании Постоянного комитета Госсовета КНР был рассмотрен и утвержден План развития отечественной металлургии, направленный на преодоление проблем, возникших в отрасли в результате мирового финансово-экономического кризиса. Согласно этому плану в Китае ожидается вывод из эксплуатации отсталых производств общей мощ-

ностью 100 млн т стали. В 2009 году предстояло вывести из эксплуатации мощности по производству 10 млн т чугуна и 6 млн и стали.

³⁷ Для реализации этих задач только в декабре 2008 года практически 1/3 общей суммы «малой антикризисной программы экономического стимулирования», рассчитанной на IV квартал 2008 года (100 млрд юаней), было направлено на капитальное строительство в деревне (школы, поликлиники, учреждения культуры и т.д.) и проекты жизнеобеспечения сельского населения (развитие системы ирригации, обеспечение питьевой водой и пр.). Для контроля процесса освоения выделенных средств правительством были созданы и посланы на места 24 рабочие группы контроля с целью обеспечить целевое использование выделенных средств и качественное выполнение работ.

³⁸ Так, например, провинция Юньнань утвердила 12 мер по расширению внутреннего спроса, в т.ч. увеличение финансовой поддержки сельскому хозяйству: дополнительные инвестиции в размере 1 млрд юаней в основные фонды агросферы должны обеспечить прирост потребительского спроса сельскохозяйственного населения. *Источник:* Нунминь жибао. 02.12.2008. Правительство провинции Аньхой создало 21 хозяйственную бригаду для проведения курса «усиления поддержки решения аграрных проблем» (*цян сань нун*), «расширения внутреннего спроса» (*ко нэйцю*) и «обеспечения роста производства» (*бао цзэн чжан*) с целью «обеспечения прироста производства зерна в установленном размере». Бригадам были поставлены задачи закупать все излишки зерна и хлопка у крестьян, а также строить производственную и бытовую инфраструктуру в деревне. В провинции Фуцзянь были увеличены инвестиции в инфраструктуру сельского хозяйства («выравнивание полей», восстановление «больных» водохранилищ и пр.). *Источник:* Нунминь жибао. 03.12.2008.

³⁹ В 2009 году прямые иностранные и внутренние инвестиции составили 81,6 млрд долл. Ожидается, что в 2010 году их объем составит 80,9 млрд долл., в 2011 г. — 82,9 млрд долл., в 2012 г. — 95,3 млрд долл.

⁴⁰ В 2009 году средний доход на душу населения вырос до 6,3 тыс. долл. (в 2000 г. — 4 тыс. долл.). Предполагается, что к 2012 г. он увеличится до 7 тыс. долл.

⁴¹ Данные Государственного управления статистики КНР. URL: http://www.stats.gov.cn/tjfx/jdfx/t20090727_402574913.htm; http://www.stats.gov.cn/tjfx/jdfx/t20090724_402574576.htm.

⁴² По данным Международного валютного фонда (МВФ), результаты реализации принимаемых китайским правительством мер позволяют с определенным оптимизмом рассматривать итоги 2009 года и надеяться на позитивную динамику в 2010 году. Эксперты МВФ дали положительную оценку планам китайского правительства в области поддержки частного

сектора экономики, технического перевооружения предприятий, повышения энергетической эффективности, стимулирования расходов на инновации и научные исследования, оптимизации («упорядочения») отраслей с избыточным производственным потенциалом. По мнению экспертов МВФ, постепенное оживление китайской экономики будет способствовать росту иностранных инвестиций в КНР.

⁴³ Пороговыми (на диаграммах — единичными) уровнями экономической безопасности КНР считаются: 1) для объема валового внутреннего продукта (ВВП) — 4 000 млрд долл. (в ценах 2003 года); 2) для валового сбора зерновых — 600 млн т. (масса до обработки); 3) для доли инвестиций в основной капитал — 16 % к ВВП; 4) для доли расходов на оборону — 1,1 % к ВВП; 5) для доли затрат на «гражданскую» науку — 1,5 % к ВВП; 6) для доли инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции — 15 %; 7) для доли машиностроения и металлообработки в промышленном производстве — 25 %; 8) для доли лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума во всей численности населения — 7 % к всему населению страны; 9) для децильного коэффициента дифференциации доходов населения — 8; 10) для уровня безработицы — 8 % к экономически активному населению; 11) для уровня монетизации — 25 % к ВВП; 12), 13) для внешнего и внутреннего долга — 40 % и 30 % к ВВП соответственно; 14) для доли расходов бюджета на обслуживание государственного долга — 20 % к общему объему расходов бюджета центрального правительства; 15) для дефицита бюджета центрального правительства — 3 % к ВВП; 16) для уровня инфляции — 25 %; 17) для объема золотовалютных резервов — 26 млрд долл.; 18) для отношения выплат по внешнему долгу к объему годового экспорта — 25 %; 19) для доли продовольствия, поступившего по импорту, в общем объеме продовольственных ресурсов — 20 %.

⁴⁴ «Превратить кризис в шанс» (*кит. — Hua weiji wei jiyu*) // Женьминь жибао. 2008. 12 ноября.

⁴⁵ В частности, только в период с сентября по декабрь 2008 года ставка рефинансирования ФРС была понижена с 2,75 до 0 — 0,25 %. Это фактически означало бесплатную раздачу денег банкам.

⁴⁶ Государственная помощь оказывалась путем выкупа ценных бумаг, выдачи государственных гарантий по ним или предоставления целевых кредитов.

⁴⁷ Прежде всего, безнадежных кредитных портфелей банков, сформированных в процессе ипотечного кредитования. В этой связи в октябре 2008 года американским конгрессом был одобрен «План Полсона», заключающийся в том, что Министерство финансов США занимает на мировом финансовом рынке 700 млрд долл. путем выпуска краткосрочных обязательств и выкупает у частных банков их безнадежные долги, обеспеченные залогом недвижимости, а также покупает пакеты акций этих банков. План

также предусматривал, что каждый банк, долги и акции которого будут куплены Минфином, полностью изменит свою финансовую политику: будет обеспечивать страховку от дальнейших потерь, связанных с ипотечным кредитованием; введет ограничения на зарплату высших руководителей и откажется от обычной практики «золотых парашютов», когда высокопоставленные сотрудники банка, его покидающие, получают грандиозные суммы в качестве вознаграждения за проделанную работу.

В последствии министр финансов США Г. Полсон объявил, что ценные бумаги, обеспеченные недвижимостью, выкупаться не будут — правилом будет покупать только акции банков, т. к. это является более эффективным способом оказания денежной помощи. Кроме того, денежная помощь во все возрастающем масштабе будет распространяться на небанковские финансовые институты.

⁴⁸ Частно-государственной инвестиционной программой (*Public-Private Investment Program, PPIP*) предусмотрено использование Минфином, ФРС, Федеральной корпорацией страхования депозитов США и частным капиталом от 75 до 100 млрд долл., выделенных ранее Конгрессом, для создания условий по выкупу «токсичных» активов на сумму от 500 до 1000 млрд долл.

⁴⁹ В числе первых в начале сентября 2008 года были фактически национализированы Федеральная национальная ипотечная ассоциация (*Federal National Mortgage Association, FNMA*, или шуточно *Fannie Mae*) и Федеральная ипотечная кредитная корпорация (*Federal Home Loan Mortgage Corporation, FHLMC*, или шуточно *Freddie Mac*) с активами 5,3 трлн. долл. В начале сентября 2008 года Министерство финансов США объявило, что берет эти организации под госконтроль и приобрело долю в 1 млрд долл. в каждой из компаний в форме особо привилегированных акций, обеспечивающих правительству пакет в 79,9%. Их руководители были уволены и заменены государственными кризисными управляющими.

⁵⁰ Федеральная резервная система (ФРС) США приняла в ноябре 2008 года две масштабные программы, в соответствии с которыми ФРС выкупает долговые обязательства, выпущенные Федеральной национальной ипотечной ассоциацией и Федеральной ипотечной кредитной корпорацией, на сумму 100 млрд долл., а также, совместно с Минфином, участвует в выдаче кредитов тем гражданам, кто уже имеет долги по покупке автомобилей, получению образования и приобретению кредитных карт, на сумму 200 млрд долл.

⁵¹ Пороговыми (на диаграммах — единичными) уровнями экономической безопасности США считаются: 1) для объема валового внутреннего продукта (ВВП) — 7 000 млрд долл. (в ценах 2003 года); 2) для валового сбора зерновых — 140 млн т. (масса до обработки); 3) для доли инвестиций в основной капитал — 16% к ВВП; 4) для доли расходов на оборону — 3% к

ВВП; 5) для доли затрат на «гражданскую» науку — 1,5% к ВВП; 6) для доли инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции — 15%; 7) для доли машиностроения и металлообработки в промышленном производстве — 25%; 8) для доли лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума во всей численности населения — 7% к всему населению страны; 9) для децильного коэффициента дифференциации доходов населения — 8; 10) для уровня безработицы — 8% к экономически активному населению; 11) для уровня монетизации — 25% к ВВП; 12), 13) для внешнего и внутреннего долга — 40% и 30% к ВВП соответственно; 14) для доли расходов бюджета на обслуживание государственного долга — 20% к общему объему расходов федерального бюджета; 15) для дефицита федерального бюджета — 3% к ВВП; 16) для уровня инфляции — 25%; 17) для объема золотовалютных резервов — 75 млрд долл.; 18) для отношения выплат по внешнему долгу к объему годового экспорта — 25%; 19) для доли продовольствия, поступившего по импорту, в общем объеме продовольственных ресурсов — 20%.

⁵² World economic outlook, April 2009. Crisis and recovery. — Wash.: IMF, 2009. — 221 p.

⁵³ Bernanke B. Lessons of the financial crisis for banking supervision. — Wash.: FRS, 2009. — 5 p.

Бюджетные прогнозы, основанные на подготовленном администрацией США бюджете на 2009 бюджетный год и Бюджетным управлением Конгресса США на 2009 — 2019 годы, включают, в частности, пакет стимулов по выходу страны из финансово-экономического кризиса и обеспечению экономической безопасности страны в размере 787 млрд долл. в рамках Закона о восстановлении и реинвестировании американской экономики (2009). *Источник:* World economic outlook. Russian. Перспективы развития мировой экономики — Wash., D.C.: International Monetary Fund, 2009.

⁵⁴ О показателях экономической безопасности государства и правилах их нормировки, как было отмечено выше, см., напр., Гордиенко Д.В. Проблемы интегральной оценки экономической безопасности государства / Труды международной научно-практической конференции «Математика, информатика, естествознание в экономике и в обществе». — М.: МФЮА, 2006. С. 136—142; Гордиенко Д.В., Баскаков В.В. Основы экономической безопасности государства. Монография. М.: Министерство обороны РФ, 2-е издание, расшир., 2007. 164 с.; Гордиенко Д.В., Хохлов А.С. Военно-экономическая безопасность государства. Монография. М.: ВАГШ ВС РФ, 2008. 297 с.; Гордиенко Д.В. Основы экономической безопасности государства. Курс лекций. Учебно-методическое пособие. — М.: Финансы и статистика, Инфра-М, 2009. — 224 с.: ил.

По мнению авторов «Экономическая безопасность России: Общий курс»: Учебник / Под ред. В.К. Сенчагова. — М.: Дело, 2005. — 896 с. таки-

ми *показателями-индикаторами* экономической безопасности государства могут быть: 1. Объем валового внутреннего продукта (ВВП); 2. Валовой сбор зерновых, млн т.; 3. Доля инвестиций в основной капитал (в % к ВВП); 4. Доля расходов на оборону (в % к ВВП); 5. Доля затрат на «гражданскую» науку (в % к ВВП); 6. Доля инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции (в %); 7. Доля машиностроения и металлообработки в промышленном производстве (в %); 8. Доля лиц с денежными доходами ниже прожиточного минимума во всей численности населения (в %); 9. Децильный коэффициент дифференциации доходов населения; 10. Уровень безработицы (в % к экономически активному населению); 11. Уровень монетизации (в % к ВВП); 12. Внешний долг (в % к ВВП); 13. Внутренний долг (в % к ВВП); 14. Доля расходов бюджета на обслуживание государственного долга (в % общего объема расходов бюджета); 15. Дефицит федерального бюджета (бюджета центрального правительства) (в % к ВВП); 16. Уровень инфляции (в %); 17. Объем золотовалютных резервов (млрд долл.); 18. Отношение выплат по внешнему долгу к объему годового экспорта (в %); 19. Доля продовольствия, поступившего по импорту, в общем объеме продовольственных ресурсов (в %).

Предполагается, что *наименьшее возможное* значение i -го нормированного частного показателя экономической безопасности государства — $\beta_{i,\min} = 0,01$ — соответствует наименьшему уровню экономической безопасности нашего государства при фиксированных значениях остальных частных показателей-индикаторов. И, наоборот, *наибольшее возможное* значение i -го нормированного частного показателя — $\beta_{i,\max} = 100$ — соответствует наибольшему уровню безопасности национального хозяйства нашей страны также при фиксированных значениях остальных частных показателей-индикаторов. *Единичное* значение i -го нормированного частного показателя — $\beta_i = 1$ — соответствует пороговому уровню экономической безопасности государства.

⁵⁵ При одинаковой значимости компонент безопасности национальных хозяйств развитых государств мира (т. е. при $\alpha_{i,j} = 1$) и отсутствии взаимозависимости их национальных хозяйств (т. е. при $\alpha_k = 0$) *наименьшее возможное* значение общего нормированного показателя экономической безопасности j -го государства — $УЭБ_{j,\min} = 10-38$ — соответствует наименьшему уровню безопасности национального хозяйства страны. И, наоборот, *наибольшее возможное* значение этого показателя — $УЭБ_{j,\max} = 1038$ — соответствует наибольшему уровню экономической безопасности государства. *Единичное значение* общего (интегрального) нормированного показателя экономической безопасности государства — $УЭБ_j = 1$ — соответствует критическому уровню безопасности национального хозяйства, понижение которого определяет опасность для экономики j -го государства. Это значение соответствует общему (интегральному) условному «порогу», ко-

торый, тем не менее, дает представление о некоторой границе между состоянием защищенности и состоянием незащищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз.

Трудно искать какой-либо физический смысл в значениях общих (интегрированных) показателей экономической безопасности государства. Тем более нельзя абсолютизировать эти значения и применять к ним правила математического анализа. Однако, полученные таким образом значения общих (интегрированных) показателей экономической безопасности государства позволяют судить о том насколько уровень защищенности национального хозяйства страны поднялся (или опустился) относительно условно принятого порога и, следовательно, насколько этот уровень приблизился к уровню абсолютной защищенности (или абсолютной незащищенности) национального хозяйства. Для нашего случая (т.е. случая *одинаковой значимости компонент безопасности национального хозяйства* и принятых правилах нормировки частных показателей экономической безопасности) уровень абсолютной экономической безопасности государства составляет 1038, а уровень абсолютной незащищенности национального хозяйства страны — 10—38. В общем случае компоненты безопасности национального хозяйства имеют разную значимость для общего (интегрированного) показателя (уровня) экономической безопасности государства. В частности, такая разнозначимость особенно проявляется для условий функционирования национального хозяйства в мирное время, в угрожаемый период и в военное время.

Е.И. Сафронова*

К ВОПРОСУ ОБ ОПТИМИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПО ЛИНИИ «ШОС—АФГАНИСТАН»

Аннотация. Рассмотрев особенности внутривнутриполитической и внешнеэкономической обстановки в Афганистане, а также текущее состояние политических и экономических отношений страны с ШОС, автор приходит к выводу, что основным путем оптимизации экономических связей двух сторон могло бы стать сотрудничество по созданию таких хозяйственных объектов и контактов, которые не только бы отвечали интересам со-развития партнерствующих сторон, но и формировали бы условия для перетока трудоспособного населения из теневого бизнеса в реальную экономику.

Ключевые слова: ШОС. Афганистан, Контактная группа, развитие экономических связей, экономические проекты, легализация хозяйственной деятельности.

Непосредственным соседом стран-участниц ШОС, а также государств-наблюдателей Организации — Индии и Пакистана — является Исламская Республика Афганистан (ИРА), выразившая готовность активно взаимодействовать с Шанхайской группой еще в 2004 г. В долгосрочном геэконо-

* Сафронова Елена Ильинична, к.э.н., в.н.с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

мическом плане роль Афганистана как стратегического транзитера товаропотоков и ресурсов (в частности, энергетических) чрезвычайно важна для ШОС, и нестабильность положения в ИРА напрямую влияет на ситуацию в Организации по целому ряду причин.

Развитие торгово-экономических связей — универсальное средство укрепления позиций Шанхайской группы в ИРА. Оно отвечает и интересам Афганистана, нуждающегося в восстановлении национального хозяйства, и интересам государств Центральной Азии, расширяющим за счет ИРА свою внешнюю торговлю, и — что весьма ценно — находящим в Афганистане столь редкий для них рынок сбыта продукции обрабатывающей промышленности. КНР же видит в развитии экономических связей с ИРА возможность экономически и политически закрепиться там после вывода из Афганистана американских войск в 2014 г.

В 2005 г. была создана Контактная группа «ШОС—Афганистан». В лице этой группы стороны получили реальный двусторонний консультационный механизм. Вопрос о принятии ИРА в ШОС хотя бы на правах страны-наблюдателя уже поставлен, тем не менее мораторий на расширение состава Организации не снят, и поэтому диалог Организации и ИРА ведется в большей степени по экономическим вопросам. Афганистан надеется получить от ШОС помощь в таких областях, как разведка энергоресурсов, создание транспортной и телекоммуникационной инфраструктуры, расширение торговых связей.

Экономическому сотрудничеству ШОС и Афганистана до сих пор препятствует то, что длительное время все инфраструктурные и торговые связи стран ЦА были сориентированы по другим направлениям, нежели Афганистан, или мало учитывали его соседство¹. Даже сейчас возможности воздушных и сухопутных путей между ЦА и ИРА, налаженные в советское время и бывшие тогда сугубо военными, практически не используются. Товарообмен идет по сложному маршруту: из КНР (СУАР) через Пакистан автотранспортом (часть пути — по железной дороге), из стран ЦАР через речной порт Термез (Узбекистан) до порта Хайратон на афганском берегу Амударьи или же по железной дороге — до ст. Термез, а оттуда — или по мосту автотранспортом,

или на речных баржах на территорию Афганистана. Используются разные виды транспорта, что делает необходимой неоднократную разгрузку-погрузку, и это удорожает транспортировку. Поэтому в Узбекистане рассматривается возможность сооружения железной дороги Термез—Торхам при участии Казахстана. Также на стадии рассмотрения находится проект строительства сквозной автомагистрали от Алматы через Бишкек, Ош, Душанбе, Кабул, Кандагар и далее в Пакистан, но уже при финансировании Всемирным банком, АБР, США и Японией. Казахстан надеется утвердить свой статус страны-транзитера и за счет Афганистана, рассчитывая, что в будущем экспортные грузы из ИРА пойдут на Север через РК².

Однако неперенным и обязательным условием успеха экономических начинаний является стабилизация политического положения в стране и достижения там достаточного уровня военной безопасности. Международной антитеррористической коалиции, похоже, так и не удалось выполнить эту задачу. Внутриафганские вооруженные конфликты продолжаются, и существуют опасения, что после 2014 г. они разгорятся с новой силой.

Главными проблемами афганской армии и спецслужб остаются коррупция, низкая боеспособность, дезертирство, что ставит под сомнение их эффективность в деле поддержания безопасности в стране, особенно после вывода сил антитеррористической коалиции из ИРА в 2014 г.³

Афганистан все более и более погружается в пучину бедности. Основные доходы население страны, как известно, получает от выращивания и сбыта наркосодержащих культур. В силу этого, не просто сохранение, но дальнейшее развитие наркобизнеса в ИРА остается одним из основных факторов, дестабилизирующих обстановку в стране и далеко за ее пределами. Есть данные, что в сопредельных центральноазиатским странам ШОС провинциях Афганистана складировано несколько тысяч тонн опиума и героина, предназначенных для транспортировки как в государства СНГ, включая Россию, так и далее — на Запад⁴. По расчетам ООН, в 2011 г. рост производства опия в Афганистане составил 61 %, а общей площади плантаций опийного мака —

7 %. Одновременно средняя цена сухого опия на «черном рынке» повысилась на 43 %, что значительно увеличило доходы наркомафии⁵.

Производство опиатов является одним из реальных секторов сельского хозяйства ИРА. Доходы от него превышают все другие поступления в бюджет страны. Около половины фактического, пусть и нелегального, экспорта Афганистана составляют опий и наркотики на его основе. Относительный запрет на наркобизнес действует лишь на территории северных и северо-западных провинций ИРА: в сельской местности востока и юга страны он функционирует практически свободно. Распространена практика выдачи торговцам кредитов под будущий урожай и закупку выращиваемого опия. Коалиционные войска уже давно устранились от активной борьбы с наркопроизводством, а местные власти не способны контролировать ситуацию⁶.

Поскольку основное финансирование различных конфликтующих внутриафганских группировок происходит именно за счет поступлений от наркоторговли и наркотрафика, то становится понятным, насколько сложна задача переориентации экономики Афганистана на легальные «рельсы». В этом не заинтересованы слишком многие и внутри ИРА, и за ее пределами. Для перекрытия указанного источника финансирования необходимо скорейшее решение вопроса о новых способах жизнеобеспечения афганского населения. Пока же официальное правительство страны практически полностью зависит от внешней финансово-экономической помощи, без которой оно не способно содержать силы безопасности, осуществлять программы развития экономики и социальной поддержки населения⁷. Ежегодный бюджет ИРА составляет 12 млрд долл., из них менее 2 млрд — собственный доход Афганистана. Все остальное — международная помощь⁸.

Финансовое содействие Афганистану до сих пор демонстрирует свою неэффективность, ибо многомиллиардные средства расхищаются еще на стадии выделения. Правительство страны так и не сумело выработать четкие цели, планы и действенные концепции экономического развития страны. На фоне этого производство наркотиков увеличивается и в полный рост встает

опасность ползучей наркотизации экономик соседних Афганистану центральноазиатских государств ШОС⁹.

Решить проблему глобального афганского наркотрафика можно не только и не просто путем ужесточения полицейских методов борьбы с ним, ибо последние пока приводят лишь к удорожанию наркотиков и мало сказываются на объемах и суммарных доходах наркобизнеса как такового. Не меньшее значение имеет развитие экономики соседних Афганистану стран путем создания новых производств и рабочих мест для населения. Тогда транзит наркотиков перестанет быть единственным источником его жизнеобеспечения¹⁰.

Стратегически важные средне- и долгосрочные перспективы экономических отношений ШОС и Афганистана могут быть связаны с модернизацией и развитием транспортных коммуникаций, проходящих из Центрально-Азиатского региона через Афганистан в южном направлении, с содействием прокладки ЛЭП из стран Центральной Азии в Афганистан и транзитом через него — в Пакистан (Кыргызстан уже поставляет электроэнергию в Афганистан и через его территорию — в Пакистан)¹¹, а также со строительством прочей инфраструктуры, реализацией социальных программ для населения¹².

В случае урегулирования ситуации в стране Афганистан может предложить ШОС свой немалый транзитный потенциал: ИРА обладает уникальным географическим положением, поскольку граничит со странами, использующими три различных вида железнодорожной колеи: европейскую — 1435 мм (Иран), советскую — 1520 мм (Туркменистан, Узбекистан, Таджикистан) и индо-пакистанскую 1676 мм (Пакистан). Если железные дороги Афганистана будут развиваться по принципу «стыка трех колеи», что предполагает развитие системы трансфера товаров и грузов с одного типа железнодорожной колеи на другой, то это способно гарантировать ИРА поступление больших объемов транзитного грузопотока. Уже на начальной стадии они оцениваются в 500—1000 млн т ежегодно. Это может сделать железнодорожную систему ИРА одной из важнейших отраслей экономики страны и крупнейшей доходной статьей национального бюджета¹³. По мнению специалистов, подобный стыковой узел

можно было бы создать в Герате ввиду удобного географического расположения и рельефа местности вокруг этого города. Строительство превратило бы Герат в крупнейший региональный железнодорожный узел¹⁴.

Одной из первых транспортных инициатив, предложенных Западом, стало строительство в Афганистане Национальной кольцевой автодороги протяженностью 3362 км, призванной соединить все крупные города страны и далее — вывести афганские дороги на автомагистрали соседних государств. По оценкам властей ИРА, ежегодные доходы от транзита по автодорогам могут достигнуть 300—350 млн долл. и стать важной доходной статьей бюджета страны¹⁵.

Несмотря на всю перспективность этого проекта, западную программу восстановления ИРА афганские и региональные специалисты критикуют за неспособность (или нежелание?) осуществлять строительство крупных инфраструктурных объектов, которое неизбежно привело бы к созданию большого количества новых рабочих мест.

Западные инвесторы, а также Китай заинтересованы в реализации транзитных проектов, в частности, в прокладке трубопроводов (Туркменистан—Афганистан—Пакистан—Индия (ТАПИ)), строительстве железнодорожных и автомобильных дорог (Синьцзян—Карачи, Колхозабад—Мешхед и Ташкент—Ашхабад—Бендер—Аббас), линий электропередач (CASA-1000) и связи (Евразийская оптоволоконная магистраль)¹⁶.

Перспективным направлением развития экономики ИРА уже является транспортировка энергоресурсов из Центральной Азии в страны Южной Азии. В плане будущих возможностей необходимо отметить роль газопровода ТАПИ протяженностью 1380 км, задуманного для транспортировки газа из туркменского Довлетабада в Пакистан и Индию. По оценкам афганских властей, ТАПИ после ввода в эксплуатацию будет приносить в афганский бюджет около 400 млн долл. ежегодно и приведет к созданию примерно 12 тыс. рабочих мест для местного населения¹⁷. Ввиду ускорившегося промышленного развития стран Южной Азии, в том числе Индии, в ближайшие годы возможен существенный рост потребности в газе в этом регионе. В силу этого ви-

дится вполне вероятным присоединение к ТАПИ других государств-поставщиков этого энергоносителя, что повышает значение и роль данного транзитного начинания¹⁸.

В 2011 г. ввиду заявленного вывода войск антитеррористической коалиции из Афганистана появились первые попытки объединения региональных инициатив, в основном связанных с транзитом, в один проект — «Новый Шелковый путь», степень и характер влияния которого на эффективность реализации отдельных подпроектов определить пока трудно¹⁹.

Китай является важным торгово-экономическим партнером Афганистана среди стран ШОС, хотя и его торговля с ИРА невелика: порядка 200 млн долл. (оценка автора на 2011 г.).

Однако китайские компании «берут» тем, что активно инвестируют в Афганистан, реализуя там проекты и в области сельского хозяйства, и в сфере добычи и переработки полезных ископаемых (точный объем инвестиций — цифра труднодоступная, но, думается, она значительно превышает соответствующий российский показатель).

В 2008 г. в ходе визита Х.Карзая в Пекин Афганистан и КНР заключили соглашение, согласно которому Китай уже тогда получил возможность инвестировать 3,5 млрд долл. в крупнейшее медное месторождение ИРА Айнак (пров. Логар). Согласно другому соглашению, Китай построит в Афганистане 400-мегаваттную ТЭЦ, а также железнодорожный путь, который соединит СУАР КНР, Таджикистан и ИРА. Китайские коммуникационные компании ZTE и «Хуавэй» совместно с Министерством коммуникаций Афганистана займутся созданием цифровой телефонной сети на 200 тыс. абонентов. Китай уже принял участие в ирригационном проекте в Парване, провел реконструкцию больниц в Кабуле и Кандагаре. Китайские компании также выступают подрядчиками ЕС в различных строительных проектах на территории Афганистана²⁰.

Вследствие того, что капиталовложения китайских компаний (как государственных, так и частных) в афганскую экономику и инфраструктуру постоянно растут, растут и интересы Китая в ИРА. Впредь Пекин намерен резко увеличить свое экономическое и политическое присутствие в стране, ибо только

так он сможет защитить уже сделанные инвестиции и создать условия для реализации новых экономических проектов²¹.

Что касается России, то для нее участие в восстановлении афганской экономики — один из оптимальных путей урегулирования вопроса о долге Афганистана бывшему СССР. Аннулирование РФ афганского долга (11 млрд долл.²²) как раз и было связано со стремлением подготовить почву для такого режима сотрудничества, который благоприятствовал бы участию России в реконструкционных проектах.

Содействие в восстановлении национального хозяйства способно естественным образом перерасти в постепенное экономическое взаимодействие на постоянной основе, которое в свою очередь создает базу для политического закрепления в стране.

Однако после создания в 2005 г. вышеупомянутой Контактной группы «ШОС-Афганистан» сделано гораздо меньше, чем поначалу намечалось. Главная и уже набившая оскомину причина этого — пресловутая нехватка финансирования, а также зависимость от настроений иностранных партнеров и международных доноров. Речь идет о немалых суммах: только на реконструкцию дорог (95 % которых к началу XXI века были непригодны для эксплуатации) требуется примерно 1,2 млрд долл., а затраты на восстановление одного лишь тоннеля Саланг оценены в 25 млн долл.²³

По понятным причинам РФ не является ведущей страной-донором, но она выразила готовность взять на себя расходы по исследовательским работам, прежде всего, в нефтегазовой сфере и подготовке документации по проектам экономической реконструкции. В ряде случаев РФ была готова командировать специалистов и поставить оборудование, но только если западные партнеры обеспечили бы необходимое финансирование²⁴.

Поскольку западные финансово-инвестиционные компании выдают кредиты на восстановительные работы в первоочередном порядке своим фирмам, отсутствие у России собственных, в том числе государственных, финансовых и кредитных программ на афганском направлении снижает представительность российского инвестиционного участия до роли субподрядчика. Даже в проектах, в которых необходимость присутствия российских

компаний (особенно строительных) очевидна для всех (например, восстановление туннеля Саланг), РФ зависит от финансирования со стороны международных доноров. А в тех сферах, где участие российских компаний Западом в принципе не приветствуется, получение необходимого финансирования и становится практически невозможным²⁵.

Тем не менее, даже в таких условиях нужно использовать российские конкурентные преимущества — хорошее знание местности и объектов, способность восстановить и модернизировать предприятия, построенные еще СССР, наличие специалистов и оборудования. Например, российские специалисты в 2002 г. изучали возможности восстановления гидроэлектростанции «Наглу», снабжающей электроэнергией Кабул и построенной советскими специалистами. После ряда тендеров, Министерство энергетики и водных ресурсов Афганистана подписало контракт на замену оборудования, в том числе турбин ГЭС, с российским «Технопромэкспортом» (который и строил этот объект в 1970-е годы, а также ТЭС в Мазари-Шарифе, ГЭС в Пули-Хумри и Сароби-2, ЛЭП и т. д.). Финансирование проекта в размере 32 млн долл. происходит за счет кредита Всемирного банка афганскому правительству²⁶.

Перспективным региональным проектом транспортировки энергоресурсов является CASA-1000. Он призван обеспечить экспорт электроэнергии Кыргызстана и Таджикистана в Афганистан и Пакистан. Следует отметить, что к проекту CASA-1000 проявила предметный интерес и Российская Федерация. В январе 2011 г. В. Путин на встрече с президентом ИРА Х. Карзаем заявил о готовности выделить на создание этой энергетической транзитной системы российские инвестиции (в размере 500 млн долл. при условии, если российская компания «ИнтерРАО ЕЭС» выступит в качестве оператора CASA-1000)²⁷.

Следует отметить важность максимально возможного расширения внешнеторговых контактов стран ШОС и Афганистана. Сальдо внешней торговли ИРА носит отрицательный характер, и при этом страна испытывает дефицит ряда базовых потребительских товаров. Учитывая географическую близость стран ШОС и Афганистана, было бы крайне целесообразно раз-

работать программу внешнеторгового сотрудничества ШОС и ИРА²⁸. Сейчас объем российско-афганского товарооборота показывает явный положительный тренд: в 2010 г. он составил 571,3 млн долл., а в 2011 г. — почти 985 млн²⁹. И здесь Россия значительно опережает Китай.

ИРА заинтересована в реализации проектов при содействии России, связанных с развитием транспорта и строительством промышленных объектов, и готова «учитывать особые условия для участия российской стороны в восстановлении Кабульского домостроительного комбината и цементного завода Джабель-Се-радж», предоставив российским компаниям облегченные условия для участия в этих проектах³⁰.

Возможности расширения технико-экономического сотрудничества между РФ и Афганистаном лежат также в сфере осуществления таких проектов, как реконструкция завода азотных удобрений; кабульского хлебокомбината, кооперации в энергетической сфере при привлечении не только государственных, но и частных предприятий³¹, что расширило бы представительскую и финансовую базу хозяйственного диалога.

Россия оказывает помощь становлению армии и полиции Афганистана путем безвозмездной передачи вооружения и боеприпасов, подготовки афганских кадров в российских вузах и учебных центрах, обеспечивает транзит по своей территории грузов для нужд Международных сил содействия безопасности (МССБ), на постоянной основе предоставляет посильную гуманитарную помощь (пшеница, грузовые автомобили)³².

ИРА в последние годы привлекла пристальное внимание железнодорожных компаний и других сопредельных стран, в том числе и членов ШОС — Узбекистана, Таджикистана и наблюдателя Организации — Ирана. В 2010 г. Узбекистан получил заем Азиатского банка развития (АБР) на строительство 75-километровой ветки от станции Хайратон до аэропорта Мазари-Шариф³³, которая была построена подрядчиками из Узбекистана за январь—ноябрь 2010 г. Дорога призвана обеспечить железнодорожные перевозки в наиболее развитых и густонаселенных провинциях ИРА и будет способствовать развитию там сельского хозяйства, промышленности, газодобычи и гидроэнергетики.

Ныне Узбекистан является единственной страной в ЦАР, через которую может осуществляться прохождение практически всех видов транспорта в Афганистан³⁴.

Весьма полезным для процесса урегулирования в ИРА видится подключение возможностей и других соседних Афганистану стран-участниц ШОС — Таджикистана, а также стран-наблюдателей Организации. Таджикистан уже сейчас взаимодействует с ИРА в экономическом плане, планирует реализовать ряд совместных проектов. Осуществление предлагаемых таджикской стороной начинаний, таких, как строительство железнодорожной ветки Туркменистан—Афганистан (Мазари-Шариф)—Таджикистан, газопровода по данному маршруту, а также ускорение реализации энергетического проекта ЛЭП CASA-1000 и Рогун—Мазари-Шариф—Герат—Мешхед, которые могли бы соединить электрические сети Кыргызстана, Таджикистана, Афганистана и Пакистана, серьезно содействовало бы как подъему Северного Афганистана, так и активизации регионального взаимодействия, а в итоге — укреплению безопасности в ЦАР. Кроме того, в плане развития альтернативных коммуникаций и достижения экономической целостности «классической»³⁵ Центральной Азии важна была бы проработка проекта строительства железной дороги через Ваханский коридор, которая связала бы Таджикистан, Афганистан, Пакистан, Индию и Китай. Возможно, было бы небезопасным, если этот проект был бы обсужден и реализован силами стран ШОС³⁶.

Власти Афганистана считают, что север страны сможет в будущем сыграть ключевую роль в создании транспортных коридоров, соединяющих Центральную Азию с Южной. В Кабуле заявляли о готовности с помощью международных инвесторов превратить Панджшерское ущелье в транзитный коридор, соединяющий Афганистан с Таджикистаном и Китаем. Власти провинции Панджшер сообщили, что уже начались работы по реконструкции 150 км участка дороги, которая на севере выходит к афгано-таджикской границе³⁷.

Пока же из-за нерешенности проблемы безопасности сроки осуществления многих крупных проектов в ИРА практически регулярно переносятся.

Основной же путь денаркотизации экономики Афганистана, и значит — стабилизации положения в стране и вокруг нее, заключается в применении комплексного подхода путем продолжения полицейских мер по перехвату наркотиков, параллельного уничтожения силами международного сообщества объектов наркопроизводства и, наконец, осуществления шагов, направленных на подъем экономики ИРА и сопредельных ей стран с тем, чтобы перенаправить деятельность местного населения в легальное русло.

В силу этого для осуществления важных региональных проектов Афганистану крайне целесообразно привлекать, прежде всего, соседние государства ЦАР. Только усилия (в том числе и экономические) всех региональных акторов могут реально содействовать обеспечению мира и стабильности в ИРА и в Центрально-Азиатском регионе в целом, и это является неременным условием успешной реализации хозяйственных начинаний и проектов в стране³⁸. По мнению российских исследователей Н.И. Козырева и И.А. Сафранчука, с этой целью следует всемерно развивать и совершенствовать сотрудничество в рамках действующих в регионе структур, прежде всего в ШОС. Причем ШОС, где Афганистану предложен статус страны-наблюдателя, «могла бы стать в этом плане приоритетной площадкой»³⁹.

Примечания

¹ Князев А.А. Экономическое взаимодействие Афганистана и стран Центральной Азии и проблемы региональной безопасности / Ин-т востоковедения РАН. URL: http://www.ivran.ru/library/view_edition.php?edition_id=53.

² Фроленков В.С. Современные торгово-экономические отношения КНР с центральноазиатскими странами-членами ШОС и Туркменистаном. М., 2009. С.200,201.

³ Козырев Н., Сафранчук И. Можно ли помочь афганцам восстановить мир и стабильность? (Взгляд из России). URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/21834.html>.

⁴ Бюллетень по проблемам беженцев. 29.06.2000. С. 5.

⁵ Приводится по: Козырев Н., Сафранчук И. Указ. соч.

⁶ Миграция А. ШОС — Афганистан: точки соприкосновения. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1221743940>.

⁷ Кудряшова Ю. Афганский кризис и Шанхайская организация сотрудничества. URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/20488.html>.

⁸ URL: http://rus.ruvr.ru/_print/67336850.html.

⁹ См.: Махмуд Ш. Рецепты мира и стабильности в Афганистане. Роль ШОС в поиске путей афганского урегулирования. URL: <http://www.afghanista n.ru/doc/13618.html>.

¹⁰ Мнение главы ФСКН В. Иванова. URL: http://rus.ruvr.ru/_print/6733 6850.html.

¹¹ Фроленков В.С. Указ. соч. С. 202.

¹² Кудряшова Ю. Указ. соч.

¹³ URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/22371.html>.

¹⁴ Нессар О. Афганистан: от экономики войны к экономике добрососедства. URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/22371.html>

¹⁵ Там же.

¹⁶ Нессар О. Указ. соч.

¹⁷ URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/22371.html>.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Мамонов М.В. Об интересах Китайской Народной Республики в Афганистане и возможных контурах «афганской стратегии» КНР. URL: http://www.ifes-ras.ru/attaches/conferences/Mamonov_Chines_Intereses_in_Afganistan.pdf.

²¹ URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id=7194>.

²² URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/21834.html>.

²³ Степанова Е.А. Гуманитарный потенциал России и восстановление экономики конфликтных зон. URL: <http://i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-13763.html>.

²⁴ Там же.

²⁵ URL: <http://i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-13763.html>.

²⁶ Там же.

²⁷ URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/22371.html>.

²⁸ См.: URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1221743940>.

²⁹ URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/22165.html>.

³⁰ Там же.

³¹ Сикоев Р. Отношения России и Афганистана в новейшей истории. URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/21244.html>.

³² URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/21834.html>.

³³ URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/17364.html>.

³⁴ Кудряшова Ю. Указ. соч.

³⁵ В мировой научной литературе и официальных источниках «внешне-советских» стран рассматривается также и «классическая» Центральная Азия, северо-западные рубежи которой пролегают вдоль границы СССР/России с Китаем и Монголией, на востоке достигают Большого Хингана, Ордосской излучины реки Хуанхэ и Сино-Тибетских гор в Китае, а на юге доходят до верхнего Инда (север Индии) (Фроленков В.С. Указ. соч. С.9.).

³⁶ Майтдинова Г.М. Афганский вектор политики безопасности ШОС в Центральной Азии. URL: [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0080\(04_\\$0 3-2010\) &xslt=showArticle.xslt&id=a20&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0080(04_$0 3-2010) &xslt=showArticle.xslt&id=a20&doc=../content.jsp).

³⁷ URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/17364.html>.

³⁸ См.: Нессар О. Указ.соч.

³⁹ Козырев Н., Сафранчук И. Указ. соч.

М.В. Александрова*

ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРОВИНЦИИ ЦЗИЛИНЬ С РОССИЕЙ И ПЛАН ЧАНЦЗИТУ

Аннотация. На основе обширной новейшей экономико-статистической базы автор рассматривает состояние сотрудничества между китайской пров. Цзилинь и Россией по многим направлениям — от торговли до создания СП и инвестирования. Автор подробно характеризует факторы, способствующие и препятствующие развитию хозяйственного сотрудничества сторон. Акцент в статье сделан на анализе так называемого Плана Чанцзиту, предусматривающего создание на основе одноименного цзилиньского района нового центра экономического роста на Северо-Востоке КНР, способного стать примером инновационного развития для других экономических районов КНР.

Ключевые слова: Россия, КНР, Цзилинь, экономическое сотрудничество, центр экономического роста, инновации.

Цзилинь относится к старым промышленным базам Китая. Экономика провинции с периода образования КНР переживала взлеты и падения и к началу экономических реформ была в основном представлена крупным и средним государственными предприятиями. Еще в 1-й пятилетке из 156 промышлен-

* Александрова Мария Викторовна, к.э.н., в.н.с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

ных объектов, построенных с советской помощью, 12 было размещено на территории Цзилиня, среди которых следует отметить автомобильный завод № 1 (FAW), завод по производству химических удобрений, лако-красочный завод, Фэнманьскую ГЭС и ряд других ключевых промышленных объектов, что сформировало каркас промышленной системы провинции. Вышеуказанный факт говорит о том, что уже в первые годы существования КНР провинция имела тесные промышленно-экономические связи с СССР. С началом реформ стартовал новый период развития экономики Цзилиня, который был связан с осуществлением институциональной реструктуризации и внедрением инноваций, что должно было возобновить экономические взаимодействия с СССР, а далее — с РФ, чему также благоприятствовала общая госграница протяженностью 241 км. Но ожидаемого «всплеска» сотрудничества не произошло, поскольку основную роль посредника между всем материковым Китаем и Россией взяла на себя пров. Хэйлунцзян. Однако в Цзилине не теряют надежду на будущий расцвет торгово-экономических отношений с Россией, о чем и пойдет речь в данной статье.

Развитие и динамика двустороннего торгово-экономического сотрудничества

После начала реформ открытости были возобновлены торгово-экономические отношения провинции с СССР и затем с РФ. Уже в середине 1990-х годов взаимный товарооборот практически достиг 100 млн долл., но далее, вплоть до 2000 г., наблюдалась понижательная тенденция, при этом значительно сокращался цзилиньский экспорт. Так, если в 1996 г. он достиг величины 58 млн долл., то к 1999 г. снизился до 8,8 млн долл.¹

В период с 2002 по 2005 г. двусторонняя торговля стремительно росла. Темпы ее роста представлены на рис. 1. В отдельные годы они синхронизировались с темпами роста общего российско-китайского товарооборота, а иногда были значительно выше.

После обнародованного в 2006 г. правительством Цзилиня документа под названием «Некоторые мнения по вопросам

дальнейшего укрепления торгово-экономического сотрудничества с Россией» соответствующие ведомства провинции начали уделять большое внимание экспортно-импортным операциям и иным формам сотрудничества с Россией, что не замедлило произвести прорывной эффект. Так, в 2006 г. товарооборот составил более 700 млн долл. по сравнению с 570 млн долл. в 2005 г.

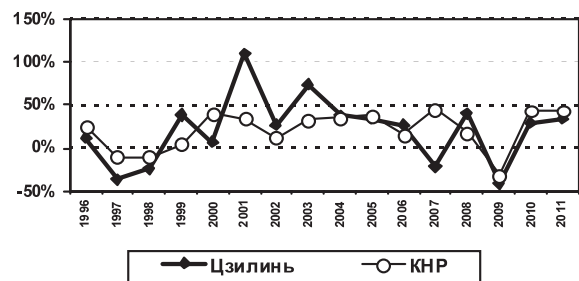

Рис. 1. Темпы роста российско-цзилинского и российско-китайского товарооборотов в 1996—2011 гг. *Источник:* Цзилинь тунцзи няньцзянь. 1997—2012. URL: <http://www.stats.gov.cn>.

Какие бы документы ни принимались, реальная ситуация в торговле между российскими регионами и Цзилинем выглядела следующим образом: если в 2005 г. импорт товаров из РФ составлял практически 12 % импорта провинции, то в 2011 г. его доля едва достигла 1 %, но в то же время Россия, особенно в последние 5—7 лет, стала одним из наиболее емких рынков экспортной цзилинской продукции, о чем свидетельствуют данные рис. 2.

В целом доля цзилинско-российской торговли в суммарном товарообороте провинции стремительно уменьшается: так, например, в 2006 г. наш товарооборот составлял 31 % от товарооборота провинции с ее главным торговым контрагентом — Германией, а в 2010 г. — лишь 12 %.

В последние годы наблюдаются изменения в торговле Цзилиня с российскими регионами. Наметилась тенденция стремительного увеличения экспорта провинции в РФ, что вызвало, начиная с 2007 г., пусть и незначительный, но рост положитель-

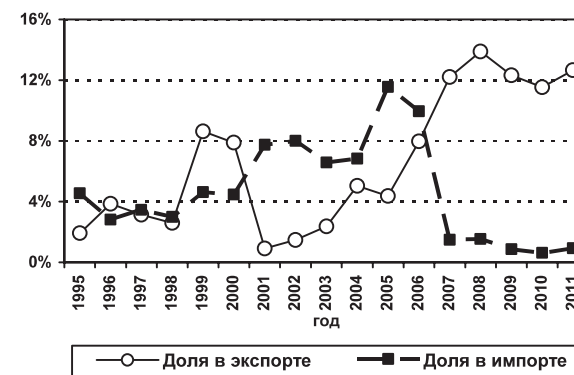

Рис. 2. Доля России в экспорте и импорте пров. Цзилинь. *Источник:* Цзилинь тунцзи няньцзянь. 1997—2012.

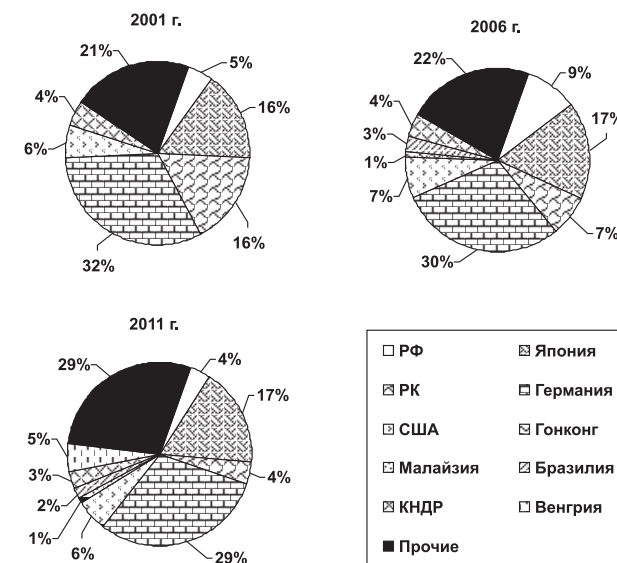

Рис. 3. География внешней торговли Цзилиня. *Источник:* Цзилинь тунцзи няньцзянь. 2002, 2007, 2012.

ного сальдо внешней торговли провинции. Данная ситуация непосредственно связана со структурой цзилинско-российской торговли. С начала 1990-х годов и практически до 2006—2007 гг. основными статьями российского экспорта в Цзилинь были: продукция металлургии, металлолом, круглый лес, удобрения. Применяемые КНР меры протекционистского характера (антидемпинговые пошлины) в отношении ряда видов химической продукции и товаров черной металлургии значительно сузили возможности российских экспортеров и привели к существенному снижению российского экспорта. Сокращение же поставок круглого леса из России было связано с Постановлением Правительства РФ от 05.02.07 за № 75, принятого с целью поэтапного повышения вывозных пошлин на круглый лес². И эти изменения в структуре российско-цзилинской торговли привели к пятикратному уменьшению российского экспорта в 2007 г. по сравнению с 2006 г.

Рис. 4. Сальдо торгового баланса Хэйлунцзяна и Цзилиня с Россией в 1995 — 2011 гг. *Источник:* Хэйлунцзян тунцзи няньцзянь — 2011, Цзилинь тунцзи няньцзянь — 2011. URL: <http://www.stats.gov.cn>.

Даже спустя 5 лет, преодолев кризисные потрясения, российский экспорт так и не достиг максимального показателя 2006 г. Роста товарооборота между Цзилинем и российскими регионами не наблюдается и сейчас. Следует отметить, что погранпереход Хунчунь—Махалино между пров. Цзилинь и При-

морским краем крайне не удобен для осуществления торговых операций, поэтому население приграничных провинции привыкло вести торговлю через переходы пров. Хэйлунцзян, к примеру, Суйфэньхэ — Гродеково, о чем наглядно свидетельствуют статистические данные (рис. 5).

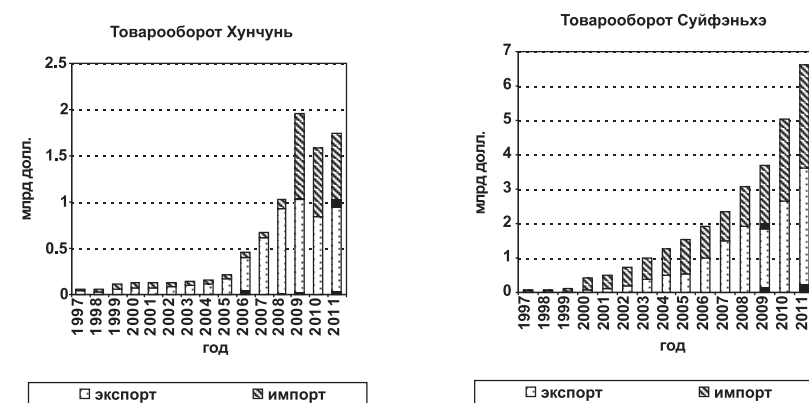

Рис. 5. Товарообороты Хунчуня и Суйфэньхэ. *Источник:* URL: <http://www.china-customsstat.com>; Хайгуань тунцзи юэкань, 1998—2007. № 12.

Структура товарооборота

В последние годы основу цзилинского экспорта в Россию составляют промышленные товары, прежде всего к ним относятся продукция текстильной и швейной промышленности, а также электромеханическая продукция.

В импорте из России акцент сделан на продукции первичной переработки и сырье, при этом основу его составляют морепродукты и продукция лесного хозяйства.

Китайские аналитики сетуют, что структура экспорта цзилинских товаров не отличается разнообразием: в экспорте практически отсутствует продукция известных торговых марок, при этом в российские приграничные районы поставляется много товаров низкого качества.

Формы внешнеэкономических сделок

В Россию товары в основном экспортируются по линии приграничной торговли, но в последние годы ее объемы значительно снизились. При этом шоп-туризм по-прежнему остается одной из важных форм экономического взаимодействия, а главной формой импортных сделок является толлинговая торговля.

Если рассматривать субъекты торговли (по форме собственности), то в 2009 г. на частные предприятия Цзилиня приходилось 89 % внешнеторгового оборота с Россией. При этом следует отметить, что торговля с нашей страной сосредоточена в руках нескольких компаний приграничной торговли и производственных предприятий.

Инвестиционное сотрудничество

Проводя активную политику «выхода вовне», Цзилинь стремится вкладывать капиталы за рубеж, лидером по приему цзилинских инвестиций уже несколько лет является Россия (этот процесс активизировался с 2007 г.). Так, на конец 2007 г. общий объем прямых цзилинских инвестиций в экономику России составил 230 млн долл. В результате было открыто 205 торговых предприятий, 46 предприятий провинции вложили свои средства в следующие отрасли — сельскохозяйственное производство, деревопереработку, машиностроение, медицину и фармацевтику, строительство и производство строительных материалов и др. А в 2009 г. в России было создано 63 предприятия с цзилинскими инвестициями, сумма капиталовложений составила 297 млн долл., в основном они были направлены в деревопереработку, строительство, парниковое растениеводство, производство медицинского оборудования, торговлю и др. Основные инвестиции сосредоточены на Дальнем Востоке и в Москве. По данным правительства Цзилиня, к концу июня 2011 г. провинция основала 27 предприятий на территории российского Приморья, объем инвестиции за этот период составил 320 млн долл.³

Пусть и незначительный, но приток российских инвестиций в экономику Цзилиня имеет место: так, к концу 2009 г. капита-

ловложения России в Цзилине составили 4,07 млн долл. Российской стороной было открыто 31 предприятие, в основном в пищевой, деревообрабатывающей промышленности, общепите и др.

Несмотря на некоторые позитивные подвижки в российско-цзилинском торгово-экономическом сотрудничестве, китайская сторона продолжает сетовать на отсутствие ощутимых прорывов.

По мнению китайских авторов, успешному развитию цзилинско-российской торговли способствуют следующие факторы:

1. Географическое положение провинции — сопредельность ее территории с Россией.

2. Наличие утвержденных на государственном уровне зон в г. Хуньчунь: приграничной зоны экономического сотрудничества, зоны экспортно-ориентированной переработки продукции, зоны китайско-российской двусторонней торговли.

3. Трансграничная автомобильная и железнодорожная инфраструктура, связывающая Хуньчунь с погранпереходом и Россией.

4. Стабильно благоприятные политические отношения двух сторон.

Помимо вышеперечисленных достижений российско-цзилинского экономического взаимодействия и очевидных «плюсов», связанных с местоположением провинции, которые должны были бы способствовать быстрому росту взаимного товарооборота и иным формам экономического сотрудничества, до сих пор отсутствуют серьезные экономические проекты, и существенного роста товарооборота между провинцией Цзилинь и российскими смежными регионами не наблюдается. Это связано с проблемами и сложностями как с китайской, так и с российской стороны, а также с необходимостью коллегиального решения некоторых вопросов.

Более подробно остановимся на этих вопросах.

К основным проблемам, существующим в провинции Цзилинь, следует отнести:

1. На 241 км госграницы с Россией провинция Цзилинь имеет один погранпереход.

2. При выборе местоположения зоны китайско-российской взаимной торговли г. Хуньчуня не были учтены экономические и демографические факторы. Во-первых, зона удалена от границы, что затрудняет проход на ее территорию; во-вторых, на российской стороне границы практически отсутствуют населенные пункты, жители которых могли бы участвовать в двустороннем экономическом взаимодействии; в-третьих, до сих пор в полной мере не выполняются условия «Соглашения между Правительствами РФ и КНР о безвизовых групповых туристических поездках», что не дает возможности увеличения числа посещений российскими гражданами территории КНР.

3. Несовершенство политики провинции в области приграничной торговли. Экспортирующим предприятиям сложно получить возврат экспортного налога в полной мере: можно сказать, что политика возврата налога в провинции не действует. До последнего времени существовала проблема нестабильности обменного курса «юань — рубль», из-за чего страдало большинство цзилиньских предпринимателей малого и среднего бизнеса. В некоторых уездах провинции в финансовом секторе отмечены злоупотребления и незаконное присвоение экспортных субсидий, поэтому предприятия малого и среднего бизнеса не могут своевременно финансировать свои проекты, направленные на исследование и освоение зарубежных рынков, что влияет на самую экспортную активность этих предприятий. Политика провинции в области приграничной торговли не отличается либеральностью: предприятия не получают государственных кредитов и поддержки для осуществления денежных экспресс-переводов.

4. Предприятия приграничной торговли постоянно страдают от проблем с валютными проверками. Хотя эти проверки и не продолжительны по времени, но включают в себя множество этапов и требуют прохождения большого количества инстанций, работа которых не согласована, из-за чего тормозится реальный бизнес-процесс. Эти мероприятия не могут дать реальную оценку состояния приграничной торговли Цзилиня, поскольку до сих пор многие операции осуществляются на наличной основе, что не подлежит учету, а приграничный экс-

порт осуществляется небольшими, но многочисленными партиями, поэтому фактические объемы приграничной торговли невозможно рассчитать.

5. Объемы экспортно-импортных операций пров. Цзилинь с Россией в различные годы отличаются нестабильностью, что во многом связано с узким ассортиментом промышленной продукции, выпускаемой провинцией, сильно зависимым от внешних, в основном южно- и восточнокитайских поставщиков, а также с существенной конкуренцией со стороны соседней пров. Хэйлунцзян на российском рынке.

6. Ограничителем развития двусторонней торговли является транспорт. В Цзилине в автомобильном парке отсутствуют специальные транспортные средства, необходимые для перевозки свежих фруктов и овощей в Россию.

7. Практически вся торговля с Россией находится в руках нескольких крупных провинциальных фирм, которые диктуют свои условия на рынке и не дают возможности среднему и малому бизнесу осуществлять выгодные сделки.

Небезынтересно знать китайскую оценку *проблем*, существенно тормозящих экономическое взаимодействие и зависящих исключительно *от российской стороны*.

1. По-прежнему остро ощущается дефицит ликвидности, и как следствие — низкая платежеспособность российских предприятий. У 70 % российских внешнеэкономических предприятий основной формой бизнеса являются бартерные операции⁴. Российские предприятия не в состоянии погасить имеющиеся долги, но эту форму торговли, т. е. торговли с отсрочкой платежа, российская сторона распространяет и на внешнюю торговлю, из-за чего возникают задолженности перед китайскими предприятиями, и в результате у цзилиньских предприятий и фирм возникают проблемы с наличностью⁵.

2. Российская рыночная среда отличается неблагоприятным деловым климатом и недостаточностью правовых гарантий. РФ до сих пор находится в процессе перехода к рыночной экономике, и, как полагают китайские аналитики, в российских регионах не действуют международные стандарты внешнеторговой деятельности, инвестиционные и внешнеторговые условия да-

леки от совершенства, постоянно происходят изменения в законах, положениях и политике ВЭД.

3. Усложнен доступ к коммерческой информации, которая необходима китайским предприятиям для лучшей ориентации в рыночной и правовой среде и инвестиционном климате. С этой точкой зрения можно не согласиться, поскольку в России основная часть коммерческой информации является доступным продуктом, но за нее необходимо платить значительные денежные суммы, что зачастую китайцы не хотят делать, а посему не могут иметь адекватной информации о современном состоянии как отдельных отраслей экономики, так и ее региональных компонентов. Помимо этого у китайской стороны имеются серьезные намерения в отношении промышленного использования российских передовых технологий, и опять-таки встает вопрос о финансовых вливаниях в целях официальной покупки лицензий, чего также наши южные контрагенты пытаются избежать. Используя в своей практике нечистоплотность некоторых российских инженеров, коммерсантов или иных граждан, они приобретают не только отдельные чертежи, но и целые научные открытия в обход официальных каналов.

4. Цзилиньцы сетуют на жесткую конкуренцию на российских товарных рынках, они пишут о том, что «используемые в России продукты питания, фрукты, продукция легкой промышленности и фармацевтики, сельскохозяйственная техника в основном импортируются из США, Италии, Франции, Великобритании и Японии»⁶. Хотя как уже отмечалось выше, китайцы осознают, что экспортируемые пров. Цзилинь в Россию товары не отвечают высоким требованиям рынка импортера.

5. Во многом китайская критика правомерна, в том числе в отношении вопроса «серой растаможки», которая является «камнем преткновения» в развитии стабильных экономических отношений России с КНР, в том числе с пров. Цзилинь. По данным предприятий Цзилиня, осуществляющих торговлю с Россией, многие годы работает следующая схема: существует всего одна российская компания, которая помогает проведению таможенной очистки и, как правило, контролирует всю торговлю, проходящую через погранпереход⁷. Как сетуют китайские авто-

ры, из-за существующих «серых таможенных схем» трудно легально реализовать китайский ширпотреб на российском рынке, поскольку товар становится объектом внимания российских правоохранительных органов, которые его конфискуют. При всем возмущении китайской стороны в отношении имеющей место ситуации, она, как ни парадоксально это звучит, продолжает быть крайне выгодной для приграничных с Россией районов Китая с его избыточным довольно бедным населением, поскольку какие бы убытки ни терпели китайские торговцы, они снова и снова со своим контрафактом перехотят границу и получают 300, а то и более процентов прибыли, затем через теневые банки, действующие на территории России, переводят доходы в Китай, при этом официально не уплачивая Российской Федерации или региональной казне никаких налогов.

6. Помимо объективной критики со стороны китайских аналитиков зачастую можно увидеть их предвзятую оценку сложившейся ситуации: так, в последнее время в китайских публикациях по российской политике относительно товаров, происходящим из КНР, появился термин «резать на заказ», т. е. сооружать искусственные преграды, чинить препятствия въезду китайских бизнесменов, вводить количественные ограничения для китайских предпринимателей по ввозу рабочей силы в Россию, что в определенной степени отрицательно влияет на торговлю Цзилиня с РФ⁸.

Конечно, *существуют проблемы*, которые необходимо решать *путем двусторонних консультаций и переговоров*, прежде всего, это касается вопроса структуры двустороннего товарооборота, хотя в предкризисные годы обе стороны приложили немало усилий для ее облагораживания, но даже в этих условиях значительных изменений в ней не произошло.

Помимо технических вопросов бизнеса важно не забывать о человеческом факторе: за любой из сделок стоят люди со своими морально-этическими качествами и образовательным уровнем, именно они определяют, каково будет качественное наполнение товарооборота между регионами наших стран. Для того чтобы сотрудничество развивалось и было эффективным и выгодным для обеих сторон, необходимо сконцентрировать

внимание вузов на подготовке специалистов, знающих китайский язык (в России), и русский (в КНР), по разным специальностям, и при этом с обязательным изучением ментальности партнеров.

В связи со сложившейся ситуацией на российском направлении, а также непростой внутриэкономической обстановкой в провинции в августе 2009 г. Госсовет КНР принял программу развития бассейна р. Туманган, а 30 августа 2009 г. утвердил «Китайский план развития регионального сотрудничества в бассейне р. Туманган — разработка и открытие опытного участка Чанчунь — Цзилинь — Туманган» (или сокращенно «План Чанцзиту») (中国图们江区域合作开发规划纲要——以长吉图为开发开放先导区)(以下简称长吉图规划), т. е. была выделена «пилотная зона», которая, по мнению разработчиков плана, даст провинции значительные возможности

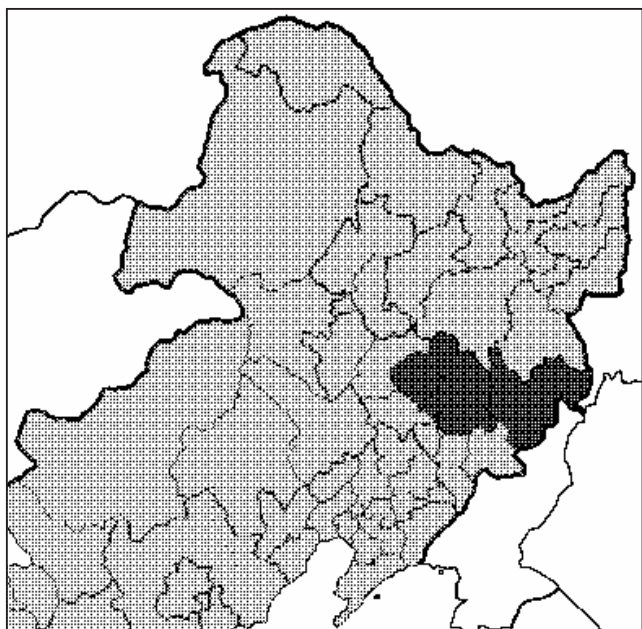

Рис. 6. Карта, показывающая расположение района Чанцзиту

для ускоренного развития, а также создаст платформу для расширения цзилиньско-российской торговли.

Но только этим документом дело не ограничилось: уже в ноябре 2009 г. Госсовет КНР утвердил создание на территории пров. Цзилинь «Района развития и международного сотрудничества Чанчунь—Цзилинь—Туманган».

К концу 2012 г. планируется, что зона Чанцзиту станет новым центром экономического роста на Северо-Востоке страны, а к 2020 г. ее экономический потенциал по сравнению с 2009 г. возрастет в 4 раза. Планом предусматривается внедрение инновационных технологий, создание сухопутной и морской инфраструктуры, промышленных зон.

Рис. 7. Доля региона Чанцзиту в ВРП пров. Цзилинь. Источник: Цзилинь тунцзи няньцзянь — 2011.

Решение Госсовета КНР развивать эту территорию обуславливает ее государственное финансирование. Компании, принимающие участие в освоении государственных средств, приглашаются на условиях софинансирования конкретных проектов. Остальным инвесторам в рамках поставленных планом задач обеспечивается защита от коррупции и облегченный налоговый режим при строительстве производственного объекта в одной из специальных экономических зон, расположенных в треугольнике «Чанчунь—Цзилинь—Туманган»⁹.

Реализация плана, по мнению китайской стороны, будет содействовать дальнейшему развитию зоны китайско-российской взаимной торговли в г. Хуньчунь, китайско-российской зоны промышленного сотрудничества, а также формированию и совершенствованию транспортно-логистической системы коридоров на границе двух стран.

Исходя из анализа предпринятых Цзилинем шагов, а также публикаций по этой тематике, становится очевидным, что, хотя провинция постоянно работает над диверсификацией географии своей внешней торговли, тем не менее, Россия для нее по-прежнему остается наиболее важным партнером, о чем свидетельствуют рекомендации Плана Чанцзиту и комментарии к нему. Как следует из публикаций цзилиньских авторов, поскольку в минувшие годы провинция столкнулась с труднопреодолимыми для частных фирм препятствиями в наращивании торгово-экономического взаимодействия с регионами РФ, то для успешного сотрудничества необходима многосторонняя активизация ВЭД, включающая использование финансовых, фискальных (налоговых), административных, правовых рычагов и многое другое.

Для создания благоприятной среды для сотрудничества предприятий провинции с Россией предлагается принять меры государственного уровня, к которым, в частности, отнесены:

- увеличение размеров специальных фондов, работа которых нацелена на большее открытие российского рынка для провинциальных предприятий, стимулирование крупных фирм и предприятий, осуществляющих экспортно-импортные операции с РФ;
- развитие коммуникации и координация связей предприятий с экспортно-импортными банками и иными финансовыми учреждениями Цзилиня, которые должны предоставить предприятиям льготную кредитную поддержку;
- обеспечение тесной связи предприятий с государственными органами и комитетами для быстрейшего разрешения возникающих вопросов;
- разработка правительством провинции комплекса мер, направленных на улучшение политики приграничной торговли за

счет внедрения различных стимулов. К примеру, таких, как снижение пошлин на погранпереходе Хуньчунь, увеличение числа и масштабов торговых проектов и другие политические меры, дабы вовлечь в трансграничную торговлю множество новых предприятий и фирм;

- строгий контроль за качеством экспортируемой продукции. Как считают китайские авторы, для «захвата» российского рынка качество является ключевым обстоятельством. Провинциальные ведомства должны усилить проверку качества экспортируемой продукции, при этом следует активизировать усилия по борьбе с поддельными и низкокачественными товарами; в «корне» предотвращать выход за пределы провинции некачественного контрафактного товара;

- поддержка и укрепление связи с российскими министерствами и ведомствами, правительствами субъектов Федерации — ДФО и СФО — для обеспечения благоприятных условий ведения производственной и предпринимательской деятельности на территории России¹⁰.

Перед Чанцзиту ставится большое количество сложных задач, хотя провинция достаточно реалистично оценивает свои промышленно-производственные возможности. Главная же цель — «захват» части российского рынка и поднятие двусторонней торговли на качественно новый уровень. При этом для увеличения объемов высокотехнологичной продукции рассматриваются варианты по привлечению «качественных игроков» из развитых провинций страны, прежде всего с ее юго-востока.

В провинции полагают, что необходимо использовать ее уникальное экономико-географическое положение как транзитного региона, что может компенсировать отсутствие собственных промышленных мощностей в той или иной отрасли. Для того чтобы доказать реалистичность постулата о «взаимодополняемости экономик», Цзилинь пытается за счет продукции более развитых провинций насытить свою товарную номенклатуру.

Действительно ли экономический комплекс российского Дальнего Востока может «дополняться» экономикой провинции Цзилинь? Что подразумевает под этим китайская сторона? Ответ тривиален: «Провинция Цзилинь и Россия обладают зна-

чительной взаимодополняемостью в следующих аспектах — природных и трудовых ресурсах, научно-техническом потенциале, отраслевой структуре и ассортименту выпускаемой продукции и др., т. е. существует огромный потенциал для развития двусторонних торгово-экономических отношений». И далее: «Россия обладает богатейшими природными ресурсами, ее запасы нефти и газа соответственно составляют 1/3 и 1/4 мировых, по объемам лесных ресурсов страна является лидером в мире; по научно-техническому потенциалу — она одна из ведущих держав мира, особенно в области фундаментальной науки и технологий — аэрокосмических технологий, биотехнологий, ядерной физики, новых материалов и многих других областях исследования. По сравнению с Россией, экспортным преимуществом пров. Цзилинь является наличие избыточных трудовых ресурсов и продукция сельского хозяйства. Российское правительство говорит об оживлении экономики, особенно об обширных просторах Сибири, богатой природными ресурсами, в связи с этим становится актуальным вопрос о привлечении иностранной рабочей силы. Для КНР главным вопросом является постоянный рост населения, что, в частности, обостряет проблему занятости населения. Для решения долгосрочных и крупномасштабных проектов потребуются экспорт рабочей силы в Россию, что не только снизит социальную напряженность в плане занятости, но и поддержит социальную стабильность в провинции, а также привлечет значительное количество иностранной валюты»¹¹.

Конечно, нам не привыкать к «апельсиновым сделкам» или же обмену «швеллера на мужские галстуки», и это китайцам хорошо известно, но мы уже живем не во времена Хрущева и даже не в лихие 90-е, но почему-то, согласовывая «Программу сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009—2018 г.) (Программа-2018)», никто среди высоких российских чиновников не задумался, как к ней относится китайская сторона, а в КНР ее трактуют как важный межгосударственный документ. Исходя из включенных в Программу-2018 проектов сотрудничества, Цзилинь намерена

укреплять взаимодействие с российскими регионами в области сельскохозяйственных проектов, для чего, по мнению китайской стороны, должен быть упрощен въезд крестьян провинции в РФ. Также Цзилинь испытывает значительный интерес к вопросам добычи природных ископаемых. С этой целью поощряется сотрудничество крупных горнодобывающих компаний провинции с Россией, и для работы в этой отрасли китайская сторона намерена поставлять трудовые ресурсы. К одной из перспективных сфер двустороннего сотрудничества провинция относит рыбозахват и рыбопереработку. Для этого в провинции намерены «улучшить качество обучения специалистов по рыбопереработке с целью захватить огромный (дальневосточный) рынок трудовых услуг в этой сфере». Как пишут цзилиньские авторы, строительный рынок России развивается быстрыми темпами, что дает новые возможности Цзилиню в сфере экспорта трудовых услуг¹².

Помимо экспорта своей низкоквалифицированной рабочей силы, пров. Цзилинь крайне заинтересована в импорте из России «мозгов», и «в провинции считают необходимым создать банк данных российских талантливых специалистов, государственных учреждений, предприятий, научных и образовательных организаций; следует изучать резюме российских специалистов. Именно этот российский человеческий ресурс необходим провинциальной экономике»¹³.

В условиях существующего технологического отставания КНР от стран Запада и России, ограничения со стороны США, Японии и Европейского союза на трансфер передовых технологий, а также в связи с определенным «перегревом» экономики провинции на территории провинции начал создаваться российско-китайский технопарк, который, по мнению сторон, должен помочь пров. Цзилинь, а, возможно, и всей КНР, решить следующие задачи:

- провести мониторинг передовых российских научно-технических разработок с целью последующей адаптации к потребностям китайской экономики;
- установить прямые контакты с российскими организациями и учеными для налаживания научно-технического обмена,

получения доступа к приоритетным для Китая российским разработкам в рамках финансируемых государством программ;

- организовать выпуск продукции по китайской либо западной (уже адаптированной, т. е. ставшей «китайской») технологии под российской либо совместной маркой для поставок на российский, китайский рынки и в третьи страны;

- получить возможность создания производства продукции и услуг по российской технологии под своей маркой для поставок преимущественно на китайский рынок на условиях легального приобретения патента либо на основе частных контактов с конкретными специалистами, а также создания аналогов полученных образцов и др.¹⁴

В плане развития района Чанцзиту важное место отведено строительству промышленных парков разного уровня, в том числе внутрипровинциального и государственного, при их создании будут проводиться новая политика и использоваться новые формы привлечения иностранных инвестиций. Будет разрабатываться система продвижения инноваций, осуществляться работа по руководству и содействию оптимизации разделения труда ряда отраслей и переноса их мощностей из промышленно развитых провинций в Цзилинь; а также проводятся мероприятия по углублению регионального экономического сотрудничества, оптимизации и модернизации структуры промышленности, повышению международной конкурентоспособности провинциальной промышленности.

В настоящее время район Чанцзиту по цзилиньским масштабам — наиболее развитая часть провинции, о чем свидетельствует структура его промышленности. Прежде всего, это машиностроение, главным направлением которого является *автомобилестроение* (рис. 8).

Диаграмма показывает, что Цзилинь является ведущей провинцией на Северо-Востоке Китая в области автомобилестроения. Именно она была «колыбелью» автомобильной промышленности КНР: в 1956 г. с конвейера сошел первый грузовик «Цзефан» («Освобождение») (полный аналог советского ЗИС-150), и до сих пор грузовики этой торговой марки являются одними из наиболее распространенных в КНР. В результате

55-летней истории этого предприятия вокруг него сформировался концерн FAW Group (первый китайский автомобильный холдинг), на базе которого осуществляется полный цикл работ: от НИОКР, производства запчастей и узлов до сборки автотранспорта и его реализации. Холдинг выпускает полный спектр моделей автомобилей от средне- до крупнотоннажных грузовиков, от малолитражек до автомобилей премиум-класса. В итоге холдинг стал крупнейшей в стране промышленной базой по производству автомобилей¹⁵. Основные промышленные мощности отрасли расположены в г. Чанчунь.

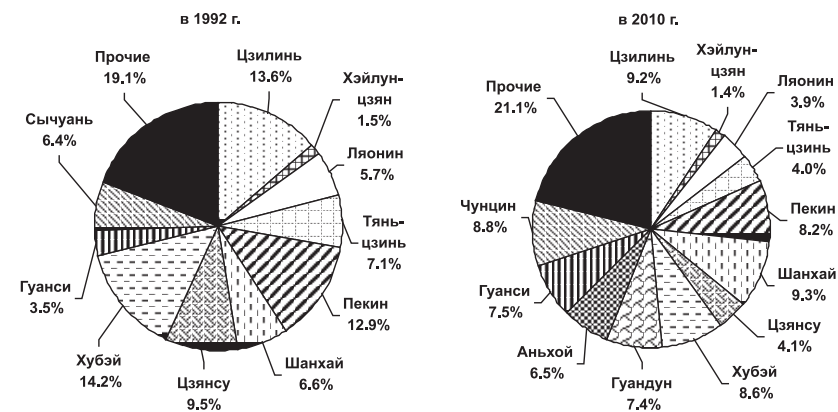

Рис. 8. Производство автомобилей в КНР. Источник: Цзилинь тунци няньцзянь — 1993, 2011. URL: <http://www.stats.gov.cn>

Нефтехимическое производство Цзилиня, составляющее значительную часть экономики провинции, включает не только переработку нефти, но и природного газа, горючих сланцев, угля и активно используемых отходов растениеводства. По ряду продукции химической отрасли провинция имеет существенные конкурентные преимущества: так, к примеру, на предприятии, входящем в корпорацию Sinopet — нефтехимической компании ABC, производятся этиленгликоль, кислоты, эфир, стирол, син-

тетический спирт, этилен, пропилен, каучук и др. В настоящее время этот завод является одним из крупнейших химических предприятий в КНР.

Тесную связь с нефтехимией имеет еще одна важная для региона отрасль экономики — *фармацевтическая промышленность*. Регион, обладая современной технологией и промышленным оборудованием, наличием природного сырья для производства препаратов народной медицины, а также избыточными трудовыми ресурсами, в этом плане значительно выигрывает по сравнению с Юго-Востоком Китая.

Конечно, для Цзилиня эта отрасль играет особую роль, о чем свидетельствуют статистические данные: так, среднегодовые темпы роста фармацевтической промышленности превышают 15 %; провинция занимает видное место в КНР в сфере производства препаратов традиционной китайской медицины и биофармацевтики¹⁶ (рис. 9).

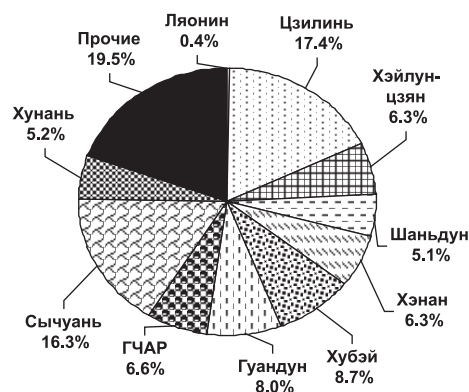

Рис. 9. Производство препаратов национальной медицины в 2011 г. Источник: Цзилинь тунцзи няньцзянь — 2012. URL: <http://www.stats.gov.cn>

Стратегия развития фармацевтической промышленности Цзилиня содержит 3 основных направления — «две основные линии, три центра, много точек прорыва». «Две основные линии» — развитие двух самостоятельных подотраслей: китайской

традиционной медицины (разработка и производство таблеток, экстрактов и вытяжек, развитие здорового питания) и биофармацевтики. «Три центра» будут созданы в городах Чанчунь, Тунхуа и Дуньхуа Яньбянь-Корейского автономного округа (ЯКАО). В дополнении к этому в уездах провинции будут создаваться базы по производству препаратов китайской традиционной медицины, которые выполняют роль «точек прорыва»¹⁷.

Помимо автомобилестроения, к основным направлениям машиностроения относится производство пассажирских вагонов.

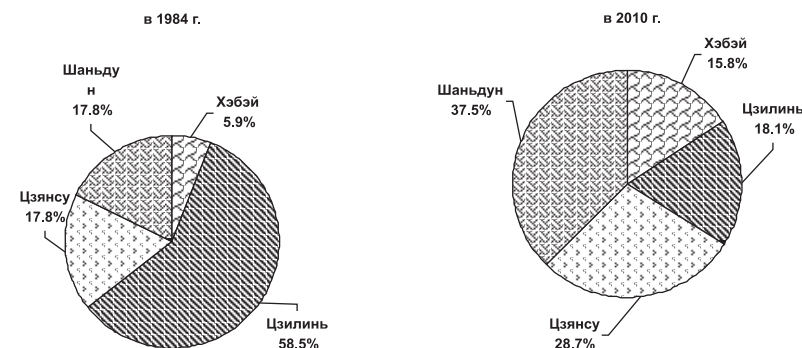

Рис. 10. География производства пассажирских вагонов в КНР. Источник: Цзилинь тунцзи няньцзянь — 1985, 2012. URL: <http://www.stats.gov.cn>

В мае 2010 г. в городе Чанчунь была сдана в эксплуатацию первая очередь крупнейшего в Китае Центра разработок и производства скоростных пассажирских составов, созданного на базе China CNR Co. Ltd. Центр площадью 290 тыс. кв. км стал самой крупной по масштабу, оснащенности передовым оборудованием и укомплектованности производственной базой в мире. Эта производственная база, в строительство которой было вложено 2,5 млрд юаней (около 0,36 млрд долл.), после полного ввода в действие в июне 2012 г. сможет ежегодно производить 500 вагонов для обычных пассажирских поездов, 800—1000 вагонов для ВСЖД со скоростью более 350 км/ч, и 800—1200 вагонов для ме-

ждугородних экспрессов скоростью свыше 120 км/ч. В мае 2010 г. с производственной линии сошел первый высокоскоростной экспресс нового поколения модели CRH380A, способный развивать скорость до 380 км в ч¹⁸.

В Цилине сформирована промышленная структура подотраслей по производству информационных технологий и новых материалов; современная биоиндустрия, сельское хозяйство. Сложились специализированные высоко-технологичные кластеры: к примеру, Чанчунь специализируется на выпуске оптико-электронного оборудования и препаратов биофармацевтики и др. Основным местом концентрации высокотехнологичных отраслей в пров. Цзилинь являются Чанчуньская зона развития высоких технологий, Чанчуньская зона экономического и технологического развития, зона высоких технологий в г.Цзилинь. Происходит агрегация (укрупнение) промышленных кластеров на основе формирования индустриальных парков. К примеру, парк программного обеспечения г. Цзилинь. В Чанчуне на базе Чанчуньской зоны развития высоких технологий и Чанчуньской зоны экономического и технологического развития открыты 2 биофармацевтических парка, Чанчуньская зона глубокой переработки кукурузы.

Исходя из вышеизложенного, становится очевидным, почему в пров. Цзилинь именно район Чанчунь—Цзилинь выделен как самая развитая часть провинции, а Туманган, который входит в ЯКАО, — как самая отсталая ее часть. Необходимо подтянуть ЯКАО, для чего в районе предусмотрено развитие логистической инфраструктуры.

При рассмотрении Плана Чанцзиту складывается впечатление, что он был «затян» именно ради повышения значимости района Туманган как части государственно-провинциального проекта. И это не случайно, поскольку перед районом Чанцзиту поставлены серьезные задачи. Развитие района Чанцзиту является новым этапом в стратегии возрождения старой промышленной базы Северо-Востока КНР (Дунбэя). В плане предусматривается строительство «9 особых индустриальных парков», ускоренное развитие «8 крупных отраслей промышленности», строительство «2 производственных баз с уровнем инвестиру-

Таблица 1. Крупнейшие высокотехнологичные предприятия провинции Цзилинь

Название предприятия	Место расположения	Специализация
North Caijing Group Co., Ltd	г. Цзилинь	Производство оптико-электронного оборудования
Jilin Sino-Microelectronics Co., Ltd	г. Цзилинь	Производство полупроводников, чипов
Xiuzheng Pharmaceutical Group Co., Ltd.	г. Чанчунь	Химия и фармацевтика
Changchun Dacheng Industry Group Co., Ltd.	г. Чанчунь	Глубокая переработка кукурузы
China Resources (Jilin) Biochemical Co., Ltd.	г. Чанчунь	Глубокая переработка кукурузы
Changchun FAW Qiming Information&Technology Co., Ltd.	г. Чанчунь	Производство электроники для автомобилей
GeneScience Pharmaceuticals Co., Ltd.	г. Чанчунь	Фармацевтика
Changchun BCNT Biotechnology Co., Ltd.	г. Чанчунь	Производство биотехнологичных препаратов

Источник: Дунбэй дицю чанье цзишонь фачжань дунли яньцзю : [Исследование динамики развития промышленных кластеров Северо-восточного района]. Пекин, 2010.

ния в каждую в размере 100 млрд юаней». Район Чанцзиту должен стать флагманом среди зон открытости Северо-Востока Китая и стимулировать экономический «взлет» этого региона.

При создании базы современной промышленности провинция планирует уделить особое внимание повышению качества выпускаемой продукции, изменению номенклатуры экспортируемых товаров, выпуску продукции известных марок, повышению неценовой конкурентоспособности производимой продукции: в экспортной концепции Цзилинь планируется переход от «победы количеством» к «победе качеством», тем самым в экс-

порте, в том числе в Россию, должна возрасти доля товаров с высокой добавленной стоимостью. В соответствии с Планом, провинция поставила задачу удовлетворения потребностей всех слоев российского населения от простой одежды и питания, т. е. товаров первой необходимости, до жилья, автомобилей, информационных продуктов и услуг.

Создание сквозных международных транспортных каналов является ключевой задачей развития района открытости Чанцзиту и его главным «пилотным» направлением. Здесь важным моментом станет координация развития района Чанцзиту с проектом Туманган, а также содействие осуществлению основных проектов сотрудничества Тумангана и региона США.

Но, к сожалению, китайская сторона просчитывает лишь экономическую составляющую процесса, но ни в коей мере не прислушивается к доводам российской и северокорейской сторон в отношении более бережного отношения к зыбкому экологическому равновесию, которое пока удерживается в приграничных районах вблизи китайского ЯКАО. В международном проекте Туманган заинтересована лишь КНР. Уже сегодня очевидно, что развивающаяся в пров. Цзилинь промышленность наносит катастрофический ущерб водным и биологическим ресурсам соседних стран, и прежде всего России. С увеличением степени загрязнения будет снижаться биоресурсный потенциал прибрежных сообществ в территориальных водах по обе стороны от устья р. Туманной; известна также способность разнообразных морских водорослей и беспозвоночных ассимилировать и накапливать в своих телах практически все виды загрязняющих веществ.

Важно также не упускать из виду тот факт, что промышленное развитие Хасанского района в рамках Программы развития района р. Туманной неизбежно приведет к серьезному ухудшению экологической обстановки в регионе. Отсутствие в южной части Приморского края крупных промышленных предприятий пока позволяло сохранить его уникальную природную среду. Кроме того, под угрозой окажутся богатейшие биологические ресурсы прибрежной акватории, имеющие большое народно-хозяйственное значение.

Местность и прибрежные акватории Хасанского района имеют для населения Сибири и Дальнего Востока неоценимое значение как единственная рекреационная зона с теплыми морскими водами и ландшафтами большой эстетической ценности.

По экспертной оценке, продукционный потенциал экосистемы мелководных бухт зал. Посъета составляет 530 тыс. т органического вещества в год со стоимостью в масштабе экосистемы порядка 10 млрд долл. Эта цифра может быть увеличена в несколько раз, если учесть стоимость водной и наземной биоты, лечебных грязей, рекреационного и эстетического потенциала. Именно это рекреационно-лечебное направление развития района Туманган наиболее всего отвечает экологическим требованиям приграничных государств.

В планах Китая по развитию района Чанцзиту и российско-китайскому сотрудничеству наиболее актуальными видятся следующие направления:

Усиление технико-экономического сотрудничества с Россией как путь развития *совместной торговли* и увеличения ее объемов.

В сельском хозяйстве возможна сдача в аренду сельскохозяйственных земель в России в целях развития сельхозпроизводства.

Лесное хозяйство: преимуществом провинции является опыт работы в области переработки древесины, в этом плане наибольший интерес вызывает инвестирование в Приморский и Хабаровский края. Цзилинь интересуется любое сотрудничество — от импорта кругляка до импорта готовой продукции из лесоматериалов или же импорт полуфабрикатов из России, производство готовых изделий в Цзилине с дальнейшим их реэкспортом.

Освоение минеральных ресурсов: финансирование проектов совместно с несколькими провинциями, создание горно-обогачительного комбината на территории Дальнего Востока.

Перерабатывающая (обрабатывающая) промышленность: Цзилинь является в КНР ведущей базой нефтехимии. Целесообразно было бы привлечь «Роснефть» в сферу нефтепереработки в провинции, что поможет значительно расширить сотрудничество с РФ, подняв его на новый уровень.

Сотрудничество в сфере высоких технологий: привлекать российских специалистов и технологии в цзилиньские парки высоких технологий, что может в дальнейшем активизировать строительство российско-китайского научно-технического парка Чанчуня.

Контракты на строительные подряды за рубежом и сотрудничество по предоставлению трудовых услуг: во Владивостоке и других российских городах есть широкое поле для развития сотрудничества в этой сфере. Важно принимать участие в проводимых в российских регионах тендерах на проведение строительных и иных работ.

Туризм: активизировать рекламу туров в Цзилинь, разработать специальные туристические маршруты, учитывающие интересы российских туристов, привлекать все большее количество туристов из России в пров. Цзилинь.

В сфере транспорта и логистики: воспользоваться возможностью строительства силами РФ транспортной инфраструктуры на Дальнем Востоке, для этого активизировать усилия по взаимодействию с правительством Приморского края, особенно в контексте утвержденного в 2008 г. проекта трансграничной бесполошинной зоны в районе Хунчунь-Хасан. Провинции следует поспешить, чтобы вовремя сделать соответствующий «прорыв».

Примечания

¹ URL: <http://www.cssn.cn/news/163885.htm>.

² URL: www.rosleshoz.gov.ru.

³ URL: <http://www.chinapro.ru/rubrics/1/6801>.

⁴ URL: <http://www.jrc.gov.cn/news.asp?pageclass=10601&id=1311>.

⁵ Комментарии: поскольку действительно большая часть российских фирм постоянно живет на кредитах, то зачастую, имея с зарубежным поставщиком продукции доверительные отношения, фирма без предоплаты импортирует груз — это нормальная практика не только с российской стороны, но и между партнерами в странах ЕС и США.

⁶ URL: <http://www.jrc.gov.cn/news.asp?pageclass=10601&id=1311>.

⁷ URL: <http://www.jrc.gov.cn>.

⁸ URL: <http://www.cssn.cn/news/163885.htm>.

⁹ Дунбэйя луньтань. 2011/ № 2.

¹⁰ URL: <http://www.jrc.gov.cn>.

¹¹ URL: <http://www.cssn.cn>.

¹² URL: <http://www.ru56.com/news/2011-02-11.php>.

¹³ Дунбэйя луньтань. 2011/ № 2.

¹⁴ URL: <http://old.sibai.ru/content/view/1202/1348/>.

¹⁵ URL: <http://chinateh.ru/article>.

¹⁶ URL: <http://kjt.jl.gov.cn/kjt/6/59/2009/08/i4620.shtml>.

¹⁷ URL: <http://www.jlyy.gov.cn>.

¹⁸ URL: <http://russian.people.com.cn/31518/7002781.html>.

В.Б. Кашин*

СТРУКТУРНАЯ РЕФОРМА КИТАЙСКОГО АВИАПРОМА В 2008—2012 гг. И ЕГО ВЫХОД НА МИРОВОЙ РЫНОК

Аннотация. На примере нескольких авиапромышленных компаний Китая автор прослеживает тенденции их развития, направления деятельности, роль в ОПК страны, текущее состояние их международного сотрудничества и возможные перспективы дальнейшего проникновения на мировой рынок.

Ключевые слова: КНР, авиапром, AVIC, объемы производства, ОПК, выход на мировой рынок.

Начиная с 2008 г. крупнейшие компании китайского оборонно-промышленного комплекса (ОПК) переживают период масштабных структурных реформ. Наиболее заметными и доступными для изучения являются реформы в авиационной промышленности.

Информация о ситуации в китайских компаниях — производителях военной продукции — позволяет сделать выводы об общих тенденциях в развитии всего ОПК (возможно, за исключением атомного оружейного комплекса, который в силу своего специфического положения не рассматривается в данной работе).

* Кашин Василий Борисович, к.полит.н., с.н.с. Центра стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС ИДВ РАН.

В рамках проводимых реформ предприятия китайского ОПК концентрируют оборонные активы в специализированных холдингах. Преследуется цель ограничить конкуренцию и параллелизм программ различных предприятий и непродуктивное распыление ресурсов. Для реализации важных программ гражданского или двойного назначения создаются отдельные дочерние компании в рамках военно-промышленных корпораций либо независимые от них компании по производству авиатехники (характерный пример — Китайская компания коммерческой авиации СОМАС).

Подобные подразделения нацелены на широчайшее международное сотрудничество в реализации своих проектов. Китайские военно-промышленные компании, например Китайская авиационно-промышленная корпорация AVIC, стремятся к приобретению высокотехнологичных активов по всему миру, в том числе в США. Все военно-промышленные корпорации сосредоточены на развитии в качестве многопрофильных машиностроительных холдингов с мощными подразделениями в сфере недвижимости, банковских услуг, а в отдельных случаях — нефтепереработки и добычи полезных ископаемых.

Изначально, в 2008 г., предполагался вывод многих крупнейших китайских военно-промышленных корпораций на фондовый рынок в течение ближайших 2—4 лет, однако глобальный экономический кризис, вызвавший рост волатильности как китайского, так и международных фондовых рынков, заставил в большинстве случаев пересмотреть сроки осуществления этих планов. Однако можно ожидать возврата к их реализации по мере стабилизации рынков.

Общая характеристика положения AVIC в структуре китайской оборонной промышленности

Крупномасштабная реформа китайской авиапромышленности началась 8 ноября 2008 г. слиянием двух ранее конкурировавших между собой корпораций AVIC I и AVIC II в единую корпорацию авиапромышленности AVIC (Aviation Industry Corporation

of China, 中国航空工业集团公司). На момент образования уставный капитал новой компании составил 64 млрд юаней (9,4 млрд долл.), в ее распоряжении находились 400 тыс. сотрудников и активы на общую сумму в 290 млрд юаней (42,5 млрд долл.)¹. Генеральным директором AVIC (и по совместительству секретарем парткома) стал Линь Цзомин (林左鸣), в прошлом возглавлявший AVIC I.

Активы компании к концу 2011 г. выросли до более 520 млрд юаней (82 млрд долл.): доходы от продаж увеличились с 151,1 млрд юаней в 2008 г. до более 250 млрд юаней (39,7 млрд долл.) в 2011 г.; прибыль выросла с 6,9 млрд юаней до более 12 млрд юаней (1,9 млрд долл.) в 2011 г. Численность рабочей силы превысила 400 тыс. человек².

AVIC на 100 % принадлежит государству и подотчетна одновременно двум государственным структурам. Как и все крупные небанковские госкорпорации, AVIC подчинена Госкомитету по надзору и управлению за государственными активами SASAC (State-owned Assets Supervision & Administration Commission, 国务院国有资产监督管理委员会)³. SASAC контролирует экономические аспекты деятельности госкорпораций, издает обязательные для них инструкции, участвует в формировании их менеджмента.

Оборонные аспекты деятельности AVIC, по результатам реформы китайского правительства, проведенной в марте 2008 г., находятся в ведении Государственного управления по оборонной промышленности, науке и технологиям в составе министерства промышленности и информатизации Китая (国家国防科技工业局). Руководитель управления Чэнь Цюйфа (陈求发) по совместительству является заместителем министра промышленности и информатизации⁴.

Положение AVIC в отрасли

Под контролем AVIC собраны почти все значительные предприятия китайского авиапрома. Существенным исключением является корпорация по производству гражданской

авиатехники COMAC (Commercial Aircraft Corporation of China, 中国商用飞机有限责任公司), созданная в декабре 2008 г. в Шанхае, т. е. параллельно с AVIC.

COMAC отвечает за создание первого китайского магистрального авиалайнера C919, а также за ряд других перспективных проектов в сфере гражданской авиации. AVIC, наряду с другими китайскими госкорпорациями (такими, как алюминиевый гигант Chinalco), входит в число акционеров COMAC, но не контролирует ее: главным акционером COMAC является непосредственно SASAC⁵.

В то же время COMAC пока не крупное образование. Сейчас в ней работают только 6 тыс. сотрудников⁶, в дальнейшем их число, несомненно, вырастет (в частности, идет массовый найм иностранных инженеров), но это не означает превращения COMAC в «монстра», сравнимого с AVIC или его основными дочерними холдингами. В качестве производственной площадки COMAC была передана Shanghai Aircraft Manufacturing Company, крупное авиаремонтное предприятие, в 1980-е годы реализовывавшее неудачный проект создания авиалайнера Y-10 (копия Boeing 707), а в последующем осуществлявшее лицензионную сборку самолетов компании McDonnell Douglas.

Предполагается, что COMAC будет осуществлять не полный цикл производства гражданских самолетов, а их системную интеграцию и сборку с опорой на производственный и научно-технический потенциал AVIC. При этом планируется широчайшее участие иностранных поставщиков, отбор которых сейчас в самом разгаре. К настоящему времени уже известны поставщики двигателей для самолета C919 (франко-американская CFM), электрогенераторов, топливной и гидравлической систем, внешних осветительных приборов, систем вентиляции и других компонентов⁷.

Предприятиям AVIC достанется изготовление секций фюзеляжа и оперения, хотя в дальнейшем долю китайских компонентов предполагается повысить. Вероятно, независимость от AVIC необходима компании для того, чтобы иметь свободу в отборе поставщиков и привлечении иностранных разработчиков к созданию самолета.

СОМАС не монополизует новые проекты в области гражданской авиации, скорее она создана для руководства наиболее перспективными и технически сложными из них. Компании, входящие в состав AVIC, помимо поставок компонентов для самолетов СОМАС, будут развивать и собственные проекты в сфере гражданской авиации.

Не подчиняются AVIC напрямую, хотя и могут координировать с ним свою деятельность, и относительно небольшие совместные предприятия по сборке импортных вертолетов и легкомоторных самолетов, создаваемые властями китайских провинций на волне начинающегося бума развития легкомоторной авиации в стране. Предприятия с подобным профилем работы создавались, в частности, в провинциях Сычуань, Хэбэй, Цзянси, городе центрального подчинения Чунцин.

Новая структура AVIC

Активы AVIC разделены между несколькими дочерними структурами (табл. 1), каждая из которых имеет четко определенную производственную специализацию, что должно исключить конкуренцию между ними. Эти структуры пользуются значительной степенью автономии, для каждой из них разработаны собственные долгосрочные стратегии развития.

Таблица 1. Дочерние компании и структуры AVIC в рамках первоначальной структуры

№ п/п	Китайское название	Английское название	Сфера деятельности
1	中航工业防务事业部	AVIC Defense Industry Division	Курирование всех проектов военного назначения
2	中航工业飞机公司	AVIC Aircraft	Самолетостроение (в основном военное)
3	中航工业直升机公司	AVIC Helicopter Company (Avicopter)	Вертолетостроение

Окончание табл. 1

№ п/п	Китайское название	Английское название	Сфера деятельности
4	中航工业系统公司	AVIC Systems	Производство авиационных систем
5	中航工业通用飞机公司	AVIC General Aircraft Company (компания)	Производство самолетов общего назначения
6	中航工业资产管理事业部	AVIC Assets Management Division	Курирование всех непрофильных (непромышленных) проектов
7	中航工业技术国际控股有限公司*	AVIC International	Организация внешнеэкономической деятельности
8	中航工业技术基础研究院	AVIC Fundamental Research Technology Institute	Проведение фундаментальных исследований
9	中航工业经济技术研究院	AVIC Economic Research Institute	Проведение экономических исследований
10	中国飞行试验研究院	AVIC Flight Test Establishment	Проведение испытаний
11	中航工业投资公司	AVIC Capital	Инвестиции и финансовые услуги
12	中航工业汽车公司	AVIC Automobile	Автомобилестроение
13	中航工业建设工程有限公司	AVIC Construction Projects Company (строительная компания)	Строительство
14	中航工业商用飞机发动机有限责任公司	AVIC Commercial Engine	Гражданское двигателестроение
15	幸福航空有限责任公司	Joy Air Ltd.	Авиакомпания
16	中国航空科技工业股份有限公司	Avichina Industry & Technology Company Ltd.	Инвестиции в высокотехнологичные проекты

Источник: Сайт AVIC.

В дальнейшем количество дочерних компаний AVIC было увеличено до 19. К 16, указанным в таблице, добавилась обновленная импортно-экспортная компания CATIC (теперь это относительно компактное унитарное предприятие, занятое только экспортом военной продукции), а также созданный в 2011 г. двигателестроительный холдинг AVIC Aero-Engines (объединил двигателестроительные активы, ранее распределенные между несколькими предприятиями), произошло также дробление AVIC Systems на два подразделения (по авионике и по электро-механическим системам).

AVIC Defense Industry Division являлась только управляющей структурой, ответственной за координацию военных программ, выполняемых другими подразделениями корпорации, а собственных военно-промышленных активов, судя по доступным публикациям, не имела. В дальнейшем она вновь стала подразделением центрального аппарата компании, потеряв статус дочернего предприятия. AVIC Assets Management Division отвечает за непрофильные (непромышленные) активы, которыми обременяется любая китайская госкорпорация (отели, курорты, образовательные учреждения и т. п.).

AVIC Aircraft контролирует основных китайских производителей боевых и гражданских самолетов, включая Shengyang Aircraft Industry Corporation, Chengdu Aircraft Industry Corporation, Xian Aircraft Industry Corporation, Shaanxi Aircraft Industry Corporation. В ее ведении — практически все «тяжелые» военные программы, связанные с созданием авиационной техники военного назначения. Компания серьезно вовлечена в планы SOMAC по созданию новых гражданских самолетов, но военная составляющая в ней всегда будет доминировать.

AVIC Aircraft Engine Company (中航工业发动机股份控股公司) отличается от AVIC Commercial Engine тем, что последняя, подобно SOMAC, намерена создать новую производственную базу с широчайшим использованием иностранных компонентов, технологий и разработчиков (в ближайшие годы планируется наем до 2000 иностранных специалистов)⁸. AVIC Aircraft Engine Company по-прежнему выпускает двигатели для военной авиа-

ции, а также для уже производимых AVIC гражданских самолетов.

Avicopter объединит вертолетостроительные активы Китая, прежде всего исследовательский институт № 602 (Helicopter Research & Development Institute, город Цзиндэчжэн), компании Hafei Aviation Industry Co. (Harbin Aircraft Industry Corporation, производитель вертолетов Z-9), Changhe Aircraft Industry Corporation (производитель вертолетов Z-8, Z-11, перспективного боевого вертолета WZ-10, Цзиндэчжэн), а также Баодинский завод авиационных пропеллеров (единственный в Китае производитель вертолетных роторов и пропеллеров для поршневого и турбовинтовой авиации). Кроме того, компания строит новый завод в Тяньцзине.

AVIC Systems объединяет производителей авионики, топливных и гидравлических систем, а также других компонентов авиатехники. AVIC General Aircraft Company специализируется на выпуске легких и учебно-тренировочных самолетов. Сейчас компания контролирует производителя легкомоторных самолетов Shijiazhuang Aircraft Industry Company и тренировочных Guizhou Aircraft Industry Group. Кроме того, в Чжухае создается новая производственная база по выпуску легких самолетов.

AVIC International основана в июне 2009 г. на базе известной китайской корпорации CATIC (中航工业技进出口有限责任公司)⁹, специализировавшейся на торговле авиационной продукцией, с присоединением к ней корпораций China Aviation Industry Supply & Marketing и Beijing Raise Science, выполнявшими схожие задачи в сфере международного сотрудничества. Бренд CATIC используется многими бывшими «дочками» компании.

AVIC Investment специализируется на инвестициях в недвижимость. AVIC Automobile объединила огромные автопромышленные активы, имевшиеся на момент начала реформы практически у каждой крупной компании китайского авиапрома. Avichina Industry & Technology Company занимается инвестициями в высокотехнологичные отрасли, связанные с авиацией. Состав ее активов постепенно меняется в сторону производителей высокотехнологичных авиакомпонентов, прежде всего электроники.

Avicopter и AVIC General Aircraft Company рассматриваются руководством AVIC как локомотивы китайского авиационного экспорта. Планируется, что AVIC General Aircraft Company должна к 2025 г. занять треть мирового рынка легкомоторных самолетов¹⁰, Avicopter в течение 15—20 лет с момента создания должна завоевать 15 % мирового рынка вертолетов¹¹.

Планы IPO

Сейчас в состав AVIC уже входит 21 компания, котирующаяся на бирже, в том числе на рынке торгуются акции некоторых производителей авиатехники военного назначения. В дальнейшем публичными должны стать все главные производственные холдинги AVIC. Согласно заявлениям менеджмента AVIC, в основном этот процесс должен быть завершён к 2013 г., когда будет акционировано и выведено на биржу 80 % активов корпорации. После этого начнется подготовка к IPO самой AVIC¹².

Называвшиеся ранее сроки выхода на рынок для AVIC Aircraft — 2011 г., для Avicopter — 2012 г., для AVIC General Aircraft Company — до конца 2010 г. AVIC Aircraft намерена выйти на рынок путем вливания своих активов в дочернюю компанию, уже торгующуюся на Шэньчжэньской фондовой бирже — Xian International Aircraft Corporation¹³. Сходной стратегии, возможно, будет придерживаться и Avicopter, которая использует для выхода на Шанхайскую фондовую биржу свою уже торгующуюся «дочку» Hafei Aircraft Industry Corporation. Однако очевидно, что из-за влияния мирового финансового кризиса добиться своевременной реализации данных планов пока не удалось.

Последующие цели развития

В феврале 2012 г. гендиректор (позднее повышен до председателя правления) корпорации AVIC Линь Цзомин опубликовал на сайте корпорации и в отраслевой газете «Чжунго ханкун бао»

программную статью «AVIC на пути стратегических реформ: в создании боевых самолетов достигнут большой прогресс».

Характеризуя проведенную реформу, он отметил, что впервые удалось сформировать новую структуру управления отраслью, отвечающую потребностям рынка. Несмотря на концентрацию почти всех предприятий отрасли в рамках одной компании, удалось избежать «сваливания» активов в «кучу». Достигнуты успехи в повышении экономических показателей, а также в создании новых типов военной и гражданской авиатехники.

В дальнейшем, по словам Линь Цзомина, холдинговые компании в составе AVIC будут развиваться, взяв за образец лидеров мировой авиационной индустрии. Так, для AVIC Aircraft образцами будут Boeing и Airbus, а для Avicopter — европейская вертолетостроительная корпорация Eurocopter. Большие надежды связаны с развитием финансового подразделения корпорации — AVIC Capital. Линь Цзомин обратил внимание на пример такой ведущей мировой машиностроительной корпорации, как GE, где финансовое подразделение обеспечивает до 40 % выручки и более 50 % прибыли, отметив, что это должно стать ориентиром для AVIC. Развитие собственного финансового бизнеса должно предоставить производственным подразделениям AVIC доступ к дешевому финансированию для нужд технического перевооружения, проведения сделок слияния и поглощения.

Согласно статье Линь Цзомина, доля военного производства в общем объеме продукции компании будет снижаться — с нынешних 40 до 20 %. Компания должна начать собственную мировую экспансию, приобретая активы за рубежом и выходя на мировые рынки капитала. Образцом подобной экспансии может считаться сделка по приобретению AVIC 100 % акций ведущего американского производителя поршневых авиамоторов Continental Motors за 186 млн долл.

AVIC будет стремиться к максимальной интеграции в мировой авиапром, желая стать неотъемлемой частью глобальных производственных цепочек, отмечается в статье. Уже сейчас многие предприятия китайского авиапрома вовлечены в производство компонентов для самолетов Airbus и Boeing, и очевидно, что в дальнейшем планируется расширять данную практику.

Большое внимание будет уделяться совместным разработкам. По мнению автора, примерами подобных разработок в настоящее время можно считать создание вертолетов Z-15/EC-175 и EC120 на паритетных началах совместно с Eurocopter. Кроме того, в 2011 г. было создано СП с GE по производству авионики для гражданской авиации с общим объемом инвестиций в 1,3 млрд долл.

Другие компании китайского оборонно-промышленного комплекса (ОПК)

Реформа AVIC является образцом для других предприятий китайского оборонно-промышленного комплекса (ОПК). В частности, о реорганизации дочерних структур 30 специализированных холдингов и о планах строительства диверсифицированной промышленной корпорации с преобладанием гражданского производства ранее в 2012 г. заявила Norinco Group (CNGC) — производитель техники и вооружений для сухопутных войск.

Компания трансформируется в многопрофильный, преимущественно гражданский (по состоянию на 2009 г., на военное производство приходилось около 30 % продукции компании)¹⁴ машиностроительный холдинг. В качестве перспективных направлений развития рассматриваются, помимо выпуска военной продукции, производство тяжелых грузовиков и гражданской спецтехники, а также производство нефтехимического оборудования. Компания стремится наращивать свое участие в зарубежных проектах по строительству инфраструктуры (например, в многолетних работах по расширению тегеранского метро¹⁵), а ее дочерняя нефтеторговая компания Zhenhua Oil участвует в проектах по добыче нефти в Ираке, Пакистане, Казахстане и Сирии¹⁶.

Схожая структура управления активами сложилась в ракетно-космических корпорациях CASIC и CASC, где предприятия сгруппированы в так называемые «академии» по отраслевому и географическому признаку; создаются дочерние структуры для выхода на рынки капитала и, в отдельных случаях, приобретаются иностранные активы.

В настоящее время в составе всех 10 китайских военно-промышленных корпораций имеются собственные публичные компании, вовлеченные в международную деятельность.

В частности, в составе ракетно-космической корпорации CASC (основной профиль — производство ракет-носителей, космических аппаратов, баллистических ракет) имеется 8 публичных компаний, акции которых котируются на Шанхайской, Шэньчжэньской и Гонконгской фондовых биржах. Они действуют в таких сферах, как предоставление услуг спутниковой связи, производство и продажи наземных приложений для космической навигации, разработка программного обеспечения, поставки цифровой топографической информации и т. п. Активы гигантской корпорации с 130 тыс. работников сгруппированы в 8 крупных дочерних компаний, имеющих четко определенный профиль деятельности (производство жидкостных ракет, производство твердотопливных ракет, производство космических аппаратов различных типов, разработка и производство электроники и т. п.). Компания стремится к максимальному расширению международного сотрудничества, в том числе в интересах наращивания поставок своей гражданской продукции.

Выводы

AVIC стремится стать одной из ведущих мировых промышленных транснациональных корпораций, вовлеченных в мировую производственную кооперацию, владеющую активами по всему миру. Это стремление пользуется поддержкой государства. Рост глобальных экономических интересов AVIC и расширение ее присутствия в различных регионах мира в перспективе означает ее большую открытость влиянию мирового рынка; при этом участие в реализации ключевых оборонных программ гарантирует руководству AVIC доступ к высшему руководству КНР, политическое влияние и авторитет, недоступные даже большинству крупных государственных компаний, не говоря о частном бизнесе. Создание собственных мощных финансовых подразделений в сочетании с возможностью опираться на ре-

сурсы гигантской китайской государственной банковской системы могут дать корпорации преимущества в борьбе за мировой рынок гражданской авиапродукции, в отношении которого у AVIC имеются весьма амбициозные планы.

Несмотря на небольшой объем доступной информации, есть основания предполагать, что сходные процессы происходят и в других ведущих китайских военно-промышленных корпорациях. Фактически, на наших глазах образуется группа крайне влиятельных глобальных игроков, имеющих все более разноплановые интересы по всему миру, пользующихся поддержкой китайского правительства и способных привлекать под свои проекты значительные финансовые ресурсы в то время, когда их конкуренты на Западе вполне ощущают последствия глобального экономического кризиса 2008—2009 гг. Деятельность китайских военно-промышленных компаний вполне может превратиться в важный фактор отношений между Китаем и внешним миром, подобно тому, как это уже произошло с деятельностью китайских нефтегазовых компаний.

Примечания

¹ Чжунго фачжи ваньбао. 08.11.2008. URL: <http://hi.baidu.com/%CC%AB%BC%AB%CD%BC/blog/item/41a34a369e6838daa2cc2b1c.html>.

² Общие сведения о компании см. на ее сайте: URL: <http://www.avic.com/cn/jtgk/index.shtml>.

³ Список предприятий центрального подчинения — на сайте Государственного управления по надзору и администрированию государственных активов. URL: <http://www.sasac.gov.cn/n1180/n1226/n2425/index.html>.

⁴ Страница Чэнь Цюйфа на сайте URL: chenqiufa.miit.gov.cn/.

⁵ Список предприятий центрального подчинения на сайте Государственного управления по надзору и администрированию государственных активов. URL: <http://www.sasac.gov.cn/n1180/n1226/n2425/index.html>.

⁶ Корпоративный сайт COMAC. URL: <http://www.comac.cc/gk/gsjj/>.

⁷ Подробнее см.: Aerospace Firm Wins C919 Deal // Жэньминь жибао. 23.04.2010. URL: <http://english.people.com.cn/90001/90778/90860/6960394.html>.

⁸ КНР запускает программу найма иностранных специалистов по двигателям // РИА «Новости». 31.05.2010.

⁹ AVIC International Holding Ltd. // Key Developments, Reuters. URL: <http://uk.reuters.com/business/quotes/keyDevelopments?symbol=0232.HK&pn=1>.

¹⁰ Цзинцзи гуанча бао. 06.07.2009. URL: <http://aero.huanqiu.com/ga/2009-07/506589.html>.

¹¹ Там же. 27.02.2009. URL: <http://finance.sina.com.cn/chanjing/b/2009227/12065910612.shtml>.

¹² Эрши и шицзи цзинцзи баодао. 23.11.2006.

¹³ AVIC Aircraft Injects Assets to Arm for Listing // China Daily. 06.11.2009.

¹⁴ Синьхуа. 28.11.2009.

¹⁵ Li Changchun Inspects Tehran Metro Line 4 constructed by NORINCO // Пресс-релиз NORINCO. URL: www.norinco.com/c1024/english/newscenter/content_t_128.html.

¹⁶ См. раздел сайта Zhenhua Oil о нефтяных проектах. URL: <http://www.zhenhuaoil.com/en-yw-hwyq.htm>.

ИСТОРИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

*Р.А. Мировицкая**

ОЧЕРК ИСТОРИИ РАННИХ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ (20-е годы XX века)

Аннотация. Очерк посвящен интересной и малоизученной теме — хронике и анализу особенностей становления отношений молодой Советской России с Китайской Республикой в 1920-е годы. Статья написана на основе большого массива редких архивных материалов.

Ключевые слова: РСФСР, СССР, Китайская Республика, КВЖД, ДВР, Антанта, Япония.

В Китае в послесиньхайский период, как и в России до Октябрьской революции, дипломатические и консульские службы западных держав продолжали свою деятельность. Дипломатический корпус в Пекине играл весьма заметную роль в политической жизни страны. Как и в досиньхайское время, дипломатические представители иностранных государств в Китайской Республике пользовались всеми правами и привилегиями, зафиксированными в неравноправных договорах.

* *Мировицкая Раиса Анатольевна*, к.и.н., в.н.с. Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН.

Первая мировая война и ее последствия для Китая привели к созданию новой расстановки сил в системе международных отношений на Дальнем Востоке, в орбиту которой оказалась вовлечена и Россия (позже — СССР). По итогам Первой мировой войны Япония получила благоприятные возможности для превращения Китая в сферу своего монопольного влияния: она не только захватила все бывшие германские владения на территории Китая, но и осуществила интервенцию на территорию России.

С марта 1916 г. российским посланником в Китае был князь Н.А. Кудашев. Верительные грамоты Кудашев вручил президенту КР 4 июня 1916 г. Пришедшее к власти в результате Февральской революции в России (1917 г.) Временное правительство сохранило старые договоры и соглашения с Китаем. Центральный аппарат МИД и загранучреждения России практически не претерпели изменений. В марте 1917 г. российское правительство подтвердило полномочия Кудашева новыми верительными грамотами, которые посланник вручил президенту Китая.

После победы Октябрьской революции первый нарком по иностранным делам Советской России Л.Д. Троцкий (8 ноября 1917 г. — 23 февраля 1918 г.) предложил всем сотрудникам МИДа служить новому правительству так же, как они служили ранее царскому и временному правительствам. Чиновники МИДа единодушно ответили отказом на это предложение новой власти. Аналогичной была реакция подавляющего большинства российских дипломатических сотрудников, работавших за рубежом.

Советское правительство предложило Н.А. Кудашеву от имени наркома по иностранным делам Л.Д. Троцкого в случае его несогласия с политикой советского правительства сдать миссию в Пекине другому лицу. На это предложение, полученное в Пекине 1 декабря 1917 г., Кудашев не ответил. 5 декабря 1917 г. последовал новый запрос из России, и на него ответ также получен не был. Не дали согласия сотрудничать с Советской властью и многие другие дипломатические сотрудники старой России. Поэтому 9 декабря 1917 г. все они были уволены со своих постов без права на пенсию и поступления на какие-либо государственные должности. Полномочным представителем Советской России в Китае был назначен А.Н. Вознесенский. Пе-

кинское правительство тем не менее не лишало Кудашева и русских консулов в Китае прежних прав и привилегий.

В июле 1918 г. новый нарком по иностранным делам Г.В. Чичерин изложил позицию Советской России по отношению к Китаю, основанную на принципах равенства и добрососедства. 25 июля 1919 г. Советское правительство выступило с известным «Обращением к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая». В Обращении говорилось, что Советское правительство еще в 1917 г. объявило неправомерными все тайные договоры, заключенные царским и Временным правительствами с Китаем, и предлагало установить отношения между двумя странами на принципах советской внешней политики. Советская программа развития отношений с КР стала известна в Китае в апреле—мае 1920 г., в основном из советских документов, опубликованных в китайских средствах информации.

23 сентября 1920 г. был опубликован Декрет президента КР, в котором говорилось о прекращении признания российского посланника и консулов досоветской России официальными представителями России в Китае. Старая русская дипломатическая и консульская служба в Китае официально были закрыты 1 января 1921 г.

На протяжении 1921—1923 гг. Советское правительство предпринимало неоднократные попытки начать переговорный процесс с Китаем с целью возобновления дипломатических и торговых отношений между странами. Но только после того, как были нормализованы отношения между Советским государством и рядом стран Европы, после направления в Китай из России дипломата в ранге заместителя наркома по иностранным делам — Л.М. Карахана, в Китае начались переговоры об установлении дипломатических отношений между двумя странами, завершившиеся успехом. Первый советско-китайский договор («Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой») был подписан в Пекине 31 мая 1924 г.

Гражданская война и иностранная интервенция на территории России привели к резкому ослаблению международных по-

зиций России на Дальнем Востоке. В конце 1917 г. китайские войска взяли под свой контроль Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД). В Северную Маньчжурию, которая согласно Портсмутскому договору (1905 г.) являлась российской сферой влияния, была введена японская армия. В апреле 1918 г. японские интервенты высадились во Владивостоке, а в августе 1918 г. японская армия оккупировала Приамурье, Приморье, Забайкальский край. Действия Японии были поддержаны США, Великобританией, Францией, однако военные силы указанных государств были несоизмеримы с японскими.

Поводом для международной интервенции держав послужил мятеж чехословацкого корпуса в России. В мае 1918 г. чехи и словаки подняли мятеж, свергли Советскую власть в городах, расположенных на всем протяжении Транссибирской железной дороги. Летом и осенью 1918 г. к востоку от Урала было создано около 20 областных антибольшевистских правительств; в ноябре 1918 г. они были объединены под властью Сибирского правительства в Омске. Его возглавил бывший командующий Черноморским флотом адмирал А.В. Колчак. В 1919 г. страны Антанты создали Межсоюзнический комитет во главе с представителем США для управления российскими железными дорогами — Транссибирской и КВЖД. Комитет должен был обеспечить завершение эвакуации чехословацкого корпуса из России, а также оказывать поддержку белому движению в стране. На Парижской мирной конференции страны Антанты рассматривали вопрос об официальном признании правительства Колчака. Признание же Советской России де-юре державами Антанты зависело от положения на фронтах гражданской войны. К апрелю 1920 г. США, Великобритания и Франция вывели свои армии с территории российского Дальнего Востока. К этому времени Красная Армия освободила всю Западную Сибирь до Байкала. В Иркутске А.В. Колчак был выдан чехами советским властям и вскоре казнен.

Разгром белого движения в Сибири ознаменовал собой начало перелома в гражданской войне в пользу РСФСР. Для США и их союзников интервенция потеряла смысл. Япония же не только не последовала примеру своих союзников, но и, наоборот, усилила свое военное присутствие на Дальнем Востоке.

Весной 1920 г. части Красной Армии, наступавшие в районе Байкала, встретились с японскими войсками. В Москве не хотели войны с Японией. На западе назревала война с Польшей, и Советской России не нужна была война на два фронта. В Москве приняли решение продолжить борьбу с интервентами, включая Японию, исключительно политико-дипломатическими методами, и с этой целью было решено создать на востоке «буферное» буржуазно-демократическое государство. 6 апреля 1920 г. было провозглашено создание Дальневосточной Республики (ДВР). В состав ДВР со столицей в Чите вошли Забайкалье, Приамурье и Приморье.

В 1921 г. в Чите было созвано Учредительное собрание, принявшее конституцию нового государства. ДВР не была советизирована. Это было многопартийное государство; в республике были разрешены частная собственность, частная торговля, в качестве валюты использовался царский золотой рубль. В Москве создание ДВР рассматривалось как тактический ход. После завершения борьбы с иностранной интервенцией это государство предполагалось упразднить.

После создания ДВР США, Япония, а также КР установили с новой республикой отношения де-факто. Власти ДВР направили в КР дипломатическую миссию, возглавлявшуюся А.Ф. Огаревым, затем — И.Л. Юриным. Однако власти КР ограничились лишь контактами с ней чисто протокольного плана. Китай занял выжидательную позицию, наблюдая за развитием отношений ДВР с США и Японией. Оба государства установили с ДВР неофициальные контакты, открыли в Чите свои консульства. В 1920 г. власти ДВР и представители японского командования подписали соглашение о перемирии. В Токио надеялись со временем взять ДВР под свой контроль.

Японские военные довольно быстро убедились, что ДВР не является суверенным государством и фактически управляется из Москвы. Весной 1921 г. японцы свергли власть ДВР в Приморье, передав ее крупному предпринимателю С.Д. Меркулову.

Создание ДВР позволило Москве использовать в своих интересах противоречия между Японией и США. Американские власти были против присутствия японских войск на российской

территории. Вместе с этим США заняли позицию непризнания большевистской России как режима, нарушающего фундаментальные ценности демократии. В лице ДВР они нашли удобного партнера, с которым можно было взаимодействовать против японцев, не поступаясь принципами непризнания Советской России.

На состоявшейся в 1922 г. Вашингтонской конференции много внимания уделялось обсуждению положения в России. США, заинтересованные в том, чтобы сохранить Россию как противовес Японии, заявили, что конференция должна защитить интересы России и добиться вывода с русской территории японских войск. В Вашингтон была приглашена делегация ДВР. Делегации был оказан дружественный прием: она была принята госсекретарем США. Дискуссия на конференции показала, что ни одна из держав не приветствовала японское присутствие на российском Дальнем Востоке. Япония вынуждена была заявить, что выведет войска из Приморья. Конференция приняла резолюцию по КВЖД, подтвердила полномочия Межсоюзнического комитета по управлению дорогой. Техническая подкомиссия Вашингтонской конференции признала, что КВЖД является собственностью русского правительства и что недопустима передача прав на железную дорогу другим государствам (имея в виду Японию и Китай).

После Вашингтонской конференции обе континентальные державы — Россия и Китай — не могли стать серьезным фактором международной стабильности в АТР: Китай — из-за внутриполитической слабости и фактической децентрализации страны, Советская Россия — из-за чрезмерной идеологизации ее внешней политики и продолжавшейся в стране гражданской войны.

В соответствии с решением Вашингтонской конференции, Япония начала подготовку к выводу своих войск с территории российского Дальнего Востока, однако рассчитывала в ответ добиться от ДВР политических и экономических уступок. На Дайренской конференции (август 1921 г. — апрель 1922 г.) японская сторона потребовала от ДВР предоставления ей льготных условий на получение концессии по разработке полезных ископаемых, права свободного судоходства по Амуру и др. Делегация

ДВР поначалу затягивала переговоры, а затем отвергла ряд требований, предъявленных Японией. Конференция была прервана.

25 октября 1922 г. завершился вывод японских войск из Владивостока. ДВР таким образом исчерпала свою миссию: вооруженный конфликт между Японией и Советской Россией был предотвращен. 13 ноября 1922 г. Народное собрание ДВР проголосовало за ликвидацию ДВР и ее воссоединение с РСФСР. Территориальная целостность российского государства на Дальнем Востоке была восстановлена.

Руководители Советского государства придавали большое значение развитию советско-китайских отношений. В двух советских декларациях и заявлениях (1919 и 1920 гг.), подписанных Л.М. Караханом, Советское государство объявило о своем отказе от прав и привилегий царской России и Временного правительства в Китае, таких, как концессии, консульская юрисдикция, экстерриториальность граждан, доля в «боксерской» контрибуции и т. д. По указанным в советских декларациях вопросам, а также по режиму КВЖД, которая являлась собственностью России, необходимо было провести советско-китайские переговоры и юридически закрепить новые основы взаимоотношения двух стран, согласно международной практике, в двустороннем договоре.

Учитывая особенности внутривнутриполитической ситуации в КР, советские обращения к Китаю 1918—1919 гг. имели несколько адресатов: китайскому народу, а также правительствам Южного и Северного Китая. К осени 1922 г. сложились благоприятные условия для дальнейшего развития отношений между РСФСР и КР. Это было связано с окончанием войны на Дальнем Востоке и укреплением международного престижа России. Были заключены торговые договоры и соглашения новой России с Англией, Италией, Германией, Австрией, Швецией и др., складывались равноправные дружественные отношения Советской России со странами Востока — Ираном, Афганистаном, Турцией.

Советский Союз считал необходимым установить дипломатические отношения с центральным правительством Китая в Пекине. Наряду с этим СССР взял курс на тесное сотрудничество с партией Сунь Ятсена.

Российский дипломат А.А. Иоффе стал первым дипломатическим представителем СССР в Китае. Параллельно с дипломатической деятельностью он активно взаимодействовал с представителями китайской общественности, установил прямые контакты с Сунь Ятсеном и Гоминьданом, базой которого был в тот период Южный Китай. По итогам контактов с Сунь Ятсеном 26 января 1923 г. было подписано совместное Коммюнике о принципах взаимоотношений. Этот документ констатировал, что все заключенные до революции двусторонние договоры потеряли свою силу, признавал Внешнюю Монголию частью Китая, содержал пункт о том, что в Китае не могут быть введены коммунистический строй и советская система. Сунь Ятсен обратился к Советской стороне с просьбой о финансовой помощи для закупки оружия, необходимого создающейся армии, советнической помощи в строительстве современной армии и организации Северного похода. В конце 1923 г. в Кантон стали прибывать советские советники, сыгравшие важную роль в реорганизации Гоминьдана, превращении его в массовую политическую партию, создании «партийной» армии, а также «единого фронта» Гоминьдана и компартии для решения стоявших перед страной неотложных задач.

В 1923 г. в Пекин приехал новый советский полпред Л.М. Карахан. Советская сторона подтвердила денонсацию договоров о разделе сфер влияния в Китае, заключенных Россией с другими великими державами в прошлом. 31 мая 1924 г. в Пекине было подписано советско-китайское Соглашение об установлении официальных дипломатических отношений. Советский Союз отказался от концессий, принадлежавших старой России, от консульской юрисдикции и прав экстерриториальности для своих граждан. Стороны обязались не вмешиваться во внутренние дела друг друга и не вести враждебной пропаганды. Китайское правительство согласилось уволить из армии и полиции представителей российского белого движения; СССР отказался от русской части «боксерской» контрибуции при условии, что она будет направлена на создание Фонда улучшения просвещения китайского народа, управляемого обеими странами.

Правительства двух стран заявили, что все договоры, соглашения и акты, заключенные царским правительством с третьими странами и затрагивающие суверенные права и интересы Китая, объявляются недействительными и утратившими силу. Ожидалось, что эти положения будут зафиксированы на специальной советско-китайской конференции, которая должна была состояться через месяц после подписания Советско-китайского соглашения, однако так и не состоялась.

КВЖД была признана совместной собственностью двух стран и чисто коммерческим предприятием. Ликвидировались все политические функции администрации КВЖД, распускались так называемые железнодорожные войска. Восстанавливался суверенитет Китая над полосой отчуждения КВЖД. Согласно договоренности, СССР готов был продать КВЖД Китаю при условии, что этот вопрос будет решен без вмешательства третьих стран.

В силу своеобразия политического положения в Китае (фактическая раздробленность страны) СССР вынужден был подписать в сентябре 1924 г. соглашение по КВЖД и с правительством Маньчжурии, фактически равноправным Пекинскому.

Пекинское правительство протестовало против подписания соглашения СССР с маньчжурскими властями, но в начале 1925 г., после очередной смены власти в Пекине, соглашение от 20 сентября 1924 г. Пекинским правительством было утверждено.

Советско-китайские соглашения 1924 г. в целом учитывали интересы обоих государств. Советский Союз восстанавливал свои имущественные права на КВЖД и политическое влияние в Северной Маньчжурии, а Китай впервые добился от одной из великих держав мира, добровольного отказа от прав и привилегий, нарушавших его суверенитет.

В октябре 1926 г. Л.М. Карахан был отозван в Москву. Временный поверенный в делах СССР в КР А.С. Черных получил указание НКВД СССР письменно информировать Пекинское правительство об отъезде полпреда из Китая. К этому времени в результате очередной милитаристской войны Пекинское правительство возглавил Чжан Цзолинь (лето 1926 г.).

Политические процессы, происходившие в Китае в 1926—1927 гг., самым непосредственным образом влияли на развитие китайско-советских межгосударственных отношений. В обстановке антисоветской истерии, подогревавшейся империалистическими державами, в 1927 г. начались провокации против советских загранучреждений.

Кульминацией враждебных в отношении СССР действий китайских властей стал налет на Советское консульство в Кантоне (Гуанчжоу) в декабре 1927 г. (арест советских консульских сотрудников, захват территории консульства). Практически одновременно был совершен налет китайской полиции на консульство СССР в Ханькоу.

После победы в 1928 г. Народно-революционной армии (НРА) над бэйянскими милитаристами начался новый этап политической истории КР и новый этап развития советско-китайских отношений.

SUMMARY

S.G.LOUSIANIN. Dimensions of the Russian-Chinese relations in APEC. Regional factors of influence and interaction.

The article deals with trends and features of the Russian-Chinese interaction in the APEC, as well as its possible prospects in the context of ASEAN activities. The influence of the American factor on China's position in the Asia-Pacific region, the activity of China in the APEC and the Sino-Russian cooperation in the Northeast and Southeast Asia are also analyzed. The author concludes, that China, using its vast resources, will strive further to create a system of economic zones and alliances within APEC in order to assure the "turn" towards China of the political and economic preferences of the region.

Keywords: Asia-Pacific region, APEC- 2012, Russian-Chinese relations, economic ties, U.S., ASEAN, the Russian Far East.

S.V.UYANAIEV. The cooperation of RF and PRC on international issues: content and accents of its "new stage".

The author analyzes the current status, directions and peculiarities of the Russian-Chinese partnership on a number of important policy issues of regional and international significance, including the bilateral cooperation in the framework of such international structures as UN, SCO and BRICS. He concludes, that further development of the Russian-Chinese cooperation in the world arena can make a major contribution to world peace processes by giving a good impetus to the transition of the strategic partnership of Russia and China up to a new qualitative level.

Keywords: Russia, China, UN, RIC, BRICS, SCO, strategic partnership.

V.I.TRIFONOV. The situation in the Asia-Pacific: the clash of the lines on cooperation and confrontation.

The author discusses the current political and economic importance of the Asia-Pacific region, explains the unprecedented growth of its weight in in-

ternational affairs. He stresses that the important factors influencing the current alignment of forces in the Asia-Pacific region are phenomenon of the rapid "rise" of China and the U.S. strive to implement the policy of "the return of the United States to the Asia-Pacific". The article notes that developments in the Asia-Pacific region directly affect the interests of the Russian Federation. The U.S. and its Western partners are not averse to involve Russia in their strategy of the containment of China. These very circumstances stipulate the clash of the lines on cooperation and confrontation in the region.

Keywords: Asia-Pacific region, China, Russian Federation, U.S., cooperation, RIC, BRICS, SCO, Northeast Asia, regional organizations.

V.Y. PORTYAKOV. Russia's assessments of the "return" of the U.S. to the Asia-Pacific region.

The article discusses the directions of the Washington's course on the "U.S. return to the Asia-Pacific" as well as Moscow efforts to consolidate Russian political and economic positions in the APR. The author pays special attention to the reaction of China on the U.S. strive to expand American presence in the region and characterizes relations between Moscow, Washington and Beijing in the context of the APR's increasing global importance and changes in the balance of power in the region. The analysis is based on the views and opinion expressed by leading Russian politicians, diplomats, scholars and experts.

Keywords: RF, "return of the U.S. to Asia", China, Asia-Pacific region.

A.F.KLIMENKO. The new U.S. military strategy and the evolution of US-China-India relations in the Asia-Pacific region in the field of security problems.

The author analyzes the new U.S. defense strategy presented in US Defense Strategic Review, published in Washington in early 2012. Special attention is paid to the fact that today the United States are considering China as a strategic competitor, and China's rapid development — as a challenge to the U.S. influence in the Asia Pacific region. The author examines the reaction of Beijing on the relevant activities of the United States and describes the role of India in the U.S. strategy of China's containment. One of his main conclusions — is that for Russia, the new strategy of the United States, despite its rather aggressive character, may carry some positive outputs as well: Washington's interest in the Russian Far East may facilitate U.S. investment in the economy of this region. APEC economic projects potentially profitable for Russia may also get an impetus.

Keywords: new U.S. defense strategy, containment of China, Russia, India, Southeast Asia, the Russian Far East.

A.V. BOLYATKO. The evolution of the U.S. military strategy in East Asia.

The article deals with the peculiarities of American military strategy toward East Asia, identified on the basis of a detailed analysis of the RAND Corp. Report (May, 2001) and U.S. national security strategy, published by the administration of B.Obama in 2010. The author provides an extensive factual material illustrating development of military-political situation in the region and the reaction of a number of key regional “players”, including China, on the change of the balance of power in East Asia.

Keywords: military strategy, East Asia, China, the United States, the regional situation, confrontation, dialogue.

L.E. VASILIEV. Southeast Asia: The U.S. and China from the competition to confrontation.

The article deals with the principal (including new) directions of the policies of the United States and China in Southeast Asia. After their detailed analysis, the author concludes that early transition of the U.S. and China from their latent economic rivalry in Southeast Asia to a direct confrontation in the political and even military sphere is quite probable.

Keywords: China, U.S., Southeast Asia, confrontation, cooperation.

S.V. UYANAEV. The RIC structure: prospects and some aspects of its role in the contemporary international arena.

Based on an extensive data base, the author traces the evolution of the RIC format to the format of BRIC and later on — to BRICS, considering the general features and specificity of these international institutions, focusing on the analysis of current activity RIC format. The author emphasizes that Russia's cooperation through these three establishments with important partners in Asia, and Latin America and Africa, has proved its importance and meets the basic national interests of Russia.

Keywords: RIC, BRICS, Russia, India, China.

S.I. LUNEV. The significance for India of RIC, BRIC and BRICS formats.

The paper analyzes current problems of China-India, US-China and US-Indian relations as well as interests of Russia in international structures such as RIC, BRIC and BRICS. Particular emphasis is placed on the activities of India towards and within the three international formations.

Keywords: India, Russia, China, USA, RIC, BRIC, BRICS.

L.E. VASILIEV. Some features of world powers' policies in Central Asia.

After analyzing the geopolitical situation in Central Asia as a whole, the author examines the policies of main international actors in the region (USA,

China, EU, Japan), and the countries neighboring the Central Asia's borders (Afghanistan, Iran, Pakistan), stressing the complexity of contemporary political and economic situation and the balance of forces in Central Asia.

Keywords: Central Asia, political and economic situation, the United States, China, EU, Japan, Afghanistan, Iran, Pakistan.

A.Ch. MOKRETSKY. China-CIS Relations: New Horizons for Development

After USSR has collapsed, the People's Republic of China was one of the first countries who recognized independence of the 15 new-organized (neo-genic) states and in 1991—1992 established official diplomatic relations with all of them. China adheres to a deliberate and restrained position offered by Deng Xiaoping but at the same time pursues a multidimensional policy with all CIS countries. Relations between China and Caucasus republics (Azerbaijan, Armenia and Georgia) and also between CIS European part (Belarus, Moldova and Ukraine) are being analyzed in the article.

Keywords: China, CIS, multidimensional diplomacy, mutual benefit and win-win policy, Confucius Institute.

R.K. ALIMOV. Tajik-Chinese cultural co-operation as an important aspect of the bilateral strategic partnership

Having thoroughly examined the historical retrospective of the formation of cultural ties between Tajikistan and China, as well as traced the process of the maturation of their cultural dialogue into the process of mutual civilizational enrichment, the author concludes, that the respect for cultural diversity stimulates both parties not only to find new examples of historical links, having brought the two neighboring peoples together, but also to enrich the contemporary intercultural dialogue of the two nations in order to inspire rapidly developing Tajik-Chinese relations of friendship and cooperation to strengthen and saturate themselves with new achievements.

Keywords: Tajikistan, China, Great Silk Road, Tajik-Chinese cooperation, cultural dialogue, good neighborliness, co-development.

K.V. ANTIPOV. China's Middle East policy in the context of the Syrian crisis.

The enhancement of China's policies in the Arab world and especially the growth of China's role in countering the attempts of foreign military intervention in Syria, clearly indicate that the period of strategic concessions of China's diplomacy in its relations with the West, is mostly finished. Beijing seeks stabilization in Syria and the Middle East as a whole, being guided by long-term security interests. At the same time China manages to

step up economic cooperation with all countries of the region and strengthens relations with them, despite the differences in approaches to the Syrian situation. The main trend is that China is becoming a major partner for all active forces in the Middle East. This promotes further convergence of interests of China and Russia on the international arena and enhance their practical cooperation.

Keywords: China, Middle East, Syria, Russia, the West, the U.S. intervention.

V.I. BALAKIN. China's strategy in the Arctic and Antarctic.

This article discusses a number of issues related to the problem of the international development of Arctic and Antarctic — from the appropriate legal support to the relevant activities up to the prospects of probable co-operation and the risks of the interests' clash of the main “players” in the polar areas, which may include China striving to join them.

Keywords: China, the Arctic, Antarctica, the legal regime, cooperation, resource development, strategic importance.

D.V. GORDIENKO. Assessment of the level of economic security of China and the United States in the period of global financial crisis.

The article considers the causes of the global financial crisis and its impact on the economic security of China and the United States. Approaches to providing economic security of China and the U.S. in the circumstances of the global financial crisis are also being analyzed.

Keywords: economy, the economic security of a state, the global financial crisis, assessment of the level of economic security, China, the United States.

E.I. SAFRONOVA. On the optimization of economic relations on the “SCO-Afghanistan” vector.

Having analyzed the peculiarities of internal political and economic situation in Afghanistan and the current status of political and economic relations of the country with the member states of the SCO, the author concludes, that the main way to optimize economic ties between the two sides is to establish such facilities and economic contacts, which would not only meet interests of the co-development of the parties, but also create conditions for the transition of manpower from “shady” business to the real economy sector.

Keywords: SCO-Afghanistan Contact Group, development of economic relations, economic projects, legalization of economic activities.

M.V.ALEKSANDROVA. Trade and economic relations of Jilin Province with Russia and the Changjitu Plan.

Basing on extensive recent economic and statistical data the author examines the current status of interaction between the Chinese province of Jilin and Russia in many aspects — from trade to joint ventures' establishment and investment cooperation. The author details the factors promoting and impeding the development of economic cooperation between the parties. The article is focused on the analysis of so-called Changjitu Plan, providing for the creation of a new center of economic growth in Jilin (Northeast of China), able to set an example for the innovative development of other economic regions of the PRC.

Keywords: Russia, China, Jilin, economic cooperation, center of economic growth, innovations.

V.B.KASHIN. Structural reform of the Chinese aviation industry in 2008—2012. and its penetration on the world market.

Through the example of several companies of the Chinese aviation Industry, the author traces their development trends, activities, role in the defense of the country, their current state in international cooperation and possible prospects for their further penetration on relevant global market.

Keywords: China, aviation industry, AVIC, production output, DIC, entering the global market.

R.A.MIROVITSKAYA. Sketch of the early history of Russian-Chinese relations (20-ies of the XXth century).

The article is dedicated to an interesting and still byway subject — the chronicle and analysis of then incipient relations between Soviet Russia and the Republic of China in the 1920s. This article was written on the basis of a large array of little-known archival materials.

Keywords: Soviet Russia, diplomatic relations, USSR, Republic of China, Entente, Japan.

Научное издание

**Китай в мировой и региональной политике.
История и современность**

Выпуск XVII

Ежегодное издание

Редактор-составитель *Е.И. Сафронова*
Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Корректоры *О.У. Муфаззалова, Н.Б. Потапова*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 06.09.2012.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 22,0. Бумага офсетная. Тираж 200 экз.
Заказ № 17